

ЛАД

ВОЛОГОДСКИЙ

2010 год

1 (17)

Литературно-художественный журнал

ПОКРОВСКОЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И...

В селе Покровском 20 января торжественно открылся культурно-просветительский и духовный центр «Усадьба Брянчаниновых».

- Думаю, сейчас дом стал даже красивее, чем при дедушке! - говорила Татьяна Александровна Ватсон на открытии просветительского центра. Дедушка Татьяны Ватсон - Владимир Николаевич Брянчанинов, последний владелец Покровского, внучатый племянник святителя Игнатия. Татьяна Александровна живет далеко от родины предков - в Австралии, но 20 января она вместе с сыном Михаилом специально приехала на торжественное открытие культурно-просветительского и духовного центра «Усадьба Брянчаниновых» в Покровском.

Отец Георгий ЗАРЕЦКИЙ вручил
Т.А. ВАТСОН резную икону святителя Игнатия

Храм Покрова Пресвятой Богородицы
в поместье Брянчаниновых

Здесь, кажется, всё хранит память о прошлом, о прежних хозяевах, первый из которых был пажом Павла I, а последний - кавалергардом, губернатором...

Реставраторы постарались бережно сохранить (а в большинстве случаев - и восстановить) замечательное убранство усадьбы. И дом Брянчаниновых, и липовый парк выглядят почти так же, как много лет назад

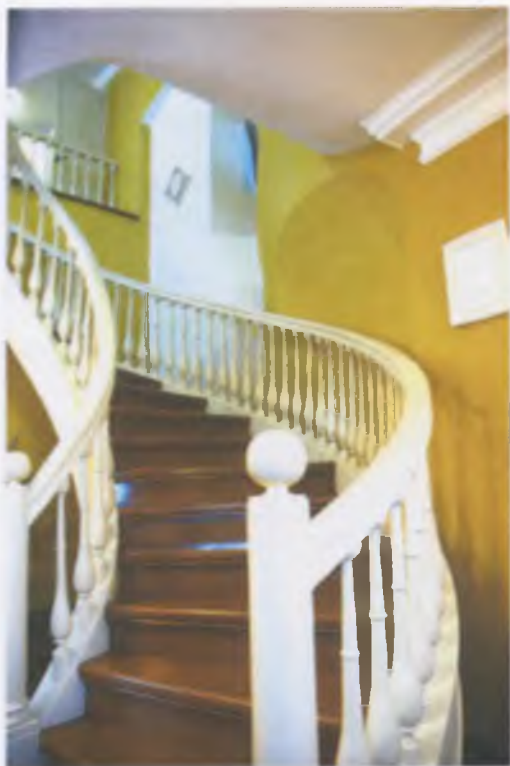

В усадебном доме выставлены пейзажи Покровского, написанные в разные годы замечательным русским художником-реалистом, членом-корреспондентом Российской академии художеств Валерием Страховым. Есть здесь, конечно, материалы по истории Покровского и семейства Брянчаниновых

Интерьер Покровского храма

Дом украшают и винтовые лестницы, и лепнина на стенах

ФОТО АЛЕКСЕЯ КОЛОСОВА И АНДРЕЯ САЛЬНИКОВА

Замечательному русскому писателю Владимиру Личутину
13 марта исполнилось 70 лет

В.В. Личутин. Фотопортрет работы А. АЛМАЗОВА

Редакция журнала «Вологодский ЛАД» вместе с читателями поздравляет Владимира Владимировича и надеется еще не раз радоваться его новым публикациям! Владимир Личутин - человек для нас родной, близкий вологжанам по духу, как и для поморской Мезени, где писатель родился, как и для Архангельска, где он делал первые шаги в литературе и журналистике. Статью о творчестве В.В. Личутина читайте на 148-й странице.

Павел КРИВЦОВ.
Мои земляки - дядя
Володя и тётя Маруся
из села Рождественка
(1980)

Когда «Вологодский ЛАД» в прошлом году начал публиковать личутинский «Сон золотой» (а до того в журнале печатались другие вещи писателя), пришел в редакцию читатель и нервно так поинтересовался: «Зачем вы архангельских-то много печатаете? Своих, что ли, мало?»

Свой - чужой - эта система, конечно, не только для военных дел необходима, но здесь-то кого распознавать? Мезенский помор Владимир Личутин, уже много лет живущий в Москве, близок читателям и почитателям российской словесности Владивостока и Мурманска, Белгорода и Санкт-Петербурга, и, конечно же, Вологды. И, конечно, не только к Личутину такое отношение. Помню, как пришла в редакцию замечательная наша художница Джанна Тундджан: «Слышала, что вы Николая Зиновьева напечатали. Как достать номер?» А прочтя подборку, опубликованную в третьем номере за прошлый год, горячо благодарила: «Это такой поэт! Такой поэт!..»

А ведь русский поэт Николай Зиновьев не в Тарногском Городке живет, а в Краснодарском крае. Но разве он не свой нам, вологжанам? Всем мы - дети одной страны, одной культуры, и без прозы Личутина, стихов Зиновьева жизнь наша будет скуднее. Как и без снимков замечательного русского фотомастера Павла Кривцова. Посмотрите на снимок его земляков - разве в наших тотемских, тарногских, верховажских деревнях нет таких милых и добрых лиц? Мы много говорим, что больна наша Родина, разобщена, и это, наверное, правильно. Но чем же лечить разобщение, как не единением? Вместе мы сильнее - и в Вологде, и в Краснодаре.

ЛАД

Литературно-художественный журнал

ВОЛОГОДСКИЙ

2010 год, №

1

(17)

Читайте в номере

ПРОЗА

Рассказы и повести
Дмитрия Ермакова,
Юрия Гришонкова,
Ольги Селезнёвой,
Анатолия Ехалова

65 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Документальные очерки
Ивана Королёва
«НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ
ЗА ФРОНТОМ»

ПОЭЗИЯ

Новые стихи Николая Зиновьева,
Василия Мишенёва,
Виталия Серкова,
Ольги Фокиной

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Рассказы Станислава Мишнева

ИСКУССТВО

Живопись Олега Бороздина

МУЗЕЙНАЯ СОКРОВИЩНИЦА

О некоторых экспонатах Кадниковского и Белозерского музеев

НОВОЕ ИМЯ

Рассказ Татьяны Масс -
череповчанки, которая живёт
в Лионе

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Альпинистский дневник
Марии Самохваловой

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Мемуарные записки
Ванды Белецкой -
о видном политике
императорской России
Степане Белецком,
Ларисы Ивановой -
о Вологде послевоенных лет

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.И. Белов, И.А. Поздняков, В.В. Касьянов, В.Д. Воробьев,
священник Александр Лебедев, С.П. Белов, В.В. Дементьев, А.В. Камкин, П.Ю. Мухин,
А.К. Сальников (редактор журнала), А.А. Рыганов

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Усадьба и храм в Покровском. Снимок начала XX века

ПОКРОВСКОЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И...

Окончание.

Начало на 2-й странице обложки.

«ЗАБАВА, ЗАБАВА МОЯ...»

Покровское, где родился великий духовный писатель святитель Игнатий (в миру Димитрий Брянчанинов), было создано в начале XIX столетия отцом Димитрия - Александром Семеновичем. А.С. Брянчанинов принадлежал к древнему дворянскому роду, закончил Пажеский корпус, служил в Александровском гусарском полку. Родители оставили ему немалое наследство, но после уплаты всех долгов остались только около 400 душ крестьян и красивое село Покровское в 28 верстах от Вологды, куда он и переехал в 1804 году.

Александр Семёнович решил создать в северной глуши маленький Версаль. И это ему удалось.

Началось строительство, как и полагается, с церкви. По рассказам старожилов, храм села Покровского был построен в 1810 году, а дом - в 1811-м.

«Вековые деревья, - пишет Леонид Соколов, автор книги о святителе Игнатии, - окружают господский дом красивой архитектуры, широкая аллея деревьев служит подъездом к его главному крыльцу». Описывая это необыкновенно гармоничное, продуманное, соразмерное здание, Леонид Соколов удивляется: «Снаружи дом производит

впечатление одноэтажного, но на самом деле в нём три этажа».

Верхний этаж занимали кабинеты и спальни хозяина и хозяйки, причем окна комнаты Александра Семеновича смотрели на село: он наблюдал за всем, что происходило в усадьбе. Усадьба была большая - 1800 десятин, находилось место не только различным мастерским и хозяйственным службам, но даже и псарне на 200 собак, и зверинцу с зайцами, лисами, волками и медведями (их держали на случай праздничной охоты для гостей).

Александр Семёнович БРЯНЧАНИНОВ

Флигель усадьбы и храм в Покровском. 2010 год

В архитектуре усадебного дома специалисты, и прежде всего искусствовед Георгий Лукомский в своей знаменитой книге «Вологда в её старине», видят руку очень даровитого зодчего; есть даже предположения, что проектировал дом один из учеников великого русского архитектора Матвея Казакова. Но это только гипотеза. В семье же Брянчаниновых существует предание, что основные архитектурные идеи принадлежат Александру Семеновичу. Он всю свою немалую энергию, весь свой талант направил на обустройство

усадьбы, и она была ему очень дорога.

Леонид Соколов пишет, что «в год наполеоновского нашествия Александр Семенович почасту с грустью смотрел на свой отстроенный заново дом, сидя в кресле против устроенной со стороны сада террасы, загадочно говорил: «Забава, забава моя, кому ты достанешься?» Воевать бывший гусар Брянчанинов готовился всерьёз. «Александр Семенович, - указывает Соколов, - воодушевил тогда свою значительную крепостную дружину и, независимо от жертв своих на общерусское дело, устроил из своего имения маленькую крепость с достаточным количеством оружия и даже пушек и мортир...».

Прелестным называл Покровское Георгий Лукомский, с восхищением описавший имение Брянчаниновых, замечательный парк с липовыми аллеями, которые то сходятся в одно место, то расходятся, переплетаясь, чтобы снова вывести путника на развилку... Был здесь и грот, и множество цветочных клумб, и фруктовый сад, и огород, устроенный очень умно - на открытом склоне, расположенном так, чтобы солнечные лучи ничего не загораживало. Были здесь и оранжереи, и пруды, изобилующие рыбой... Были, кстати, и разнообразные мастерские, и хозяйственные постройки.

София Афанасьевна БРЯНЧАНИНОВА. Фотография портрета, написанного её сыном Михаилом в 1829 г.

МОЛИТВА И БОГОМЫСЛИЕ СВЯТОГО ОТРОКА ДИМИТРИЯ. Клеймо иконы «Святитель Игнатий в житии». Иконописец А. Козлов

ОТ ДИМИТРИЯ К ИГНАТИЮ

Среди этого дивного изобилия, среди рукотворенных красот мальчик Митенька, родившийся 5 (18) февраля 1807 года, с детства предавался не веселым играм, а размышлениям о смысле жизни, о Творце и творениях, о судьбах мира, о жизни и смерти человека. Ему было близко монашество, хотя семья ждала от него совсем не этого. Димитрий был старшим из девяти детей Александра Семеновича и Софии Афанасьевны (родилось у них 16 детей, причем двое еще до Димитрия, но они умерли во младенчестве, как и еще пятеро, родившихся позднее). Знатный вельможа готовил первенца к успешной военной и придворной карьере. Учителей Димитрию, как, конечно же, и всем другим детям, привозили из Вологды, и это были лучшие педагоги. Некоторые преподаватели жили в Покровском, конечно, тоже отличные специалисты. Кстати, учили Брянчаниновы не только собственных детей, но и крестьянских: Александр Семенович устроил в Покровском приходское двухклассное училище, в котором обучалось до 50 местных ребятишек.

К пятнадцати годам Димитрий знал в совершенстве пять языков, включая латинский и древнегреческий. В этом возрасте отец повёз его поступать в сто-

личное Главное инженерное училище, сочтя, что там сын получит то воспитание и образование, которые позволят ему сделать блестящую карьеру. Генерал-инспектором училища был великий князь Николай Павлович, впоследствии - император Николай I, он сразу отметил таланты юного Брянчанинова, но Господь уготовал Своему подвижнику не военную стезю, а совсем иную... Офицер Димитрий Брянчанинов ушел по болезни в отставку, родители отказали ему в помощи, но он и не просил у них ничего. Вслед за своим духовным наставником, преподобным Леонидом (в схиме Львом), одним из первых Оптинских старцев, жил в нескольких монастырях, в том числе и в Оптиной пустыни.

Суровые условия жизни расстроили его и без того слабое здоровье. В 1829 году родители, узнав о бедственном состоянии сына, прислали за ним экипаж. Тяжкая болезнь Димитрия смягчила родительские сердца, его приняли в Покровском, всё-таки надеясь, что тяга к монашеству - юношеская прихоть и со временем пройдет. Не прошла... Да и как может променять человек зов Христа на любые почести мира сего!

Приехав однажды на воскресную Литургию в вологодский кафедральный собор Воскресения Христова, Брянчаниновы стали свидетелями монашеского пострига старшего сына. Димитрий стал Игнатием. И хотя наречен был молодой монах во имя святого мученика первого века Игнатия Богоносца, вологжанину не может не слышаться здесь отзвук имени преподобного Игнатия Прилуцкого. Вот так будущий святитель Игнатий, во Святом Крещении получивший имя одного вологодского святого, в постриге принимает имя другого. Оба они монахи, оба - благородного происхождения...

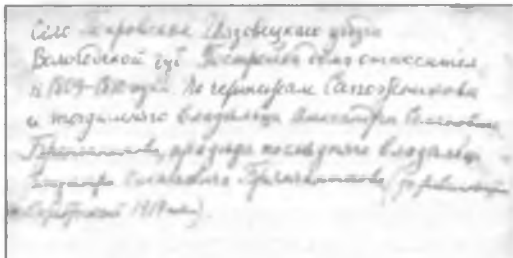
С той поры жизнь старшего сына Александра Семеновича Брянчанинова протекает вдали от Покровского. Однако любовь к тому месту, где он вырос, где впервые почувствовал призыв Господа послужить Ему, святитель Игнатий сохранял всю жизнь. В воло-

Семья Брянчаниновых в Покровском. 1910-е годы

годском музее-заповеднике сохранилось письмо Димитрия родителям из училища, там он делает набросок архитектурной детали усадебного дома, может, этот купол и сделан по юношескому наброску будущего святого, как знать... Тема Покровского то тут, то там проявляется в его «Аскетических опытах», а «Кладбище» прямо рассказывает о месте упокоения многих Брянчаниновых.

На этом кладбище похоронены и родители святителя Игнатия. Софию Афанасьевну в 1832 году здесь отпел старший сын, к тому времени ставший игуменом, строителем Григориева Пельшемского Лопотова монастыря. София Афанасьевна к концу жизни совершенно примирилась с тем, что её первенец Димитрий стал монахом Игнатием. Как пишут авторы «Полного жизнеописания святителя Игнатия Кавказского», «она не знала, как благодарить Бога, сподобившего её счастья видеть своего первенца принятым Царем Царствующим, Господом, Творцом и Спасителем нашим в услужение

Эту надпись на обороте фотографии усадьбы в Покровском В.Н. БРЯНЧАНИНОВ сделал в конце жизни, когда вместе с женой жил в доме для престарелых под Парижем

Ему священноиноческое, тогда как раньше почитала это великим для себя несчастьем и горем».

С тех пор святитель Игнатий в Покровском не бывал, но память о нем хранил в сердце.

Александр Семенович Брянчанинов скончался в 1875 году. Ему к тому времени было 90 лет, он пережил почти всех своих детей. Его надгробие и сейчас стоит над могилой строителя Покровского, а вот надгробие его жены, хотя и сохранилось частично, стоит не на том месте, где когда-то было установлено. В советские време-

В.Н. БРЯНЧАНИНОВ, кавалергард

на некоторые могильные памятники были зачем-то сняты со своих мест и свалены в одну кучу; в начале XXI века их разобрали, аккуратно установили, но найти точное место захоронений сейчас уже вряд ли возможно.

Усадьба почти в первозданном виде сохранилась до самого 1917 года. Правда, от прежних почти двух тысяч десятин к этому времени осталось около трети, но и дом, и парк поддерживались в отличном состоянии. Мало того, когда в 1910 году скончался Александр Семенович Брянчанинов-младший (племянник святителя Игнатия), не оставив сына-наследника, на семейном совете было решено передать Покровское внучатому племяннику святителя Игнатия Владимиру Николаевичу Брянчанинову, который вырос под Псковом. Ценность Покровского понимали все представители семьи, и они очень хотели сохранить эту классическую русскую усадьбу.

Владимир Николаевич был видным государственным деятелем, одно время - губернатором Архангельска и приезжал на Вологодчину с семьей только на лето, но порядок в имении поддерживал. У него сложились отличные отношения с местными жителями, это и спасло его с женой и двумя дочерьми, Катей и Наташей. В 1918 году крестьяне пришли к Владимиру Николаевичу и сказали, что через день из Грязовца приедут чекисты его арестовывать и защитить его они не могут, как бы ни хотели. Помогли собраться, посадили на поезд...

Надеялись ли они вернуться? Очень! Татьяна Ватсон хорошо помнит рассказы бабушки об этом дивном месте, о святителе Игнатии, которого все члены семьи очень почитали... Но с каждым годом эти рассказы приобретали для неё всё более легендарный характер. Сама она, уже живя в Австралии, даже не знала, сохранилась ли бабушкина усадьба, помнят ли в России великого духовного писателя - её предка. И ей очень хотелось узнать об этом хоть что-нибудь.

МОЛИТВА - НАЧАЛО ВСЕМУ

Торжественное открытие центра «Усадьба Брянчаниновых» началось с молитвы: на родовом кладбище Брянчаниновых была совершена заупокойная лития в память о родителях святителя Игнатия - Александре Семеновиче и Софии Афанасьевне Брянчаниновых, о последнем владельце Покровского Владимире Николаевиче Брянчанинове, о всех представителях этого славного рода.

Потом в усадьбе был совершен молебен на освящение дома. Настоятель Покровского храма иерей Георгий Зарецкий, благочинный монастырей епархии игумен Дионисий (Воздвиженский) - наместник Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря, ректор Вологодского православного духовного училища протоиерей Алексей Сорокин, благочинный Центрального округа протоиерей Анатолий Балясин, настоятель Вознесенского храма в Соколе, молились о даровании дому,

славному своим прошлым, не менее славного будущего.

- Уникальность этой усадьбы порождает особую атмосферу, здесь люди будут чувствовать себя частью великой истории, великого государства, - считает первый заместитель Губернатора Иван Анатольевич Поздняков. - Тот духовно-нравственный потенциал, что был заложен здесь нашими предками, сейчас будет раскрываться.

Иван Анатольевич поздравил Татьяну Александровну Ватсон и её сына Михаила с этим замечательным событием:

- Когда Татьяна Александровна в далекие 80-е годы приехала сюда впервые, я думаю, даже в мечтах она не могла представить такого замечательного финала. Да и мы не верили... На трудном пути восстановления усадьбы, который насчитывает многие годы, объединились люди, понимающие свою ответственность за уникальность этого места, уникальность его роли в нашей жизни. Здесь, на культурной почве вологодской истории, вокруг православных традиций будет создан культурно-просветительский и духовный центр. Конечно, усадьба будет играть большую роль как паломнический православный центр.

Иван Анатольевич вручил Татьяне Ватсон фотоколлаж, рассказывающий о восстановлении усадьбы.

Татьяна Александровна родилась в Чехии, в 16 лет вместе с родителями из разрушенной послевоенной Австрии перебралась в Австралию. О России она только слышала - и об епископе Игнатии (он еще не был прославлен, конечно), и о дивном Покровском. По нескольким фотографиям и рассказам мамы и дедушки с бабушкой Татьяна представляла себе сказочной красоты место, которого, она была уверена, нет уже на земле. И вот в начале 90-х с Ватсонами знакомится русский капитан (муж Татьяны Александровны тоже был моряком), они подружились. Ватсоны рассказали русскому другу о своей мечте - Покровском. Нельзя ли попробовать выяснить, что там, как? Мало надежды, что сказка уцелела, но хотя бы узнать точно судьбу... Капитан живет в Санкт-Петербурге (или еще Ленинграде тогда), он совершенно не знает ничего о Покровском, но обещает побывать там. Слово русского моряка не может быть не исполнено. Капитан узнаёт, где примерно находится Покровское, садится в свою машину, и приезжает сюда, и пишет о своей поездке в Австралию...

В то время в Покровском уже много

Первый заместитель губернатора Иван Анатольевич ПОЗДНЯКОВ выступил на торжествах по случаю открытия центра «Усадьба Брянчаниновых»

лет размещался туберкулёзный санаторий. Его открыли здесь в двадцатые годы и назвали «Октябрьские входы».

Думаю, пациенты санатория ощущали красоту этого места, и уж не знаю, как она влияла на процесс их излечения, а вот на поведение очень даже влияла: гармоничность окружающей среды не может не оказывать влияния на души человеческие. Может, потому и разрушения особым ни парк, ни усадьба не подверглись... В восьмидесятые-девяностые директором здесь был Александр Павлович Тарасов, человек необыкновенно деятельный, чуткий к прекрасному, любитель русской истории. К этому времени Покровское уже стояло на учете как памятник архитектуры, и Александр Павлович, заинтересовавшись историей усадьбы, всеми силами поддерживал парк, сохранял дом. Он мечтал возродить храм, который волею судьбы оказался вне санаторного владения, а значит, и без заботы. Однако не успел: в середине девяностых в расцвете лет Александр Павлович неожиданно скончался. Заботиться об исторической усадьбе продолжают его жена Людмила Степановна, дочь Ольга и её муж Павел.

Татьяна Александровна Ватсон успела познакомиться с Александром Павловичем, когда в 1994 году вместе с мужем Доном приехала в Вологду. Дон неизменно помогал жене в поисках, поддерживал её стремление побывать на родине, и это, несмотря на то, что он - англичанин, по-русски не говорил, как и четверо их детей. К сожалению, несколько лет назад Дональд Ватсон скончался, и знавшие его вологжане скорбят по Дону Ивановичу - так звали здесь этого очень жизнерадостного, активного человека.

- Никогда не забуду, - вспоминала Татьяна Ватсон на открытии центра «Усадьба Брянчаниновых», - как в свой первый приезд увиделась с владыкой Максимилианом. Он очень мило встретил меня и моего мужа и устроил нашу поездку в Покровское. У него было мало времени, и он сказал, что заедем только на полчаса. Я подумала: пусть будет полчаса, хотя бы уви-

жу это место. В Покровском нас встретили Александр Павлович и Людмила Степановна Тарасовы, и мы пробыли в имении целый день вместо получаса. Даже не передать, какими тогда были мои чувства, просто сердце сжалось! И я поняла, что это моя родина и надо помогать, как могу. С тех пор я бываю здесь каждый год, в 2007 году, юбилейном для святителя Игнатия, была три раза. Останавливаюсь в бывшем доме священника, что рядом с храмом.

Домик этот Татьяна Александровна купила, точнее, то, что от него осталось. Дом священника в советские времена распили пополам и половину увезли. Оставшуюся часть использовали по-разному, в последние годы перед закрытием санатория - как магазин. Так что купила австралийская наследница Брянчаниновых скорее магазин, чем полноценный дом. Здесь тесновато и не очень тепло в холода, но Татьяна Александровна рада, что у нее есть свой угол на родине.

Татьяна Александровна стала помогать восстановлению храма, который к тому времени остался без хозяина и без крыши. Именно на деньги внучки последнего хозяина усадьбы устроили кровлю, а потом понемногу, насколько хватало возможностей, начали восстанавливать церковь.

Толчком для восстановления усадьбы стали визиты Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Вологду в 1992 и в 2007 годах. К последнему визиту Святейшего усадьбу привели в порядок, построили храм. Патриарх Алексей был очень рад изменениям: «Когда я был здесь впервые, мы по двум досочкам проходили. Никакого сравнения с тем, что есть сейчас!»

Реставрация усадьбы в Покровском шла больше десяти лет. Последние три года её вела фирма «Электра».

- Наверное, не всегда мы вбиваем в стену гвоздь того времени, когда строилась усадьба. Но используем точно такой же, - говорил Константин Смирнов, руководитель фирмы.

Принцип понятен: стараться делать так, как было, или лучше. Очень дово-

лен работой «Электры» главный архитектор проекта реставрации Сергей Борисович Куликов:

- Мы нашли замечательных партнеров. Они работали в сложных условиях, в сорокаградусные морозы, шаг за шагом приближая этот день, - говорил Сергей Куликов на торжествах по случаю открытия духовно-просветительского центра. - Соединение духовного и материального начала в усадьбе будет привлекать и людей с интересом к истории, и с интересом к духовным традициям нашей страны.

Но «Электра» пришла в Покровское только в 2005 году. А что было до того, вспоминается как страшный сон. Помню, в редакцию «Красного Севера» пришли две женщины, которые реставрировали здесь лепнину: «Помогите, надо что-то делать! Ведь разрушается усадьба, в одном месте залатываем, а в десяти - всё разваливается, уничтожается...»

О том же примерно времени, второй половине девяностых, рассказывала и Татьяна Александровна Ватсон:

- К моему ужасу, в 1996 году, когда начали ремонт, с крыши упала огромная балка, и в полу образовалась дыра. Я подумала, что теперь никто ничего делать не будет. Я думала, это конец Покровского... Но наступил 1997 год, когда отмечали 850-летие Вологды, городу тогда были выделены большие деньги, и часть их пошла на ремонт Покровского.

Ремонт продолжался много лет, но, посмотрите, как чудесно восстановили усадьбу! Я благодарна Губернатору Вячеславу Евгеньевичу Позгалёву, архиепископу Максимилиану и всем, кто поддерживал Покровское, участвовал в реставрации. Счастлива, что все вместе мы сохранили это чудесное место! Я уверена, что здесь с нами мои предки, в том числе мой дедушка Владимир Николаевич Брянчанинов, прах которого мы привезли сюда из Франции в 2006 году и захоронили на кладбище в Покровском. Усадьба Брянчаниновых - святое место, надо его уважать и любить.

Храм реставрировала Церковь, с помощью Татьяны Александровны.

Протоиерей Анатолий БАЛАСИН сказал краткую проповедь после освящения усадьбы

Очень много сделал архиепископ Максимилиан. Он и за ходом работ на усадьбе следил, и старался найти благодетелей для восстановления храма. Немало сил вложил в Покровское настоятель вологодского храма святого благоверного князя Александра Невского протоиерей Андрей Пылёв, этот приход давно взял на себя духовное окормление Покровского. И сейчас, кстати, настоятель Покровского храма - иерей Георгий Зарецкий, священник Александро-Невского храма.

Настоятель Покровского храма иерей Георгий Зарецкий преподнес Татьяне Александровне резную икону святителя Игнатия.

- Вчера мы с вами праздновали Крещение Господне, - сказал священник. - Это событие в жизни Спасителя, после которого Он вышел на общественное служение. А сегодня Покровское в какой-то степени выходит на общественное служение. Тот духовно-нравственный потенциал, который здесь заложен нашими предками, сейчас должен будет раскрываться.

Известный французский архитектор и искусствовед XIX века Эжен Эммануэль Виоле-ле-Дюк говорил так: «Русское искусство было искусством пре-

имущественно религиозным. Оно развивалось и распространялось вместе с религиозным чувством. Но религиозное чувство в России было и остается еще и теперь тесно связанным с любовью к стране и своей родной земле».

Это на самом деле так. Религиозное чувство не может быть оторвано от чувств патриотических, любви к нашей малой родине, к предкам, память которых мы сегодня почтили заупокойным молитвословием и тем молитвословием, которым мы призывали благословение на этот дом. Все это говорит, что религиозное чувство неотъемлемо от человека, где бы он ни находился - в храме или в доме. Молиться и воспитывать нравственные чувства можно и должно и в храме, и в доме.

Я хотел бы напомнить слова святителя Игнатия о вере: «Вера - это единственное условие любви, покорности и терпения, которыми утверждается и на которой покоится всякая законная власть». Другими словами, вера - основание всякого разумного человеческого общества, основа Богом данного порядка. Только с верой можно эту усадьбу развивать, украшать....

Главный архитектор проекта реставрации усадьбы Сергей Куликов вместе с директором реставрационного центра «Электра» Константином Смирновым вручил символические ключи от усадебного дома Татьяне Ватсон, руководителю дирекции по реставрации и использованию памятников истории и культуры в Вологодской области Светлане Калатановой и настоятелю Покровской церкви иерею Георгию Зарецкому.

Перед гостями выступили заслуженный артист России Всеволод Чубенко, камерный мужской хор областной филармонии под управлением Альберта Мишина, студент Вологодского музыкального колледжа Эдуард Томилин и участники литературной студии «Вдохновение» Вологодского детского дома им. В.А. Гаврилина. Наш журнал рассказывал о стихах воспитанников гаврилинского детского дома, которые

появились под впечатлением фоторабот архиепископа Максимилиана. Как же приятно было им увидеть воочию красоту древней усадьбы!

Для гостей Покровского провели экскурсию по дому. Здесь выставлены материалы по истории рода Брянчаниновых. Посетители могут увидеть также выставку фоторабот архиепископа Вологодского и Великоустюжского Максимилиана, посвященных Покровскому, и картины известного русского живописца-реалиста, заслуженного художника России, члена-корреспондента Российской академии художеств Валерия Страхова.

Сюда уже давно регулярно ездят туристы и паломники, особенно активно - с 2007 года, после визита Святейшего Патриарха, когда об окончании реставрации много и подробно рассказывали и наши, и центральные СМИ. Тогда народ решил своими глазами посмотреть на это чудо, вот с тех пор и едут. Тем более что уже несколько лет в Покровское ведёт отличная асфальтированная дорога - спасибо областным властям! Уже забыты прежние времена, когда проехать сюда весной и осенью можно было только на тракторе или на вездеходе...

Появилась дорога - и сразу начали сюда ездить люди. И это, несмотря на то, что в Покровском до нынешнего времени можно было только в парке погулять, в храм зайти помолиться, с апреля здесь начинаются регулярные богослужения. Теперь, с открытием центра, можно заглянуть в усадьбу, экскурсовод проведёт по дому, всё расскажет и покажет.

Экскурсии не единственное, чем намерен заниматься центр «Усадьба Брянчаниновых». В его планах - проведение научных конференций (Игнатьевские чтения, например, вполне могут из Грязовца переехать на родину святителя Игнатия), выставок, вечеров.

Так что жизнь Покровского продолжается... Да и может ли быть иначе: святыня не должна быть под спудом.

Андрей САЛЬНИКОВ

Участники поэтической студии «Вдохновение» детского дома № 1 имени Валерия Гаврилина были очень рады побывать в Покровском, которое они видели прежде только на фотографиях архиепископа Максимилиана

Сувенирные колокольчики приготовлены для посетителей Покровского

Изящные конские головы украшали усадьбу ещё при А.С. БРЯНЧАНИНОВЕ

ФОТО АВТОРА И АЛЕКСЕЯ КОЛОСОВА

БОГ НЕ СПРАВЕДЛИВ. ОН МИЛОСТИВ

Священник Александр ЛЕБЕДЕВ

отвечает на вопросы
о Боге, вере и Церкви

У меня умерла в самом расцвете сил единственная дочь. Как мне дальше жить?

Попробуйте прочитать до конца, не обижаясь на то, что ответ вроде бы не на ваш вопрос.

Когда-то, лет десять тому назад, мне пришлось заниматься делом, на которое я теперь едва ли отважусь, - я искал деньги: обзванивал организации, беседовал с людьми, пытался объяснить пользу того дела, на которые собирались средства. Поговорил я с многими людьми, и от одного потенциального «донора» услышал следующее: «Знаете, я, может быть, и помог бы Вам, но есть у меня такое свойство - я испытываю стресс каждый раз, когда расстаюсь с деньгами. Неважно, с большими или малыми, теряю ли я их или что-либо на них приобретаю - хоть и в разной степени, но каждый раз стресс испытываю». Я поразился, потом попытался понять - почему? И понял: у человека несколько искажено отношение к деньгам. Ведь деньги - это средство для достижения чего-либо, их призвание - быть потраченными, сами по себе они ценности никакой не представляют. На необитаемом острове миллионер не будет чувствовать никакой пользы от своих денег, потому что их не на что потратить. Так что нельзя привыкать к деньгам, нужно уметь расставаться с ними, помня, что они лишь на короткое время наши, а затем неминуемо мы с ними должны расставаться.

Не только деньги, но и всё, чем мы владем в нашей жизни, временно дано нам Богом, мы - лишь распорядители Его собственности. Ничто на земле не может считаться

стопроцентно нашим, во всем мы лишь совладельцы с Богом, об этом нужно помнить. Даже люди, нас окружающие: наши родные, близкие, дети - они лишь в какой-то мере наши, собственные, лишь на какое-то время Господь даровал нам возможность быть с ними. Утрата близких всегда тяжела, но она становится многократно тяжелей, если человек привык к ним относиться как к некоей своей собственности. Я скажу вещь жестокую, но, думаю, правдивую: большая часть проливаемых слез на могилах наших родных и близких - это слезы не о них, а о нас самих. Мы стали одиноки, мы лишились какой-то радости в жизни, нам от этого больно, мы себя жалеем и о себе плачем. Мы испытываем стресс оттого, что чего-то лишились. Другая же часть слез - от того, что некого больше любить. Близкий человек умер, а любовь к нему осталась, и эта любовь приносит мучения, поскольку остается неразделенной. Отсюда и уныние, часто - затаянное, и вопрос - зачем дальше жить?

Чтобы смягчить боль потери, нужно постараться понять, что наши дети - они на самом деле не наши, а Божьи. Это Он дал нам ни с чем не сравнимый, неоценимый, исполненный радости дар - детей. Можно роптать на то, что дар этот временный, а можно благодарить Бога за то, что он у нас вообще был. Поэтому первый мой совет - постараться искренно поблагодарить Бога за то, что Он дал нам возможность (трудно сказать, чем заслуженную) иметь на протяжении какого-то времени источник радости и любви рядом с собой. Всем известны слова: «Бог дал, Бог и взял», но мало

кто знает, кому они принадлежат, и мало кто знает продолжение этой фразы. Слова эти произнес праведный Иов, потеряв разом всё свое имущество, всех слуг и детей: «Наг я вышел из чрева моей матери, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял», - но затем продолжил: «Да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1, 21). У человека погибли разом все дети, а он говорит: слава Богу! Не сошел ли он с ума? Нет, он как раз увидел, оценил тот дар, которым обладал, осознал, что за это есть Кого благодарить. Так получается, что мы начинаем что-то ценить, лишь потеряв это. Пусть так, но уж лучше потеряв благодарить Бога, чем не благодарить Его вовсе.

А второй мой совет - молиться. Человек умер, а любовь к нему жива и, как всё живое, требует реализации. Величайшее благо - то, что с приходом смерти человек не умирает. Жизнь его изменяется, и очень значительно, но продолжается - душа человека бессмертна. И любовь наша к усопшему выражается в заботе о его душе, в молитве за нее. Молиться нужно, потому что все мы грешны, и каждому из нас предстоит суд, и на этом суде будут приняты во внимание все деяния человека, и в том числе и свидетельства о нем. Наша молитва - это как раз свидетельство об усопшем и ходатайство пред Богом о помиловании его. Особое значение молитвы за усопших имеют оттого, что сама душа уже ничего не может положить на ту чашу весов, где собраны ее благие дела, а мы, живые, - можем. А значит - должны. Так что со смертью близких наша собственная жизнь приобретает новый смысл.

Если человек осознает это, то он поймет: что ему делать и как дальше жить.

Знаете, иногда так устанешь от лжи, лицемерия, обид, унижений, да не столько за себя - за страну обидно. Так хочется, чтобы кто-нибудь навел порядок, так хочется справедливости. Говорят, на земле ее нет, а некоторые говорят, что нет ее и выше. Мне не хотелось в это верить, а тут

недавно услышал, как один верующий человек с придыханием рассказывал историю о так называемом «благоразумном» разбойнике: он-де перед смертью несколько слов сказал и первым в рай попал. И я понял, что справедливости нет и на небе. Разве так можно: всю жизнь грабить и убивать, а потом - раз, раньше всех остальных по-настоящему хороших людей, - в рай?

Ваши чувства понятны. То, что произошло на Голгофе, на одном из трех крестов - справа от распятого Христа, поможет понять более внимательное чтение евангельского повествования. Известно, что в рай просто так, с наскака, не попадешь. Известно также, что человеческое слово может обладать большой силой. Так какова же должна быть сила произнесенных разбойником слов, чтобы они в глазах Божьих перевесили всю его беспутную жизнь?! Из каких глубин души они должны были родиться?! Попробуем разобраться.

Священник, который еще до введения моратория на применение в нашей стране смертной казни духовно окормлял смертников, протоиерей Глеб Каледа, писал, что приговор выносится одному человеку, а исполняется над совершенно другим, правда, с тем же именем и фамилией. Настолько сильно человек меняется перед лицом смерти. Мне кажется, такое внутреннее перерождение пережил на кресте благоразумный разбойник. Евангелисты говорят, что распятые с Христом разбойники поносили Его, но затем с одним из них произошла перемена - он каким-то непостижимым образом увидел в распятом рядом с ним избитом, заплеванном, униженном, умирающем «смертнике» Бога, Чье величие превосходит разум человека. Не удивительна ли такая сила веры разбойника?

Кроме того, он явил и любовь к Богу. Часто говорят, что сейчас невозможно выполнять заповеди - мол, жизнь такая пошла. А вот распятый на кресте разбойник, которому жить оставались считанные минуты, на-

шел возможность выполнить самую важную заповедь - «Возлюби Господа Бога твоего». Кажется, он никак не мог проявить эту любовь - что может сделать приколоченный ко кресту человек? Однако он попытался хотя бы словесно защитить Христа от поношений другого разбойника. Единственное, что он мог сделать - он сделал. Нашел силы в нечеловеческих муках думать не о себе, а о другом. Такова была сила его любви к Богу.

Наконец, достойны внимания слова, обращенные разбойником ко Христу: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое». Разбойник понимал, что рая он недостоин. «Что ж, если не я сам, тогда хотя бы воспоминание обо мне может проникнуть в рай. Быть рядом с Тобой я недостоин, но хотя бы вспоминай обо мне - мне этого будет довольно», - такова была надежда разбойника на милосердие Божие.

Получается, что в предсмертных мучениях разбойник сумел проявить веру, надежду и любовь - главные христианские добродетели. За то и удостоился рая.

Вы говорите, что это несправедливо.

Да, несправедливо, - с нашей, человеческой, точки зрения. Но у Бога, видимо, другой способ измерения человеческих качеств, в Его глазах внутренние переживания человека могут быть весомее его поступков. И, конечно же, Он не справедлив - Он милостив. И если по отношению к разбойнику эта милость нас возмущает, то по отношению к себе, родимому, никто из нас от этой милости не откажется. Ни один нормальный, вменяемый человек не скажет: «Господи, ничего из моих грехов мне не прощай, за всё накажи беспощадно». Так давайте не будем придерживаться двойных стандартов и позволим Богу быть милостивым ко всем.

Тогда, возможно, исчезнет недоумение: «Что же, можно всю жизнь грабить и убивать, а потом сказать: «Помяни меня, Господи» - и в рай? Как-то слишком удобно. Грехи сколько хочешь - всё равно есть запасной выход?»

Прежде всего напомним, что не слишком удобно разбойник в рай попал. Такую веру, надежду, любовь, да еще и полное осознание своего греха, как у него, мало кто из нас способен проявить в обычной спокойной жизни, что уж говорить о предсмертных экстремальных условиях. Это будет нам не по силам. Не надо обманываться: кто не смог поднять пудовую гирию, конечно же, не поднимет и двухпудовой. Это раз. А во-вторых, у разбойника был единственный шанс обратиться к Богу, и он этот шанс использовал, не упустил. А сколько в нашей жизни было упущенных возможностей обращения к Богу, исправления своей жизни? Так что в «разбойничью» схему спасения мы явно не укладываемся. А если сознательно грешить будем, то и подавно не уложимся.

Заканчивая о благоразумном разбойнике, отвечу еще на один часто задаваемый вопрос: «Он как-то не вписывается в стандартные представления о праведности и святости. Кстати, он святой? Канонизирован? Кем и когда?»

Канонизация - это признание Церковью какого-либо своего усопшего члена входящим в число угодников Божьих, несомненных жителей рая. Православная Церковь - соборная, поэтому канонизация осуществляется собором: либо малым - синодом, либо архиерейским или поместным. Что касается разбойника, то он почитается в числе святых, хотя и не канонизирован ни одной православной поместной Церковью. Здесь решающее значение имеют слова Христа, обращенные к нему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 43). Что касается нестандартности провозглашения Христом святости разбойника - согласен, это так. Но и все остальные дела и слова Христа были далеко не стандартными, да и от нас он требует, чтобы мы были «не такими, как все».

Зачем в Православии заведена система «специализации» святых: одним молятся о семейном благополучии, другим - о помощи

в пути, третьим - в болезнях и так далее. Почему? Разве они все не равны перед Богом?

Равенство перед Богом не означает абсолютной схожести между собой. Существующая «специализация» святых становится понятнее, если мы будем воспринимать стремление к святости не как сведение всех людей к одному, пусть и весьма хорошему, знаменателю, не как впихивание в прокрустово ложе через нивелирование индивидуальных особенностей, а как служение Богу всеми дарованными Им талантами. Тогда становится понятно, что святые - люди разного времени, разного рода жизни - имели разные личные, психологические особенности, и не отсекали их, а использовали в деле служения Богу и ближним. Как о каждом человеке, так и о святом можно сказать, что он имел свой особый характер. Имел и, думается, имеет и сейчас. Поэтому мы надеемся, что святые, попадавшие в жизненные ситуации, подобные нашим, испытывавшие лично на себе то, что выпадает на нашу долю, будут отзывчивы на наши молитвы. «Рыбак рыбака видит издалека», и поэтому рыбаки просят молитвенной помощи у апостола Андрея (он был рыбаком), воины - у великомученика Георгия Победоносца, врачи - у великомученика и целителя Пантелеимона... и так далее.

Несколько иначе обстоят дела у студентов - они почитают своей покровительницей мученицу Татиану, потому что в день ее памяти - 12/25 января 1755 года был подписан указ об учреждении первого в России университета - Московского. Надо сказать, что это не было случайностью: влиятельный вельможа Иван Ивано-

вич Шувалов подал на подпись императрице Елизавете Петровне указ об учреждении Московского университета именно в день, когда его мать праздновала именины.

Подобным образом особо почитают великомученицу Варвару воины, связавшие свою службу с ракетными войсками, - указ об образовании РВСН был подписан 17 декабря 1959 года - в день памяти этой святой. Здесь совпадение кажется случайным - вряд ли к этому событию была причастна какая-нибудь конкретная Варвара, время было советское, атеистическое. Наверное, случайно - на наш, человеческий взгляд. Но раз нам это не открыто, то и ломать голову, отчего Варвара, а не, скажем, Поликсения, вряд ли стоит.

Если мы познакомимся с житием Преподобного Сергия Радонежского, то поймем, почему ему молятся в случаях затруднений в учебе - в отрочестве он сам испытывал такие затруднения, однако с помощью Божией преодолел их.

У мучеников просят помочь научиться терпению, у преподобных - внимательному отношению к своей жизни, у нестяжателей - побороть жадность...

Нужно просто стараться узнавать о святых, читать их жития, тогда и молитва наша к ним будет осмысленной, а значит, более успешной. Ведь мы по-разному обращаемся с просьбой к знакомому или же к незнакомому человеку: разными словами, с разной степенью надежды и доверия. Так и в молитвах: чем больше мы знаем о святом, тем с большей надеждой и с большей верой к нему обращаемся. А «надежда не постыжает» (Рим. 5, 5).

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

**ДМИТРИЙ
ЕРМАКОВ**

Дмитрий Анатольевич Ермаков родился в Вологде в 1969 году, долгое время активно занимался спортом, работал тренером. Член Союза писателей России, автор двух сборников прозы, лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина «Светлые души». «Вологодский ЛАД» не раз печатал прозу Дмитрия Анатольевича и его критические статьи.

Уже неделю от Серёги нет звонков. И на звонки Олега один ответ: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Раздражало то, как бездарно, скучно проходят дни отпуска.

А ведь договаривались, ведь знает, что отпуск у Олега уже начался. Пора уже в путь-дорогу - они наметили сплавиться на резиновой лодке по лесной речке в отдалённом районе области.

Деньги на телефоне кончились, и нет возможности заплатить? Не похоже на него, у Серёги деньги всегда есть. Влюбился, загулял? Ну, если бы так - хорошо, давно пора, но всё равно позвонил бы. Заболел? Ввязался в какую-то авантюру?..

«Надо ехать», - принял решение Олег Рогов и в тот же день купил билет до областного центра, где жил его друг, можно сказать - брат, Сергей Хомутов.

Долго ли собратиться одинокому двадцатипятилетнему мужику, к тому же бывшему детдомовцу... Предупредил по телефону недавнюю подругу Ольгу и вскоре уже ехал в рейсовом автобусе.

От жары приоткрыли окна и люк в потолке. Ветер трепал волосы и холодил лицо.

И Олег отчётливо вспомнил это чувство - ветер в лицо... Серёга подбил на побег. Да это и не побег был, не собирались они совсем убежать из детдома. То была экспедиция. Серёга где-то что-то вычитал о легендарной библиотеке Ивана Грозного. Незадолго до этого возили их всем классом в Вологду. Были они и на Соборной горке, где стоит памятник поэту Батюшкову. Вот в недрах этой-то горы, убеждал Серёга, и схоронена либерия Палеологов... На ночной дороге тормознули грузовик. Водителем оказался молодой свойский парень. Велел в кузов прыгать. Как ехали они тогда! Как ветер бил в лицо, наполнял грудь! То был ветер свободы и приключения.

На въезде в город шофер высадил их, дальше пешком добирались. День отсиживались в кустах у речки, сбегали только на рынок, пирогов купили. Деньги были у Серёги. Он ездил на выходные к тётке и выпросил у неё. Лопату ткнули у каких-то работяг, рывших траншею. Вечером долго ждали, когда разойдутся со скамеек перед памятником шумные парни и девушки. И ночью приступили. Прямо за памятником на спуске к реке и стали копать. Там их и «взяли» милиционеры... «По сколько же нам было тогда?.. Лет по двенадцать...» - Олег улыбнулся, вспомнив те давние дни. Уже тогда их называли братьями.

Они и работников военкомата убедили, что должны служить вместе. И два года армии были неразлучны. Сначала в учебке под Псковом, потом в Чечне.

После армии вместе в вологодский «политех» поступали. Тут их пути разошлись. Сергей успешно поступил, а Олег, провалив вступительные экзамены, вернулся в посёлок, где жил в детдоме, устроился на деревообрабатывающий комбинат и трудился там уже пятый год, жил в общежитии и был вполне доволен своим положением. И правда, не самым худшим образом складывались судьбы двух детдомовцев. А что отца Олег никогда не видел, что мать - законченная алкоголичка, ездит теперь иногда к нему из деревни, просит денег, да и он редко, но у неё бывает и деньгами помогает - это, ну, как у всех почти детдомовцев, не от хорошей жизни туда ведь и попадают...

Через полтора часа автобус остановился на давно знакомом, когда-то казавшемся огромным вокзале. Олег прошёл сквозь шум и толкотню и вскоре, сев в троллейбус, ехал в знакомый дом.

Еще раз позвонил на сотовый Сергея, но ответ был тот же: «... выключен или...»

Вот и этот дом - старая панельная пятиэтажка; чахлые деревца в центре заброшенного двора; пыльные кусты и скамейки у подъездов; подобие детской площадки - куча песка, каче-

ли со сломанным сиденьем, погнутая железная лесенка; два гаража-«ракушки» и несколько автомобилей по краю тротуара. И весь этот район такой же унылый и запущенный.

И всё же Серёга молодец, сумел купить здесь однокомнатную квартиру. Продав доставшийся в наследство деревенский дом, да ещё денег поднакопил, работая в какой-то фирме уже с третьего курса института. Он по компьютерам спец... При всей своей мечтательности и склонности к авантюрам, он всё же очень практичный человек.

Олег Рогов вошёл в подъезд, не защищённый ни кодовым замком, ни домофоном. Почтовые ящики, многие с оторванными дверцами, исчерканные надписями стены... Поднялся на третий этаж. «Ого! Серый зачем-то железную дверь поставил». Нажал кнопку звонка. Хотя ему не открывали, Олег не уходил, какой-то звук в квартире послышался ему. Будто что-то уронили от неожиданности и затаились. Олег позвонил ещё раз. И ещё... Щёлкнул замок первой двери. Теперь Олега и того, кто стоял напротив, разделяла лишь металлическая дверь. И Олег уже был уверен, что это не Сергей. Глазка в двери не было.

- Откройте, пожалуйста.

- Чего надо? - отозвался мужской грубый голос.

- Я к Сергею Хомутову.

- Не живёт здесь.

- Как не живёт?

- Продав квартиру, уехал.

- Куда?

- Не знаю. - За металлической дверью хлопнуло - закрыли первую дверь, щёлкнул замок.

«Ну, ты!..» - Олег пристукнул от злости ладонью по стене и пошёл вниз. Но спустился лишь до площадки, встал у окна во двор... И услышал, как осторожно открываются двери. Вот приоткрылась и железная. Олег успел разглядеть бородатое лицо, глубоко посаженные рыскающие глаза. Дверь захлопнулась.

Больше здесь ждать было нечего, он пошёл во двор.

«Что-то случилось... И случилось что-то нехорошее...»

На скамейке перед подъездом в такую жару никого не было. Да и что бы он спросил? Откуда соседям-то знать, куда Сергей уехал.

«Уехал. Уехал?» Олег зацепился за это слово. «Если продал квартиру, то уехал. А куда он мог уехать?»

Олег вышел со двора на улицу и, увидев большую жёлтую бочку с надписью «Квас», направился к ней. Квас продавала симпатичная девушка, разомлевшая от жары и скучающая без внимания молодых людей.

Олег Рогов знал, что нравится девушкам: рослый, широкоплечий, светловолосый, глаза голубые, одет просто - лёгкие светло-коричневые полуботинки, джинсы, голубая в тёмную клетку рубашка с короткими рукавами. Да ему, что ни наденет, всё идёт...

Он попросил вторую кружку кваса, и девушка восприняла, наверное, это как заигрывание.

- Пожалуйста, - сказала с улыбкой.

Квас был холодный, очень вкусный. Олег не любил, например, пиво, в отличие от большинства своих знакомых. У него даже некая теория на этот счёт была: «Чтобы опьянеть - лучше выпить водки, чтобы утолить жажду - лучше выпить воды или кваса, чтобы приятно провести время - лучше выпить хорошего вина...»

Хоть и красивая была девушка, не до знакомств было сейчас Олегу - на душе неспокойно.

К нему подошёл коренастый крепыш с небольшой аккуратной бородой:

- Закурить не будет?

- Не курю, - ответил Олег.

И крепыш, мужчина лет тридцати пяти, как-то даже удовлетворённо хмыкнул, будто такого ответа и ждал, отвернулся, пошёл дальше по улице.

Опасность сгустилась в жарком воздухе. Олег физически ощущал её. Так бывало - в Чечне...

Не взглянув на поскучившую сразу девушку, двинулся к остановке троллейбуса.

Уже вечерело, и нужно было что-то решать. Возвращаться в посёлок - последний автобус туда через час...

Оставаться здесь и попытаться узнать что-то о Сергее?..

Олег снова приехал на вокзал. Решил всё же, что переночует здесь, подремлет в зале ожидания, а с утра снова примется за поиски.

Хотел перекусить в вокзальной кафешке и обнаружил, что наличных денег-то у него негусто. Пошёл к банкомату. Карточка, на которую переводили зарплату, всегда при нём. Снял пятьсот рублей... И почувствовал взгляд. Обернулся... Хотя крепыш, тот что просил закурить, уже двинулся куда-то к выходу, Олег узнал его. И это Олегу не понравилось. Впрочем - мало ли, мир тесен...

Квас, конечно, не пиво, но всё же - две кружки... Олег вышел на улицу. Одноэтажное заведение с узкими закрашенными окнами находилось в тупике между автобусным и железнодорожным вокзалами...

Когда выходил из него, окликнули. Трое... Ясно. Видели, как деньги снимал.

- Деньги давай.

Олег не стал ждать и с маху вырубил самого наглого - высокого, с бритой наголо башкой, парня.

Он мог бы разобраться и с остальными, но лишь уклонился от летящего в голову кулака, оттолкнул того, который стоял на пути, выскочил из бетонного простенка и побежал, но не от них, а от приближавшихся со стороны вокзала милиционеров. «Нюх у них, что ли?..»

Выбежал на привокзальную площадь - и быстрее к домам, во двор.

Дворами выбрался на улицу, уже далеко от вокзала.

«А выручает всё же кузнецовская подготовка...»

Прапорщик Кузнецов был командиром разведвзвода и инструктором по рукопашному бою. Хотя сам же он и посмеивался, бывало, над «боевыми единоборствами». «Это всё для слабых народцев, - говорил он, - для япошек всяких. Мы, русские, сильны огнём и мечом». И он же Кузнецов, противореча себе, говорил: «Мы же, русские, прирождённые рукопашные бойцы. В деревнях как работали мужики, а!

Какая силища! А «стенка на стенку», а драки по праздникам... Русские grenадеры были страшны каким приёмом? - штык в супостата и, как сноп, вилами поднимали, через себя назад скидывали...»

«Да, спасибо Кузнецову, кой-чему научил... Где только ночевать-то буду? Как тогда - на берегу под кустом?» - вспомнил опять их с Серёгой «экспедицию» за библиотекой Грозного.

Мобильный телефон на месте. Хорошо хоть не выронил в потасовке. Стал просматривать номера знакомых. «К кому-нибудь из наших надо проситься». Из их детдомовской группы ещё несколько человек кроме Хомутова жили здесь, в городе. Трёх замужних девчонок сразу отбросил. «О! Колобок. Точно. К Колобку. Лишь бы номер не сменился...»

Лёшка Колобков по кличке, конечно же, Колобок - вечный объект насмешек и даже издевательства, «тихарила», после школы поступил в техникум, потом и на работу здесь устроился, в общаге живёт. Месяца два назад случайно встретились в посёлке, зачем-то приезжал туда Колобок, поговорили тогда, детство повспомнили, и он дал номер своего телефона. Станный он, правда, какой-то этот Колобок, да выбирать-то особо не приходится...

И вскоре Олег уже ехал в автобусе по сказанному Лёшкой Колобковым адресу.

Лёшка встречал его на остановке... Вот смеялись над ним все, а он парень-то хороший, добрый, безобидный. Да потому ведь и смеялись... Колобок, оправдывая прозвище, весь округлый, очень аккуратно одетый, да ещё и с бородкой. («Везет сегодня на бородатых», - усмехнулся про себя Олег). И нет на лице того вечного страха, что был в детдомовском детстве.

Олег настоял зайти в магазин, купил продуктов. Спросил Колобкова насчёт спиртного, но тот яростно затекивался. «Ну, и ладно, не очень-то и хотелось», - подумал Олег.

Бабушка-вахтёрша их не задержа-

ла, ничего не спрашивала, Лёхе улыбнулась даже, сказала, кажется, что-то доброе. Олег не расслышал.

Комната крошечная - койка да стол, стенной шкаф, два стула. Но место для раскладушки оставалось, и раскладушка имелась. «У меня частенько гости бывают», - пояснил Колобков. В комнате было очень чисто, уютно, она совсем не походила на жилище холостяка. Рогов невольно сравнил её со своей комнатухой. У него-то и окно без занавески, и грязь на обоях плакатами с голыми девками прикрыта, и посуда немытая по несколько дней на столе... Да, у Колобкова не так... А в правом углу - икона, на которую Лёшка при входе и перекрестился, и даже лампадка под ней теплится...

Пока Колобок на общей кухне пельмени варил да воду для чая кипятил, Олег остальное приготовил - хлеб порезал, сыр, огурчики... Есть хотелось - ну, прямо не есть, а жрать...

Лёха, наконец-то, пельмени принёс, по тарелкам разложил. Рогов уж хотел приступить, за ложку взялся, но Колобков повернулся к иконе:

- Помолимся.

Олег тоже встал, перекрестился, но слов молитвы не знал и молчал пока Лёха, крестясь и кланяясь, молился...

После еды сразу в сон потянуло. Уже лёжа на раскладушке, говорил Колобкову:

- Серёга запропал куда-то. У подруги, поди-ка, завис. И на звонки не отвечает.

- А я видел его в последнее время частенько. В монастыре.

- Где-где?..

- В Спасо-Прилуцком монастыре. На воскресных службах. Но мы и не разговаривали почти. Как-то вёл он себя странно.

- Как?

Колобков помолчал, обдумывая ответ.

- Так сектанты себя ведут в православных храмах. Будто выведывают что-то...

- Он чего - сектант?

- Не думаю. Но не на молитву он приходил туда и не на исповедь...

- А ты про сектантов откуда знаешь?

- Да я бывал и у них - у баптистов, у пятидесятников...

- А-а... Ну, дак чего Хомут-то там делал, как думаешь?..

- А я думаю, можно спросить. Он, кажется, к действительно всё с какими-то расспросами приставал... Я завтра туда на службу еду. Хочешь - поехали со мной.

- Видно будет. Утро вечера мудренее, - уже усышая, ответил Олег Рогов.

А Алексей Колобков, раскрыв молитвослов, встал пред иконой на вечернюю молитву...

Проснулся Олег Рогов очень рано, как всегда. Не глядя на часы, он мог сказать, что сейчас около пяти утра. Ещё в детстве привык просыпаться в это тихое время. Все спят, и можно спокойно подумать о чём-то своём. Сейчас он думал о Серёге Хомутове.

Кажется, примерно около года, как Серёга увлёкся древнейшей историей русского народа. Говорил о том, что мы, славяне, - элита арийской расы, а русы - главное славянское племя. И что родина-то древнейшая русов - как раз наши края. «Северные Увалы» какие-то упоминал. Да ведь и речка, по которой сплавливались собирались, не случайно выбрана им. Ещё что... Ещё, говорил Хомут, что каким-то «русским боем» занимается. Даже звал в выходные приехать, сходить на тренировку, и адрес говорил. Где-то ведь тоже рядом с вокзалом... Олег чувствовал, что ищет в правильном направлении. Хотя всё могло быть очень просто - потерял телефон, переехал на новую квартиру и замотался в делах... «А в монастырь съезжу. Не помешает. Потом попытаюсь тот спортзал найти. В фирму бы наведаться, где он работает, да ведь воскресенье сегодня...»

Вскоре проснулся и Колобков, помолился опять. Чаю попили и пошли. На ближайшей остановке сели в автобус, пустой в это время.

Город был безлюден, тих, автобус ехал неспешно, скрежетал на остановках дверьми (даже этот скрежет сей-

час не раздражал), ещё несколько человек, всё бабульки, подсели.

Рогов и Колобков молчали. О чём говорить-то... Олег думал: «Неужели так вот, всерьёз, Лёшка верит? Нет, ничего в этом плохого, конечно. Но он же молодой современный парень, а все эти молитвы, свечки - это же для бабушек...»

И вспомнил Чечню... Там они с Серёгой крестились. Накануне объявили, что в часть приедет священник и все, кто желают, некрещёные, могут принять крещение...

Отец Николай сперва поговорил с ними (человек двадцать желающих набралось), потом раздал крестики - совсем простые, на капроновых нитках (крестик тот и сейчас на Олеге). Потом по очереди входили в поставленную для этого случая войсковую палатку, там совершалось таинство...

Потом было - их взвод прижали «чехи» в одном из сёл. Плотно обложили. Они уж, не на словах, взглядами, попрощались все... Вот тогда-то Олег и взмолился мысленно, и слова сами всплывали: «Отче наш, иже еси на небесех...»

Со стороны боевиков раздался мегафонный голос: «Ребята, не стреляйте, сейчас с вами будет говорить священник». Подъехала машина, «уазик» защитного цвета, из неё вылез высокий бородатый чеченец в папахе, а за ним, в чёрной одежде, с большим крестом на груди, отец Николай. Ему протянули мегафон, но он отмахнулся, сделал несколько шагов вперёд и встал, опустив голову, несколько секунд так стоял, потом поднял голову, вознёс руку и осенил десантников крестным знаменiem... Что-то говорили ему, совали в руку мегафон, потом втолкнули в машину... Как только машина отъехала, они вдарили из всех стволов... Вдруг стрельба стихла, «чехи» как растворились, и на дороге показалась «бээмпэ» их роты...

Про отца Николая рассказывали - в прошлом офицер-пограничник, капитан. В Чечне в девяносто первом приход принял. Сколько русских людей спас за эти годы, да и не только русских. И даже боевики не трогали

его, уважали... В тот раз забрали его прямо из храма, со службы, приказывали уговорить десантников сдаться. И даже тогда не тронули его, обратно к храму и привезли...

И ещё было... С вечера уже знали, конечно, что куда-то «выдвигаются» поутру. «Рота, подъём! Получена команда «сбор!» И уже через несколько минут в полной экипировке в строю стояли. Вышел комроты капитан Хватов. Выкрикнул срывающимся на хрип голосом: «Бойцы! Только что мне сообщили - вчера из своего дома был похищен священник... наш отец Николай... зверски убит... - хотел, видно, ещё что-то сказать, но лишь махнул рукой. - По машинам!»

...Да, было всё это в жизни Олега Рогова. Он верил. И жил, как все вокруг него. Не задумывался о вере своей. Так верил ли?..

Вот и монастырь. Олег много раз проезжал мимо этих древних стен и башен по дороге в город из посёлка и обратно, но внутри никогда не был.

Перекрестившись, с волнением даже, прошёл он вслед за Колобковым мимо монаха-привратника через тяжёлую железную калитку под воротную арку и на монастырский двор.

Собор был огромный - по образцу вологодской Софии. Служба шла в нижнем храме. Сводчатые низкие потолки, колонны, полумрак, лики икон - всё это сразу поразило Олега... Но служба была очень долгая, и он с непривычки, конечно, устал. Долго крепился, стоял, крестился вслед за всеми, присесть на скамью у стены, как некоторые старушки, не решился, вышел. Сразу за дверью перед выходом на крыльцо была лавка, где продавались свечи, книги, календари. Высокий, не старый совсем монах, с густой бородой, в рясе, подпоясанный широким кожаным ремнём, стоял за прилавком.

- Свечек? - спросил у Олега.

Олег отрицательно мотнул головой. И монах, взглянув на него, понял, видно, его состояние, сказал:

- Да вон, присядь, - кивнул на стул в углу.

- ...А, ты здесь, - увидел его Колобков. - Сейчас настоятель выйдет.

Настоятель, невысокий, худенький, с редкой бородкой, тоже был, на удивление, молодой. Во всяком случае, так показалось Олегу с первого взгляда. Потом, когда заговорили, когда увидел глаза этого человека, понял, что не так уж он и молод.

Они спустились к монастырскому пруду. Настоятель говорил:

- Да, несколько раз подходил ко мне этот молодой человек. Интересовался историей монастыря. Про белоризцев спрашивал. Потом напрямую спросил - не сохранилась ли в нынешней церкви традиция подготовки монахов-воинов. Ну, объяснил я, что не было такой традиции... Да ему мои объяснения, похоже, и не нужны были... Он на опасном, на очень опасном пути, ваш друг...

- А кто такие белоризцы?

- В лавке спросите литературу, вам подскажут... - сухо ватно ответил настоятель, кивнул Рогову, благословил склонившегося Колобкова и пошёл к двухэтажному каменному зданию старинной, как и всё здесь, постройки.

Олег купил рекомендованную ему книгу.

- К мощам преподобных Дмитрия и Игнатия-то подойдёшь? - спросил Колобков. - Народу уже немного там...

- Да... Как-то не готов. В другой раз. Алексей пожал плечами.

- На вот тебе, - протянул Рогову просфорку в прозрачном пакетице и пол-литровую пластиковую бутылку с водой. - Только с молитвой... или уж перекрестись хотя бы... - добавил, вроде бы даже сконфузившись.

- Спасибо. - Олег положил всё в пакет, в котором уже лежала книга.

И они пошли к остановке.

- Ты куда?

- Домой. А ты?

- На вокзал. В посёлок поеду.

В автобусе, когда Колобков готовился выйти, Рогов спросил:

- Ты, Лёха, случаем, не в монахи собираешься?

- Нет. Куда мне? Я, наоборот, женюсь скоро... Ну, давай. Звони, заходи, с Сергеем вместе заходите...

- И он вышел, а Олег поехал дальше, к вокзалу.

Не очень-то хотелось после вчерашнего инцидента торчать здесь, а больше и пойти было некуда. В посёлок он ехать пока не собирался, обманул, получилось, Колобкова. Да тот, похоже, и сам понял, что темнит Олег. И про Хомутова понял...

Рогов сел в зале ожидания. Электронные часы на стене показывали полдень. Тренировки по воскресеньям, насколько он помнил, начинались в три. Часа два у него есть. Нужно подумать спокойно, разложить всё по полочкам, книжку полистать...

Так, вот про белоризцев... Он вернулся к началу главы. Написано было не то чтобы совсем уж старинным языком, но не таким, к какому привык Олег в нынешних книжках, а он почитывал - детективы, конечно, в основном... Вчитавшись, понял, что это цитируется автор девятнадцатого века.

«Между тем преподобный Димитрий, после своего преставления, не переставал ограждать молитвенно присный свой город от воинских ратей. В зимнее время наступил на Вологду Князь Димитрий Шемяка, враждующий против родича своего, Великого Князя Василия Тёмного; но, по заповеди Князя, не смели воины его чего-либо коснуться в обители. Трепетал осаждённый город, не имея довольно силы противиться врагу, но благодать Божия его покрывала. В наступившую ночь благочестивая инокиня одного из монастырей Вологды удостоилась чудного видения: как будто великая заря осияла окрест всего города, и, в этом необычайном свете, шёл к нему святой старец от той страны, где стояла обитель Прилуцкая...» - «А я ведь только что оттуда - из обители Прилуцкой. А святой старец-то - это же Дмитрий Прилуцкий и есть, к его мощам звал приложиться Колобков...» - «В то же время вышли к нему навстречу, из дома скудельничьего, где погребали странных, два световидных белоризца, и каждый из них на раменах нёс большие деревья. Стены города колебались, как бы го-

товые пасть; белоризцы же, вместе со старцем, которого называли они Димитрием, обошли кругом города и, укрепив все четыре стены его, стали невидимы. На другой день молитвами преподобных укрепил Господь граждан Вологды; тучею стрел и камней отразили они приступ ратных от своих стен и побили множество врагов...»

Что такое «скудельничий дом»?.. «Странные»?.. Ну, это, наверное, странники, бродяги... «Деревеса на раменах» - видимо, брёвна на плечах... А при чём тут монахи-воины, о которых Хомутов у настоятеля спрашивал? Олег дальше читал книгу и узнал, что были и другие варианты «легенды о белоризцах». По одной из них, белоризцы те не какие-то призраки были, а реальные люди, два человека в белых одеждах, незнакомые горожанам, вдруг откуда-то извне города напавшие на осаждавших. Они порубили множество врагов и своим примером вдохновили горожан на отпор врагу. Когда Шемяка с войском ушёл, нашли их, мёртвых уже, похоронили, и даже часовня стоит над их могилами. Это место недалеко от города, на берегу реки, напротив Прилуцкого монастыря... «Ага! Вот они, монахи-воины!» И вспомнил ещё, как Серёга про Пересвета говорил: «Ты что, думаешь, можно без специальной подготовки выйти против лучшего вражеского воина?.. Да он профессиональный боец был! Спецназ того времени. И база этого спецназа была в монастыре Сергия Радонежского. И Ослябя оттуда же был!..» Олег тогда ещё ответил: «Да их, наверное, сам Сергей Радонежский и тренировал!» Хомутов обиделся и прекратил разговор... А вот в этой-то книжке ещё Олег вычитал, что Дмитрий Прилуцкий был одним из ближайших учеников и друзей Сергия и, между прочим, крестным отцом сына Дмитрия Донского... Если следовать логике Хомутова, а точнее, тех, кто эту «логику» ему подсовывал, - и в Прилуцком монастыре должны были готовиться монахи-воины... Или они и не монахи?..

В два часа он поднялся, вышел

на улицу. По узкому мостику перешёл железнодорожные пути и оказался в заводском микрорайоне, там быстро нашёл школу, в спортзале которой и занимались «русским боем».

В скверике он сел на скамейку, как раз напротив школы.

Центральный вход был, конечно же, в воскресенье закрыт, да ведь и каникулы, лето. Но Олег сразу увидел крепких молодых ребят со спортивными сумками, по одному и группами проходивших за угол школы. Несколько машин остановились неподалёку от школы, из них тоже выходили спортивные ребята. А большой чёрный «джип» въехал прямо на школьный двор и всё за тот же угол повернул.

Человек тридцать Олег насчитал.

Без пяти три он поднялся со скамейки и пошёл следом за парнем в спортивном костюме и с кожаным рюкзаком за плечами.

Оказалось, что спортзал находился в пристройке, имел отдельный вход с улицы, а с основным зданием школы соединялся узким переходом.

Олег вошёл в здание. Прошёл через раздевалку, где ещё переодевались несколько человек, к двери в зал. Заглянул. Тренировка ещё не началась, все сидели на скамейках вдоль стены. Из тех, что постарше, все с бородами. Форма самая обычная - спортивные штаны, футболка. Один только, видимо тренер, был в широких полотняных штанах и в белой, с вышитым красными нитками воротом рубашке, подпоясанной красным широким поясом. Человек этот был невысок, но очень широк в плечах, с окладистой бородой, волосы, довольно длинные, перехвачены кожаным ремешком. Увидев Олега, сразу подошёл:

- Что вы хотели?
- Посмотреть можно?

Мужчина оценивающе, глянул на него:

- Спортсмен?
- Нет. Но служил в десанте.
- Как узнал, что здесь тренировки?
- Знакомый сказал.

- Садись, смотри. - Тренер кивнул на скамейку рядом с дверью.

В зал вошёл один из опаздывающих уже спортсменов. Олег увидел: парень прижал правую руку к левой стороне груди и кивнул тренеру. Тренер ответил так же.

Особо жёсткой дисциплины здесь не чувствовалось. Из обязательных ритуалов Олег пока только и определил - рука на сердце и кивок, как приветствие, и то только тренеру, между собой занимавшиеся просто жали руки... Разминка была довольно скучная - набор стандартных упражнений... Потом, разбившись на пары, отработывали приёмы...

Олег Рогов никаким спортом никогда не занимался, только в армии, по обязанности, но и с желанием - рукопашным боем и общефизической подготовкой. Но любил смотреть спортивные программы по телевизору, особенно единоборства. И сейчас, глядя на то, что происходило здесь, видел приёмы и удары из каратэ, дзюдо, самбо и даже бокса... Вообще чувствовалось, что все занимавшиеся здесь имели солидную спортивную подготовку.

Но вот что-то новенькое - тренер заприплясывал, с разворотами, взмахами, прихлопываниями, даже вприсядку пустился. Каждый его взмах был акцентирован как удар. Все на него глядели, потом стали повторять движения.

Рогов понимал, что имелось в виду - пляска эта была чем-то вроде каратистских ката. В исполнении тренера всё это было красиво, интересно и... смешно. «Неужели Серёга вот на это купился?» А тренер между тем взял из угла стоявшее там незаметно... ну, что-то вроде оглобли, закрутил вокруг себя, так ушуисты свои палки крутят. И видно было, что «оглобля» приноровлена под конкретного человека... Олегу стало скучно...

И тут в зал заглянул вчерашний бородатый крепыш, тот, что просил закурить, а потом мелькнул на вокзале. Значит, не случайно всё было... Он тоже сразу Олега увидел. Но сначала

махнул тренеру, который пошёл к нему, потом Рогову сказал:

- Пошли-ка, потолкуем...

- Ну, пошли...

На улице бородач сразу приступил:

- Ну, чего ты тут крутишься? Чего надо?

- Друга я ищу. Сергея Хомутова.

- Мой тебе совет - не ищи.

- Где он?

Крепыш помолчал, видно, думая, что сказать. Сказал:

- Он белоризец. Не ищи. - И добавил внушительно: - Мы проверили тебя. Ты нам не подходишь. Езжай домой. Живи спокойно. И не ищи, ничего не ищи...

Олег вдруг почувствовал, что слова эти будто вкладываются в сознание. И будто нет ничего сейчас, только эти слова. Морок какой-то... И он, поняв это, подыграл:

- Не ищу.

- Иди.

И он пошёл, так, будто случайно, неизвестно как и зачем здесь оказался.

Вышел со школьного двора на улицу, дух перевёл. «Кажется, меня гипнотизировали... А, может, я сейчас под воздействием гипноза?.. Нет. Тогда бы я не мог вот этого всего думать...»

Шёл он опять к вокзалу. Второй день всё уходит от этого вокзала и возвращается к нему...

Теперь для Олега всё было более-менее ясно... Если только все его мысли и выводы не были ошибочны...

Создана какая-то секта, на основе вымыслов о «русских боевых монахах» (используя древнюю вологодскую легенду, называли их «белоризцами»). А почему бы и нет - есть же китайский Шаолинь... Напущено мистического тумана (тут, наверняка, и язычество, и «православие», а больше всего, наверное, выдумки какого-то организатора секты).

Вспомнил Олег недавно виденную по телевизору передачу: хитроумный «учитель» обещал счастливую «естественную» жизнь ученикам; те «дали» свои квартиры, имущество, сбережения и без всяких средств к суще-

ствованию отправлялись куда-то в Сибирь, где селились на купленные сектой (а может, даже и не купленные, Олег точно не помнил) безлюдные отдалённые земли в тайге и жили «естественной природной жизнью», вознося молитвы «матери природе» и своему «учителю». Аферу раскрыли, людей удалось спасти. Но «учителя» даже невозможно «привлечь», ведь люди добровольно дарили своё имущество... И здесь, наверняка, было что-то подобное.

Ещё Олег вспомнил (раньше на всё это как-то не обращал внимания) виденные у Хомутова «учебники» по «русскому бою». На картинках с пояснениями под ними - люди в косоворотках и штанах наносили удары руками и ногами, проводили какие-то приёмы. Олег видывал точно такие же картинки в пособиях по каратэ и рукопашному бою, одежда только другая была...

Смущало одно: неужели Серёга, умный, практичный парень, добровольно отдал квартиру и уехал в какие-то «белоризцы»?.. И почему этот мужик так легко отпустил его, Олега, да ещё и про Хомутова сказал? «Проверили, говорит, меня. Плохо, значит, проверили. А то бы поняли, что я не остановлюсь, пока Серёгу не найду. Проверили... «Понты гоняет», как говорят у нас в посёлке...»

Рогов взглянул на часы - скоро пять. «А ведь надо ехать». На вокзале выяснил, что успеет на последнюю электричку до городка в районе той реки, по которой собирались сплавляться. Ни на какие покупки уже не оставалось времени. «Там закупились завтра. Хорошо хоть карточка есть. И деньги на карточке...» Он снял ещё денег в банкомате, купил билет и вскоре отъезжал, сидя в вагоне электрички, от вокзала.

Вагон был почти пустой, только сидел вблизи тамбура неказистый мужичок запойного вида и в другом конце вагона бабулька с большой котомкой.

Олег почувствовал голод - опять ведь с утра не ел... Просфорка и водичка монастырская только. Олег

мысленно прочитал «Отче наш» (слова молитвы сами всплывали), съел, стараясь не обронить ни крошки, просфору и запил водой из бутылки. И, как ни странно, почувствовал себя насытившимся. Задремал под перестук колёс. И в дрёме снова увидел низкие своды монастырского храма, слышал звуки молитвы... А потом, будто со стороны, увидел весь монастырь - стены, башни, купола за ними. И над монастырём - сияние, свет неземной...

Из дрёмы вывел жалобный писк телефона. Всё, выключился, заряд кончился. «Ну вот - без связи и без часов теперь». Рогов досадливо поморщился.

Послышались громкие голоса в тамбуре, дверь в вагон распахнулась, трое вошли. Олег, хоть и видел их в темноте и мельком, сразу узнал. «Не только на вокзале, значит, но и в электричках промышляют... И как же это сейчас не нужно...»

Они нагло оглядели мужичка, сидевшего у двери. «С этого, кроме анализов, взять нечего, - заявил самый крепкий из них, с выбритой головой, в джинсовой безрукавке, с каким-то драконом, вытатуированным на левом плече. - Карась, тебе нужны его анализы?» - «Да пошёл ты!» - обиделся невысокий, с признаками будущего ожирения, пучеглазый «Карась». Мужик сидел спокойно, отвернувшись к окну... Третий - чернявый, подвижный, с наглой ухмылочкой - увидел Рогова, ткнул локтем в бок бритоголового: «Колян, гляди-ка, кто тут есть!» - «О! Мир тесен! Ну, потолкуем...» Колян сразу двинул на Олега.

Ну, что оставалось делать... Олег встал, вышагнул в проход, чтобы не пропустить никого за спину. Колян махнул ногой, целя в голову. Рогов прихватил ногу, дернул ещё вверх, по опорной ноге под колено пнул, и Колян сел. И тут чернявый подскочил, выхватывая что-то из-за пазухи. Олег не успел увернуться... Уже падая, обхватив руками голову, прижимаясь к сиденьям, увидел - рухнул Карась, упал чернявый, повалился, едва успев

подняться, неудачливый бритоголовый главарь...

- ...Ну и крепкий же котелок у тебя, братан, - первое, что услышал Рогов, придя в себя. Рядом сидел, придерживая его, тот неказистый мужичок; бабулька, охая, прикладывала к голове Рогова тряпицу.

- Где... эти?

- Убежали почему-то, - усмехнулся мужик. - Как самочувствие-то?

- Да всё нормально. Спасибо...

- Ой, я уж напугалась, что убили, - подала голос женщина.

- Спасибо, мать. Всё нормально. - Олег тронул голову, нащупал набухшую в месте удара шишку. - Вот гады-то...

...Бабушка вышла на каком-то полустанке, одарив Олега и Петра (так звали нового знакомого) вкуснейшими лепёшками с яйцом и сметаной. Пётр вытащил из своей тощей сумочки бутылку пива, и так как больше пить было нечего (Олег не решился запивать пироги монастырской водой), приложился к бутылке и Рогов. Говорили.

- Я по молодости-то, когда в пэтэу-хе учился, боксом занимался. Даже второе место у меня было по области.

- А где живёшь?

- Да в деревне, не прижился в городе. Тракторист я. Колхозишка там у нас еле дышит...

Олег выяснил, что деревня Петра как раз на той речке, по которой они с Хомутовым собирались сплавливать.

- А ты зачем в наши края?

- Да просто, путешествую... Вот, с детства мечтал Северные Увалы поглядеть - единственные горы в нашей области.

- Да какие там горы. Ну, увидишь... Только чего-то ты не похож на путешественника.

- А зачем лишнее тащить, в городке всё кушлю.

- А-а. Ну, можно и так... - кивнул Пётр.

...Ничего, конечно, не купил в городке. Пётр к себе позвал. И машина попутная подвернулась им. Как было отказать Олегу - ведь где-то уже

рядом, Рогов чувствовал, лагерь этих «белоризцев».

Ехали на потрепанных, но, видимо, давно притерпевшихся, неусыпной заботой владельца, конечно, и к местным дорогам, и к бездорожью «Жигулях» какой-то древней модели.

Поначалу-то Олег решил, что Пётр повстречал какого-то давнего врага, так яростно орали они друг на друга, казалось, недалеко и до драки. И вот этот «враг», оказавшийся председателем колхоза, в котором Пётр работает трактористом, везёт их, и беседа, прерываемая иногда долгим молчанием, вполне мирная. Курили они оба, и, хотя форточка была приоткрыта, у некурящего Рогова от табачного дыма заболела голова...

Уже поздний вечер, но по-летнему светлый. Олег смотрит на дорогу, по сторонам, где всё леса да поля, да снега леса, и проблескивающая справа река.

А дорога то тянулась вверх, то ныряла под гору.

- Холмы какие, - сказал Рогов.

- А вот тебе и Северные Увалы, - отозвался Пётр. И добавил: - Говорят, что когда-то горы были...

- Чего к нам-то? К кому? - спросил Олега председатель Василий.

Хотя вопрос был вполне законный, такой же и Пётр ещё в электричке задавал, почувствовал Рогов в голосе председателя настороженность и какое-то раздражение. «А чего темнить-то?» - подумал. Всё им и рассказал...

- Так ты бы сразу сказал! - встрепенулся Пётр. - Видел я этих мудаков в белых портках...

- Кто их тут не видел-то! - перебил Василий. - Целую деревню купили.

Уже по темноте въехали в деревню. Встали у большого, осевшего на правый передний угол дома. Пока Олег, разминая ноги, прошёлся по когда-то широкой, а теперь заросшей травой улице, с одной вытоптанной тропкой до колодезного сруба, председатель и тракторист опять успели поругаться. Олег не вслушивался в их разговор.

- Я тебя предупредил! - крикнул напоследок председатель, хлопнул

дверью и, развернув машину, покатыл на большак.

Дома вдоль улицы стояли тёмные, молчаливые, глухие...

Пётр сидел на скамейке у крыльца, курил. Тут же во дворе стоял и трактор «Беларусь» с прицепом.

Вспыхнул свет в окне, скрипнула дверь.

- Петька, ты, что ли?

- Я, мать.

- Трезвой?..

- Трезвой, трезвой... Погрей чего-нибудь на двоих. - И подошедшему Олегу сказал: - Вот так и живём - хлеб жуём... Завтра наведаемся к твоим «белым рубашкам».

- Как маму-то твою зовут?

- Александра Ивановна.

- Слушай, мне как-то неудобно, у меня же деньги есть, а я с пустыми руками...

- Да брось ты, Олег, не говори ерунду-то... - Пётр плюнул на огонёк сигаретный, окурочку старательно замял каблучком в землю. - Ну, пошли в избу...

...После ужина (Олег давно не едал такой вкуснятины - молодая, нынешнего урожая варёная картошка, огурцы, лук, грибы...) вышли опять на крыльцо. Темнота - глаз коли, и тишина до звона в ушах. Наверное, никогда Олег Рогов не сталкивался с такой естественной, не нарушаемой присутствием человека темнотой, с такой всеобъемлющей тишиной. А к небу поднял глаза - звёзды, бесконечное звёздное небо... Пётр закурил. Сказал:

- Слушай, с утра-то не получится у меня - надо и поработать. Сделаем так, если хочешь - я тебя подниму часов в пять, и ты сможешь сам посмотреть со стороны, чем там они занимаются. Только не суйся один. И правда, чёрт их знает... А вечером вместе съездим, потолкуем с ними.

Пётр ещё объяснил, где Олег сможет увидеть «белоризцев», и пошли укладываться. Ему постелили в горнице - небольшой комнатке с одним оконцем, с голыми, без обоев, стенами. Кровать была старая, металлическая, с пружинной сеткой, застеленная

чистым. И едва лёг Рогов - сетка скрипнула, прожалась, - в сон опустился...

Олег проснулся сам. Когда Пётр заглянул к нему, он уже был одет.

- Встал уже, ну добро. Там мать чаю погрела. Я поехал. Вечером увидимся. Не суйся один-то...

Вскоре во дворе, возмутительно громко, по-хозяйски, заработал мотор трактора, потом голос его стал глуше, затих...

Олег вошёл в избу. Александра Ивановна уже хлопотала у стола. Пахло дымком, тёплым тестом, ещё чем-то, напоминавшим Олегу что-то давнее, из другой, но его, его жизни...

Потом по росному лугу спустился к речке. Вымок по грудь и пожалел сейчас, что не надел брезентовую курточку, которую предлагала Александра Ивановна.

Река была неширокая, тихая, вся в клубах тумана. По тропе двинул вдоль речки. Тропка то ныряла в прибрежный ивняк, то взбегала по береговому откосу. А на том берегу лес приступал к самой воде, и казался тот берег тёмным, угрюмым.

Рогов шёл сторожко, бесшумно и минут через двадцать вышел к месту, указанному Петром.

Тропа здесь выбегала из зарослей и резко уходила в гору, вокруг которой и речка делала петлю. Олег остался в кустах, присел. Из-за горы, из-за этого высоченного зелёного холма, величаво поднималось багряное солнце...

И вдруг на самой вершине появились белые фигуры, будто из холма выросли. Лицами к солнцу, вскинув руки, стояли. Потом все как один правую руку к груди прижали, склонились низко, а выпрямившись, прямую правую руку опять к солнцу вскинули: «Ура!»

«Кино снимают!» - почему-то первая мысль при виде всего этого мелькнула в голове Рогова. «Нет, не кино...» Стояли там тринадцать человек. Двенадцать одинаково бородатых, не старых, крепких мужиков в длинных белых рубахах, напоминавших армейское зимнее бельё. Тринадцатый - по-

хож на старика, но (Олег сразу это отметил) далеко не старик, тоже в длинной белой рубахе, но с вышивкой по вороту, подолу и краям рукавов и подпоясанной красным кушаком. Длинные седые волосы перехвачены берестяным ободком, и палка-посох в руке. Он что-то сказал, и десять человек скрылись по другую сторону холма, стали не видны Олегу. Двое, и один из них был Хомутов, стояли перед волхвом. Он снял с пояса что-то похожее на флягу, дал первому, тот сделал большой глоток, потом подал Хомутову, и тот тоже изрядно к питью приложился.

Волхв зашёл за их спины и резко толкнул обоих. И они побежали под гору прямо к реке и... Олег не верил глазам, но это было - по воде перебежали на другой берег и скрылись в лесу. Волхв стоял, опершись на посох, глядел в тот берег, куда убежали зачем-то два «белоризца». Потом махнул рукой, будто давая знак кому-то, и пошёл в ту сторону, куда ушли первые десять человек.

Олег ещё подождал немного и вышел из кустов. Сначала обошёл холм и увидел метрах в трёхстах от него деревеньку в десяток домов, явно брошенных, полуразвалившихся уже, но два дома жилые, со следами недавнего ремонта. У крыльца одного из них - машина, серебристая «десятка». Во дворах «белоризцы» копошатся.

Не выдавая себя, Олег снова ушёл за холм и спустился к воде. На влажной земле чёткие следы босых ног. Рогов встал правой ногой точно в след, а левой осторожно шагнул в воду. И в тёмной непрозрачной воде сразу нащупал камень. «Ага, вот в чём дело!..» По каменной дорожке, лишь один раз оскользнувшись в воду, переправился на лесистый берег. «Ну, если потренироваться, можно и бегом. Аки посуху!.. Мудрецы...»

- Здорово, десантник. - Из леса вышагнул тот самый «крепыш», усмешка в бороде. - Я ж говорил - мы тебя проверили. И не ошиблись - сам пришёл к нам. - На нём сейчас был армейский камуфлированный зелёно-жёлтый сетчатый костюм. Были та-

кие и во взводе у Рогова, но десантники никогда их не надевали.

- Здорово. - Рогов сделал вид, что нисколько не удивился встрече. - Не к вам я пришёл, а к своему другу Сергею Хомутову. Поговорить нам надо.

- Ему сейчас не до разговоров.

- Ничего. Мы разберёмся. Посижу, подожду. Он ведь скоро обратно побежит...

- Не скоро. Пошли в деревню, там поговорим. - В планы «крепыша» явно не входила встреча Рогова с Хомутовым в ближайшее время.

- Слушай, иди ты... на хутор бабочек ловить. А я здесь посижу. - И Олег правда присел на валежину. Ему надоел этот разговор.

А «крепыш» махнул рукой, и на берег вышли ещё двое в камуфляже.

- На базу его.

«Ввязаться в драку... Ещё вчерашняя шишка болит... Бежать... Догоныт...»

А те двое уже обходили его справа и слева...

- Ладно, пошли, поговорим.

- Ну, вот так-то лучше, - кивнул «крепыш» и даже протянул руку: - Егор.

Олег подал руку, ощутил крепость и цепкость руки этого Егора, но сам не представился.

- Пошли, пошли, Олег, потолкуем, - ещё раз давая понять, что его действительно «проверяли», сказал Егор. Но пошёл не к каменному переходу, а вдоль берега. Метров через пятьдесят за поворотом реки открылся полуразвалившийся мостик. По нему и переправились на другой берег. Двое «камуфляжных» шли чуть позади Егора и Олега.

«Погляжу хоть, чего там у них. Может, и Хомута увижу. А вечером Пётр шум поднимет, не даст пропасть...» - думал Олег, шагая рядом с Егором по сухой твёрдой тропе. Солнце уже поднялось над горизонтом, уже нагоняло жару, и в набирающем жар, линиящем до белизны небе парила какая-то крупная птица. Олег не разбирался в них и почему-то решил, что это ястреб. Но запел негромко, заунывно не про ястреба: «Чёрный ворон, чёр-

ный во-о-орон, что ты вьёшься надо мной, ты добычи не дождё-о-шься, я солдат ещё живой...» И руки, как пленный, за спину заложил. Егор усмехнулся, ничего не сказал.

- Егор! - окликнул один из сопровождавших, - бегут.

Егор обернулся, и Олег повернул голову за ним - в той стороне от реки к деревне бежали двое в белых одеждах. Впереди Хомутов. И была в его беге, в ритмичных, без сбоев, движениях ног и рук, в постановке корпуса какая-то неутомимая энергия, сила. Они бежали, глядя только вперёд, и вскоре, подбежав к одному из отремонтированных домов, исчезли из виду.

Минут через десять вошли в деревню и Егор с Олегом.

По крыльцу из свежеструганных пьяняще-пахучих досок вошли в дом. Из тёмных сеней попали в просторную светлую комнату: три окна по передней стене, стол большой, ничем не покрытый, на нём компьютер-ноутбук и какие-то бумаги; печь, чисто выбеленная; к потолку прикреплены полосы липкой ленты - чёрные от мух.

- Серый, убери, - брезгливо поморщившись, сказал Егор. Один из «камуфляжных», встав на носки, сдёрнул мушинные ловушки.

- Идите пока, - махнул Егор своей охране. - Садись, - Олегу сказал.

Посидели молча. Наконец Егор сказал:

- Ну, в белорусцы не буду тебя агитировать. Ты в сказки, в отличие от твоего друга, не веришь... Но мне нужны толковые, крепкие мужики.

- Как эти? - Рогов кивнул на дверь.

Егор понял его, покачал головой:

- Нет. Это не для тебя, конечно. Хочешь - в дело тебя возьму. В реальное дело.

- Ты же не первое лицо в этой организации...

- Ну, как сказать... Без меня-то Волхву тоже никак... Слушай, вот ты детдомовец - а такой умный парень...

- А чего, у нас там вообще дураков не было.

- Хомутов тоже умный, даже очень умный, но он при этом наивный. Ну

что ж, и такие нам нужны. Да? - Он опять вперился в Олега, как тогда в городе, и заговорил резко, настойчиво: - Пастуху нужно стадо! Стаду нужен пастух! Да!..

- Да не действует на меня гипноз! - перебил его Рогов.

- Это хорошо, что не действует, хорошо, что не действует.

- Слушай, Егор, прекращай ты эту комедию. И с чего ты взял, что я могу согласиться? Вы же моего друга обобрали. И не только его. И вообще я простой слесарь...

- Нет. Ты не простой слесарь.

И опять замолчали надолго. Егор сидел, опустив голову, вперившись взглядом в столешницу. Олег глянул в окно, находившееся сбоку от него, но увидел лишь какой-то глухой, крапивой заросший угол двора. Прислушался - обрывки разговоров неразборчивые, стук топора, звон металла. Запах дыма - где-то рядом готовили еду...

- Хоть и не докажешь ты ничего, с правовой точки зрения мы неуязвимы, но - не могу я тебя отпустить просто так, да ты ведь и не отвяжешься, тебе ж друга надо спасать... Готовься, десантник, к бою. Узнаешь, что такое белоризцы-поединчики. Мы тебя даже до райбольницы доведем. Знаешь, на тренировках ведь бывают травмы, обычное дело... - Егор поднялся, прихлопнув при этом ладонью по столу: - Вот так вот! - И тут же в комнату вошли «камуфляжные».

- В сарай его! В оба глядеть!

Сарай был щелистый, в одну доску. Не то что ногой, кулаком пару раз стукни - и гуляй. Да не больно-то среди бела дня тут разгуляешься... Был сарай абсолютно пустой, с земляным полом. По широким воротам и следам колёс понятно, что использовался как гараж на случай дождя.

Покормить Олега, видимо, «забыли». И он, недолго думая, лёг прямо на землю. Крыша, крытая толью, нагрелась, как сковородка, а земля холодила.

«Чего-то там этот Егор про тренировку трепался, после которой меня в больницу повезут... Ну-ну... Посмотрим...

Хоть бы Пётр пораньше всполошился...»

- ...Подъём, десант! - весело и зло крикнул Егор.

Рогов поднялся с тяжёлой головой - от жары, от голода, от вчерашнего удара. «Умыться бы хоть, холодяночкой бы окатиться...»

Жара ещё не спадала, но солнце уже давно перевалило зенит, вечерело. Лёгкие облачка кучились где-то за рекой, над лесом...

На широком крыльце второго, не того, в котором беседовали с Егором, дома, в высоком, с прямой спинкой кресле сидел Волхв. В той же одежде, что и утром на холме, с тем же посохом в руке. На Олега глянул сперва с живым, нормальным интересом, но сразу будто плёнкой глаза задёрнул, в роль вернулся. Медленно поднял левую руку и опустил.

- Ну, давай, десант, держись, - даже с каким-то вроде бы сочувствием сказал Егор и отошёл в сторону.

Из дома вышел «белоризец», молодой, высокий, бородатый мужик, встал перед Волхвом, приложил правую руку к груди, поклонился в пояс, а выпрямившись руку, вверх вскинул.

- Хайль Гитлер! - куражливо вставил тут Олег.

Волхв опять на него вскинулся живыми глазами и сразу отвернулся. «Белоризец» же будто ничего и не слышал, принял от Волхва ковш с питьем, пригубил.

- Иди! - пристукнув посохом, командовал Волхв, и «белоризец» тут же повернулся к Олегу и пошёл на него, раскачиваясь, болтая опущенными вдоль туловища руками.

«Обдолбанный... Точно под наркотой...» - определил по глазам, по раскованным, но в то же время будто запрограммированным движениям Олег.

А «белоризец» вдруг будто почёсываться начал, правой рукой к левому плечу потянулся, левой рукой по правому колену хлопнул, заприотпывал... И будто гири, к верёвкам привязанные, полетели с полного замаха кулаки. Олег увернулся, но удара ногой не ожидал и пропустил - пяткой в грудь. Целил-то «белоризец» в солнечное

сплетение. И Рогов согнулся, сделал вид, что «пробили» его. Противник подскочил вплотную, и краем глаза Олег увидел - Егор к ним дёрнулся, наверное, остановить «белоризца» хотел. Разгибаясь, резко, пружинно, локтем в лицо, в нос целя, саданул Олег. Как подрубило «белоризца»... Но на Олега, приплясывая и почёсываясь, издавая какой-то горловой хрипящий звук, уже двигался второй - бородатый, в белой рубашке, с неживыми глазами...

Олег кинул взгляд по сторонам, увидел, как к Егору подтянулись ещё двое «камуфляжных»... У стены дома стояла штыковая лопата. Одним прыжком до неё долетел, ухватил за черенок. А «белоризец» бегом к нему. Рогов присел, пропуская первый удар и, не жалея, рубанул железным полотном лопаты под левое колено и в сторону откатился. «Белоризец» боли как не почувствовал, опять на Олега кинулся, но на втором шаге споткнулся, осел. И пока не схватили подбегавшие охранники, успел Олег по всей широкой спине лопату приложить - так, что черень сломался на сучке.

- Молодец... Ну, шутки кончились... - сказал Егор и отвернулся от Олега. - В сарай, отметелить, и увезите, где-нибудь выкиньте, искать его некому. - Егор говорил не для Рогова, а здоровому парню, тоже в «камуфляже», которого Олег раньше не видел. Но говорил, от волнения, что ли, громко, Олег услышал. И так стало тоскливо... Его вели, по-милицейски заломив руки за спину.

Что-то треснуло вдалеке. Олегу показалось, что это спасительный трактор на подходе, оглянулся: чёрная туча напозла, выкидывая из себя кинжалы молний, погромыхи-вая...

И когда его втокнули в тёмный сейчас сарай (он упал ничком) и уж готовы были пинать и бить, чётко затарахтел трактор, какая-то суета во дворе закутилась, а сквозь тракторный стрекот звук машинного двигателя слышался.

«Камуфляжные» выскочили из са-

рая, не закрыв дверь. Олег поднялся, вышел.

Посреди двора стояли трактор Петра и председательская машина. Серьёзный, средних лет милиционер с погонами старшего лейтенанта слушал, что втолковывал ему, энергично взмахивая руками, Егор. Пётр курил, стоя у колеса своего «Белоруса», председатель осматривался по сторонам. Не было видно ни Волхва, ни «белоризцев», ни «камуфляжных».

- А! Вот ты где! Говорил же - не суйся один! - увидев Олега, радостно крикнул Пётр, пошёл к Рогову.

- Так получилось, - буркнул Олег.

Оценив его помятый вид, Пётр спросил:

- Били?

- Не успели.

На крыльцо вышел, в обычной одежде - чёрных брюках и клетчатой короткорукавной рубашке, бородатый мужчина в очках, с гладко забранными в хвост волосами - Волхв. Олег не сразу и узнал его. Подошёл неспешно к милиционеру, поздоровался за руку, председателю кивнул с улыбкой, и тот с явной неприязнью, но кивнул в ответ.

- Хомутова надо забрать, - сказал Олег и пошёл к милиционеру, видимо, местному участковому. - Они человека силой держат, Сергея Хомутова.

Волхв крикнул в открытую дверь дома:

- Хомутова там позовите, за ним приехали.

И вскоре вышел Хомутов - в джинсах и футболке, со спортивной сумкой в руках.

- Я всё равно до вас доберусь, прикрою вашу малину! - подступил вдруг к Волхву председатель. Тот усмехнулся и ничего не сказал.

Участковый поморщился, махнул:

- Ладно, Василий Григорьевич, поехали, криком тут не возьмёшь...

Небо совсем затянуло, запокрапывало, загромыхало уж над самой головой.

- Ну, всё, поехали...

Участковый сел к председателю, туда же и Рогов с Хомутовым уселись. Пётр трактор завёл.

Ехали под ливнем, высвечивая путь фарами, да и молнии вспарывали чёрную непроглядь...

...Хомутов только к утру более-менее очухался, что-то связанное, осмысленное начал говорить.

- Ведь всё как игра сначала... Ну, серьёзная игра... Общественная организация у них. «Историко-патриотический клуб «Белоризец» называется... Как я квартиру-то согласился продать - вот чего не могу понять! И деньги на их счёт перевёл... Ох, дурак-то! - Хомутов обхватил голову-то ли от отчаяния, то ли от боли.

- Чем вас всё время поили-то? - спросил Рогов.

- Дурью какой-то, не знаю...

- Пиши заяву в милицию.

- Бесполезно.

- Ну, к журналистам обратимся. Надо же и остальных вытаскивать.

- Обратимся. Да прикроют они всё, распускают всех «белоризцев»... пока...

Они вышли из электрички.

- Где жить-то будешь?

- Ну, попрошусь снова в общагу институтскую... А пока не знаю... к Колобку попрошусь... А всё-таки, знаешь, Олег - интересно, всё это очень интересно - «белоризцы», «библиотека Ивана Грозного»... Я, между прочим, с Петром - а классный мужик, да? - договорился, на следующее лето к нему поеду, сдаётся мне, что холм-то тот не простой - могила арийского князя... Ты как?

- Как всегда, - усмехнулся Олег Рогов.

Павел КРИВЦОВ.
Из тетралогии
«Господи!
Зачем мы Тебя
оставили?..»

ПРОЩАЙ, МОЛОДОСТЬ

Рассказы

**ЮРИЙ
ГРИШОНКОВ**

Юрий Александрович Гришонков родился
1 мая 1978 года в г. Соколе.

Учился в школе, служил в армии.

Сейчас работает программистом.

Заочно учится в Литературном институте.

Живет в селе Устье.

«Вологодский ЛАД» публиковал повесть

Юрия «У матросов есть вопросы»

(№ 4, 2007 г.), отмеченную на областном
совещании молодых писателей.

Предлагаем читателям новые рассказы
прозаика.

АСФАЛЬТОВЫЙ ЗАВОД

Восторженные статьи красовались во всех газетах одного старинного русского города, описывая грандиозную затею руководства области: «Новый асфальтовый завод по передовой немецкой технологии было решено построить в нашем городе на средства городского бюджета. Он, согласно техническим данным фирмы-производителя, сможет заменить половину асфальтовых заводов области. Выгода налицо. Руководить монтажом и вводом в эксплуатацию завода на месте прибыли из Германии двое инженеров. В помощь им была выделена бригада местных строителей...». И так далее. Газеты предвещали, что завод будет приносить дивные прибыли и мы вот-вот покончим со второй русской бедой. А наши автомобили помчатся по широким и ровным хайвэям мимо пшеничных полей и тенистых лесов родного края. Правда, воплотить мечту в жизнь взялись те, кого классик причислил к беде первой...

Был февраль, морозило прилично. В восемь часов утра в вагончике-теплушке, специально привезенном на место строительства, собралась бригада Фокина. В закоптелой буржучке потрескивали дрова. Работяги мирно подремывали, сидя за столом. Двое молодых скромно жались поближе к печке и втягивали шеи в тощие, из искусственного меха воротники новеньких бушлатов. Бригадир пока не было.

Натужно гудел светильник, ему вторил раскатистый, кричающий храп сварщика Петрухина. Никто не слышал, как к строительной площадке подъехал автомобиль.

- А ну подъем, за работу! - незлобно гаркнул бригадир Фокин, когда вошел в тепляк. - Давай, давай, давай, давай! Сейчас начальство приедет.

Тела задвигались, заворочались, неохотно оставляя свои места. Холодный воздух с улицы увивался вокруг ног, словно суетливый пёсик, хватал морозным прикусом за икры.

К стройплощадке один за одним прибывали страшные черные автомобили, моргали фарами и рывками сигналами. Машины мастью попроще парковались в отдалении, на обочине. Последней прибыла самая черная машина, самая страшная. Из нее вышел пузатый, лоснящийся от геля и благоухающий одеколоном мэр, повел манерно ручкой - тут же величавую, царственную фигуру окружили люди поменьше, посерее. Мэр встал перед видеокамерой, стал что-то смачно сплевывать в торчащий перед мордой микрофон. Окружающие одобрительно кивали.

«...тенденция развития экономики обла... новые возможности рефор... как критерий производ...» - слышалось сквозь порывы ветра.

Фокин со своей бригадой стоял в стороне, мужики дрожали от холода, переминались с ноги на ногу. Щуплый, кривенький Петрухин дрожал сильнее всех.

- Долго этот критерий нас морозить будет? - ворчал Петрухин.

Но мэр, похоже, тоже начал замерзать. Напоследок он еще выдал что-то про «приоритеты развития аграрного комплекса региона» и уехал. Свита умчалась за ним.

Мороз и ветер свели на нет все предварительные работы по подготовке стройплощадки. Снег пришлось разгрести по-новой, землю разогрели кострами. К монтажу приступили только через неделю.

Монтаж заключался в том, чтобы скрепить между собой болтами отдельные готовые агрегаты. Для наших строителей такая технология возведения промышленных объектов была в диковинку. Для наших завод - это же основа промышленности, он навсегда, навеки. А тут: свинтили производство из конструктора, скрепили болтиками и погнали, значит, готовый продукт. А чуть что, разобрали обрат-

но - и на другое место. Нет, это для нашего привыкшего к основательности и монументальности человека было свыше всякого понимания. Поэтому сначала мужики упорно игнорировали болты и порывались скреплять детали при помощи сварки и цемента, на что немецкий инженер по имени Ульрих вскидывал к небесам удивленные очи и хватался за голову. Второй инженер (он родился в восточной Германии, а не в западной, как первый) был более-менее знаком с российскими традициями хозяйствования и упорно разъяснял на ломаном русском языке вперемешку с жестиком необходимость соблюдения всех технических требований. Звали его Рудольф.

К концу месяца морозы усилились. Немцы оделись в утепленные комбинезоны с подогревом на батарейках. В комплект спецовки напих работяг такой шик не входил. Пришлось прибегнуть к традиционному русскому способу согрева. На это немецкие инженеры сначала реагировали крайне негативно, возмущались и страшили доложить руководству, но потом смирились, обреченно махнув рукой.

Пили много, самозабвенно. И чем холоднее было на улице, тем самозабвеннее пили. Со сдачей объекта опоздали на две недели. Но, правда, никто из начальства этого не заметил.

На первый пуск прибыло все руководство города. Когда завод загудел, зашевелился и выдал первую порцию теплого черного месива, чиновники зааплодировали, закивали удовлетворенно головами, прикидывая в уме суммы сэкономленных бюджетных средств и ощущая на лице легкий румянец от неминуемых похвал вышестоящего начальства.

Ежедневно завод должен был выдавать сотни тонн асфальта. Месяц работы - и можно отремонтировать все дороги в области. Мечта казалась так близка. Немцев расцеловали, поблагодарили, щедро одарили матрешками и отпустили с миром на историческую родину. А завод, наварив тонн тридцать, вдруг остановился. В чем дело, никто понять не мог. Все вроде

бы работало, вертелось, кипело, но готовый продукт не выходил. Для лечения «запора» срочно вызвали инженеров-немцев.

Битум в системе завода всегда должен быть разогрет до температуры свыше двухсот градусов - так полагалось по немецкой технологии. Пока ждали германских коллег, завод вхолостую сожрал несколько тысяч тонн топлива.

Немцы довольно быстро нашли неисправность: вся проблема была в настройках компьютера. Оказалось, что весь процесс производства управляется компьютером. Вот это новость! И в компьютере (невероятно!) двенадцать способов приготовления асфальта: для зимы, для лета, для осени, для весны и еще для чего-то... К тому же программа работы предусматривает точное соблюдение всех технологических норм и стандартов, в том числе и состава смеси. Если какого-то ингредиента не хватает - процесс переходит в режим ожидания, и пока ты не дашь привередливому агрегату требуемого компонента, так и будет впустую пыhtеть и тужиться. Оказывается, все должно загружаться своевременно. А когда у нас в России бывало все и своевременно? У нас страна большая, и своевременно успеть нет никакой возможности.

Немцы что-то подкрутили, настроили, поменяли программу на компьютере - и процесс пошел снова. Начальство успокоилось. Но не догнали и до ста тонн, как завод снова встал. Что такое?! Пришлось во второй раз вызывать немцев.

Немцы прибыли, но на этот раз никак не могли понять, в чем дело. Три дня ломали головы, мучились, а причину так и не нашли. Городская власть начала проявлять беспокойство.

К концу пятых суток немцы были близки к панике. Уже хотели запросить консультацию из Германии, но тут Рудольф случайно нашел большой камень в куче песка, привезенного для изготовления асфальта. Наконец причина была найдена. Хотя это, вопреки ожиданиям, вовсе не обрадовало

германских специалистов, а, наоборот, ввергло в сильнейшую депрессию. Оказывается, устройство сортировочного блока завода предусматривало, что в песке, который загружался в систему, не должно быть камней крупнее куриного яйца. Это условие оговаривалось в договоре с поставщиком песка. Когда же немцы заглянули в сортировочный ящик, то оказалось, что он был полностью набит булыжниками, по размеру не меньше арбуза.

«Их всех посадить нужно!» - кричал на своем немецком языке инженер Ульрих, имея в виду поставщиков песка. Садить, конечно, никого не стали. Немцев как могли успокоили и заказали из Германии детали для ремонта. Бригаду Фокина снова привлекли для работ. Для монтажа заказали автокран.

Пока ждали машину с запчастями и кран, бригада глушила водку. Немцы поначалу проявляли недовольство, потом просто молчали и терпели, а после трех дней безделья и сами втянулись в загул. Водка оказалась прекрасным средством коммуникации: после первой же бутылки языкового барьера как не бывало.

Детали из Германии прибыли раньше, чем кран из ближайшего строительного управления: пока в администрации составляли договор, пока согласовывали, пока подписывали, пока перечисляли деньги, пока, наконец, нашли трезвого крановщика... В общем, прибывшая из Германии фура с деталями стояла без дела несколько дней. Двое водителей жили все это время в кабине автомобиля.

Наконец, кран прибыл. Крановщик тут же присоединился к пьянке. В самый разгар веселья в тепляк ввалились продрогшие водители фуры, что-то быстро и энергично заговорили по-немецки.

- Что они хотят? Выпить? - спросил пьяный Петрухин у пьяного Рудольфа.

Рудольф что-то прохрипел в ответ. Водителям налили водки. Те, немного подумав, выпили. Общение пошло быстрее. Удалось выяснить, что

из-за сильных морозов вышла из строя система отопления грузовика. Водители позвонили в сервисный центр, в Германию, а сами намерены искать гостиницу.

- Они чё, из Германии сервис ждут? - возмутился крановщик. - Совсем с ума сошли.

- У них так полагается: договоры, гарантии... Всё такое, - попытался пояснить Фокин.

Но крановщик не слушал бригадира. Он уже тянул одного из водил за рукав к выходу.

- А ну, пойдем, я гляну, - кричал он.

Крановщик со знанием дела откинул капот, что-то там потрогал, потом залез в кабину, снова выскочил, потрогал, опять залез, завел двигатель...

- Хы! Делов-то! Шланг у вас порвался, и тосол весь вылился. Счас сделаем. Беги в магазин за бутылкой, немец.

- Найн, найн! Вас махэн зи?! - закричал вдруг водитель.

- Чё найн-то? Сделаю я, говорю. Не надо сервиса. Шланг только поменять да тосолу залить. Делов-то - тьфу.

Немец еще что-то быстро и эмоционально говорил, когда к грузовику подошел Фокин.

- Не хочет он, чтобы ты ремонтировал. Нельзя, говорит. Сервис нужен, - обратился он к крановщику.

- Как же они так живут-то! - в сердцах проговорил крановщик, махнул рукой и ушел пить водку.

Через два дня прибыла машина сервисного обслуживания. Трое здоровых механиков в ярких спецовках и с чемоданчиками в руках осмотрели грузовик, поменяли шланг, залили тосол и уехали обратно.

На следующий день немцы наотрез отказались от водки, взялись за работу. Крановщику тоже не дали опохмелиться.

Завод кое-как восстановили. Сверху бункера для загрузки песка мужики приварили металлическую решетку с мелкой ячейей. Производство снова пошло своим ходом.

Но долго завод все равно не проработал: только дело стало налаживать-

ся, только приноровились наши рабочие к заграничной технике, как вдруг выяснилось, что это никому не нужно. Прошли выборы - власть сменилась.

В конце лета прибыли немцы, развинтили болты, разобрали завод по частям и увезли в неизвестном направлении. Наверное, в другой год...

ПРОЩАЙ, МОЛОДОСТЬ

Безногий сапожник - это и смешно, и грустно. Хотя больше грустно, чем смешно.

Филипп Иванович не всегда был безногим, но сапожничал с детства. И когда пьяный водитель Степанов на автомобиле «ЗИЛ» лишил Филиппа Ивановича потребности носить обувь, сапожник не бросил свое ремесло. «Эх, теперь уж точно сапожник без сапог!» - грустно сказал он и стал приноравливаться к новой жизни.

На протезах Филипп Иванович ходит так и не научился; они без дела лежали под столом, обутые в блестящие хромовые ботинки, и пугали случайных гостей злоедей нелепостью своего обличья. Передвигался Филипп Иванович либо на руках, либо на дощечке с колесиками, которую сам смастерил.

Жил Филипп Иванович в маленькой каморке над жэковскими гаражами, там же и работал. Каморка не была приспособлена для жилья, и по документам считалась токарной мастерской, отапливалась железной печкой, в сильные холода быстро выстужалась, и огонь приходилось поддерживать круглые сутки. Кроватью сапожнику служили поставленные в ряд деревянные ящики и накрытые сверху разным тряпьем. В качестве стола использовался бывший верстак. Единственным предметом мебели, изначально предназначенным для этого, был деревянный стул с мягкой обивкой, которая, однако, теперь вся износилась, порвалась, и Филипп Иванович накрывал ее старой мешковиной.

В каморке Филипп Иванович жил уже три года, почти никуда не выхо-

дил, общался только с теми, кто нес на починку обувь. Питался сапожник как придется: иногда еду приносили знакомые, иногда съездить в магазин соглашался кто-нибудь из водителей ЖЭКа.

Самым отзывчивым был водитель Сашка, молодой веселый паренек с курчавой головой и лицом, словно масленичный блин - круглым, жирным и очень радостным. Сашка всегда широко улыбался, обнажая гнилые коричневые зубы, дышал мерзостью на окружающих, но при этом был так искренен и открыт, что вызывал только симпатию.

Бизнес у Филиппа Ивановича шел вяло. Каморка (с точки зрения маркетинга) располагалась очень неудобно: в промышленной зоне, на удалении от города. Поэтому клиенты шли неохотно. Большую часть времени Филипп Иванович бездельничал в одиночестве. Денег всегда не хватало. Пенсия по инвалидности, конечно, была, но уж очень маленькая. Филипп Иванович имел только третью, а значит, рабочую группу инвалидности, потому как не мог ежегодно приезжать в город на обследования и комиссию. Чтобы доказать, что он действительно инвалид и ноги у него никогда уже не вырастут, нужно было каждый год проходить массу кабинетов, получать кучу заключений от строгих специалистов. Сил на это у Филиппа Ивановича не было.

Основная часть дохода одинокого сапожника уходила на покупку дров и оплату аренды комнатухи. Любил он, конечно, и выпить. Из спиртного бюджет инвалида выдерживал только низкокачественные алкогольные напитки, в народе называемые бомиками. Средство для очистки ванн «Льдинка», средство для придания тонуса коже «Троян» и верх бомжовского изыска - настойка боярышника.

Филипп Иванович очень любил лето. Летом не нужно топить печь, сжигать ценные дрова, можно было выползти на улицу, посидеть на солнышке. Да и с едой проще. С приходом же осени Филипп Иванович начинал сильно тосковать. Зимой грус-

тишь меньше - ждешь весну. А осенью очень тоскливо. Ощущение уходя тепла точило душу, навевало тяжелые мысли. Осенью Филипп Иванович пил больше.

Однажды осенью в каморку вошел невысокий коренастый мужичок, грязный и оборванный. Он дрожал от холода, жался к топящейся печке и в первые минуты не мог произнести ни слова.

- Замерз как собака! Ужас! - наконец прохрипел гость. - Можно у печечки посидеть?

- Сиди, - равнодушно ответил Филипп Иванович.

Он в это время лежал на холодном тряпье, глядел в мокрое от дождя окно и соображал, где бы взять денег на бомик.

- Меня Колей зовут, - через минуту произнес мужичок.

Он, похоже, немного отогрелся.

- А я Филипп.

- Как-как? - удивился Коля.

Слишком неподходящим показалось ему имя Филипп для безногого бомжа.

- Филипп Иванович, - строго повторил сапожник, поняв причину Колиного недоумения.

Несколько минут оба молчали. Коля наслаждался теплом, Филипп Иванович тосковал.

- Откуда здесь? - прервал молчание Филипп Иванович.

- Да вот устроился сторожем. В гаражи.

- А выпить у тебя ничего нет?

- Сам бы с удовольствием, да только нету ничего.

Филипп Иванович закрыл глаза в надежде уснуть. К новому знакомому он потерял интерес. Так закончилась первая встреча Филиппа Ивановича и Коли.

Коле было сорок пять лет. Он был смугл и шершав, как все побродяги и выпивохи. Раньше жил в деревне, но сбежал от нищеты и безделья в город, бросив дом. Все лето обитал где придется, подрабатывал дворником, строителем, сторожем, плотником, стекольщиком. Почти месяц трудился в морге рабочим по вывозке тру-

пов, пока не уволили за пьянство. Потом - жиловщиком на мясокомбинате, истопником в бане. Самое лучшее место - грузчиком в продуктовом магазине. Там было сытно, тепло и очень соблазнительно на счет выпивки. Продержался в магазине пять недель, но всё же попался на пьянке и был изгнан, как Адам из рая. А на улице - осень. Октябрь. Недели две мылся там и сям, обнищал, опустился, прибился к уличным бродягам.

Но вот повезло: устроился сторожить в гаражи за небольшую плату и ночлег. Работа не пыльная: сиди-смотри да два раза за ночь проверяй территорию. Возле батареи в гараже Коля пустыми ящиками отгородил угол, устроил лежак. Одно плохо - холодно. Даже батарея не помогала. Но случайно услышал от водителей, что где-то наверху, в бывшей токарке, живет инвалид, а у него печка.

Так и познакомился Коля с Филиппом Ивановичем. Стал частенько заходить, то погреться, то просто побалакать. Филипп Иванович оказался мировым мужиком, делился выпивкой. С первой получки Коля накрыл стол. В качестве спиртного поставил бутылку абрикосового одеколона. Выпили.

- Эх, шик! - похвалил Филипп Иванович одеколон, когда отдышался и утер едкие слёзы. - Где взял такой?

- В универмаге. Роскошная вещь! Абрикос!

- А сколько стоит?

- Чуть дороже боярышника, но зато по объему - во! - Коля продемонстрировал пузатую бутылку, - почти в три раза больше.

- Шикарно, шикарно! - соглашался Филипп Иванович. - Надо бы попросить Сашку, чтоб привез еще одну.

Всю зиму Филипп Иванович с Колей лакомились абрикосовым одеколоном. Если кто из водителей едет на обед или по работе в город - сразу от Коли с Филей заказ. Больше всех страдал Сашка. Продавщицы в универмаге с опаской и подозрением косились на него, ежедневно покупающего абрикосовый одеколон, провожали недобрыми взглядами.

В выходные, когда особенно сильно хотелось выпить, никого из водителей на базе не было. Коле самому приходилось бегать в магазин. Его старые ботинки с трудом выдерживали дальние переходы, а однажды совсем распались на части. Филипповы хромовые оказались малы. Пришлось раскошелиться на новую обувь. На барахолке Коля увидел их - легендарные советские боты «прощай, молодость». Словно из счастливой юности, из далекой детской поры. Черные, войлочные, с классической застежкой-молнией спереди вместо шнуровки, почти не ношенные.

В гараж Коля вернулся счастливым. Боты теплые, удобные, легкие. Смотрелись, правда, немного убого, но зато гармонично с внешним видом владельца.

- Эх, хороши боты! - хвалил покупку Филипп Иванович. - Сам бы такие поносил.

- Ты и ноги-то не носишь, не то что боты!

Филипп Иванович не обижался на едкие шуточки по поводу своего увечья. Он давно смирился с судьбой и свое состояние воспринимал без эмоций. Не держал зла Филипп Иванович и на водителя Степанова и даже жалел его, попавшего в тюрьму.

Весна нахлынула внезапно, словно пищевое отравление. Раз - и захлестнуло всю округу грязными потоками. Поплыли по дорогам скопившиеся за зиму отходы, вскрылись мерзлые помойки. Город тошнило мутной водой, текли по улицам человеческие грехи. Территория базы утопала в грязной мешанине из снега, воды и мазута, струились из-под мастерских и гаражей масляные ручьи, смешанные с оттаявшими отходами и мочой.

Коля возвращался из города. Оттопырившийся карман придерживал рукой, стараясь аккуратно пройти по краю бровки и не замочить боты. Но тонкая подошва вязла в грязном снегу, а черный войлок мгновенно впитывал влагу.

Нога соскользнула с бровки, тут же Коля почувствовал в ботинке холодную, неприятную жижу. Он плюнул в

сердцах и пошел напрямик, не выбирая дороги. Намокшие боты звучно хлопали и разбрызгивали воду.

- Сидишь? Ноги боишься намокнуть? - с издевкой гаркнул Коля на Филиппа Ивановича, когда вошел в каморку.

- Что, завидно?

Коля скинул мокрые боты.

- Вот скажи, как ходить в такую погоду в войлочных ботах? Хоть бы немного повыше подошва была.

Филипп Иванович, смеясь, глядел на несчастную обувь.

- А давай я тебе гидроизоляцию сделаю, - вдруг предложил он.

- Как это?

- Лаком покрою водонепроницаемым.

- А у тебя есть?

- У сапожника все есть.

Филипп Иванович вытащил из-за стола железную банку с темными липкими подтеками.

- Ставь свои боты на печку. Пусть сохнут.

В банке оказалась густая тягучая масса. Лак. Филипп Иванович вырезал из бумаги трафарет с надписью «Adidas», нашел под столом в куче хлама ведро с остатками белой краски.

Коля все это время занимался ужином: готовил жареную картошку с луком. Когда боты подсохли, Филипп Иванович взялся за дело: по трафарету аккуратно вывел краской на каждой ботинке фирменный лейбл, затем снизу доверху покрыл войлок лаком. Смотрелось просто роскошно.

- Ну вот, лак подсохнет - и готово, - довольный своей работой, заявил Филипп Иванович. - За это дело не грех и глотнуть. Наливай абрикосовки!

Посидели в этот вечер хорошо. Уговорили Сашку съездить еще за одной, дошло дело до песен. Наутро проснулись больные, треморные.

- Надо бы опохмелиться. Как ты на это? - поинтересовался Филипп Иванович у Коли, заранее, впрочем, зная ответ.

Поскребли по карманам, насобирали. Коля надел «новые» боты, весеннее солнце радостно подмигивало в окошко.

Через час Коля вернулся смурной и раздраженный, хлопнул на стол бутылку. Боты с грохотом полетели в стену.

- Ты что, черта по дороге встретил? Чего такой дерганый? - заволновался Филипп Иванович.

- А иди ты! Я с тобой и разговаривать не хочу.

- Ого! А что так?

- А ты посмотри на свою работу, - Коля махнул рукой в сторону ботинок. - Сапожник хренов! Лак у него, понимаете ли... Изобретатель!

Филипп Иванович присмотрелся к обуви, тут же его разобрал дикий смех. Лак на ботинках потрескался, побелел и облупился на сгибах, сукно скукожилось, носки загнулись, словно у лыж. Не ботинки, а два взъерошенных, озлобленных монстра с надписью «Adidas».

- Ладно, не грусти, - сквозь смех сказал Филипп Иванович. - Весна на дворе. Скоро сандалии покупать надо. Смотри, какое солнышко. Эх, погулять бы сейчас!

Возвращавшиеся с обеда водители усмехались: возле гаража на двух ящиках сидели босой Коля и безногий Филипп Иванович. Припекало солнце, Коля шевелил грязными пальцами ног, блаженно шурился, улыбался. Возле ящика стояла пустая бутылка абрикосового одеколona.

- Ну что, боты старые, сидите? - смеясь, спросил Сашка.

- Сидим, Сашок, сидим, - медленно проговорил Филипп Иванович. - Ты бы это... сгонял бы за абрикосовкой.

ВРЕМЯ АПРЕЛЯ. ХРОНОГРАФ

**ОЛЬГА
СЕЛЕЗНЁВА**

Ольга Ивановна Селезнёва живет
в Шухтовском лесничестве
Череповецкого района.
Учится в Литературном институте
имени Горького
(поэтический семинар Эдуарда Балашова).
«Вологодский ЛАД» публиковал стихи
Ольги Селезнёвой в 2007, 2008,
2009 годах.
Представляем читателям прозу
Ольги Ивановны.

I

Это ещё не весна. Это лишь чистое и холодное преддверие её. Но с того самого момента, как только почувствую, что начались невидимые изменения в неподвижной белой природе, чувство весны, как будто случающейся впервые и не повторявшейся никогда, уже не оставляет меня ни на миг.

Я бросаю домашнее затворничество, которому предаюсь почти все зимние месяцы, обидевшись ещё в ноябре на долгий ночной мрак и белую неподвижность дня. Вдруг отбросив обиду, часто и подолгу брожу я по окрестностям и, примирившись с однообразием зимнего леса и зимних полей, приглядываюсь, прислушиваюсь к тому, что вот-вот начнёт происходить в мире и во мне, как в части этого мира. Мне нельзя пропустить рождение новой эры, потому что, только приобщившись к этому таинству, пережив его сердцем и отразив, как в зеркале, в своей душе, могу чувствовать себя счастливой и могу жить дальше. Приобщившись к весне, имею силы на то, чтобы прожить ещё целый год в ожидании следующей, случающейся впервые и не повторяющейся никогда.

Весна наступает в природе, как наступает эпоха Возрождения в человеческой истории. Весна свободна от календарных расчетов, приходит, когда захочет, и начинается каждый раз с нового.

В середине марта я еду из города, где гостила полдня, в свою лесную глушь, и дорога выводит к широкой развязке с двумя ровными рядами высоких фонарей. Самые нежные в природе вечерние сумерки - мартовские. Самые первые, самые ранние, и в этой нежности фонари автостреды светятся парной цепочкой серебристо-голубых и розовых огней, отражаются на мокрой дороге, на серых обочинах, в водянистом, зернистом снегу. Свет сизого неба, слива-

ясь с голубым и розовым светом фонарей, делает оттаявший асфальт сиреневым. Проводив меня по крылу развязки до питерской трассы, фонари, прощально просверкав, остаются сзади, а впереди слабо светится одно только небо, в мелких и ровных, как завитки каракулевой шкурки, сизо-розовых облачках. Вот с этого нежного, слабого света, переходящего из розового в сиреневый и сизый, с меркнувшего неба, с вечерних мартовских сумерек и начинается весна. Это чистое и холодное преддверие её.

II

Мартовский лес освещен предвечерним солнцем. С юга дует холодный ветер, и странно, что с юга и - холодный. Дует ветер и шевелит, раскачивает редкие подолы елей. Сосновоеловый бор стоит у самого нашего дома. Он ещё не стар, в полном расцвете сил, и вот уже больше десяти лет я наблюдаю, как с каждым годом он прибавляет в росте, матереет, неудержимо выносит в голубизну мощные кроны, а внизу на ядрёных стволах усыхают, отмирают худосочные старые ветки: сбрасывают деревья всё ненужное, отжившее и малосильное в своём жадном движении к солнцу, к воздуху, к высоте. На обречённых ветвях тускло блестит мелкая и редкая хвоя.

Я пришла в бор за сухой еловой жердью. В дровянике прихватила первый попавшийся на глаза топор - он оказался притупившимся, с мелкими зёрнышками ржавчины на блестящем лезвии. И надо бы поискать другой, поспоровистее, но нетерпеливо оглядываются увязавшиеся со мной собаки, стоя на тропинке, призывно взлаивают, помахивают светлыми «бубликами» хвостов. «Одно-то жердинку вырублю и таким», - думаю я и шагаю по дорожке, натопанной за зиму собаками и нами, и смотрю на голый, освещенный солнцем лес. В глубине бора солнца меньше; здесь темней, и не светятся розовым колонны стволов. Влажный сероватый снег липко сминается подо мной; ноги, обутые в меховые пимы, не провали-

ваются, не вязнут в нём. Слева от меня лёгонькая ольховая роща пестрит в лучах серыми тонкими стволиками.

Скоро я нашла, что мне нужно. На большой, в обхват, ели, у самого комля, в лоскутах коричневой отслаивающейся коры, белел сухой древесинной давно погибший пасынок. Росла ёлка лет пятьдесят назад не одним, а двумя стволами. Тот, что посильней, одолел, задавил брата-близнеца, вымахнул ввысь, разжирел и раздался. А братец зачах, захирел и всё больше с каждым годом сбрасывал жидкие ветки, всё реже и тусклее становилась его хвоя, наконец, совсем усох, и лишь сила привычки держит его на одном комле с родственником; тот же своим телом оброс-обхватил его основание здоровой мощной древесинной, не даёт упасть мёртвому, будто в запоздалом раскаянии не хочет расстаться с родственной плотью. Обстукав, обломав топором ветхие, рассыпающиеся сучки и пеньки от них, я тюкнула по сучине. Мёртвое дерево отозвалось весёлым звоном. Пыхтя и ругая себя (надо было всё-таки поискать другой топор), срубила я лесинку, обшоркала лохмотья мёртвой коры, отломала тонкую, как удилице, вершину, обняла правой рукой комель, пропустив конец под мышкой, и поволокла к дому. Длинный сухой ствол оказался неожиданно лёгким и послушно ехал за мной по раскисшему снегу. Такая жердь годится для многих интересных и полезных дел и вещей. На реке или озере такая жердь может стать прямой, гордой мачтой небольшого парусного судна. Напыжится, надуется пузырьём белый парус и потянет лодочку в тёплые, весенние страны. Мачта из мёртвой ёлки примет на себя и будет держать всю тяжесть ветра, начнёт спорить с ним протяжным подрагивающим голосом. Если же кинуть её поперечиной на два вкопанных в землю столба, можно сушить на ней бельё под солнцем. Простыни и наволочки станут пошевеливать, хлопывать на ветру белыми крыльями, расправлять их время от времени, будто пробуя воздух. И словый

пасынок почувствует себя птицей, морским альбатросом, случайно занесённым в чужое время и в чужой край. Для многих интересных дел годится длинная и тонкая еловая сушина. Но я, обстругав и проолифив её, затешу остриём толстый комель, и когда сойдёт снег, оттаёт земля в моём саду и прянут из неё очнувшиеся травы, я вкопаю четырёхметровую жердь рядом с незаметным пучком хрупких коричневых стебельков. В мае из центра пучка потянутся тоненькие серовато-зелёные змейки побегов и доверчиво обнимут, обовьют прочную опору. К середине лета мёртвый пасынок сплошь покроется тёмно-зелёной листвой, в которой одна за другой начнут распускаться белые крупные шестиконечные звёзды. Клематис - король вьющихся растений. Он увенчается своими цветами и листьями безжизненную жердь, бывшую когда-то молодой ёлкой. Мёртвое послужит живому и, в этом служении слившись с ним, приобщится к всеобщему вечному Воскрешению. Я лишь чуть-чуть помогу, перекину тоненький мостик от вчерашнего к завтрашнему. Знаю, что и без моих усилий не остановится ни на миг это бесконечное движение, перетекание от небытия к бытию, от тьмы к свету, из могильных земных недр - к солнцу и жизни: то, что имеет начало, не может не продолжиться. Но для чего-то ведь я живу, вижу и чувствую. Может, для того, чтобы муравьиной своей помощью порадовать Весну.

III

Дорога на юг - дорога к Весне. В усадьбе от крыльца до дороги машина трудно ползла по вязкой снежно-водяной каше, а по оттаявшему асфальту весело побежала. В правый висок сквозь машинное стекло мне светит солнце. Оно отражается в длинном белом поле, как в накрахмаленной и наглаженной простыни. Слева бегут в стороне от дороги невысокие сосняки и ельники, перемежаются берёзками. В закатных лучах зелёная хвоя отливает рыжиной; прозрачно розовеют берёзы и ольхи. До-

рога вильнула на восток, и солнце переместилось за машину, отразилось в обоих зеркалах заднего вида и так и ехало в них, удвоенное; несильно слепило глаза, пока дорога снова не свернула на юг. Перед мостиком через речку машину слегка обдало ледяными брызгами в прозрачной луже натаявшей воды. Северный склон Покрова ещё не тронут солнцем. Всё здесь ещё белое, зимнее, в голубых тенях, крахмально хрустящее. Лишь кое-где на гладкой дороге сквозь намокший и оледеневший снег темнеет асфальт.

«Ничего нет на свете лучше Весны», - думаю я, слушая, как шуршат шины по хрупкой корочке льда. Даже лето, чудесное, ласковое, всё позволяющее Лето не так удивительно. Летом все существа, родившиеся весной, уже привыкли жить и хлопотливо трудиться, забыв восторг своего рождения, забыв начало времён. Весна - это торжественные, священные мгновения сотворения мира, это момент Большого Взрыва, а лето - оно ведь почти навсегда просто продолжение бесконечной жизни и обычной, совершающейся по своим обычным законам Истории.

IV

Скоро, скоро! Ещё день-два, ну, может быть, три. И - свобода! «Нас примет радостно у входа». Все-то дорожки, все тропинки в лесу откроются. «Падут засовы», и «темницы рухнут». В конце зимы, когда ярятся последние метели и снегопады обрушиваются, как будто с новой силой, нам уже лень чистить от снега дорожки в саду и у дома. Всю зиму мы прокапываем в саду геометрически правильные туннели, а перед самым концом, в начале весны, в нетерпении забрасываем снеговые лопаты и так и бродим по белой пороше. Снег на валенках, сапогах тащится в дом; тонкими белыми следками в рубчиках от подошв остаётся на половицах и растекается светлыми лужицами.

V

Собаки разбудили меня в седьмом часу. Я погуляла с ними на поле; при-

дя домой, как заговорщик заговорщику, постучала среднему сыну:

- Вставай. Наст крепкий, пошли на болото.

На болото ведёт тысячу раз пройденная просека. Наст в лесу непрочный, я то и дело проваливаюсь. А длинный, худой Севка каким-то чудом удерживается на своих больших ступнях. Под широкими еловыми кронами наста вообще нет; плотный верхний слой снега разламывается подо мной, выворачивается белыми ломтями, открывая зернистое рыхлое нутро; ноги в нём неустойчиво скользят и тонут выше колена.

Наст в разные года бывает разный. Он бывает собачий и человеческий. Собачий - это как сейчас, когда собаки наши бегают, будто по половицам в доме, а я ухаю по колену. Бывает совсем хрупкий наст, когда и собака проваливается, но держится кошка. Беличий и мышинный наст - этот каждый год и не один раз за зиму, а вот человеческий только через год, через два образуется. Очень редко, раз в пятнадцать-двадцать лет, ложится наст лошадиный и лосиный. А ещё мы слышали от местных стариков, что примерно полвека назад случился в природе тракторный наст, и тогда старенький леснический «МТЗ» выписывал в марте по снежным полям, как по заполярному многометровому льду.

Этой весной в лесу наст еле-еле человеческий, испещрён хвойным опадом - мелкими рыжими чёрточками. Иду по нему осторожно, ступать стараюсь как можно легче, подбираюсь, подтягиваю себя вверх. Переносю ногу вперёд, нелепо взмахиваю руками при каждом шаге, наивно надеясь уменьшить вес тела, и мельком соображаю, что это не я сама, а инстинкт заставляет меня так смешно дёргаться. Нет бы идти прямо и просто, не обращая внимания на то, как крошится и ломается белый покров. Он лежит вокруг оглаженный, оплавленный весенним теплом, широкими воланами закругляется у пеньков и стволов, волнистыми коврами стелется под еловыми кронами, посеревший, пористый, ноздреватый.

Наконец вылезли на болото и тут запрыгали, затопали по твёрдой белой корке. Миновали корявые, низкие сосны и подошли к протаявшему, заросшему густым мохом «окну». Сфагнум плотно оплёл его поверхность, уже и тонкие ниточки клюквы протянуты к зыбкой сердцевине. Я подошла к краешку и потрогала, подавила ногой твёрдый, свалившийся от мороза мох. Под ногой захрустело, и «окно» пружинисто закачалось, затолкало в подошву, будто задышал, заходил широким боком разбуженный зверь.

- Мама! - предостерегающе сказал сын.

- Брось ты! - беспечно машу рукой.
- Здесь слой мха знаешь какой? Чтобы провалиться, нужно потрудиться.

Обогнули «окно» и мимо укрепившейся на маленьком островке большой берёзы вышли на безлесное пространство. Вот здесь наст так наст! Может быть, даже лошадиный. Неделю солнце давило и плавило болото своими лучами, а снег упорно отражал и отбрасывал их от себя. В этой борьбе родились крошечные хрустальные волны, бегущие по всему болоту на юг, навстречу солнцу. Медленно тающий снег испарялся и застывал на лету миниатюрными вздыбленными к небу бурунчиками в прозрачных бусинках - круглых льдинках. Бурунчики покрыли болото хрустящей волнисто-кружевной чешуёй, и конца-края не видно этому чуду, сверкающему под восходящим солнцем. Мы сначала восторженно кланялись невиданному наряду нашего болота, приседали и разглядывали с восхищением, а потом, не сдерживая радости (весна ведь! Самая настоящая Весна-волшебница! Это с её лёгкой руки оделось болото в причудливую ледяную сказку), мы забегали по безлюдному, нашему дикому болоту. Зазвенели, покатались из-под ног круглые льдинки-бусины. Собаки носились вокруг нас - под лапами со слабым музыкальным звоном взрывались ледяные фонтанчики, и Айна, наша серьёзная, обстоятельная Айна, скакала, как маленький рыжий конёк, фигурно выгибая шею и растягивая

пасть в улыбку, а у смеющейся Дюны язык болтался, как маленький лиловый флажок.

Побегали, побродили и у южного края болота вошли в густой приземистый сосняк, в толпу низких и корявых, не ввысь, а вширь, вбок и вкривь растущих сосен, с зонтичными кронами и короткой щетинистой хвоей. Сквозь лес светило солнце, и рыже-зелёная хвоя, озолочённая его лучами, была особенно плотной; мохнатые сосны казались от этого какими-то неземными, инопланетными деревьями. Погуляв под ними, повернули к дому, шли опять лесом и опять проваливались. Нырнули под повалившейся большой ольхой - на горизонтальном стволе длинной ледяной корочкой застыла влага, а сверху пластинки льда стояли торчком, будто гребень дракона. Прошли под высокой берёзовой аркой: вершину длинной и тонкой берёзки пригнуло снегом к земле ещё в начале зимы. Берёза вмёрзла лёгкой головой в сугроб и так и стоит, упруго изогнувшись, будто гимнастка сделала «мостик», а под «мостиком» два «КАМАЗА» в ряд проедут.

VI

По дороге на лесную плантацию у самой электролинии перешла я по насту, не проваливаясь, большую канаву и оказалась в светлом невысоком леске, среди молодых осин. Осина в сознании русского человека - символ горечи и тоски, беспросветности в судьбе, бедное Иудино дерево. В вечном страхе живущее дерево, латинское название которого так и переводится: тополь дрожащий. «В берёзовом лесу - веселиться, в осиновом - удавиться». Но эти толстенькие, крепкие осинки удивили меня. Так бодро стоят они под весенним небом! Розовеет у комля кора в мелких частых щербинках; угловатые ветки как будто ощупывают потеплевший воздух. Пережили деревья зиму и чувствуют Весну, чувствуют! Подойдя вплотную к стволу и закинув голову, вижу я: светлые, зеленовато-белые ветви, чуткие, врастают в яркую голубизну, как жадные корни.

VII

Весна вот-вот начнёт отсчитывать свои большие мгновенья, каждое вместит в себя столько, что покажется величиной с год, и всё, что произойдёт за этот год, будет небывало ярким, отчётливым, памятным.

Айна пробралась на застеклённый флигель: толкнула лапой лёгкую дверь - та послушно и плавно приоткрылась на пару секунд, и Айна, не спеша, с сознанием полного права ходить, где вздумается, протопала на флигель. Дверь с мягким стуком закрылась. Вчера я сделала здесь уборку: протёрла пыль, унесла вниз, чтобы сжечь в костре, ненужный хлам. Солнцу теперь просторно на верхотуре; оно входит в три широких арочных проёма, смотрится в зеркало шкафа, разваливается на большом старом диване. Айне тоже нравится лежать на этом диване. Она кладёт голову на боковой валик, так, чтобы удобно было смотреть вниз сквозь резные перила, и солнце блестит на её рыжей шкуре. В саду съеживаются, худеют сугробы, ещё недавно такие пышнотелые. И наст в лесу и на полях всё крепче: снег прессуется, плавится под ярким дневным солнцем, а к утру, схваченный морозом, твердеет, как выплавленный чугун. Можно прыгать, и бегать, и топать изо всех сил по белому ровному настилу: пока повыше не поднимется солнце, нерушимо лежит наст.

С Дюной мы пошли гулять на север. На севере от нашего дома есть небольшой еловый бор, чистый, без лиственного подлеска. Летом растут в нём высокие, в рост человека, травы и до поздней осени торчат длинные дудки купыря вперемешку с поблёкшими стеблями крапивы. Зимой ельник засыпан, наглухо укрыт снегом; лишь весной, сбросив тяжёлые снежные одежды, он просвечивает насквозь, и видно в нём далеко: редкие широкие стволы не мешают восходящему солнцу свободно гулять под кронами, скользить по розовому насту. Горизонтальные лучи ложатся на комли, проникают и в густые кроны, зажигая их, охватывают деревья сверху донизу.

Дюна залаяла на высокую ель. Наверняка белка. Еловые ветви нависают надо мной, как мохнатый великанский зонтик, в этой дремучести вряд ли я разгляжу маленького зверька. Белка, обнаруженная лайкой на дереве, обычно прикидывается к стволу или, вытянувшись, ложится на толстую ветку, сливается с ней. Выдать её может только свисающий пушистый хвост, но и его почти невозможно увидеть в вышине, среди таких же пушистых еловых лап. Дюна, как привязанная, со звонким лаем скачет вокруг ели.

- Пойдём, Дюна. Пойдём дальше, - зову я собаку, отойдя от дерева и оглядываясь. И тут вижу, как что-то светлое с лёгким свистом несётся вверх по стволу. В то же миг с другой стороны ствола гибкий зверёк, распушив хвост, прыгает-падает на ветку соседней берёзы, резво бежит по ней, падает вниз, на нижнюю ветку и снова летит на ёлку. Две белки! Играют, не обращая внимания ни на мои удивлённые возгласы, ни на Дюнины азартные вопли. Качается мохнатая хвойная лапа, стремительно стелется по ней маленькое светло-серое тельце - ап! Распахнувшись, раскрывшись, распушив хвост, летит-падает зверёк над самой моей головой, и у меня замирает сердце: промахнётся ведь! - ап! - белка уже на ближней сучье. А по ёлке с цоканьем и еле слышным свистом скачет, мчится её товарка. То ли это друг с подружкой в брачном весеннем безумстве, то ли два самца выясняют отношения. Белеют животами в тёмно-зелёных хвойных недрах, как две крошечные молнии, прошивают крону, и даже кажется, что серебристый след за ними остаётся и как будто дымится даже. А Дюна сходит с ума, танцует по кругу, выкидывает коленца, себя забыла. Белки летят друг за другом вниз по стволу, и болтается язык в жаркой собачьей пасти, горят глаза: ах, вот сейчас! Сейчас! Прямо в рот свалится! Я никак не могу отозвать её от дерева. И сама бы я не уходила, смотрела бы и смотрела на беличью акробатику. Как воздушные гимнасты, летают зверьки с ветки на ветку,

с дерева на дерево. Доверчиво распахиваются в полёте, широко обнимают воздух маленькими когтистыми лапками. Ап! - качается, пружинит кончик тонкой берёзовой ветки, приняв лёгкого зверька. Вытянувшись серой ленточкой, стремительно скользит белка - ап! И опять я ахаю и замираю, и не верю своим глазам. Как они умудряются?! Ведь когда летит, кажется, что неминуемо промахнётся, упадёт на снег, но безошибочно, точно вцепляется в свисающую ветку берёзы, как в канат, и, просвистев над самой моей головой, взмывает вверх по стволу.

Дюну надо уводить. Она уже не лает, а хрипит. Ключья пены летят с раскрытой пасти. Так и до сердечного приступа собаку можно довести.

- Дюна, пойдём!

Нет, никак.

- Дюна!

Нет, не может. Самостоятельно ей уже не уйти. Я бегаю за ней вокруг ствола, наконец, поймав, тащу от дерева на руках. Тяжёлая Дюна вырывается у меня из рук, шлёпнувшись на снег, вскакивает, несётся обратно. Я снимаю куртку, снимаю тонкую кофту с длинными рукавами, куртку снова надеваю, и она холодит, щекочет голые руки и плечи. Поймав собаку, завязываю кофту вокруг её шеи рукавом и полой. Дюна, мотнув головой, выскальзывает из мягкой петли. Белки над нами летают и летают, не обращая внимания на нашу возню; с визгом, шебурша коготками, носятся по стволу. Кусочки коры и сухие веточки сыплются мне на голову. Снова бегаю за азартно гарцующей Дюной, поймав, затягиваю трикотажный узел на шее так туго, чтоб только не задушить. Согнувшись в три погибели, тащу собаку прочь на толстом и коротком импровизированном поводке. Дюна, остывая, идёт уже послушно, неподобренная пола кофты падает ей на глаза, и она то и дело вскидывает голову, пытаюсь сбросить кофту и пугаясь взлетающей над ней ткани.

VIII

Иду навстречу солнцу, слегка проваливаясь и поскользываясь. Волосы

падают на глаза, блестят и не дают смотреть. Блестят длинные голые ветки придорожного ивняка, хвоя на еловых лапах, блестит снег вокруг меня. Ничего не видно, и нет ничего, кроме сплошного солнечного блеска.

IX

Все эти дни стояла ясная погода и ярко светило солнце. Но это всё ещё не была настоящая весна. Оттаяла и просохла асфальтовая дорога, но было холодно, морозно по утрам. Кое-где высывались из наста кустики сухого бурьяна, но полуметровые снега грузно лежали на полях и отталкивали, отбрасывали, не пускали к земле солнечные лучи, не давали зацепиться солнцу за чёрное, отзывчивое на тепло тело земное. И вот потянуло с юга мощно и ровно. За два дня съело толстенный сугроб на крыше бани, и в солнечном жарком дыму, в блеске и аромате весны, в пыли с просохшей дороги на глазах истончали и стали сходить снега. Земля и солнце выпили их, втянули в себя, и наступило: каждый день - другой. Кончилась эра неподвижности, началась эпоха великих изменений и преобразований. Каждый день - новый; с жадностью гляжу я в него; переменчива, мимолётна картина; и сладок и грустен каждый день: никогда-то он не повторится. Будут другие дни, другие вёсны, такие же чудесные, такие же неповторимые, но другие, другие... Этот день, этот миг уже навсегда в прошедшем, как капля воды, сверкнул ослепительно и пропал. Катятся, катятся капли, никогда не иссякнут, не останавливаются, не перестанут сверкать. И восхищаясь, и радуясь, грущу и печалюсь, жадно жалея каждую каплю, сокрушаюсь, как скупой рыцарь, что не могу сохранить, сберечь их все до единой.

X

Поздно вечером мы с Айной идём прогуляться перед сном. Спустились с крыльца в морозную свежесть и оказались под звёздами. А звёзды такие, каких весь год не бывало! Крупные, яркие, приблизились чуть ли не вплотную и уставились, не мигая. За

зиму картина неба изменилась, созвездия сместились к западу. Осенью над нашей крышей образуют большой треугольник три ярчайшие звезды: Вега, Альтаир и Денеб. Морозными зимними ночами, распахивая дверь дома в сверкающий звёздный мрак, я привыкла встречаться взглядом с вечно бегущим небесным охотником: Орион с блестящим мечом на бедре летит над южным горизонтом, над сумрачными снегами, а следом за ним, у самых его ног поспевает верный Большой Пёс. Синий Сириус в его груди - исполненное верности и отваги собачье сердце. Сейчас, в апреле, место Ориона занял царственный Лев; драгоценным перстнем на передней лапе горит Регул.

Звёзды такие яркие и крупные, что я теряюсь в их сиянии и блеске. Верчу запрокинутой головой, отыскивая знакомые созвездия. Идём по дороге к полю, и по мере того, как выходим из-под крон деревьев, звёзд становится всё больше; наконец, стали одни звёзды, смотрят неотступно. Спиной, затылком, плечами остро чувствую их близкое присутствие, и немного не по себе от их огромных молчаливых глаз. Мы ушли далеко от дома. Я постепенно разобралась в изменившемся звёздном абрисе. Узнала широко шагающего в зените Персея и наклонившегося на правый бок Водолея, нависшего над Геммой. На западе лучится жёлтая Капелла. Тихо идёт рядом со мной Айна, не убегает вперёд, не рвётся нетерпеливо, как будто тоже удивлена. Мы ушли глубоко в поля. Оглянувшись назад, вижу, как там, далеко-далеко, на северной границе неба, у самой земли, низкая и слабая, светит самая дорогая звезда - голубоватый фонарик на крыльце нашего дома.

XI

Небо бессолнечно. Затянута тонкими высокими облаками, изредка сыплет дождичком. Но с южным ветром непобедимо тянет теплом. Грязно-серый пыльный бурьян длинной грубой остью торчит из потемневших снежных ошметков, свисает с откосов дорог. Лес посерел, потускнел, как будто утратил влажность, как будто при-

сыпан пылью с оттаявших и просохших полей.

Я сняла с роз зимнее укрытие из елового лапника. Талый снег тяжёлыми разваливающимися кусками падал с холодных, сырых веток. От мокрой смёрзшейся хвои пахло на меня Новым годом, прошедшим декабрём, и я ощутила ясно, что прошлое - живое, никуда не уходит. Всё оно, даже самая малая его толика, тончайшими пергаментными свитками расположилось где-то глубоко во мне; подчиняясь законам памяти, лежит неподвижно, скрытно. Редко и смутно напоминает о нём какая-нибудь мелочь: звук, жест, запах. Но само прошедшее драгоценным грузом лежит нерушимо; тихонько, неслышно дышит в глубине подвижной, живой души. Всё где-то зачем-то сохраняется, для какой-то тайной, может быть, самой главной цели.

Жалко белеют небольшие пятна снега с северной стороны от построек и стволов деревьев, в узких ложбинках. На черёмухе потолстели, разбухли острые почки - похожи на акварельные кисточки, обмакнутые в салатную краску. Я легко отложила одну и растёрла в пальцах, с наслаждением вдохнула острый миндальный запах. Как сейчас быстро побегут дни! Вот и черёмуха эта, как будто на старте, вся в ожидании, в напряжении. Стоит посильнее пригреть солнцу, и лопнут, брызнут напружиненные почки, пойдут, пойдут отмерять, отмахивать, отхватывать кусками воздух, солнечный свет, синеву. Потянут соки из земли, жадно вгрызутся в неё молодые корни. Успеть! Свершиться! Вытолкнуть себя в мир бурлящей пены цветов, как можно скорей завязать потомство, дать созреть, дать сил для суровой зимовки, чтобы в долгую холодную эру не ослабело, сохранило в себе залог продолжения жизни - крошечный белый зародыш, плотной каплей свернувшийся под твердокаменной терпкой оболочкой.

XII

Весна, похоже, выдалась сырая и холодная. Редкие лоскуты снега всё

ещё лежат в западных и северных уголках леса. Уплотнившись до твёрдости льда, снег упорно не хочет сдаваться, а весне как будто не хватает желания мощно дунуть теплом и справиться с ним одним дуновением.

Изредка накрапывает холодный дождь. В поле, если остановиться и постоять, замерев, слышно, как с тихим шорохом просачивается вода сквозь массу прошлогодних трав, впитывается земными порами, будто земля пьёт холодную дождевую влагу миллионами устьиц и еле слышно причмокивает. Вчера вечером на западе разнесло сырую облачность, и, соскучившись в долгой разлуке, рванулось к земле заходящее розовое солнце, осветило холодный понурый сад. Заблестела мокрая хвоя, камни на дорожках, малиновые прутья дёрна. Оранжево засветились стволы сосен. Сад словно улыбнулся вымученно, как исстрадавшийся человек, которому твёрдо пообещали скорое избавление от страданий.

Утром на земле сгустился холодный воздух. Сильным заморозком выдавило из земли, из прошлогодней листвы и травы, из лежащего на земле мусора лишнюю влагу; закристаллизовавшись, она зацвела мелкими колючими цветочками. Под лучами встававшего солнца два мига длилось цветение утреннего инея, а в длинной тени елового перелеска - два часа. Я иду в этой тени и слушаю, как хрустит под ногами спёкшаяся от мороза тонкая плёнка из серых, умерших осенью трав. Айна забежала на широкий пласт нерастаявшего снега, упала на бок и перекатилась на другой. Лёжа, оттолкнулась задними лапами, поехала по белому, извиваясь и выгибая шею, как капризный ребёнок. Пока ещё не растаяли в тени последние куски снега, удивительным кажется сочетание весны, давно уже властвующей, и отблеска ясного зимнего холода, такого вдруг чистого и звонкого, что подумаешь: «А так ли уж плоха была зима?» Немного даже взгрустнёшь о ней, захочется набрать в ладони последний снег, слабый, умирающий, прижать к лицу, вдохнуть его тающий холод.

Пригрело солнце. На окраине небольшого леса, на южном склоне земляного бугра, где не дует ветер, тепло по-весеннему. Земля устелена прошлогодними травами, спёкшейся коркой лежат они на почве, придавленные, сплюснутые за зиму метровыми снегами. Не скошенные за лето тимopheевка и райграс в человеческий рост, красный клевер и овсяница полегли воинской ратью в неравной битве, превратились в тонкую и хрупкую, шуршащую плёнку. Только серые дудки купыря с широкими зонтами сухих соцветий устояли, не сломались. Их прозрачные скелеты, как призраки, высятся на ровном, безжизненном пока поле, и странно идти сквозь эти сухие заросли: кажутся стебли купыря живыми фантастическими существами. Я сломала один серебристый стебель, оборвала хрупкие соцветия - получилась лёгкая, полая внутри палочка. Была она такая лёгонькая, тёплая и приятная, что не хотелось выпускать её из рук. Задумавшись, шла я вдоль кромки леса и касалась щеки шероховатой поверхностью стебля, отламывала пальцами кусочки мягкой, как пенопласт, трубки. Собаки убежали к дальнему краю поля и скрылись там в молодом ельнике. Вдруг послышался недалеко от меня тихий шорох. Остановившись и приглядевшись к сухой траве под елью, я увидела ёжика. Испуганный моими шагами, но, видимо, не настолько, чтобы свернуться в клубок, он осторожно шёл по прошлогодним листьям, серый по серому. Я заметила его только потому, что он двигался и шуршал. Дошёл до небольшой ёлки и замер под её зелёной лапой, уткнувшись носом в сплетение сухих стеблей и ветвей. Я обошла ёлку, подобралась с другой стороны. Ёж до половины засунул в сухую траву, спрятал в неё голову, а другая половина туловища - вся на виду, и из-под колючей шубки, там, где колючки переходят в нежную шерсть и беззащитный живот, высывалась отставленная немного в сторону, замершая на полушаге чёрная ступня с толстенькой пяткой. Была она такая славная, эта крошечная

ежовая ножка, что я тихонько засмелась от умиления. Присела на корточки, осторожно опустилaсь на колени, сломала тоненькую веточку и легонько пощекотала чёрную кожаную пятку. Я представляла, как ёжик от щекотки вздрогнет и испуганно подожмёт ступню. А он не шелохнулся даже! Будто не его щекочут! То ли кожа у ежей на пятках такая нечувствительная, то ли у зверька выдержка железная. Если бы меня неожиданно пощекотал неизвестно кто, я бы так подпрыгнула! И, выпрямившись, я уже с уважением посмотрела на маленькое мужественное существо.

Опушка леса вышла меня к дороге. Собаки, похоже, убежали совсем далеко, и я не стала их ждать, перебравшись через широкий кювет, пошла по сухой и пыльной дороге к дому. Серые, неприглядные поля растлались вокруг. Светило солнце, и то и дело его заслоняли стремительно бегущие по небу облака. Налетевший с севера ветер сильно прошумел, как будто выдернул у меня из-под ног пыльное полотнище, затряс перед лицом. На зубах заскрипело. Одной рукой я поправляла разлохмаченные ветром волосы, другой стягивала полы куртки у ворота и зябко ёжилась.

Вчерашний день был холодным, но безветренным. Затягивалось туманом небо, пропадали в тумане поля, накрапывал дождь, но звон стоял от птичьих голосов. На болоте токовали тетерева, наполняли влажный воздух нежными, гулками трелями. Протяжно ухали лесные голуби, как будто грозили кому-то. Изредка ворон в вышине издавал мелодичный и печальный колокольный звук. И бесчисленные мелкие пичуги порхали, порскали на опушке леса, в саду и в туманных, пустых полях, тоненько пищали, свистели, чирикали. Сегодня ясно, солнечно, но птицы не любят ветра: он мешает им слышать, мешает им чувствовать друг друга; они затаились, ждут тишины и безмолвия воздуха.

Серые, неприглядные поля растлаются вокруг. Земля после зимы как после пожара - присыпана пеплом

сгоревших снегов. В этой бедности и серости скрыты до поры неповторимые цветовые гаммы и звуковые вариации; волшебное действие готовится тайно; в глубине под внешней скудостью сберегаются великие возможности.

Безвестная земля лежит в стороне от больших дорог, обезлюдела и зарастает в одиночестве диким лесом. Лишь Весна помнит о ней и никогда не изменяет. Свободная и своелюбная, она приходит, когда захочет, но каждый раз вовремя. Она приходит и запускает время, бывшее

до неё неподвижным, и время начинается вместе с весной. Начинается новая эпоха. Возникая из небытия, текут века и дробятся на годы. Годы рассыпаются на сверкающие капли - дни. Дни искрятся секундами, такими большими, что кажутся величиной с год. Весна богата временем и щедро оделяет им всякую землю, поля, и леса, и небо, и всякое живое существо, родившееся и живущее, и забывающее Весну, забывающее миг своего рождения. Но Весна каждый раз возвращает всему живому память и время.

Павел КРИВЦОВ.
Дорога (1967)

ТАЙНА ЧЁРНОГО МОНАХА

Повесть для детей

**АНАТОЛИЙ
ЕХАЛОВ**

Анатолий Константинович Ехалов родился 28 марта 1951 года в деревне Новинка Ярославской области в семье учителя.

Закончил факультет журналистики Ленинградского госуниверситета.

Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член Союза писателей России, автор десяти книг прозы и публицистики, многих сценариев для документального кино. Лауреат многочисленных премий и фестивалей в области литературы и кино: Валентина Овечкина, Николая Лескова, Владимира Гиляровского, «Золотой витязь», «Ника», «Золотой бубен», Государственной премии по Вологодской области. Знаменитыми на весь свет стали организованные Анатолием Ехаловым на просторах нашего края народные праздники коня и коровы, бани и топора... В конце прошлого года писатель выпустил книгу «Невероятное приключение на Белом озере». В ней описываются увлекательные приключения вологодских мальчишек, связанные с историей нашего края.

Недавно Анатолий Константинович закончил работу над новой книгой, которую мы публикуем. Ребята, уже известные читателям по книжке о приключениях на Белом озере, на сей раз попадают в Тотмю - город, где начинает свою работу школа путешественников Фёдора Конюхова...

Глава 1 ЗАГАДКИ НОЧНОГО ГОРОДКА

Мы с Мишкой сидели на береговой круче широкой и привольной реки Сухоны и любовались природой.

Над Сухоней догорал закат. Казалось, что на противоположной стороне реки за темной стеною соснового бора отсвечивал углями огромный костер. Но постепенно отблески его теряли свои краски, и река из нежно-голубой и золотистой становилась всё темнее и темнее, набирая иссиня-чёрной густоты.

Последний луч солнца вспыхнул на золотых крестах собора Вознесения в полуразрушенном Спасо-Сумоорином монастыре и угас тут же.

Старинный городок, почти сплошь деревянный, утопал в кущах садов и вековых деревьев, в большом обилии росших по улицам и скверам.

В городке было много каменных церквей, гордо возвышавшихся над городскими крышами. На фоне быстро темнеющего неба было явственно видно, что все эти храмы похожи на корабли-парусники. Интересно, откуда в лесной глуши за тысячу километров до ближайшего моря-океана эта морская романтика?

Тут поднялась из-за бора огромная луна, словно медный, надраенный до блеска поднос, и покатила величественно по небосклону, отражаясь в темно-синих водах Сухоны.

Скоро над куполами Вознесенского собора, зацепившись ручкой за утратившие золотое сияние кресты, заветился ковш Большой Медведицы. А в центре мироздания ярко и призывно зажглась Полярная звезда.

В городском парке на танцплощадке всё ещё играла музыка, но молодежь уже потянулась парочками по

заросшим столетними липами улицам в поисках укромных мест. Мы решили было идти спать, но тут под берегом у самой воды послышался хруст галечника и шорох осыпавшегося песка.

- Бе-е! Бе-е! - раздалось под берегом капризно.

- Что, радость моя? - отвечал ласково надтреснутый старческий голос. - Устал Малютушка-то, козлик мой самолучший. Погоди, вот уж дома будем. Водичей ключевой тебя напою. Палаты у тебя сенцом свежекошенным выстелю. Отдохнешь!

Нам пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть происходившее внизу.

Там, у самой кромки воды, копошилась маленькая, совсем крохотная бабуса. В одной руке у нее была крючковатая палка, в другой она держала на веревке беленького козлика.

- Вот погодит-ко, уж фонарик достану, - продолжала она разговор с козликом. - А то темень такая, так и входа не найду.

Вспыхнул внизу огонек и почти сразу пропал. Пока наши глаза привыкали к темноте, бабуса с козликом исчезла, словно испарилась.

- Что за чудеса? Показалось, что ли? - повернулся ко мне в недоумении Мишка. - Нет их на берегу ни выше, ни ниже по течению. Такое ощущение, что бабуса сквозь берег просочилась.

- Еще одна загадка, - согласился я.

- А я чувствую, что таких загадок здесь будет много, - подытожил Мишка.

Луна была высоко, и в призрачном свете ее городок стал совсем сказочным. Темные очертания церквей и колоколен, похожих на корабли-парусники, создавали впечатление, что мы находимся в какой-то средневековой морской гавани. Казалось, что настанет утро, прозвенят корабельные рынды, и эти корабли-храмы снимутся с якорей и уплывут туманными ложбинами в неведомые далекие края.

И тут я увидел, как в темноте мелькнул на городских улицах белым пят-

ном уже знакомый нам козлик. Одетая в темную жакетку бабуса, видимо, сливалась с окружающим пространством, и я слышал только ее голос:

- Поспешай, поспешай, Малюта. На-ко вот тебе корочку хлибца...

- Бе-бе! - благодарно отвечал козлик.

- Тебе бы, Малюта, не козлом вдругорядь родиться, так, верно, снова бы на большом правлении был. Вишь, выходка-то у тебя, точно у боярина родовитого. - Бабушка разговаривала с козликом, как с человеком.

Я засмеялся. Но Мишка был серьезен.

- Как они очутились в городе? Только что были под кручей. Уму непостижимо, - сказал он озабоченно.

Не сговариваясь, мы двинулись вслед белому пятну, быстро удалявшемуся в сторону монастыря. Скоро, перейдя деревянный мосток через речку со странным названием Песья Деньга, мы оказались у величественной, хотя и изрядно побитой временем, осыпающейся монастырской стены.

И тут снова вспыхнул огонек, выхватив из темноты и козлика на веревке, и крохотную бабусю в черной жакетке, и снова мир поглотила мгла.

Через минуту зрение вернулось, но ни козлика, ни бабуси уже не было. Мы беспомощно озирались по сторонам... Ни звуком, ни шорохом не выдавала себя эта странная пара. Словно их никогда не было здесь.

Мы постояли еще, вслушиваясь в тишину. И тут где-то в неведомых глубинах под монастырской стеной раздался низкий металлический скрежет, словно кто-то открывал тяжелую кованую дверь. И от этого скрежета тело мое словно оцепенело, а душа заледенела. Я с трудом овладел собой.

- Ты слышал, Мишка? - спросил я свистящим шепотом.

- Жуть какая-то! - отвечал Мишка одеревеневшим голосом. - Идем лучше обратно.

И мы пошли назад, торопя шаги. Но никогда в жизни ни я, ни Мишка не признались бы, что там, у монас-

тырской стены, в какой-то момент нас одолевал страх.

Глава 2 КАРТА МЕРКАТОРА

Конечно, виновником того, что мы с Мишкой оказались в Тотьме, был наш старый друг с Белого озера.

Кронид Софронов объявился у нас в конце учебного года. Он был радостно возбужден, шумлив.

- Вот это да! - восклицал он, обнимая нас с Мишкой, - вот это вымахали за зиму. Мишка! У тебя башмаки, наверное, уже сорок второго размера?

- Сорок третьего, - скромно потупился Мишка.

- А ты, Санька? Ого! И Санька в гренадеры метит?

И правда, прошлые лето и зиму мы с Мишкой росли как на дрожжах, опережая своих сверстников. Да и в плечах раздалось так, что с нами теперь никто из одноклассников «кучу малу» разыграть не решался.

Бабушка Нина говорила, что наше быстрое взросление произошло благодаря жаркой животельной энергии Белого озера.

А вот дядя Кронид за прошедшую зиму, кажется, помолодел. Глаза его светились радостью, борода и волосы были коротко острижены, плечи развернулись. И во всем его облике была такая удалая молодцеватость. Бабушка Нина успела шепнуть нам еще в суматохе встречи:

- Наконец-то! Женится Кронидушка! Уговорил-таки свою Катерину. Только молчок. Пусть сам скажет.

А Софронов, едва выгрузил он на стол гостинцы - банки с соленьями, вареньями, вялеными лещами, едва обмолвившись с нашими родителями парой слов за чаем, потащил нас с Мишкой в мою комнату-каюту.

В руках у него была папка с газетными и журнальными вырезками.

Мы с Мишкой буквально впились взглядами в пухлую бумажную папку Софронова.

- Хотя некоторые исследователи давно уже говорят об этом и тому есть древнейшие свидетельства, - волну-

ясь, заговорил Кронид, - а вот мир пока глух и равнодушен к потрясающим свидетельствам прошлого нашей цивилизации... Думаю, что вас, будущих мореходов, они не оставят равнодушными.

Софронов развязал тесемки своей папки и в первую очередь извлек из нее необычную и, по всей вероятности, древнюю карту, украшенную затейливой виньеткой. По четырем сторонам карты располагались известные нам континенты: Европа, Азия, Америка. Можно было узнать Кольский полуостров, Новую Землю, Гренландию... По центру на карте был изображен в странной проекции некий загадочный континент, разделенный короткими, но широкими реками на четыре части. В центре континента, посреди внутреннего то ли озера, то ли моря возвышалась гора. И рядом с ней по-английски было написано, что это не что иное, как Северный полюс.

- Удивляетесь? - спросил весело Софронов. - Это карта Герхарда Меркатора, самого известного картографа средневековья. Карта таинственной земли Гипербореи, или Даарии, о которой писали все древние историки. Эта карта была создана Меркатором в середине шестнадцатого столетия.

- Так в те времена, я думаю, на Северный полюс еще не ступала нога человека. Откуда он мог черпать сведения? - сказал я недоверчиво.

- Наверное, думаете, что это выдумки наших необразованных предков? - остановил меня дядя Кронид. - Но так не только вы, но и многие ученые думают. Только вот дыма без огня не бывает.

Конечно, сам Меркатор не был на Северном полюсе. Но он использовал более древние карты. Удивительно, но древние историки и географы еще до нашей эры знали, что земля имеет форму шара, они создали атлас Земли, знали даже в точности длину земного экватора - 40 тысяч километров. Уверен, они знали много всего такого, о чем мы и не подозреваем. К сожалению, многие знания были утрачены.

- Как это могло произойти? - спросил Мишка. - Я думал, развитие идет только по восходящей спирали. Так недолго обратно в обезьян превратиться.

- Оказывается, у развития есть не только дорога вперед, но есть и обратный ход... Природные катаклизмы, войны, религиозные противостояния, идеологическая борьба - вот тот огонь, в котором сгорают цивилизации и знания о них.

Есть свидетельства, что после того как в XIV веке под ударами Османского царства пала Византийская империя, несколько месяцев турецкие бани топились исключительно книгами византийских библиотек... А сколько книг было сожжено инквизицией в Европе!

Но постепенно знания о прошлом возвращаются к людям.

Кронид снова обратился к своей папке:

- Вот хочу вам показать одну публикацию.

Это была заметка из газеты «Новый Петербург», снабженная картой Северо-Запада Европы, по которой красным пунктиром, словно натянутый лук, от Кольского полуострова через всю Вологодчину до Полярного Урала была обозначена некая горная гряда.

Разогретые таким загадочным вступлением, мы с Мишкой с жадностью вцепились в газету. Авторы Виноградов и Жарникова писали: «На далеком севере, где земля полгода покрыта снегом, протянулись с запада на восток великие и бескрайние горы. Вокруг их золотых вершин совершает свой годовой путь солнце, над ними в темноте зимней ночи сверкают семь звезд Большой Медведицы, а в центре мироздания расположена Полярная звезда. С этих гор устремляются вниз все великие реки Земли, только одни из них текут на юг, к теплему морю, а другие - на север, к белопенному океану. На вершинах этих гор шумят леса, поют дивные птицы, живут чудесные звери...

За горами этими полгода длится день и полгода - ночь, там воды зас-

тывают, приобретая причудливые очертания. Там в небе над океаном сверкают радужные водяницы - северное сияние, и только птицы да великие мудрецы знают дорогу в этот край...»

Тут я не выдержал.

- Я, похоже, знаю этот край! По всему выходит, что речь идет о Русском Севере. О наших родных краях! Так ведь, дядя Кронид? - спросил я напористо.

- Ты прав, Санька, - спокойно отвечал дядя Кронид. - Только дело в том, что так описывали свою прародину - Гиперборею в древнейших гимнах и песнях индийцы и иранцы.

Север - земля богов и предков, говорили они, с запада на восток отделяется хребтами Высокой Хаары, с которых берут начало все реки и в том числе великая Ардвиг-Двойная, впадающая в море Ваурукаша - то есть Белое.

- Так это же Северная Двина! - догадался Мишка. - Она образуется от слияния Сухоны и реки Юг. Потому и двойная.

- Но где же горы? - вскричал я с досадой.

С некоторых пор у меня в комнате висела карта Вологодской области, и часто я мысленно путешествовал по ней, но о существовании какой-либо горной гряды не подозревал.

- А ты внимательно посмотри на карту, - остановил меня Кронид. - Не забегай вперед. Видишь, с запада на восток, отмеченные светло-коричневым цветом, по шестидесятому градусу северной широты тянутся возвышенности? Это Северные Увалы. Их еще называют Земным Поясом. Именно с этих увалов одни реки текут на север, другие на юг.

- Да разве такими бывают горы? - я снова засомневался.

- А ты почитай, чего умные люди пишут, - возразил Кронид.

Мы снова погрузились в чтение.

«На водораздельном участке Северных Увалов, - писали Жарникова с Виноградовым, - найдете глубочайшие речные долины - до 80 метров и более. Это настоящие каньоны с крутыми

отвесными берегами. А геологи доказали, что десять тысяч лет назад эти каньоны были еще глубже на 150-200 метров. Соответственно, и горы были выше. Значит, горная гряда Высокая Хаара, о которой говорят в Авесте иранцы, была на самом деле высокой.

И еще. В районе Северных Увалов можно встретить такие названия населенных мест, как Харово, Харовская гряда, Харовка и т.д.».

- Я знаю Харовск, - сказал Мишка. - Это районный городок на север от Вологды. Мы ездили туда с отцом за рыжиками. Там, действительно, высоченные горы, и песок в реках словно золотой. Из него в Харовске стекло делают.

- Молодец, - похвалил Кронид Мишку. - Вникаешь. Ну, а выводы какие можно сделать из всего этого материала? - спросил, поглядывая на нас испытующе, Софронов.

- А то, что с индийцами, иранцами у нас, видимо, общие корни и общая история...

- И то, что история современной цивилизации начиналась здесь, на Севере, - добавил Мишка.

- Верно! - подхватил Софронов. - И что история эта сегодня мало изучена. А может быть, и сокрыта, недоступна для человечества.

- А что делать? - спросил я напряженно, чувствуя, что самое главное Софронов приготовил на завершение.

- Искать, братцы мои. Искать!

- Гиперборею? Даарию? - изумились мы. - Как искать, если она подолдами Ледовитого океана?

- Ничто не может исчезнуть бесследно, - ответил убежденно Софронов. - Тем более, если граница Гипербореи проходит через наши земли. Остались названия рек, местностей, остались в языке, наконец, свидетельства прошедших времен, как бы давно это ни было...

Глава 3 ТОТЬМА -

БОЖЕСТВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Большой двухэтажный старинный дом, где нам нужно было прожить

какое-то время, стоял почти на самом берегу Сухоны. Перед крыльцом его были установлены корабельные якоря, а над входом бронзовые, начищенные до блеска буквы сообщали, что это не что иное, а «Школа путешественников Федора Конюхова».

Нет, не зря рекомендовал нам ехать сюда Кронид Софронов, с которым мы провели прошлое, полное невероятных приключений, лето на Белом озере. А теперь вот Тотьма, школа экстремальных путешественников Федора Конюхова, знаменитого землепроходца и морехода.

В дверные щели из дома пробивались светлые полоски. В одном окне ярко горел свет, выхватывая из темноты росшие под окном белые кусты дурманяще пахнущих флоксов. В тишине оглушительно трещали кузнечики, а из раскрытого окна доносилось сухое перестукивание клавиш. Кто-то там работал на компьютере.

Мы потянули двери и вошли. Человек, сидящий за компьютером, был настолько увлечен работой, что даже не заметил нашего прихода.

Мы огляделись. По стенам комнаты были развешаны диковинные старинные карты. Одна из них оказалась мне знакомой. Она была цветная и походила на большой комикс. На ней паслись верблюды и медведи, скакали всадники, вооруженные луками, стояли юрты и шатры, поднимались зеленые кущи и горные хребты, голубели реки и моря. Мы нашли на ней Белое озеро, Сухону, Вологду и даже Тотьму... На другой карте был изображен Северный полюс, как бы его вид сверху. На ней посреди Ледовитого океана была изображена таинственная страна Гиперборея!

- Так это же та самая карта Герхарда Меркатора. Это ее показывал нам Кронид! - толкнул я Мишку.

И тут, человек, сидевший за компьютером, заметил нас, повернулся.

- А-а, гости у меня, - обрадованно сказал он. - Давайте знакомиться. Stanislaw Александрович Филиппов, краевед. - Он крепко пожал нам руки.

На вид ему было лет пятьдесят, офицерская выправка, седина в вис-

ках, худощавый, с веселыми насмешливыми глазами.

- Вы, наверное, в школу путешественников Федора Конюхова приехали.

- Так точно! - ответил я браво, сразу расположившись к этому просто и, видимо, доброму человеку.

- А я как раз исполняю обязанности заведующего этой школой. Школа только начинает свою деятельность, заезд курсантов будет через неделю, к тому времени и Федор вернется из очередного похода. Так что вы потропились немного.

Мы с Мишкой растерянно переглянулись.

- А нам сказали... - пустился в объяснения Мишка, но Филиппов махнул рукой.

- Не огорчайтесь. Пока с городом знакомьтесь, с музеями, с историей края. Тут у нас столько загадок, такая глубина, что не один год нужен, чтобы постичь наши скрижали, - успокоил нас Филиппов. - А сейчас картошку есть будем со свежепросольными огурчиками... У меня чудесная печка с инфракрасным излучением. Я ее по интернету выписал. За пять минут все приготовит в лучшем виде. - Станислав Александрович уже хлопотал по хозяйству.

И верно, минут через десять письменный стол превратился в обеденный. Печеная картошка, сливочное масло, зелень, огурчики, каравай черного хлеба, прямо-таки воздушного.

- Хлеб у нас знатный, собственной тотемской выпечки, - похвалился Филиппов. - Его на капустных листах пекут в русских печах. Этот хлеб сам по себе деликатес. Можно один хлеб есть, и не надоест.

Мы с Мишкой изрядно проголодались, и эта простая крестьянская еда показалась верхом кулинарного искусства. И хлеб, и картошку, и огурцы мы уписывали так, что за ушами и впрямь трещало.

За чаем я не удержался и спросил:

- А что это церкви у вас в городе такие странные?

Филиппов восторженно, глаза его загорелись.

- Ничего странного в этом нет. - Филиппов со стаканом в руке пошел к картам. - Взгляните на эту карту. Видите реку Сухону и впадающую в нее Старую Тотьму? Так. Теперь идем вверх по реке Тотьме, и вот мы почти вышли на водораздел, с которого одни реки текут на север, другие на юг.

Всего в километре от Старой Тотьмы, текущей на север, протекает большая река Унжа, приток Волги, устремляющийся на юг. Это кратчайший путь на Волгу. А из Волги в Каспий. Из Сухоны в Белое море можно скатиться за неделю, а через Вычегду, Печору, Усу, Сось - дорога в Сибирь на Обь... Наши предки знали эти пути и успешно пользовались ими. Дорог тогда не было. Дорогами были реки.

На водоразделах нужно было перетаскивать суда из одной реки в другую. И место это называлось волоком. Потому-то наши края еще зовут Заволочьем. И таким образом наши с вами предки добирались до морей-океанов очень даже быстро, - Филиппов перевел дыхание.

- Тогда понятно, почему церкви в этом городе так похожи на кораблестроения, - раздумчиво сказал Мишка.

- Да, ты прав, - обрадовался Филиппов. - Но этот уникальный стиль морских открытий проявился в тотемской архитектуре значительно позднее. В восемнадцатом веке, когда тотемские купцы - Черепановы, Холодиловы, Пановы - проложили дорогу через Сибирь к берегам Тихого океана, а через океан - на Аляску, в Северную Америку.

- Непостижимо! - ахнул я. - Представляешь, Мишка, каким жестоким испытаниям они себя подвергали. До Тихого океана все 14 тысяч верст, через тайгу, снега, горы, болота и бурные реки...

- А дикие звери, которые встречались им на пути, а немирные племена... - подхватил Мишка. - А шторма, морозы, голод...

- А как непросто, должно быть, построить в диких краях корабли, на которых можно было бы выйти в открытый океан, - продолжил я.

- Более двадцати морских экспедиций было собрано тотемичами на Аляску за мехами чернубурой, так называемой буртусской лисицы. С тех пор на гербе Тотьмы появилось изображение этого зверька. А церкви... это как благодарность Богу за счастье вернуться домой. Новая церковь ставилась в городе после каждой удачной экспедиции, и каждая походила на корабль-парусник.

- Удивительно! - сказал Мишка. - Сразу всё трудно осмыслить.

- Верно, Мишка! Масштаба не хватает, - поддержал я. Филиппов рассмехался.

- Тут у многих ученых дядей не хватает этого масштаба. Они даже нашу благословенную Тотьму пытались расшифровать как Тьму. Мол, Тотьма - это «То - тьма!»

- Ничего себе - Тьма! На Аляску забралась! - возмутился я. - А что на самом деле означает это название?

- Да все очень просто! В названии два слова. Первое - «тотем», то есть «божество», а второе - «ма» - «земля». Получается - Тотьма - «Божественная земля».

- А на каком это языке? - спросил подозрительно Мишка.

- А-а, вот тут-то мы вновь подходим к карте Меркатора. Видите, вместо полярной шапки на Северном полюсе, куда наш великий путешественник Федор Конюхов на лыжах в одиночку ходил, у Меркатора изображена таинственная и загадочная страна Гиперборея, еще ее называли Даарией, страной богов, о которой писали все древние историки и которую до сих пор ищут люди. А уже в конце XIX века индийский ученый Тилак назвал Арктику родиной современной цивилизации, а его последователи нашли тому множество подтверждений. И в первую очередь - язык, который дал основу для развития индоевропейского языкового древа, к которому относятся и французский, и английский, и немецкий, и иранский, и русский... Это санскрит - древнеиндийский язык.

- Так, получается, Тотьма - Боже-

ственная земля в переводе с санскрита, - сказал я.

- И еще многое в местных названиях можно легко перевести с санскрита. И Сухону, и Северную Двину, и Юг-реку... - отвечал Филиппов. - А почему? Да потому, что русский язык, его северные диалекты наиболее близки санскриту. Но это очень обширная тема. Мы ее обсудим с следующий раз. Скоро ко мне приедет товарищ, Алексей Виноградов. Он - литератор и в этом вопросе сведущ, поговорим. Здесь столько загадок, столько всего интересного, что пытливому уму хватит на всю жизнь разбираться... А пока - спать. Спать!

Глава 4 КАК ПРОЙТИ В БИБЛИОТЕКУ ИВАНА ГРОЗНОГО?

В тот памятный весенний день Кронид зажег в наших душах мечту о поисках Гипербореи. В качестве начальной точки поисков он и предложил Тотьму.

- Вот если бы человечеству удалось отыскать библиотеку Ивана Грозного! Еще ее называют Либереей, - мечтательно сказал Кронид. - Это уникальная бесценная сокровищница знаний прошлого. Грозный берег ее от посягательств, как зеницу ока. И когда скорострительно скончался, никто уже не знал, где он ее спрятал.

Известно, когда в Европе горели костры инквизиции, на которых сжигались не только люди, а в первую очередь книги и рукописи, не вписывающиеся в религиозные представления о мире, доверенные люди русского царя скупали эти книги и доставляли в Московию Ивану Грозному. Кроме того, бабушка грозного царя Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора, вывезла из горящего Константинополя с собой сотни сундуков с древними книгами и рукописными свитками. Без всякого сомнения, в этой библиотеке есть уникальные сведения и о Гиперборее.

- Потрясающе! - выдохнул я. - Только мы-то тут при чем? Уж наверное, эту библиотеку искало множество людей, и разве под силу ее отыскать нам?

- А мы чем хуже? - задорно просил Кронид. - Тем более, по моим сведениям, Либерей должна быть где-то здесь, недалеко от нас. Прошлым летом ко мне приезжал писатель-краевед из Вологды Шабанов. Книжечку свою оставил «Как пройти в библиотеку Ивана Грозного?». Так он уверял меня, что библиотека в Вологде, поскольку последнее описание библиотеки было сделано монахом вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Арсением Высоким. Улавливаете связь?

- Улавливаем. Но если бы она в Вологде была, так давно бы нашли. Велика ли Вологда?

- Тут мне, ребята, одна ясновидящая рассказывала, что будто бы ей про библиотеку эту уж много лет снится один и тот же сон, - раздумчиво сказал Кронид.

Мы с Мишкой сделали «стойку» и замерли, как охотничьи собаки перед добычей.

- Говори, говори, дядя Кронид!

Софронов усмехнулся.

- Уж не знаю, как к этому провидчеству относиться, но она утверждает, что библиотека не в Вологде, а в подземельях одного заброшенного монастыря. Она говорит, что ни разу там не была, но может рассказать все про это монастырь и его подземелья. И может указать точку, где искать.

- Так где это? - не выдержал я. - Где этот монастырь?

- В Тотьме.

- В Тотьме? С каких это рыжиков? - вдруг очнулся Мишка.

- Я наводил справки. Грозный дважды посещал Тотьму, через которую пролегал Северный морской путь в Европу. Последний раз в 1571 году. Посещал и Спасо-Суморин монастырь, тогда еще строившийся. Со временем он стал богатейшим монастырем России, владевшим доходными соляными варницами.

- Вот как? - задумался Мишка.

- Что я скажу, ребята! - оживился Кронид. - Я думаю, что вам нынешним летом нужно ехать в Тотьму. Там открывается школа всемирно известного путешественника Федора Конюхова. А заведующим этой школой стал краевед, мой добрый старый знакомый Станислав Филиппов. Он вас примет с распростертыми объятиями.

- Мы что, одни? А как же ты? - хором воскликнули мы с Мишкой.

Софронов замялся.

- Тут, ребята, дело вот какого рода, - смущенно сказал он. - Невеста меня не пускает... Женюсь я. Да и дочку бросать негоже.

- Какую дочку? - тревожно спросил Мишка.

- Вы ее хорошо знаете. - Кронид заулыбался и подмигнул Мишке.

- Так я и думал! - воскликнул я. - Лену, что ли? Золотую рыбку?

Кронид счастливо засмеялся. Мы с Мишкой бросились обнимать зарумянившегося Крониду Софронова.

Глава 5 ПЕСЬЯ ДЕНЬГА - СОЛЕНАЯ РЕЧКА

На завтрак была каша из пяти злаков. Вкусно! По заверению Филиппова, это самый энергетический продукт. Недаром лошади, питающиеся овсом, способны преодолевать огромные расстояния без передышки. Поэтому для путешественников каши - лучший рацион. Запомним!

С утра Филиппов, оставив нам ключ, уехал до позднего вечера по своим делам в область. И мы налегке отправились изучать город. Мы постояли около памятника поэту Николаю Рубцову и пошли пить морс, который прямо из бочки продавала улыбчивая девчонка.

Мы выпили по пластиковому стакану клюквенного морса и тут же, не морщась, выпили по второму. Девчонка всё улыбалась.

- А вы почему улыбаетесь? - нахально спросил я.

- Не люблю морщиться, - отвечала весело девчонка, - хотя и торгую морсом. Солнышко светит, тепло! Хо-

рошо ведь, правда, Алексей Васильевич? - обратилась она к интеллигентного вида молодому мужчине с чеховской бородкой и в темных очках.

- И правда, Светлана, хорошо... Как там у Рубцова сказано? - он тоже заулыбался и стал читать стихи: «А там, где овраг и березка, столпился народ у киоска и тянет из ковшика морс... И мухи летают в крапиве, блаженствуя в летнем тепле... Ну, что там отрадней, счастливей бывает еще на земле...»

- Это про нас с вами, друзья, написал поэт, - сказал, всё еще улыбаясь, Алексей Васильевич, и, поклонившись нам, пошел вдоль оврага к центру города.

- Это наш вологодский писатель Виноградов, - сказала девушка. - Он очень умный. И вежливый. Он мой жених.

Мы поблагодарили Светлану и пошли дальше. На городской площади около памятника тотемским мореходам сидели на скамейке старушки. Одна из них, маленькая, в черном жакете, резиновых сапогах, держала в руках суковатую палку и что-то энергично докладывала товаркам.

- Вчера пошла я к соседу Борису Васильевичу. Мол, помоги залатать крышу. Крыша-то у меня течет пылко. И козлик-то мой самолучший, Малютушка, следом.

Я вздрогнул. Это была вчерашняя бабуся с козликом, которая так загадочно то появлялась, то исчезала. Мишка тоже узнал ее и понимающе кивнул мне головой.

Мы остановились и прислушались.

- А Борис Васильевич-то руками замахал, - продолжала бабка повествование, - недосуг мне, бает, и вышел по какой-то нужде на коридор. А Малюта возьми и вскочи на стол, да слышу, уж там чего-то и боркает. Боркает.

Бабушки, сидевшие на скамейке, засмеялись.

- Так вот, до чего смышлен, маленькой. Написал Борису Васильевичу в картуз, да и прыгнул. А Борис Васильевич зашел, одел картузик-то и говорит:

«Вся-ко и у меня крыша течет. Полезу латать, так и тебе заодно укропаю». Вот какой специалист, Малютушка у меня, из ума сложен...

Старушки дружно засмеялись.

- Ой, Олександра! А где у тебя сам-то козлик Малюта? - спросила одна.

- А, девки, и не спрашивайте! Козлик-то у меня, говорю вам, не простой. Всю-то прошлую ночь не спал, маялся. Выйду ночью, не спит. Головушку опустит и ходит, и ходит, будто думу какую государеву лелеет. Упелался, так спит сегодня, сердешной, в своем кабинетике, ровно убитой.

Тут подошел старенький автобус, дверь распахнулась, и бабуся, словно ртутный шарик, живо закатилась в салон. Автобус ушел, а старушки остались сидеть в недоумении.

Мы с Мишкой тоже переглянулись.

Я сделал шаг вперед и обратился к бабушкам.

- Странная у вас знакомая - эта бабушка Александра, - сказал я. - И козлик у нее тоже странный.

- Санька-то Горошина? - ответила бабушка в очках с тяжелой роговой оправой. - Знамо дело, странная. Послушать ее, так ум за разум зашкочит.

- А где она живет? - спросил в свою очередь Мишка.

- А живет она по ту сторону реки, в Вышолзове. У нее не дом, а избушка на курьих ножках. Приметная, изо всего посаду одна такая.

- Мы ее вчера ночью уж в городе видели. А потом они вместе с козликом словно под землю провалились, - заторопился я высказаться, боясь, что бабушки потеряют к нам интерес.

- Не знаем, ребята, как и сказать, мы и сами-то в эти разговоры мало верим, - включилась другая бабуся. - Но уж если интересуетесь, так расскажем. Выползово-то - оно не зря так называется. Видно, в прежние времена на тот берег и в самом деле выползали. А вот откуда выползали? Говорят, что будто бы у нас здесь подо всем городом и под Сухоной рекой нарыты монахами со Спасо-Суморина монастыря подземные ходы. А дед Горошины в старопрежние времена будто бы был смотрителем подземелий. И

Горошину еще девочкой таскал за собой. Вот Горошина будто бы и знает заходы и выходы в те подземелья. Знает, да не говорит.

- Да только кто отважится в те подземелья спускаться, - затараторила вторая бабушка. - Однажды будто бы лихие курсанты с лесного техникума через подпол проникли в подземелье. Говорили, будто там чуть ли не настоящее метро под землей.

- По стенам там, рассказывали, ниши такие сделаны, а в нишах, страх Божий, всё черепа да кости...

- Этих робятишек вынесли чуть живых из подземелья. Говорят, будто бы ходит по подземелью да по монастырю страшный Черный Монах.

- Бородища торчит, глазища сверкают, в руках посох с дорогими камнями, а на руках-то мяса нет. Голые кости. Скелет это был в облаченье... Свят, свят... - И бабушки принялись усиленно креститься и шептать молитвы.

Мы с Мишкой оставили их и, не сговариваясь, пошли в сторону монастырских куполов.

...Я рассчитывал при дневном свете увидеть всё-таки то загадочное место, куда провалилась вчера бабка Саня со своим козликом Малютой.

Скоро мы вышли на вчерашнее место.

- Вот тут стояли мы, - сказал Мишка, указывая на автомобильную покрышку, лежавшую в траве.

- А вон там была бабка Горошина со своим козликом. Всего-то метров двадцать, - добавил я. - А теперь смотри внимательно. Нет ли здесь какого-либо провала или замаскированного входа в подземелье?

Мы буквально на коленках обшарили все прилегающее к этому месту пространство, но никаких признаков подземелья не нашли.

Замаявшись поисками, мы упали на траву и замерли, подставив солнцу лица.

Лежали мы так недолго, минут, может, десять, как раздались шаги.

- Робята! - окликнул нас кто-то, налегавший на крутое «О». - Может, вам чего помочь надо?

Мы встрепенулись.

Перед нами стоял высокий, крепко сложенный атлет в старом, заношенном до дыр спортивном костюме. На вид ему было лет около сорока, но глаза были по-детски наивны и доверчивы.

- Я Ваня Трутнев, - сказал он просто. - Я тут на берегу Песьей Деньги тренируюсь. Буду на День города рекорд ставить.

- Это интересно, - сказал я, разглядывая удивительного человека.

- В прошлом году на празднике города я поднимал две пудовые гири два с половиной часа. И поднял их три тысячи раз. А теперь хочу довести до трех часов...

- Вот это да! - воскликнул я. - Я таких сильных людей еще никогда так близко не видел. Вас надо в книгу рекордов Гиннеса занести.

- Да мне самому-то слава не нужна. Я в честь города стараюсь, - отвечал Ваня. - Может, вам чем-нибудь помочь надо? - опять спросил он. - Я на пенсии живу. У меня времени много. И силы у меня много. Вот и хожу по старикам, помогаю: воду ношу, дрова колю, картошку копаю. У церкви все дрова распилил и расколол. И вам помогу, чего - только скажите.

- А вы покажите нам, где можно искупаться? - попросил Мишка.

И на самом деле, солнце уже поднялось в зенит, было жарко и душно.

- Пойдемте, - охотно согласился Ваня.

Он привел нас к небольшому омуту под крутым берегом, заросшем черемухами. И мы все трое бросились в воду этой речки-невелички со странным названием Песья Деньга.

- А ты не знаешь, Ваня, почему так называется река - Песья Деньга?

- Знаю. Мне писатель говорил. Через реку царь будто бы проезжал. Иван Грозный. И застрял. Наши мужики кинулись ему подсоблять и вытащили карету из реки. Он стал им деньгу давать, деньга-то и упала в реку. Мужики и говорят:

- Мол, пес с ней, с деньгой-то. Зато царя посмотрели...

С тех пор и пошло Песья Деньга да Песья Деньга. А вон дальше будет Государев Луг, там царские шатры стояли, когда он к нам приезжал...

Обогащенные знаниями, мы нырнули в омуток раз, второй, и вдруг меня остановила какая-то особенность этой реки. Я зачерпнул пригоршней воды и попробовал ее. Поразительно - вода в Песей Деньге была соленой...

Глава 6 НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

От речки тропа привела нас под арку монастырской стены, за которой дорога резко шла в гору. Мы взобрлись на вершину холма, на котором стояли останки величественного монастыря. В одной части его находился действующий музей, в другой - небольшая гостиница с интригующим названием «Монастырские кельи». Третья являлась продолжением стены, пустовала и разрушалась.

- Тут у нас сначала лесной техникум был, потом военные стояли, - сказал буднично Ваня. - А теперь одни привидения живут.

- Какие привидения? - насторожились мы. - Ты сам-то их видел?

- Не-е, не видел. Но говорят, по ночам ходят тут двое в черном. Один большущий, страшный, другой маленький, с топором в руках... А на топоре будто бы кровь запекшаяся.

- А откуда они появляются, Ваня? - спросил я.

- Знамо откуда, из подземелья. Пойдемте-ка, я вам сейчас чего покажу.

Иван потащил нас к стене, в которой была арка, ведущая в подвал. Размерами она была ничуть не меньше, чем тоннель метро. В подвале была другая такая же арка с распахнутыми исковерканными железными дверями. Войти в нее было невозможно, потому что рухнули деревянные перекрытия, и часть стены просела, образовав завалы из кирпича, балок и кованой железной арматуры.

При виде тоннеля меня охватил внутренний трепет, неудержимо захотелось проникнуть туда, чтобы хоть

одним глазком увидеть, что там скрыто под толщей земли. Мишка тоже был заинтригован.

- Что это? - спросил он севшим голосом Ивана.

- Вход в подземелье, - спокойно отвечал Ваня. - Говорят, что по нему в прежние времена батюшка из Тотемского собора ездил в гости к игумену монастыря на тройке.

- А ты там был? - с надеждой спросил я.

- Не-е, - отвечал Ваня. - Всё некогда было. Я тренировался много.

- А пошел бы? - спросил с вызовом Мишка.

- Пошел бы, если кому чего помочь надо. Один бы не пошел.

- А с нами?

- С вами пошел бы. Вы ребята хорошие.

Мы с Мишкой переглянулись. Эту тему мы не обсуждали, и никакого конкретного плана насчет подземелья у нас пока не было.

- Здесь, наверное, не один вход в подземелье должен быть, - то ли сказал, то ли спросил Мишка.

- Это там, - махнул Ваня в сторону собора Вознесения.

Мы направились было к собору, но тут под аркой раздался знакомый смех. По тропке в монастырь поднималась девушка, у которой поутру мы пили морс. Вместе с ней был тот самый дядька с чеховской бородкой. Они увидели нас и обрадовались, как старым знакомым.

- Я устраиваю Алексея в эту гостиницу, - сказала Светлана. - Он хочет тишины и уединения, чтобы написать книгу.

- Лучшего места не придумать, - подтвердил Алексей. - А вы знакомитесь с историческими развалинами?

- Да смотрим вот, а Иван нам показывает.

- Тогда подождите нас, - сказала улыбаясь спутница писателя. - Алексей собирал материал по истории монастыря и Тотьмы. Он много всего интересного может рассказать.

Скоро они вышли из гостиницы, и мы уже впятером продолжили осмотр монастыря.

У северной стены наше внимание привлёк большой чугунный крест.

- Здесь предположительно должна находиться могила Ивана Кускова, одного из правителей Русской Америки на Аляске. - Алексей остановился у креста и склонил голову. - В конце XVIII века он основал в Северной Калифорнии форт Росс, который стал основной базой для продвижения русских в Америке. Это самый знаменитый тотемич, участвовавший в освоении Русской Америки. А вообще-то в те времена карты побережья Северной Америки, Аляски, Командорских, Алеутских, Лисьих островов в Тихом океане были испещрены именами тотемичей.

- Но почему именно тотемичи первыми устремились на Аляску? Ведь до Аляски страшно подумать сколько тысяч верст... - спросил Мишка писателя.

- Причина тому соль.

- Соль? При чем тут соль?

- Дело в том, что под городом на большой глубине в 100-200 метров залегают соляные озера. И тотемичи еще в XIV веке научились ставить рассольные трубы и качать изпод земли этот рассол. Потом из него выпаривали соль на огромных железных противнях - цренах. А соль, если помните, в средние века была настолько дорога, что наши солепромышленники стали богаче на глазах. Так что соль позволила тотемичам скопить огромные капиталы, и в середине XVIII века они проложили дорогу через Сибирь на Аляску, в Северную Америку и стали главными поставщиками царскому двору пушнины, которая также в прежние времена была невероятно дорога. Отсюда и появились имена тотемичей на картах Северной Америки.

- Здорово! Так, значит, под нами соленые озера.

- Точно так!

Мы обогнули совершенно роскошный, я бы сказал царственный, собор Воскресения, украшенный колоннами и портиками, и вышли на стрелку, откуда открывался вид на зеленую

долину и Государев Луг. Там внизу сливались реки Песья Деньга и Ковда. Эти речки словно подковой обгнали монастырь, превращая его в настоящую крепость.

- Тогда мне понятно, - сказал я, - почему вода в Песей Деньге была соленой.

- Соленой? - удивился писатель. - В Ковде действительно соленая, потому что солевары ставили рассольные трубы прямо в речке Ковде. Но Песья Деньга соленой никогда не была.

- Как же так? Мы оба с Мишкой пробовали. Соленая.

- Странно, - сказал писатель и задумался. - Надо это обстоятельство изучить.

Но в это время раздался призывный клич Ивана Трутнева.

- Идите сюда, что я нашел, - Ваня махал нам призывно руками.

Мы подошли к нему. Ваня встал на четвереньки, раздвинул руками траву.

В траве виднелась каменная кладка и кованая металлическая решетка.

- Это вентиляционное окно, - уверенно сказал писатель. - А там внизу подземелье, сооруженное монахами, видимо, при строительстве монастыря.

- А где в него вход? - оживился Мишка, пребывавший всё это время в задумчивости.

- А я знаю, где этот вход, он в соборе, туда еще ведут каменные ступени. И арка там, - заговорила Светлана. - Мы с ребятами тут все облазили, когда собор был открыт. Этот вход давно был завален всяким строительным мусором, битым кирпичом, что бы дети не спускались в подземелье.

- Интересно, а каких размеров эти подземелья? - Мишка осматривал территорию, словно хотел замерить скрытые под землей пространства.

Тут мы услышали со стороны Ковды металлический скрежет и шум газовой горелки. Мы осторожно подошли к зарастающему ольшаником и черемушником обрыву и увидели внизу двух рабочих, которые с помощью

лома и газовой горелки пытались что-то там учинить.

Приглядевшись, мы увидели железную, всю в заклепках, кованую то ли бочку, то ли трубу... Один конец ее исчезал в обрыве, другой был наглухо заварен. Его-то и пытались рабочие зачем-то обрезать.

- Что вы здесь делаете, друзья? - крикнул писатель. - Это охраняемая зона, здесь ничего нельзя трогать без специального разрешения.

Рабочие внизу торопливо выключили горелку и тут же исчезли вместе с баллоном, словно растворились. Должно быть, на реке в кустах у них была лодка.

- Наверное, они металлолом собирают, - предположил Ваня.

- Не похоже. Металлолома кругом полно валяется, зачем им лезть в монастырь? - засомневался писатель. - Тут что-то другое.

- И действительно, - согласился Мишка. - Наверное, это труба не простая. Если обрезать ее конец, то можно попасть в подземелье.

- Ты, Миша, правильно рассуждаешь, - поддержал его писатель. - Можно предположить, что подземелье здесь было заложено при строительстве едва ли не подо всем монастырем. А подземные переходы уходили в город и, как говорит молва, через реку на слободу Выползово.

- Невероятно! Получается, что под нами сейчас пустота.

- Вполне вероятно. - Писатель при этих словах притопнул ногой, и нам показалось, что земля под его каблучком отозвалась как-то по-особому. - Представьте себе, враг взял штурмом монастырь. Ворвались, машут кривыми саблями, а в монастыре никого нет. Ни монахов, ни защитников, ни горожан...

А ночью, когда враг, празднуя победу и довольствуясь малым, запирает ворота и ложится спать, неизвестно откуда появляется гарнизон защитников с ополчением и наносит ответный удар...

- Здорово! - я испытывал настоящую гордость за тотмичей. - Навер-

ное, там, в подземельях, монахи прятали и свои богатства...

- Несомненно. Устройство всевозможных тайников, схронов было в традициях наших предков. Уж слишком много врагов окружало Россию и пыталось завладеть всем, что создавал наш трудолюбивый народ.

- Может быть, здесь спрятана и библиотека Ивана Грозного? - спросил с надеждой Мишка.

Алексей посмотрел на нас с удивлением и ответил не сразу.

- Отрицать возможность этого нельзя. Думаю, библиотека стояла всех сокровищ России. А ситуация во времена Ивана Грозного была критическая. С юга то и дело нападали орды ногайцев, которые грабили, жгли, насиловали, угоняли в полон русских крестьян, крымский хан Давлет-Гирей при поддержке турецкого султана жил за счет грабежа России и торговли русскими рабами. С востока хан Кучум, придя из Бухары, захватил в Сибири власть и готовил поход против Руси. С Запада с благословения папы римского шел войной на Русь польский король Стефан Баторий, а с ним почти вся Европа. И пока Грозный отбивал вражеские полчища на Западе, из Крыма пришел Давлет-Гирей и выжег дотла Москву.

- Да это же какой-то беспредел! - возмутился я.

Писатель не стал возражать.

- И верно! Грозному не позавидуешь. Надо знать еще, что внутренний враг был страшнее внешнего. У Грозного были скверные отношения с боярами. Поэтому он жил в ожидании заговоров. Поэтому и хотел сделать столицу в Вологде, подальше от внешних и внутренних врагов, поэтому ездил в Тотьму. Так что я не исключаю, что библиотека могла быть спрятана именно здесь!

- Здорово! - обрадовался я. - А давайте попробуем найти ее.

- Легко сказать - найти, - остановил меня Алексей. - Для поисков нужны раскопки. А раскопки в исторических местах могут производить только специалисты, которые получают на

то специальное разрешение. Всякая самостоятельность наказуема.

- Надо же, какие строгости! - возмущился я. - Как заваливать, так никаких разрешений не надо, а искать... не положено.

- А как бы вы думали! Сколько их, охотников за богатствами, готовы всё перевернуть, взорвать, искорежить, чтобы добраться до богатств.

- А это нам знакомо, - сказал Мишка. - Видели мы таких археологов на Белом озере.

- А вы слышали что-нибудь о Черном Монахе, который является на развалины по ночам и бродит в соборе Вознесения?

- Я думаю, что это досужий вымысел, - отвечал, усмехаясь, Алексей.

- А я верю, что привидение существует, - воспротивилась вдруг Светлана. - А если бы его не было, его надо бы придумать. Что за исторические развалины, если нет привидений. Скукота одна.

- А давайте проверим! Ведь на встречу с привидениями не надо просить разрешения у властей! - неожиданно для самого себя предложил я. - Верно, Мишка?

- Я готов! - тут же откликнулся Мишка.

- И я! И я! - закричала радостно Светлана и хлопнула от восторга в ладоши.

- И меня возьмите с собой. Я вам помогать буду и защищать вас стану, если потребуется, - попросил Ваня Трутнев, протягивая к нам руки.

- Ну, что ж, подобралась замечательная команда! - сказал с воодушевлением писатель. - Сбор под аркой без четверти двенадцать.

Глава 7 ТЕФТЕЛИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ

Мы расстались до вечера. Светлана убежала продавать морс, писатель ушел в гостиницу, Иван отправился колоть дрова для музея, а мы с Мишкой пошли в город. Нам пора было пообедать: кишка кишке била по баш-

ке. Поэтому, когда на глаза нам попалась «Блинная», мы, не сговариваясь, спустились в нее.

Дородная тетенька в белом халате, стоящая за стойкой, была похожа на каменное изваяние.

- Нам блинов с мясом и капустой, - попросил Мишка.

- Блинов нет! Остались только тефтели железнодорожные, - ответила тетенька, не шелохнувшись.

- Почему железнодорожные? - удивился я. - Да ведь здесь до ближайшей железной дороги двести пятьдесят километров!

Тетенька не повела и бровью на мое замечание.

- Брать будете?

Мы взяли железнодорожные тефтели. Они были сделаны в виде железнодорожных шпал. Но всё равно вкусные.

Обиженная тетенька всё ещё ворчала за стойкой.

- Ходят тут, грамотные.

- Чего ты говоришь, Варвара? - спросил из кухни невидимый голос.

- Ходят тут любопытные да грамотные всякие... - ворчала Варвара. - С утра черный да рыжий были, про подземелье спрашивали.

Мы с Мишкой напряглись, и даже ложки застряли у нас в зубах.

- Это про наше-то, которое с берега во двор блинной выходит...

- Слышь, Мишка! - ткнул я товарища в бок.

Мишка выразительно округлил глаза и приложил к губам палец.

- Так я им и сказала, - продолжала Варвара. - Мало ли какие шаромыги ходят, потом стырят чего ни попадя...

- Чего у нас тырить-то? - весело отвечали с кухни. - Чего можно, всё давно стырено.

Мы с Мишкой проглотили поскорее тефтели и бросились, не сговариваясь, на берег Сухоны, туда, где провозжали накануне вечернюю зарю. Мы буквально скатились с обрыва на песчаный приплесок, где видели вчера бабку Горошину с козликком Малютой.

- Вот тут они были, Санька. Я точно помню. - Мишка показывал на ста-

рую березу, стоящую на обрыве. - Там сидели мы.

- Верно, Мишка, - поддержал я его. - А вот тут, метрах в пяти-десяти выше, они таинственным образом исчезли, как и у монастыря.

Мы полезли по осыпающемуся обрыву вверх, пытаясь отыскать вход в подземелье, о котором говорили тетяки в блинной и в котором, предположительно, исчезли вчера козлик с бабкой Горошиной.

Мишка первым добрался до ивового куста, росшего на обрыве. Едва он раздвинул ветки, как тут же отчаянно замахал мне рукой.

- Ко мне, Санька, - свистящим шепотом закричал он. - Нашел!

Я взвился, как кошка, и тут же оказался рядом с Мишкой. Мы протиснулись сквозь густо разросшиеся ветви и оказались скрытыми от всяких посторонних глаз. Прямо перед нами в корнях ивового куста был лаз высотой сантиметров в семьдесят, обложенный старинным церковным кирпичом.

С большой осторожностью мы заглянули в лаз. Из подземелья дохнуло на нас сыростью, древесной гнилью и холодом.

- Эге-гей! - крикнул Мишка в пустоту. Но голос его не вернулся эхом. Черная пустота была молчалива.

- Что, Санька? Идем? - повернулся ко мне Мишка.

Я, едва сдерживая волнение, первым протиснулся в лаз. Подземелье почти сразу же стало выше. В нем можно было уже стоять. Но глаза после яркого солнечного света отказывались служить в пещерном полусумраке.

- Слышь, надо бы хоть фонариком

запастись, - сказал я с сомнением.

- Ты прав, но раз мы уже проникли в подземелье, то попробуем пройти, насколько это можно, - отвечал Мишка за моим плечом.

Мы с осторожностью, практически на ощупь, двинулись дальше. Но прошли всего метра два, как моя рука уперлась в мощную решетку.

Глаза к этому времени восстановили способность видеть. Перед нами действительно была деревянная, скорее всего дубовая, решетка, перекрывавшая вход в подземелье. Сразу было видно, что решетка была древней, черной от старости, на ней рос лишайник. Мы уже вдвоем толкнули ее, но решетка не поддавалась.

Я опустил глаза. На уровне моего живота в кованых заржавевших петлях створок висел большой современный замок. Я взялся за него рукой.

Замок был в заводской смазке.

- Мишка! - прошептал я. - Если бабка Горошина вчера пользовалась этим переходом, то, значит, замок повесили сегодня.

- Кто повесил? Вот в чем вопрос, - так же шепотом отвечал Мишка.

- Может быть, эти любознательные из блинной. Черный и рыжий.

- Чего им тут надо? Может быть, они ищут сокровища монастыря... - высказал я свои подозрения.

- А не отправиться ли нам к бабке Горошине в Вышолзово? Может быть, от нее удастся что-нибудь узнать о подземельях, - предложил Мишка, когда мы были уже на солнце.

- Верно, Мишка! Вот оно, Вышолзово-то, рукой подать, на другом берегу.

Окончание в следующем номере.

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ ЗА ФРОНТОМ

Документальные очерки

Перед вами документальные очерки о деятельности вологодских чекистов в годы Великой Отечественной войны. Согласитесь, об их работе пишут нечасто, а сама служба безопасности окутана налетом секретности. Как бы ни было, но этот род службы охраняется нашими законами и отнесен к государственной тайне. И заметьте, чем выше результат борьбы с иностранными разведками, тем меньше люди знают об этом.

И хотя наша область в те годы значилась прифронтовой, ее не обходили вниманием враждебные нам разведки. В данном материале речь идет о двух разведках - немецкой и финской. Как они действовали тогда, было полностью покрыто мраком неизвестности. Позже методы работы чекистов стали более открытыми, они приобрели правовую основу, мрак во многом рассеялся. Объективно информированные люди имеют право рассказывать о событиях пусть даже давно минувших дней, когда это вызывает интерес у читателя.

1. ВЫЛИ ПО НОЧАМ ВОЗДУШНЫЕ ТРЕВОГИ

Вроде бы рядовое событие. Нас, молодых еще тогда журналистов, пригласили в областное управление госбезопасности. Был 1967 год. Что это за организация, мы знали и даже, откровенно говоря, побаивались. Но те, к кому мы пришли, были очень внимательны и корректны. Короче говоря, нас приняли, как очень хороших знакомых.

Разъяснилось все очень просто: вологодская чекистская организация готовилась к своему юбилею, и нам предлагалось воспользоваться их архивом (который до того дня для нашего брата был закрыт наглухо), чтобы об их работе люди узнали.

Нас было пятеро. И каждый даже в мечтах не представлял заглянуть в архивы службы безопасности. Каждый выбирал тему или происшедшее событие по своему усмотрению. Помнится, Владимир Аригин выбрал 1918 год, когда дипломатическая миссия переехала в Вологду, Альберт Варюхичев и Сергей Багров - отдельные события периода коллективизации в Кирилловском и Тотемском районах. Я попросил познакомить меня с документами периода Великой Отечественной войны, в частности - о борьбе вологодских чекистов с вражескими лазутчиками и диверсантами на территории нашей области.

Можете себе представить, перед вами десятки протоколов допросов этих самых диверсантов... Кто они, откуда, фамилии их собственные или вымышленные? В каком районе выбрасывались, когда и какова их дальнейшая судьба? Нетрудно представить и то, на какие размышления эти невзрачные серые папки наводили: моральное лицо этих людей, их возраст, образование, к чему их готовили в спецшколах и прочее, и прочее. Папки, которые я просматривал, похоже, не были никем востребованы с момента допроса и суда. Отдельная папка - о «вытегорском деле», как я ее обозначил...

Нетрудно понять то нетерпение, которое испытывал каждый из нас, когда материал появился в газете. Опубликовав пару очерков в «Вологодском комсомольце», мы поняли, какой интерес они вызвали у читателей. Ведь среди диверсантов рядом с вымышленными фамилиями встречались и настоящие, которые могли знать люди, населяющие ту местность, в которой они жили до войны. Каковы же цели, замыслы диверсантов? Хотелось глубже заняться изуче-

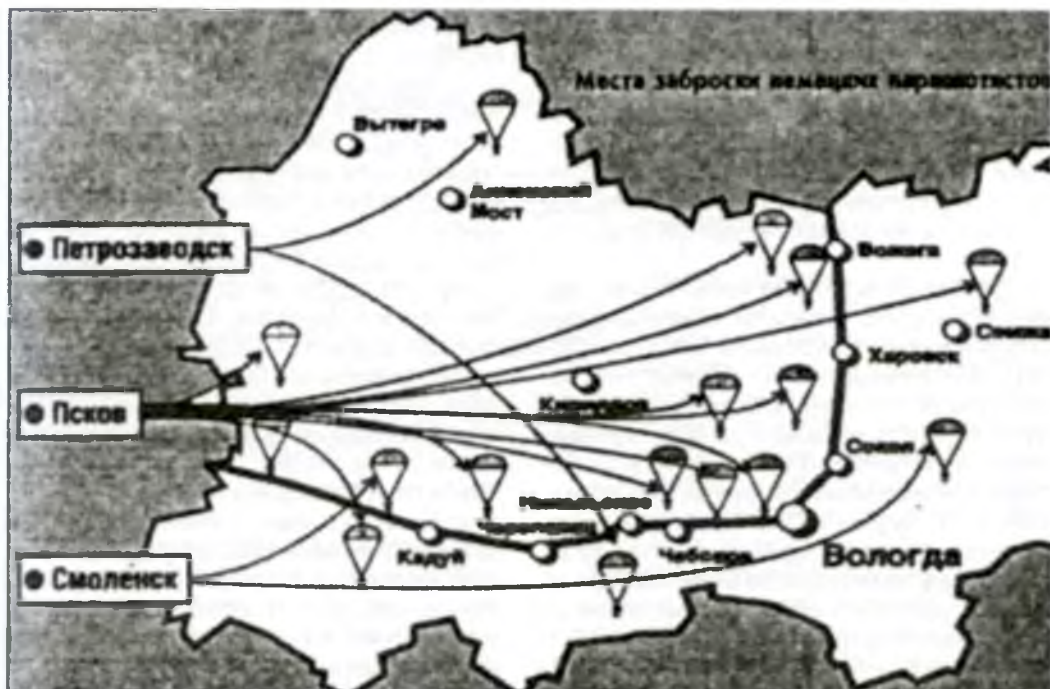

Схема оперативно-служебной деятельности истребительных батальонов Управления НКВД СССР по Вологодской области с января 1942 по ноябрь 1943 года. На схеме указано направление и место заброски диверсионных групп противника, количество захваченных диверсантов

нием архивов, но у меня начались перемены в жизни - переход на работу в «Красный Север». Там этой темой не заинтересовались, из-за занятости пришлось оставить архив...

Через несколько лет вышел на пенсию. Правда, продолжал работать в газетах внештатно. Частенько брал из своих папок бумаги - газетные вырезки, записные книжки (которые, конечно, сохранились), стал внимательно их просматривать, разбирать по тематике, по мере готовности. До этого, повторяюсь, просто не было времени бумагами заниматься.

Начал доводить их до ума: из черновых записей родилась рукопись документальных очерков. Я принес ее в новое здание ФСБ, рукопись была невелика, порядка сотни с небольшим страниц. Ее посмотрели, недели через две позвонили. Откровенно говоря, я не ожидал, что так благосклонно отнесутся к моим опытам. «Это нас устраивает, - сказали. - Но мы предлагаем расширить рукопись, по крайней мере, раза в три». Невероятно, но именно так и было! Чаще всего, когда

автор предлагает рукопись для публикации, ему сразу же предлагают ужать ее как минимум раза в два...

Оказалось, что в управлении ФСБ собраны воспоминания чекистов, принимавших участие в Великой Отечественной войне. Этим материалом до меня занимался опытный контрразведчик, полковник запаса, штатный сотрудник ФСБ с большим стажем Н.А. Белов. Я благодарен судьбе, что она свела меня с ним. Это знакомство благоприятно отразилось на работе с книгой. Сначала я попросил Николая Александровича уточнить воспоминания с авторами: если над ними поработать как следует, то получится отдельная глава в книге, причем довольно интересная. Пришлось многое начисто переписывать, не один раз перепечатывать. Все воспоминания рассортировал тематически: разведчики с разведчиками, артиллеристы с артиллеристами, моряки с моряками...

С Николаем Александровичем мы встречались бесчисленное количество раз: зимой - в управлении ФСБ, ле-

том - в детском парке, на скамеечке (точь-в-точь, как резиденты разведки). Нам была предоставлена полная свобода выбора материала. Никто не вмешивался в производственный процесс (только одна глава о «горячих точках» рецензировалась в Москве, но и там она прошла без единой поправки).

Доводилась до ума одна глава, мы ее обсуждали, вносили необходимые коррективы и отдавали на компьютер. Последняя глава - об участии вологодских чекистов в боевых действиях в «горячих точках», то есть в Афганистане и Чечне. Тут пришлось поработать с живыми участниками событий: В.В. Чурин и С.В. Пастухов были советниками в Афганистане. И.В. Митин из областной газеты «Красный Север» написал об офицере-чекисте Н.К. Узком, который погиб в Чечне.

Не так часто органы государственной безопасности и их сотрудники рассказывают широкому кругу читателей о своей деятельности. Специфика работы обязывает их «находиться в тени». Тайный фронт борьбы с иностранными спецслужбами диктует свои требования. Методы работы органов безопасности законами Российской Федерации отнесены к государственной тайне. Поэтому, когда самые объективно информированные люди рассказывают о событиях, пусть даже давно минувших дней, это не может не вызвать интерес у читателей. Авторы же воспоминаний о войне не смотрели на жизнь со стороны, они сами были участниками боевых действий, сами непосредственно организовывали многие события.

Ставшие крылатыми слова из фильма «Офицеры» «есть такая профессия - Родину защищать» в полной мере относятся и к сотрудникам органов государственной безопасности. Герои сборника «По обе стороны фронта» - патриоты, в основе их профессии - патриотизм, их «тайный фронт» не знает перемирий. Их патриотизм не призывы с трибуны, а конкретные дела, и время поистине им не позволяло в полнакала жить. Но они не герои-одиночки - они всегда

были с людьми и опирались на их поддержку.

...Более двух лет северо-западная часть нашей области имела точки соприкосновения с линией фронта в Оштинском районе (ныне он входит в Вытегорский район). Граница линии фронта проходила на самой северной оконечности Онежского озера. Был в то время и другой фронт, незримый, без линии фронта. О нем тогда не писали в газетах. На этом фронте не гремели взрывы бомб и артиллерийские залпы. Этот фронт был отмечен приглушенным гулом одиноких самолетов, обходящих стороной военные объекты и большие города. Здесь «сражение» шло в едва уловимом треске и шорохе ночного радиоэфира. Немецкую разведку тогда интересовали не только сам фронт, его боеспособность и боеготовность, но и потенциальные возможности тыла.

Вологда, бывшая долгое время прифронтовым городом, интересовала врага прежде всего как важный транспортный узел, через который шло передвижение войск и вооружений. Здесь формировались и проходили доукомплектование различные воинские соединения. В Вологде размещались тыловые службы Волховского и Карельского фронтов, Северного флота, управление центральной базы снабжения Наркомата обороны, дислоцировался крупнейший распределительный эвакуационный пункт РЭП-95, в состав которого входило несколько десятков эвакуогоспиталей. Вот почему в наших местах тайно появлялись фашистские лазутчики, устраивали неожиданные стычки, убийства, пытались подрывать мосты, железнодорожные узлы, распространяли провокационные слухи с целью посеять в прифронтовой Вологде и ее окрестностях панику.

В архиве удалось найти схему оперативно-служебной деятельности истребительных батальонов Управления НКВД СССР по Вологодской области с января 1942-го по ноябрь 1943 года. Она сплошь пестрит стрелами, исходящими от Петрозаводска, Пскова, Смоленска в сторону Волог-

Фальшивые удостоверения, выдававшиеся диверсантам

ды. В конце эти стрелы заканчиваются парашютиками - так схематично показано направление и место заброски диверсионных групп противника и количество захваченных диверсантов. Парашютики в основном группируются вдоль железной дороги, вокруг Вологды, до границы Вожеги, Харовска, Сокола. И только две стрелы уходят дальше на восток от этой условной границы. Вот об этих точках приземления на этой схеме и идет рассказ во многих документальных очерках некоторых авторов.

Рассказать о всех событиях захвата диверсионных групп нет возможности, но некоторые примеры в кратком изложении приведем. Достаточно назвать, что за годы войны в Вологодской области были захвачены 32 группы вражеских парашютистов-разведчиков и диверсантов численностью в 144 человека и 3 агента гитлеровской разведки, заброшенных в одиночном порядке.

Диверсионные группы для заброски в тыл создавались главным образом из предателей, оставшихся на оккупированной врагом территории военнопленных. Они наскоро обучались в спецшколах и засылались на нашу территорию.

16 октября 1943 года к начальнику разъезда Ноябрьский явился неизвестный в форме красноармейца и заявил, что он парашютист, сброшенный с немецкого самолета.

- Сообщите об этом в НКВД, - попросил он.

Далее он рассказал о том, что минувшей ночью их, пяти-рых парашютистов, забросили для сбора шпионских сведений и совершения диверсий на железной дороге. Трое из них - он - старший группы Аулин, радист Левин и агент Курбатов - решили сразу же явиться с повинной. Два немецких агента - Груздынин и Медведев - не собираются сдаваться. В случае нормального приземления они должны сообщить по радиции разведцентру и подготовить место для приема еще 30 человек.

Чекисты, проверив показания Аулина, с помощью радиста Левина направили усилия немецкой разведки по ложному пути. Они сообщили о том, что бывшие кулаки, выселенные в период коллективизации с Украины на Север и проживающие в Вологодской области, настроены враждебно. Если помочь им, могут подняться против советской власти...

«Первого ноября в условленном месте ждите пополнение», - радировали из немецкого разведцентра.

В Харовский район прибыли истребительные отряды. Начальник отдела областного управления госбезопасности Александр Дмитриевич Соколов и старший оперативный работник Дмитрий Данилович Ходан заранее подобрали для десанта широкую поляну в лесу на границе Харовского и Вожегодского районов. В назначенное время к месту высадки парашютистов вместе с Соколовым и Ходаном прибыли М.И. Фролов, В.А. Яковлев, Н.И. Воронин и другие. Руководство истребительными отрядами осуществляли А.Д. Соколов и начальник Вожегодского райотдела НКВД Д. Кошкин.

В назначенную ночь самолет не появился. Через сутки на той же поляне, окаймленной сумрачным лесом, вновь вспыхнули двенадцать костров, расположенных буквой Т.

В полночь послышался приглушен-

ный гул моторов. Чекисты и бойцы истребительных батальонов укрылись в засаде. В зыбких отблесках костров на фоне неба стали появляться белые купола парашютов. Ветер разносил их по поляне, словно снежные облака.

Не прошло и получаса, как «пополнение» фашистского разведцентра почти полностью оказалось в руках вологодских чекистов. Семнадцать парашютистов, едва выпутавшихся из строп, сдали свое оружие: пятьдесят три парашюта, две рации, восемь ручных пулеметов, двенадцать автоматов, одиннадцать пистолетов, двести восемьдесят тысяч рублей советских денег, несколько ящиков с взрывчаткой... Все трофеи достались сотрудникам госбезопасности. А немецкому разведцентру была передана радиogramма об успешной высадке десанта.

Один из парашютистов пристрелил себя. Он в форме сержанта Красной Армии последним покинул немецкий самолет. Его отнесло далеко в сторону. Напрасно он подавал условные сигналы после приземления - на них никто не отвечал. Спрятав в кустах парашют, «сержант» дождался рассвета и постучался в крайний дом деревни Бурачевской. Хозяин дома С.Н. Полагин впустил раннего гостя в дом.

- Из госпиталя я, папаша, - предупредил он расспросы хозяина. - На станцию надо да в часть. Покорми, я тебе заплачу.

- Покормлю, покормлю. Только до станции-то от нас далеко. Как же ты доберешься?

- На своих двоих. Не привыкать...

Полагин вышел в сени, достал из кладовки охотничье ружье, поставил его за дверь. Разыскал в рваном решете пяток яиц, предложил гостю.

- Угощайся. Чем богаты, как говорится...

Агент обвера Н.В. АЛЕКСЕЕНКО,
работавший под контролем
Управления НКВД

- Спасибо, папаша, вижу, что вы человек добрый, наш, русский. Вот тебе за доброту.

Гость выбросил на стол толстую пачку денег (как выяснилось потом, в пачке было 900 рублей).

- И фонарик еще возьми, мне он больше не пригодится. И покажи, как к железной дороге пройти.

- Покажу, отчего не показать...

Полагин пропустил гостя вперед, взял за дверь ружье. Почуввав недоброе, «сержант»

махнул через огород и устремился к амбару.

- А ну стой! - вскинув ружье, закричал хозяин дома. - Пристрелю, тебе говорят...

Гость не оглядывался. Полагин нажал на спуск.

Выстрел всполошил деревню. К дому Полагина прибежали соседи. Когда они стали подходить к амбару, раздался еще один выстрел. Это семнадцатый агент немецкой разведки в форме сержанта Красной Армии свел свои счета с жизнью.

Что же это за люди, добровольно завербовавшиеся работать на фашистов? В прошлом - почти все красноармейцы, оказавшиеся в плену. Муки лагерной жизни выдерживал не каждый. Доведенных до отчаяния, их увозили на поправку... И только потом открывали правду - они попадали в специальные школы разведчиков-диверсантов. Страх перед расплатой гнал дальше. Отдельные на подрывную работу шли сознательно. Но были среди них такие, которые стремились использовать выброску в тыл как избавление от фашистского ада, как возвращение на Родину с повинной.

Судя по протоколам допросов, диверсанты готовились в специальных разведывательных школах Германии, Польши, Эстонии, Латвии. Населенные пункты Стренч, Вану-Нурси,

Ораниенбаум, Вихула, Сагницы - вот где, по признанию парашютистов, дислоцировались эти школы. В них готовили самых различных специалистов темных злодеяний: подрывников, радистов, «идейных вдохновителей повстанческого движения», разведчиков. Перед отправкой за линию фронта каждая группа агентов получала специальное задание.

Вот, например, какое задание имели диверсанты Ф. Лукин, Л. Комиссаров, К. Травников, захваченные 17 мая 1943 года в совхозе «Северная ферма» Вологодского района группой бойцов истребительного батальона во главе с помощником начальника штаба капитаном А.С. Корзуном и техником-лейтенантом Карнаухом, оперативными работниками Д.Д. Ходаном и Н.П. Бацокиным и другими. «Цель - пробраться и осесть в Ленинграде. Собрать данные о дислокации и расположении воинских частей в городе; о наличии паровозного парка, действующих заводов и выпускаемой ими продукции, узнать количество ложных заводов, маскирующихся под действующие; установить место нахождения баз подводного флота и количество подводных лодок».

Кроме этого, они должны были выяснить политическую и экономическую обстановку не только в городе, но и в окрестностях. Все собранные шпионские сведения разведцентр принимал через радиостанцию в условленное время. После выполнения задания агенты немецкой разведки должны были явиться на пересыльный военный пункт, проникнуть в воинскую часть, отправиться на фронт - и перейти снова к фашистам.

Для выполнения задания лазутчики были снабжены удостоверениями личности комсостава РККА, красноармейскими книжками, командировочными предписаниями, справками эвакогоспиталей, продовольственными аттестатами, требованиями для проезда по железной дороге. На расходы им было дано каждому по 23 тысячи рублей советских денег.

И все-таки враги просчитались. Захваченные парашютисты рассказа-

ли, кого и для чего готовят в разведывательных школах немцы, помогли нашим органам госбезопасности выяснить не только дислокацию этих школ, их специализацию и назначение, но и личный состав как преподавателей, так и агентуры, готовящейся для заброски в наши тылы. Поэтому следователи областного управления госбезопасности Б.С. Есиков, И.А. Игошин и другие были заочно знакомы с диверсантами еще до встречи с ними.

Из показаний немецкого агента Груздынина чекисты узнали, что явившийся с повинной Федор Ефимович Сергеев попал в плен к немцам в сентябре 1942 года, служил в немецкой армии, участвовал в боях против своих. Был ранен, награжден медалью, которую носил во время пребывания в школе. Сам же Сергеев потом дополнил, что он предал 13 человек, собравшихся уйти из школы к партизанам, и использовался в тюрьме «на подсадке». Рассказал об усердии Ерофеева, Бахметова, Воцепуры в карательных экспедициях по борьбе с советскими партизанами.

Захваченные чекистами в Устюженском районе немецкие парашютисты И. Нестеров, С. Исправников, В. Казанский на допросах показали, что в феврале 1943 года приняли предложение немцев о вступлении в «Русскую добровольческую армию», затем были завербованы в немецкую разведку для диверсионной работы в тылу СССР, прошли подготовку в школе в эстонском городке Вано-Нурси. Перед выброской они дали присягу, сводящуюся «к клятве Гитлеру в верности в борьбе за освобождение Европы от большевизма»...

Все трое приземлились возле деревни Бывальцево Устюженского района. Успешное начало отметили обильной выпивкой. В пьяном угаре разболтали о своей приверженности Гитлеру жителям деревни. Проснулись незадачливые агенты под пристальным вниманием pistolетов советских чекистов...

Были по ночам над притихшими селами воздушные тревоги. Брались

за оружие подростки - бойцы вологодских истребительных батальонов - и уходили на борьбу с вражескими лазутчиками бок о бок с опытными в этом деле чекистами. В крошечной темноте под приглушенный шум моторов опускались с неба к нам «ночные гости», неся с собой черные замыслы. 60 винтовок, 54 автомата, 111 револьверов и пистолетов, 1156 килограммов взрывчатки, 1 437 682 рубля советских денег - вот каким багажом снабдили их шефы немецкой разведки. Но незваных гостей ждали люди беспримерного мужества - чекисты. Благодаря их усилиям, нередко сопряженных с риском для жизни, оружие врага поворачивалось против него же самого.

Р.С. Давно минувшая война еще до сих пор отзывается тревожными сообщениями. Например, 23 июня 1971 года дежурный по управлению КГБ Вологодской области принял сообщение, что на территории Вожегодского района, на станции Явенга, лесорубы нашли в густой чаще ельника металлический контейнер с оружием, боеприпасами и большой суммой советских денег. Денежные знаки, бывшие в обращении до реформы 1947 года, указывают на то, что тайник с оружием мог быть заложен, вероятнее всего, в годы войны. И предназначался он для незадачливых «ночных гостей»...

2. РУССКИЕ НАВЯЗАЛИ НАМ «ЗАДНИЙ ХОД»

Папка с архивными материалами о вытегорских событиях хранилась особняком. Она выглядела солиднее и объемистее других. Заглянув в нее и наскоро полистав, стало понятно, что в ней не только протоколы допросов, но есть кое-какие документы и даже... дневник, который вели финские разведчики. Значит, в ней документы о деятельности финской разведки в границах Вытегорского района.

В конце июня 1943 года в Вытегре было неспокойно. И не только потому, что за Оштой шли бои - там про-

ходила фронтовая полоса. Беспокойство вызывали чьи-то очень искусно замаскированные подрывные действия внутри района. Уехал, к примеру, по служебным делам в Вытегру следователь военной прокуратуры Череповецкого гарнизона старший лейтенант Соломатин - и пропал бесследно... В лесу - перестрелки... Около Ковжского озера была зафиксирована работа неизвестного радиопередатчика...

Местный истребительный батальон и воинские подразделения несли круглосуточную вахту на дорогах, возле населенных пунктов, на берегах озер Татарского, Ямсорского, у высоты 162, где снова был зафиксирован чужой радиопередатчик... Группа старшего лейтенанта Хромова напала на след каких-то неизвестных людей, но в перестрелке командир был смертельно ранен, а боец Гришин убит...

Вне сомнения, эти тревожные сообщения из Вытегры беспокоили и сотрудников управления госбезопасности. Откуда же взялся в этих глухих местах неизвестный радиопередатчик? Или перестрелки на берегах то одного, то другого озера... Наконец, людские жертвы. И все это в течение нескольких дней.

В Вытегру выехала группа оперативных работников областного управления. С ними были начальник штаба истребительных батальонов майор Ломакин, его заместитель капитан Корзун, инструктор штаба Карнаух, проводник служебно-розыскной собаки Дробышев. О «вытегорском деле» постоянно справлялись начальник областного управления НКГБ полковник Галкин, начальник контрразведотдела подполковник Соколов и представитель контрразведки Седьмой армии полковник Добровольский...

Наконец в штабе расшифровали перехваченную радиogramму, адресованную в Петрозаводск: «Ожидаем подкрепления. Когда получим? Ждем извозчика в 22-24. Уточните время». Бойцы истребительных отрядов валились с ног: они прочесывали и пере-

крывали все ходы и выходы к берегам озер. Но противник затаился, некоторое время не подавал никаких признаков. Выло решено усилить службу постов наблюдения за воздухом: «Извозчик-то», видимо, воздушный.

...Лесистые и топкие берега озера Татарского таились в какой-то напряженной, предостерегающей тишине. Бойцы даже воспрянули духом, когда с запада слышали нарастающий гул моторов. Четыре истребителя с темными крестами на крыльях сделали разворот над озером Татарским и пронеслись над его берегами. Второй заход им сделать не удалось: из-за остроконечных ельниковых гребней высоты 162 появилось звено наших истребителей и атаковало вражескую четверку. Не приняв бой, те поспешили восвояси.

А в это время на Ковжинский залив пытался совершить посадку гидросамолет без опознавательных знаков. Бойцы истребительных отрядов находились там в тщательно замаскированной засаде. Они обстреляли самолет из пулемета. Неловко клюнув носом, гидросамолет набрал высоту и взял направление на Тугаш-озеро. Но и там его поджидали...

Едва коснувшись воды, самолет резко повернул к берегу. На крыло выскочили трое в защитных комбинезонах, спустили надувную резиновую лодку и стали подгребать к берегу. Достигнув камышовых зарослей, они выскочили в воду, порезали ножами лодку и устремились в прибрежные кусты. Но их тут же остановил предостерегающий окрик «стой!».

Задержанные - Юрье Леменники, Армос Вяйсте, Вейне Ринне - признались, что прилетели в район Татарского озера за группой финских разведчиков. В тот же день заместителю народного комиссариата внутренних дел СССР была отправлена следующая телеграмма: «4 июля над Ковжским озером появился гидросамолет. Пошел на посадку на Ковжинский залив, но был обстрелян из пулемета. Экипаж пытался бежать в лес, но был задержан. Все трое - Леменники Ю.Е.,

Вяйсте А.Т. и Ринне В.О. - направлены в штаб Седьмой армии».

Разгадка вроде бы найдена. Значит, «нарушители спокойствия» на берегах Татарского и Ковжского озер - это финские разведчики, заброшенные в Вытегорский район. А эта инсценировка истребителей над Татарским озером - всего лишь отвлекающий маневр. Но что же интересует финских разведчиков в окрестностях Вытегры? Ведь с момента их появления не было ни одного взрыва, ни одного вооруженного нападения, если не считать убийства Соломатина и двух бойцов истребительного отряда. Но это могло произойти и случайно...

Все выяснилось через несколько дней. В очередной стычке у озера Татарского чекисты захватили оставленные в папках финнами дневник, кодовую карту с нанесенными на ней военными базами, пунктами охраны Мариинского канала, планшет, документы убитого Соломатина, парашют и резиновую лодку. Записи в дневнике помогли чекистам окончательно раскрыть замысел финской разведки. Впрочем, в этом легче убедиться любому человеку, даже неискушенному в разведывательных делах, прочитав записи в дневнике (приводим записи в подлиннике, с небольшими сокращениями, в переводе Трифонова).

«23-40. Выли уже на месте. После короткой передышки двинулись с края озера к месту назначения. Местность тяжелая - валежник, бурелом. То и дело встречаются поваленные толстые деревья, через них приходится часто перелезать. Видимость плохая. Вещевые мешки тянут к земле.

16-00. Остановились отдохнуть и закусить у озера Тугаш. Перебрались на болотистый остров - так спокойнее. Разговоры не клеятся. Хейки спросил: «Где построено самое большое судно?» Ответил, что такого еще нет. Тонем по колено в болоте. В сапогах вода. Патте хотел пройти мимо мостков, но провалился в трясину, и его пришлось вытаскивать. Комаров - до чертиков.

16-40. Видели большого красиво-го лося. Он повернулся в нашу сторо-

Д.Д. ХОДАН

ну... и даже не побежал. Патте пытался сфотографировать его. Но нам нужно не это».

А нужна им была полная картина эксплуатации Мариинской водной системы: пропускная способность судов через шлюзы, средняя глубина канала, военные базы на берегах, пункты охраны и многое, многое другое.

«20-00. Достигли местечка Малья. На запад от реки Андомы ведет пешеходная тропинка. На ней видны следы пешеходов. Нашли спуск к реке. Андома примерно шириною в 30 метров, извилистая. Местами можно переходить вброд.

15-00. Дали телеграмму: «Деревня Малья - 10 домов в плохом состоянии. Военных нет. Дороги - на юго-запад и юг. На начальной дорожке ожидаем подкрепление».

Похоже, что финские разведчики еще ничего серьезного не разведали. Лось, множество комаров, маленькая деревня, не имеющая никакого стратегического назначения... А они уже запрашивают подкрепление.

«10-45. Достигли деревни Пустынька. Эйно, Патте и я пошли на разведку. Видели трех девочек, собирающих

Л.Ф. ГАЛКИН

щавель. Мать, по-видимому, сварит им кисель. В деревне четыре красноармейца. К какому подразделению принадлежат - неизвестно. Один, кажется, нас заметил. Патте выпустил в него очередь из автомата... Решили идти тайком, не пользоваться дорогами. Их, как видно, охраняют».

Впервые увидели красноармейцев... Поняли, что дорогами пользоваться опасно, они, оказывается, охраняются?! С перепугу выпустили в сторону солдат автоматную очередь...

«8-20. Вышли на Пудожскую дорогу. Она 8 метров шириной, имеет кюветы. Телефонная линия в шесть проводов по обеим сторонам. Пытались подключиться, но безуспешно.

22-45. В деревне Озерки на крыше одного дома заметили два пулеметных гнезда. В южной части деревни - бетонный здот с четырьмя амбразурами. Направление - 2000.

15-00. Сообщили домой об облачности. Тучи висят низко, видимость средняя. Сразу после объяснения начался дождь. Не считаем нужным идти на сырой лес!»

Особая влажность, тучи, облачность... В сообщении домой, по-види-

мому, закодировано о приближении к каналу...

«Пришли к каналу. Ширина - 30 м, высота - 1 м. Две плотины. Около барак - охрана, мужчина с винтовкой и двое молодых парней. На двух- и трехэтажных домах - наблюдательные вышки. К плотине подошел буксир под названием «Водла». Буксировал плоты. До Череповца - 300 км. Сведения точные.

29.06.43. Продолжаем движение по Приозерской дороге. Эйно заметил на тропинке мужчину и женщину. Думали, что гражданские, и хотели идти дальше. Присмотрелись внимательно - мужчина в военной форме.

Подозвали. Это был старший лейтенант и с ним женщина. Повели в лес для допроса. Неожиданно мужчина вырвался из рук, побежал. Закончилось тем, что мы его убили».

Конечно, даже следователь военной прокуратуры П.Ф. Соломатин не смог предположить, что в лесах под Вытегра рыскают финские разведчики. И попутался за это глупо и бессмысленно.

«22-20. Встретились с русскими. Их было не менее десяти человек. Нас, видимо, преследуют.

01.07.43. День начался с продолжения марша, который нам организовали русские. Дали телеграмму: «Погоня продолжается. Можете ли взять сегодня? Если нет, то нуждаемся в подкреплении. Ответ сразу...»

Записи в дневнике еще продолжают. Но многие события нам уже известны. Ясен теперь и смысл посещения «финских гостей». Их интересовало и наличие населения в северо-западной части Вологодской области, и состояние шоссейных, грунтовых дорог, пригодность их для передвижения различного транспорта, интенсивность движения на дорогах, линии связи. Но особенно их привлекал Мариинский канал, дорога Пудож - Вытегра - Анненский Мост и город Вытегра. В дневнике есть такая запись: «В Вытегре размещен 31-й морской батальон - не менее 700 человек. В 2 км от города - штаб 185-го отдельного пограничного батальона. Штаб

- в Андоме. Имеется довольно значительное бензохранилище».

А еще их интересовало расположение лагерей военнопленных, в которых можно было бы посеять смуту... Ведь действующий фронт был на окраине Оштинского района, в нескольких десятках километров от города.

Но «русские организовали им многокилометровый марш», как заметил один из разведчиков в дневнике. И финны начали отрабатывать «задний ход». Ежедневно посылали в Петрозаводск радиogramмы: «Дайте помощь! Когда заберете?»

Помощь пришла... Первого июля с самолета были сброшены парашюты с грузом. Они попали к нашим чекистам. На банке с консервированным мясом была приклеена записка: «Здравствуйте, ребята! Как и вы, вынуждены удирайте. Мы не смогли прибыть в обусловленное время. Испробуем вновь - и Хейкки будет с нами. Очень торопимся, поэтому нет времени для болтовни. Уходите в чащу. Соблюдайте осторожность. Завтра утром Пемпелли даст приказ о вашем взятии. До скорого свидания. В.»

Свидание состоялось буквально через неделю. 4 июля над Тугаш-озером появился самолет. Долго кружил над лесом, ожидая условного сигнала. И вот он появился, но подал его не тот человек, от которого ждали на самолете, а командир одного из наших истребительных отрядов старший лейтенант Полтавский. Взмыли в сумеречное небо две белые ракеты. Гидросамолет сделал разворот и пошел на снижение...

P.S. У вытегорских событий военной поры тоже есть продолжение. Самолет, который пошел на посадку на озеро, так с него и не поднялся... Финских разведчиков тогда взяли в плен, а гидросамолет еще несколько дней одиноко болтался на глади озера. Через некоторое время на Тугаш-озеро прилетели финские истребители и в упор расстреляли неподвижный гидроплан. От множества пробин он затонул.

Уже в наше время троих вологодских водолазов побеспокоили сотруд-

ники из журнала «Огонек». Они сообщили, что редакция журнала организует экспедицию по подъему самолета на Вытегорское озеро Тугаш, затонувшего летом 1943 года, и приглашают водолазов поучаствовать в этом увлекательном мероприятии.

А дело все в том, что один из английских коллекционеров каким-то образом узнал о затонувшем самолете и решил приобрести его для своей коллекции. Сотрудникам журнала он обещал вознаграждение. Оказывается (об этом сообщил англичанин), гидросамолетов «Хейнкель-115» было в свое время выпущено немного и их уже практически не осталось. Для коллекции это была редкая находка.

Экспедиция «Огонька» выехала в Вытегру летом, через 60 с лишним лет после того, как затонул самолет. Достать-то его достали, но не без эксцессов. Нашли довольно быстро: лежал на дне, по «уши» увязнув в густом иле... Первая попытка не удалась

- лопнул трос. Им снова обвязали самолет и кое-как вытащили тяжелую махину на берег, основательно помяв бока. Водным путем останки гидросамолета переправили в Москву. Намеревались его вывезти в Англию, отреставрировать и предложить богатому англичанину. На таллиннской таможне он надолго застрял: таможенники наотрез отказались выпустить груз из Таллиннского порта под видом металлолома. Они предлагали уплатить пошлину как за действующую авиатехнику. Такой платеж оказался не по карману всем участникам экспедиции...

Таможенные разбирательства продолжались еще один год. Останки самолета покоились на каком-то открытом складе и окончательно проржавели. Наконец-то все-таки их удалось продать за эстонские кроны действительно как металлолом.

Иван КОРОЛЕВ

Вот такой гидросамолёт «Хейнкель-115» затонул на Тугаш-озере в Вытегорском районе

РУССКИЙ СЕВЕР И СЕВЕРЯНЕ В ЖИВОПИСИ ОЛЕГА БОРОЗДИНА

Замечательному живописцу Олегу Александровичу Бороздину, известному и любимому не только на вологодской земле, но и далеко за её пределами, исполнилось в 2009 году

80 лет. Он участник многих областных, межрегиональных и всероссийских художественных выставок, заслуженный художник Российской Федерации, лауреат Государственной премии по литературе и искусству Вологодской области за 2005 год.

Картины О.А. Бороздина хранятся в Вологодской областной картинной галерее, Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Картинной галерее Е.М. Лунина (г. Череповец) и других музеях области, в Государственном Историческом музее (Москва), в частных коллекциях в России и за рубежом. Есть они и в его родном крае: несколько своих картин художник подарил историко-краеведческому музею «Дом Няна» города Няндомы Архангельской области.

АНАТОЛИЙ И МАРИЯ ЗАХАРЬИНЫ В 1944 ГОДУ.
1944. Холст, масло. Собрание поэта Павла
Захарьина (г. Няндомы Архангельской области)

В Няндоме прошли детские и юношеские годы Бороздина, там он родился 7 октября 1929 года в семье рабочего-железнодорожника. Художественную одаренность Олег унаследовал, вероятно, от своего отца - Александра Александровича, занимавшегося в свободное время живописью. Он всячески поощрял увлечение сына рисованием и поддерживал его на этом пути. Детство и юность художника пришлись на трудные военные и послевоенные годы, он видел много человеческого горя и страданий. К нему обращались земляки с просьбой сделать по фотографиям портреты близких, погибших в боях за Родину. Он писал их в 1943-1944 годах на фанере масляными красками, какими работали тогда маляры. Других, по словам художника, у него в то время не было. От тех далеких лет сохранились четыре портрета: «Юноша в свитере» (Степан Борягин), «Юноша в кепке» (Вениамин Прокопьев), «Солдат в пилотке» (Илья Прокопьев), «Сержант» (Александр Шахов). Они принадлежат жителям Няндомы и специально были привезены на юбилейную выставку О.А. Бороздина в Вологодскую областную картинную

Олег Александрович БОРОЗДИН

галерею в 2009 году, чтобы зрители могли увидеть, с чего начинался его творческий путь. В этих портретах, в основном погрудных, он стремился к точной передаче натуры. Наибольший интерес из его ранних работ представляет двойной портрет, в нижней части которого есть авторская подпись, дата исполнения и название: «Анатолий и Мария Захарыны» (1944 год, собрание поэта Павла Захарына, Няндомы, Архангельская область). Супружеская пара изображена им в рост, в интерьере, в парадных костюмах. Юный художник не только бережно зафиксировал позы, жесты, черты их лиц, костюмы, предметы быта своих земляков, но и попытался передать их манеру поведения, характеры. Стремление к точной достоверной передаче увиденного, осмысленного стало главной особенностью его творчества.

Одним из важных событий в жизни Олега Александровича стала поездка в 1944 году на олимпиаду юных дарований Севера в Архангельск. Там он впервые получил про-

фессиональную оценку своих работ. Его рисунки были взяты на выставку самодеятельных художников и отмечены премией, они понравились Степану Григорьевичу Писахову, известному писателю и художнику, который пригласил Олега к себе, долго беседовал с ним и посоветовал ему учиться живописи.

В 1948 году Олег Александрович поступил в Ярославское художественное училище, где занимался у педагогов М.А. Кичигина, В.В. Кортовича, Б.К. Севостьянихина, П.Н. Макашина. В училище он проявил себя как прекрасный рисовальщик, постоянно тренировал зрительную память и мастерство исполнения. Тогда он делал много этюдов в самом Ярославле и его окрестностях, но, к сожалению, эти работы, так же как и дипломная картина на исторический сюжет из Петровской эпохи, не сохранились.

Окончив в 1955 году училище с красным дипломом, Бороздин приехал в Вологду к жене Елене, тоже художнику, дочери вологодского графика Сергея Васильевича Кулакова, который был тогда председателем Товарищества вологодских художников. В середине 1950-х годов, когда Бороздин органично вошел в вологодское изобразительное искусство, в Вологде заметно оживилась выставочная деятельность, и он активно включился в этот процесс.

Нелёгким был путь Бороздина в искусстве. Ему приходилось, как и некоторым другим вологодским художникам старшего поколения, работать в течение многих лет более всего по заказам Художественного фонда РСФСР. Большое трудолюбие и исключительная добросовестность Олега Александровича приводили к тому, что многочисленные заказные тематические картины отнимали у него массу времени и сил, оставляя мало возможностей для индивидуального творчества. Воспитанный на традициях русского реалистического искусства девятнадцатого века, Бороздин никогда не увлекался внешними формальными поисками и модными веяниями, никогда не приноравливался

ОДНА. 1988. Холст, масло. ВОКГ

ни к чьим вкусам. Подлинное признание пришло к нему достаточно поздно, когда ему было шестьдесят лет.

Высокий профессионализм и исключительное трудолюбие принесли ему заслуженный успех; его персональные выставки в Вологде в 1991, 1996, 1999, 2004 и 2009 годах в залах Вологодского музея-заповедника и Вологодской областной картинной галереи вызвали интерес коллекционеров и восторженные отклики зрителей, считающих этого мастера продолжателем традиций прославленных русских живописцев: И.И. Шишкина, А.К. Саврасова, И.И. Левитана, В.Д. Поленова. О Бороздине писали вологодские искусствоведы В.С. Железняк, А.Н. Мунин, Г.В. Дементьева, В.В. Воропанов, И.Б. Балашова и журналисты Г.А. Сазонов, Н.Н. Авдюшкина.

Искренность и душевная чистота, скромность и деликатность, присущие личности О.А. Бороздина, отразились в его творчестве. Его картины отличаются спокойный ритм, композиционная завершенность, прекрасный рисунок, благородная сдержанность тонко разработанной колористичес-

кой гаммы. Он - мастер тематической картины, натюрморта, пейзажа, портрета.

Каждое из масштабных тематических полотен Бороздина выделяется ясностью мысли и достоверностью образов, каждое - плод большого труда, требовавшего массы натуральных этюдов. Его первым крупным произведением стала заказная картина на историческую тему «Эпизод восстания в Великом Устюге в 1648 году (Соляной бунт)», которая была им написана с С.В. Кулаковым в 1956 году и находится в Вологодском музее-заповеднике. Стремясь к исторической достоверности, художник писал этюды в Великом Устюге, а также со своих близких, одетых в костюмы той эпохи. Тяготение к масштабным замыслам, интерес к историческим композициям - характерная черта творчества Бороздина.

На создание крупной картины «Юнком. «Правда» в деревне» (1969, Вологодский музей-заповедник), написанной на тему послереволюционной жизни русской деревни, художника вдохновил очерк писателя Анатолия Аграновского про будущих первых комсомольцев, ходивших агитаторами по деревням. Natuur для картины художник нашел на родине, в архангельской глубинке: большую рубленую неоклеенную избу, интересные народные типажи. Картина экспонировалась в Москве на юбилейной республиканской художественной выставке, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, в 1970 году, где заслужила высокую оценку и была отмечена медалью.

Впечатления военных лет нашли свое воплощение в масштабном полотне «От Советского Информбюро» (1985, Вологодская областная картинная галерея). Важнейшим событием тех грозных лет в тылу было прослушивание сводок информбюро. Картина автобиографична: в группе взволнованно замерших у репродуктора людей художник изобразил мать, отца жены и самого себя. Уникально самое масштабное полотно Бороздина «Былое» (1988) с его былинно-сказочны-

ми образами, ему нет аналогов в творчестве художника. Основная тема картины - величие и суровая мощь природы и исторического прошлого Русского Севера.

Сюжеты двух наиболее значительных в творчестве Бороздина жанровых картин взяты им из быта села Сосновка в окрестностях Вологды, где живет его сын Александр. Большая многофигурная композиция «Праздник в Сосновке» (1984) с её полнокровной стихией задорного и непринужденного народного веселья, исходящего от традиций нравственно здорового уклада дореволюционной жизни русской деревни, вызывает светлые, радостные чувства. Однофигурная

композиция «Одна» (1988, Вологодская областная картинная галерея) с её выразительным образом согбенной пожилой крестьянки, вынужденной заниматься уже непосильным для неё трудом, насыщена драматическими нотами, взывает к нашему деятельному состраданию. Эту волнующую тему художник развивает и в новой картине «У отчего дома» (2006-2008). Героиня её уже и работать не в состоянии. Старческая фигурка, опирающаяся на палку, выглядит хрупкой и беспомощно-жалкой на фоне некогда крепкого, а теперь обветшавшего, разрушающегося родового гнезда.

«К людям меня тянет», - говорит Олег Александрович. Портрет в его

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО. 1985. Холст, масло. ВОКГ

ИЗ ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ. 1956. Холст, масло

творчестве занимает значительное место. Разнообразные портреты Бороздина: и камерные, и лирические, и с парадной характеристикой модели, заказные и написанные от души - отличает бережное отношение к людям, умение точно передать их внешнее сходство и индивидуальные черты характера, тщательность исполнения. За долгие творческие годы художник создал целую портретную галерею вологжан - наших современников, интеллигенции Вологды, врачей, прекрасных женщин. Одна из лучших его работ в этом жанре - «Светлый портрет» (1990, Вологодская областная картинная галерея), героиня которого - его дочь Ольга - график, продолжившая уважаемую и любимую в Вологде династию художников Бороздиных. Олег Александрович очень точно передал в нем черты конкретного, дорогого ему человека и вместе с тем создал очищенный от всего обыденного поэтичный и светлый образ

юности. Вершиной портретного творчества Бороздина является, несомненно, портрет Василия Ивановича Белова (2001), написанный им по заказу череповецкого коллекционера и мецената Е.М. Лунина. Портрет лишен внешних эффектов, имеет достаточно традиционное композиционное решение, колористическая его гамма строга и сдержанна. Близкие писателя и он сам считают этот портрет очень похожим, в нем не только точно передана его внешность, но и мастерски «схвачена» его сущность. В скромном облике прошедшего большой жизненный путь северянина угадываются огромная внутренняя сила, энергия, недюжинный ум, непримиримый характер.

Часто и с удовольствием «портретирует» он цветы - самые обычные растения наших северных широт, которые приносят в дом близкие и друзья: ромашки, васильки, колокольчики, лютики, сирень, черемуху, пионы. «Дожил до старости, а люблюсь каждым цветком, каждой травинкой», - уверяет художник. С виртуозным мастерством Бороздин изображает удивительно гармоничную, хрупкую и недолговечную красоту растений, восхищаясь их совершенством и передавая это чувство зрителям.

Полнее всего дарование Бороздина раскрылось в пейзаже - жанре, в котором он всегда работал с наибольшей творческой свободой. «К пейзажу я равнодушен с малых лет, - рассказывает Олег Александрович. - Ходил по лесу, все наблюдал. Запоминал самые разные состояния природы, накапливал впечатления. Я и сам от природы, и природа для меня самый хороший учитель». Бороздин наделен редким даром исключительно тонко чувствовать и понимать природу и сохранять свежесть впечатлений от волнующих встреч с ней в законченных произведениях. Его разные по типу пейзажи: и камерные, и панорамные, и натурные, и философски обобщенные - посвящены Северу России: родным архангельским краям и вологодской земле. За последние пять лет, с 2005 по 2009, он написал свы-

БЫЛОЕ. 1988. Холст, масло

ше пятидесяти новых картин, и большинство из них - пейзажи.

Состояние здоровья не позволяет теперь художнику ездить на родину, в последнее время прекратились и его поездки на этюды. Многие произведения создаются им сейчас по ранее написанным этюдам и по памяти. Это относится, прежде всего, к няндомским пейзажам, таким, например, как «Тревожно» (2007), «Вечер. Озеро Боровое» (2006), «На севере» (2006), «Мороз и солнце» (2007). В Вологде Бороздину дороги места, связанные с её историческим прошлым: тихие улочки, резные старые деревянные дома (к сожалению, почти исчезнувшие в наше время), архитектурные памятники и, прежде всего, Софийский собор. Наиболее выразительно его исполненный величавой мощи облик передан в картине «На семи ветрах» (1997, Вологодская областная картинная галерея).

Признанным шедевром Бороздина является не очень большая по размеру картина «Вологда 50-х годов» (1960, Вологодская областная картинная галерея), пленяющая звонкостью красок, пленэрной свежестью, светлым,

радостным мироощущением. В ней мастерски создан обобщенный образ старинного провинциального русского города.

Поэтичной красоте усадьбы вологодских дворян Брянчаниновых «Покровское», неподалеку от Вологды, посвящена серия лирических пейзажей, среди которых «Июль. Покровское» (2004, Вологодская областная картинная галерея). Элегичные ноты звучат в небольшом пейзаже «Ностальгия» (2006), в котором художник любуется мягкой, неяркой красотой русской зимы, уютной, размеренной жизнью северной деревни. Тревожными размышлениями о её судьбе в наппи дни наполнена картина «В России. Забвение» (2005). В пейзаже наиболее глубоко выразилось мироощущение художника, его раздумья о судьбах Родины. В лучших его произведениях создан обобщенный, глубоко национальный образ русской природы. Картины Олега Бороздина радуют глаз своей красотой, пробуждают в зрителях возвышенные и добрые чувства, раскрывают гармоничный и светлый мир души большого художника.

Елизавета КОНОВАЛОВА

ПРАЗДНИК В СОСНОВКЕ. 1984. Холст, масло. ВОКГ

**Олег
БОРОЗДИН**

**РАБОТЫ
РАЗНЫХ
ЛЕТ**

Статью о художнике
читайте на 75-й странице

АВТОПОРТРЕТ. 1951. Холст, масло

ВОЛОГДА ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ. 1960. Холст, масло. ВОКГ

В РОССИИ. ЗАБВЕНИЕ. 2005. Холст, масло

ЦВЕТЫ ПОЛЕВЫЕ. 1997. Холст, масло. Картинная галерея Е. М. Лунина (Череповец)

НА СЕМИ ВЕТРАХ. 1990. Холст, масло. ВОКГ

В ИНЕЕ. 2001. Холст, масло. ВОКГ

ОЛЯ ИЗ НИКОЛЬСКА. 1997. Холст, масло

ИЮЛЬ ПОКРОВСКОЕ. 2004. Холст, масло. ВОКГ

СВЕТЛЫЙ ПОРТРЕТ. 1990. Холст, масло. ВОКГ

СНЕГУРОЧКА. 1999. Холст, масло. Картинная галерея Е. М. Лунина (Череповец)

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ
В. И. БЕЛОВА. 2001.
Холст, масло. Картинная галерея
Е. М. Лунина (Череповец)

НОСТАЛЬГИЯ. 2006. Холст, масло

ГОСТЬЯ ИЗ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

Как удивительна человеческая память!

Спустя много лет она вдруг неожиданно ярко может высветить события, людей, которые когда-то были важными и значимыми в нашей жизни, оставили в ней глубокий след. К такому отношению встречу в ранней юности с замечательной женщиной - Дарьей Михайловной Мусиной-Пушкиной, волею судеб оказавшейся в Вологде.

Осенью военного сорок четвёртого года на организационном собрании нас, абитуриентов, принятых в число слушателей созданной при облдрамтеатре студии по подготовке актёрских кадров, знакомили с учебными планами и преподавательским составом.

Режиссёр театра и будущий преподаватель Д.А. Турек-Далин сказал, что занятия по сценической речи будет вести Дарья Михайловна Мусина-Пушкина, которую он хорошо знает по работе в довоенном Ленинграде и очень высоко ценит: «Вам, друзья мои, здорово повезло! Это очень яркая личность. Я бы назвал её гостьей из «серебряного века».

Сообщение всех заинтересовало, ибо о «серебряном веке» мы тогда имели очень поверхностное представление, а фамилия, связанная с именем А.С. Пушкина, прозвучала весьма интригующе.

Довольно скоро мы, любознательные молодые люди, уже знали, что фамилия эта довольно распространённая. Во многовековой русской истории значилось немало кланов Мусиных-Пушкиных, представители которых начиная со стольника царя Алексея Михайловича являлись боярами, сенаторами, министрами. Дарья Михайловна имела общие генеалогические корни с отцом поэта Сергеем Львовичем, представителем старинного, но обедневшего дворянства.

Не менее интересным оказалось ещё и то, что Дарья Михайловна состояла в родственных связях со знаменитым французским астрономом Фламарионом, исследователем Луны и Марса, автором популярной астрономической энциклопедии.

В нашем городе, куда Дарья Михайловна вместе с сестрой Ольгой Михайловной была эвакуирована по решению управления культуры Ленинграда, при довольно скромных по тому времени возможностях обеспечения комфортного проживания им было предоставлено жильё в одном из относительно благоустроенных домов, расположенных на Советском проспекте, где в дореволюционной ссылке проживала сестра В.И. Ленина - Мария Ильинична Ульянова, а в послевоенные годы размещался филиал краеведческого музея. Условия проживания были довольно сносными. Для решения бытовых проблем закреплялась приходящая домработница. В квартире находился приличный рояль.

Довольно скоро из разных источников мы располагали более обширной информацией о том, что представляла собой наша преподавательница - гостья из «серебряного века». Свой творческий путь она начинала в качестве профессиональной драматической актрисы в знаменитой Александринке. Она имела прекрасное музыкальное образование, закончив Петербургскую консерваторию (впоследствии Дарья Михайловна стала её профессором). В те далёкие времена её фамилия соседствовала на столичных афишах с именами многих известных музыкантов, композиторов в различных ипостасях: организатора концертов, их ведущей, певицы и т.д. Творческое сотрудничество связывало её с великим русским певцом Ф.И. Шаляпиным и известным ком-

Дарья Михайловна МУСИНА-ПУШКИНА

позитором, автором музыки к знаменитому балету «Раймонда» Александром Глазуновым.

В наступившем XX веке, и особенно после Октябрьской революции, приоритеты в русской культуре стали резко меняться. Возникли новые духовные ценности, проникнутые авангардизмом в литературе, музыке, театре. Необходимо было заново определить свою роль и место в этих условиях.

Когда в Россию из Америки прибы-

ла Айседора Дункан, знаменитая танцовщица и реформатор хореографии, выступающая за создание танца, свободного от «классических условностей» (танцевать можно всё, вплоть до «Интернационала»), Дарья Михайловна была приглашена к сотрудничеству со знаменитостью в создании в Петербурге школ современного танца. Не разделяя в полной мере подобных новаций, она тем не менее проводила огромную организаторскую работу и особенно была благо-

дарна судьбе за то, что через Айседору Дункан получила возможность познакомиться с поэтом Сергеем Есениным, общаться с художниками «новой волны».

Но особенно значимой страницей в её жизни на протяжении длительного времени была дружба с великим русским писателем Антоном Павловичем Чеховым и его семьёй: женой - Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой, известной драматической актрисой, и сестрой Машей.

В записных книжках писателя есть, например, такие пометки, свидетельствующие о их близких отношениях: «По приглашению Д.М. Мусиной-Пушкиной был на её квартире на Офицерской». Сестре он сообщает, что к нему недавно приезжала Даша. В свою очередь, в письме из Петербурга в чеховскую усадьбу Мелихово Дарья Михайловна сообщает о недавно состоявшемся престижном концерте в столице, где она имела огромный успех при исполнении старинных романсов. Чехов часто называет её «цикадой», что, вероятно, означало её коммуникабельный характер, способность к непринуждённому общению с людьми.

Среди многочисленных фотографий из архива Дарьи Михайловны бережно хранились такие, где отражалось её пребывание в Мелихове, с пометками Антона Павловича: «Цикада» на качелях», «Цикада» и Ольга (жена писателя) уплетают мелиховскую сметану», «Цикада» среди роз» и т.д.

Разносторонность дарований Дарьи Михайловны особенно ярко проявилась в том, что, будучи профессором Петербургской консерватории, она зарекомендовала себя прекрасным педагогом, пропагандистом русской культуры на самом высоком уровне.

И, естественно, когда она оказалась в нашей Вологде, ей поступило предложение стать педагогом в только что открывшейся театральной студии. Несмотря на свой возраст (ей уже было более 70 лет), она согласилась вести занятия по сценической

речи, и надо отметить, что её актёрское дарование, педагогический опыт позволили проявить себя в этом качестве самым великолепным образом. Буквально с первых мгновений знакомства с Дарьей Михайловной все мы, студийцы, были покорены красотой и благородством её внешнего облика, аристократической утончённостью и в то же время удивительной естественностью и простотой общения.

Занятия, которые проводила с нами Дарья Михайловна, были чрезвычайно интересными и необычными. В основном они осуществлялись у неё на дому, индивидуальным методом по два раза в неделю. Главный упор при этом делался на орфоэпию и на упражнения гекзаметром - чтение текстов из «Илиады» Гомера. В ходе них было необходимо воспроизводить нараспев построчно текст со звучанием голоса с нормальной громкости до самой высокой и обратно, сохраняя при этом чёткое произношение и правильное дыхание. Эти занятия всем нам очень нравились, и мы упражнялись в них буквально повсюду и постоянно.

Удовольствие доставляли упражнения на различных, порой утомительных скороговорках, вызывавшие всеобщее веселье. Происходила также работа над стихотворными текстами русских поэтов, в основном её современников, конечно же, представителей «серебряного века», в творчестве которых Дарья Михайловна видела особую поэтическую выразительность. Это были Блок, Ахматова, а также Надсон, Бальмонт, Полонский, Анненский и другие. Кстати, она сама всегда с удовольствием блистательно демонстрировала чтение стихов своих любимых авторов, что являло собой для нас наглядное воплощение эталона актёрского мастерства.

Среди студийцев наиболее успешными чтецами выступали, как правило, Леонид Марков, Анатолий Мартемьянов, Екатерина Алексеева. Буквально потрясала всех нас Римма Маркова своим темпераментом, мощным звуковым тембром.

Когда шло распределение художественных текстов для индивидуальных занятий, Дарья Михайловна предложила мне сказку А.М. Горького «Девушка и смерть». Я был обескуражен. Огромный по объёму и полный драматизма текст требовал яркого актёрского воплощения.

«Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гёте. Любовь побеждает смерть», - сказал о «Сказке» И.В. Сталин. Кроме того, «Сказка» нередко звучала тогда по радио в блестящем исполнении великого артиста В.И. Качалова. Смогу ли я осилить её?

Однако в результате длительных и упорных занятий мы с задачей справились, и замечу не без гордости, что уже более шестидесяти лет я с большим удовольствием читаю её перед различным слушателем.

По мере своих сил, находясь в Вологде, Дарья Михайловна интересовалась жизнью театра. Она посещала спектакли текущего репертуара, высоко оценивая тогдашний состав труппы, в которой оказалось немало ярких и талантливых артистов из разных городов страны, работу режиссуры, состав репертуара.

Интересными и меткими были её суждения о драматургии А.Н. Островского и особенно А.П. Чехова, к которому она испытывала личную глубокую симпатию.

Когда в город приезжали столичные знаменитости, Дарья Михайловна считала своим долгом посетить их выступления. Так, во время гастролей замечательных певиц М.П. Максаковой и Д.Я. Пантофель-Нечецкой она встретила с ними, беседовала.

Кстати, сама Дарья Михайловна, несмотря на возраст, сохранила прекрасные вокальные данные. У неё было красивое и сильное лирико-драматическое сопрано, удивительно молодо звучащее. Чувствовалось, что пение в прошлом было её профессиональным и любимым занятием.

Иногда, прервав групповой урок, она приглашала к роялю сестру и предлагала нам послушать вокальные произведения, подчёркивая при этом, что в пении слово должно звучать так

же ярко и выразительно, как и в обычной речи.

Удивительно, но в моей музыкальной памяти до сих пор сохранилось исполнение ею романса А. Рубинштейна «Ночь», колыбельной Волхвы из оперы Н. Римского-Корсакова «Садко».

Однажды она предложила Анатолию Мартемьянову, обладателю прекрасного голоса, спеть с нею романс П. Булахова «Не пробуждай воспоминаний». Анатолий не подкачал, и этот дуэт вызвал всеобщее восхищение. Украшала домашние концерты и её сестра, Ольга Михайловна, как солистка-скрипачка, имя которой в Петербурге, а затем в Ленинграде, было широко известно любителям инструментальной музыки.

Духовное влияние личности Дарьи Михайловны на нас, студийцев, было огромным. В предвоенные годы редко кому из нас удавалось бывать в главных культурных центрах страны - Москве и Ленинграде. Эстетическое образование мы в основном имели возможность получать через московское радио, которое, кстати, тогда работало идеально. Его программы постоянно включали в себя музыкальную классику, русскую народную музыку, голоса известных певцов и драматических актёров, трансляции спектаклей непосредственно из театров. Способствовали этому и родной драматический театр, и областная филармония, и музыкальное училище, а также регулярные приезды в Вологду замечательных мастеров, в основном мхатовцев, с отрывками из своих спектаклей. По сути, весь звёздный состав МХАТа неоднократно выступал на сцене облдрамтеатра.

И, конечно же, при всём этом в прекрасный и возвышенный мир искусства вводила нас Дарья Михайловна, развивая и пробуждая творческую фантазию, помогая в выработке положительного отношения к духовным ценностям.

На протяжении всего периода общения с Дарьей Михайловной у меня с нею сложились очень тёплые и, несмотря на огромную разницу в возра-

Выпускник студии Виктор СТРЕЛЬЦОВ

сте, дружеские отношения. Наверное, отчасти это было обусловлено тем, что в самом начале нашего знакомства на меня, как вожака комсомольской организации театра, руководство возложило обязанность окружить вниманием и заботой именитых сестёр силами молодёжи. И эту задачу мы по мере своих возможностей старались осуществлять.

Ощущая себя своеобразным опекуном, я очень часто бывал у них помимо плановых занятий, способствуя в разрешении тех или иных возникающих проблем. Я даже вёл краткие дневниковые записи об этих встречах, справедливо полагая, что общаюсь с личностями незаурядными. Чувствуя мои симпатии к ним, сёстры также

отвечали взаимным душевным расположением. Приятно было слышать радостные восклицания Дарьи Михайловны: «Оленька, пришёл наш юный друг!» В качестве постоянного обращения звучало - «милый юноша». Им особенно импонировала моя любознательность к разного рода событиям и фактам из истории театра, музыки.

Общение с этими удивительными женщинами пробудило во мне поэтическое вдохновение, выразившееся в сочинении баллады «Аккорды музыки», которая была им посвящена и, несмотря на её несовершенство, воспринята с горячим одобрением и искренней благодарностью.

Когда сёстры стали готовиться к возвращению в родной Ленинград, одарили меня значительным количеством книг по искусству и музыкальным сборников, среди которых были даже с авторскими посвящениями Дарье Михайловне. Всё это богатство я бережно хранил на протяжении длительного времени и только в связи с призывом на военную службу в целости и сохранности передал в библиотеку музыкального училища.

До сих пор в моей московской квартире на видном месте находится фотография Дарьи Михайловны с надписью: «Дорогому и трогательному ученику моему». Несмотря на давность, фотография великолепно сохранилась. На ней удивительно красивая и элегантная женщина, представительница далёкого «серебряного века», как будто всматривается в наше время. И как прекрасно, что среди многих проявлений человеческой памяти есть одно из самых ценных - способность бережно хранить и ощущать связь времён!

Виктор СТРЕЛЬЦОВ

СТАНИСЛАВ МИШНЕВ

Станислав Михайлович Мишнев родился 24 июня 1948 года в деревне Ярыгино Тарногского района Вологодской области. Окончил Шебеньгскую восьмилетнюю школу, учился в Великоустюгском сельхозтехникуме и Вологодском молочном институте. Служил в армии. Женат, имеет двоих детей. С 1969 года работает на родной земле. Начиная трудовую деятельность трактористом, работал механиком, инженером, экономистом, бригадиром, парторгом. Станислав Мишнев и сейчас живет на родине - в деревне Старый Двор Тарногского района.

Станислав Мишнев - член Союза писателей России, автор книг «Последний мужик», «Пятая липа», «Из разного теста», «Вот так и живём». Его проза публиковалась в коллективном сборнике «Под Большой Медведицей», различных литературных журналах. «Вологодский ЛАД» публиковал прозу тарногского писателя в 2006 (№ 1) и 2007 (№ 1) годах.

Представляем новую книгу прозы Станислава Михайловича.

МИР - РИЗА НЕТЛЕННАЯ

(Книга рассказов)

...САЛО ЛУЧШЕ ПЕРЕПРЯТАТЬ

1

Августовскую ночь Бог поставил на семи поясах. А почему, спросите, на семи? Потому как Бог старый месяц на звезды крошит, и ангелы небесные, и архангелы, начала, власти, силы, господства и многочисленная рать херувимов и серафимов, с престола Бога до самого подножья стараются каждую крошку подхватить и на трудную землю опустить бережно. В августовскую ночь Бог обходит мир, а мир, что огород, в нём всё растёт. Богу не важно: ест ли уродливая красная луна зря хлеб у него, или луны сегодня вовсе нет и небо как солью осыпано звездами и где-то за чужими канунами люди своих покойников поминают, всегда за ночью родится день. Всплывёт над горизонтом ослепительный диск солнца и примется ломтями резать разом вспотевшую землю - всё на свете творится милостью Божией и... глупостью человеческой. Кометы подметают небо перед Божьими стопами. Не все ночи светлые, бывают ночи и темные. Одному человеку ночь - целая вечность, ворочается и ворочается в кровати, утыкая подушку кулаком, в окно посмотрит, о том, о сём погрезит, не может заснуть. Другой не успел прилечь, и подрадели искушающие духи ночи в его изголовье. Стояли ли вы когда в августовскую полночь в пустынном поле? Вслушивались в тишину?.. Вроде заснули окрестности, на ум приходят слова из «Мертвых душ» великого Гоголя: «Русь! Русь! Открыто, пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города...» Вдруг окрестности как испугались, вздрогнули, и вместе с ними вздрогнешь ты, ужаснёшься, невольно позвав на ночную прогулку дух писателя, то Господь в шествии своём не иначе как остушился - полночь! Из всякой щели выползают нечистые духи, сначала они слетаются в ватажки, выбирают атаманов и разлетаются, расползаются по серой земле, чтоб обольщать и дурачить доверчивые людские души.

Как говорят хохлы: «Тиха украинская ночь, но... сало лучше перепрятать».

Случайно отворенная дверь на крыльцо издала тягучее, просящееся кошачье «пустите». Чуть помедля, тихую и о чём-то глубоко печальном думавшую глубину ночи разорвал звон лопнувшего оконного стекла. С крыльца мешком вывалилось тело, за телом летело визгливое женское: «Ишь ты, какой!» - и басовитое, отрывистое: «По харе?! Дак съезжу!» Шлепанье босых ног, мат, кто-то в темноте сунулся, должно быть, в угол избы той самой харей, по которой кто-то кому хотел съездить. Девственная деревенская улица никак не отреагировала на визг и бас, ибо улица была пуста в этот час, да и кому на деревне уши вострить к чьим-то пьяным выкрикам, в деревне три дома живых, тридцать семь хозяйств заколдованы вечным мертвым сном.

Навалился на хилую, когда-то хорошую и крашенную изгородь молодой человек, долго думал о чем-то, потому как голова его была опущена вниз, а глаза, должно быть, закрыты. Откачнулся, выпрямился, погрозил кулаком избе и побрёл родной деревней, а в избе, где он только что был, царило долгое молчание, прерываемое тихим шелестом раскачивающихся занавесок на раме без стекол. Молодой человек несколько раз останавливался, оглядывался, верно, ожидая погони или горячей мольбы вернуться, но погони не было и мольбы тоже; покачается, сплунет... а луна, стыдливая и молодая, натянула до самых глаз сумрачное легкое одеяло и так любопытно и долго смотрела на землю, что не заметила, как одеяло уползло под сарафан, и опрокинулась луна в любопытстве своем.

От Гоголя до нас нравы стали иными; уж не Господь ли могучей силой своей изменил день и ночь, утро благодатное и вечер умиротворяющий? Раньше деревни были полны народом, нечистый дух от творимых проказ умом ширился и телом дороднел, а нынче в доживающей свой век деревне какое обленившемуся нечистому духу удовольствие столкнуться подгулявшего мужика в лужу? Никакого, масштабность непозволительно мелка. Должно быть, житие нечистых сил, как и людей, стало зависеть от телевизора - сидят бесы да черти с выпученными глазами, обжигаются горячим чаем, тяжелыми вздохами сочувствуют бредущему деревней пьяному человеку. Нет бы кровушку застывшую по жилам разогнать, резво пронестись по клетям, чердакам, огородам, на одном дворе хозяйской корове шерсть всключить, на другом борону на калитку бросить... куда там!

Всё посаженное Богом растёт в огороде его, а прямо ли, вкось ли, часто ли, редко ли, в золотой гордости солнечных лучей или придавленное звериной завистью соседа, всё жительствоет и должно жительствовать отведенный век. Таков закон бытия.

Боже мой, Боже, всякий день то же: глаза ото сна разлепил, брюхо есть хочет. ...Выплыло красное солнышко. Чуть ожила полумертвая деревня, изумляя мир неутомонной своей живучестью. Где-то на озадках закудахтали куры, злостным лаем зашлась собака, залетали маленькие птички, и как-то особенно медленно и обдуманно, вовсе не так, как месяца полтора назад летали, коренастая изба с выбитыми стеклами оконных рам как-то сосредоточенно и мрачно поприветствовала новый день визгом распахнувшейся на крыльцо двери. Вышла высокая и осанистая молодая женщина, уперла руки в крутые бока, смотрит на деревню.

Идёт деревней Витя Богомолов, когда-то под венцом стоял, а добра не нажил. В День Победы стукнуло Вите 39 лет. Злостный алиментщик. Лицо у Вити как жестяное, черной щетиной обросли щеки и подбородок, длинные усы похожи на два пучка изжёванной пакли, слюной прилепленные к губе. Летами Витя пасёт колхозных коров, зимами кочует по райцентровскому кругу, от одного предпринимателя к другому. Дольше трех недель на одном месте не держат. Сердит да бессилён - свинье брат: крикун и правдист Витя Богомазов, в любом человеке отыщет пороки, особенно не любит народившихся «капиталистов». По его вине неделю деревня сидит без воды: доверили водокачку, с пьяных глаз не понял, почему электродвигатель «не баско урчит», а раз «не баско», так взрвал кулаком по подмигивающему глазку в автомате: не заигрывай без пряников! Как размятчат винные пары мозг и теплой струей обовьют изнывающее в одиночестве сердце, заставляя его радостно биться, идёт Витя свататься. Когда дойдёт до пункта своей мечты, когда завалится на дороге под копну сена. Горох в поле, как девка в доме, кто не идёт, тот и щипнёт, в своей деревне незамужняя Анна Шилова, к ней приворачивает частенько. Пока не щиплет, без ума приворачивает. Анна тоже замужем была, год к лодырю мужу привыкала, на ум наставляла, привыкнуть не могла и пинками проводила муженька со своего двора. На Витю Богомолова смотрит с презрением. Что из того, что шея у Вити такой же ширины, что и затылок. Ей нужен настоящий мужик, хозяин, а Витька на четырнадцать лет старше,

в тракторах-моторах пень пнём, огородец после смерти матери под крапиву ушёл, дом крыт небом, обнесён ветром - лоскуты рубероида свисают с крыши. О Вите Богомазове Анна Шилова скажет одно слово: «Тьфу!».

Увидела идущего Анна Шилова с крыльца, удивилась: чего это он сегодня в галстук, опять свататься? «Не проняло! Ну, так проймёт!» Ступила обратно на крыльцо и дверь за собой закрыла.

Витя Богомазов встал против избы Анны Шиловой, на всю деревню орёт развязно:

- Королевишна-аа!! Эй, спишь, што ли?

Молчание.

Витя Богомазов подкрутил усы, нетерпеливо повторяет:

- Анюта!! Выходи, не съем.

Отворилась дверь, вышла на крыльцо Анна Шилова, зло спрашивает:

- Участковый где?

- Какой участковый?.. Ты это... - мямлит Витя Богомазов.

И конфузю ему, и досадно: припомнилась ночь. Потупился, красный весь.

- Чего сразу...

- Штоб сегодня же! Понял, свиная харя?! Штоб сегодня же рама была остеклена! - гневно закричала Анна Шилова.

- Сегодня не могу, сегодня у двоюродника свадьба в райцентре. Ты попаси за меня коров, а, Анюта?

- Ш-што? Тьфу!!

- Ну, виноват, виноват... сегодня не могу. Што мне в ноги валиться тебе? Ладно, уговорила, - нарочно без приберегу наземь коленками пал, молитвенно сложил на груди руки. - Выручи, а?

- Да пошёл ты!

Не очень мягко закрылась дверь за хозяйкой.

- Скаешься-е! - трясёт кулаком Витя Богомазов. - Скаешься, да поздно-о!

Вырос лес, так выросло и топориче: как отворится дверь, как сбежит с крыльца Анна Шилова с коромыслом в руках, и принялось коромысло «ласкать» шею Вити Богомазова, удержу нет. А чего не «поласкать», у сидящего мужика шея - очень даже удобная позиция для глажения. На этом месте следует самыми нежными штрихами очертить то высокое поэтическое существо, как русская женщина в гневе. Если бы все указы были писаны под её благодетельную руку, мужчины бы вжались в землю, томимые смертным страхом. Так поступил и Витя Богомазов. Упал, вскрикнув дико. Всякая напыщенность, с коей он шёл на предстоящую в райцентре свадьбу, слетела с него. На земле лежал слабохарактерный, безвольный пастух Витя Богомазов, крикун и правдоискатель. Руки его раскинулись, пальцы вошли в землю.

- Сволочь!.. Сволочь будет стекла мне бить?!

И снова букет цветов истинно русской женщине-крестьянке. Сколько лет алименты с Вити Богомазова бухгалтерия содрать не может: мал, видите ли, заработок, инфляция забивает потребительскую корзину, на рынках дешевеет нефть, накопленные сбережения граждан идут на оздоровление экономики Запада, потому как Запад повязал нас по рукам и ногам... А потому Витька с горя дрова пропивает... Вот дали бы все права той женщине, что одна ставит на ноги двоих его дочерей, она бы верно «воспитала в духе марксизма» этого Витю.

2

Витя Богомазов выгнал стадо на пастбище, сел на суковатую чурку и чем дольше сидел, тем больше терзался. Коровы мирно паслись, овод их не жучил, над головой старая осина шептала наставления молодой поросли, окружившей её; ничто не мешало пастуху предаться раздумью. Казалось, всё в мире пребывает в ясной гармонии и настроиться миру на какой-то иной лад невозможно по той простой причине, что под горячим августовским мёдом, хлебом, яблоками дышащим небом нельзя отыскать иного лада. Он находил, что Анюта зря с ним так жестоко поступает. Шла бы жить к нему, а лучше он бы к ней... к ней лучше. Всякой овощи у Анны полон огородец, хряк годовалый в хлеве, корова... «Лучше бы я к ней. Ну, посмеётся народ надо мной, домовиком, посмеётся, да и свыкнется». Это еще вопрос: он стекла в раме выбил или она, сопротивляясь, телом своим выдавила? Хорошо, что нет свидетелей его позора. Прельщает нас мир житейскими сладостями - откуда ни возьмись явился Вите Богомазову сатана, преобразившись ангелом света, и стал со слезами глубоко проникнутого сострадания к

вопиющей несправедливости уговаривать бросить коров к такой матери и идти на свадьбу. «А как в жито бухнут, потраву сотворят?» - сопротивляется Витя сатане. «А конторские на что? Выгонят! А председатель? Обленился! Жито давно сжать надо, зерно в колосе прорастает! Иди на свадьбу, таково моё последнее слово!» Потянулся пастух, привстал, коров высматривая: широко разбрелся. Удрученный наставлениями злых сил, пошёл прочь, и с каждым шагом удрученная дума то развивалась и страдала: а как навалятся коровы на жито?.. На всю катушку за потраву взыщут. До речушки дошел, водицы попил, оглянулся туда, откуда пришел, решительно махнул рукой: а пойду!

Четыре разукрашенные лентами и надувными шариками свадебные машины выскочили одна за другой из переулка на главную улицу села и тормознули: улицу заполонила похоронная процессия. Впереди со скоростью «в час по чайной ложке» правится большегрузный «КамАЗ», свисает задний борт, в кузове стоит обитый красной материей гроб, по обе стороны гроба на скамейках сидят тронутые горем родственники и близкие. Умер Игнатий Лазаревич Шальнов, последний директор МТС, бывший управляющий ПМК, бывший директор льнозавода. Умер не просто какой-то старик, а человек, которого любили или не любили, но к которому относились хорошо. За катафалком идет и ковыляет пеший народ, кое-кто оглядывается на поджимающие машины, но не делает даже попытки принять вправо. В головной машине нетерпеливый молодой водитель, человек тонкой кости, не очень складный - длинный, с широкими плечами, с головой яйцом - ёрзал на сиденье, высовывался из машины, неприметно косил взглядом на сидевшего рядом отца жениха. Юноше хотелось, чтоб отец жениха дал «добро» на обгон, но тот как уснул, его глаза были так глубоко упрятаны под мохнатые брови, что было трудно разгадать его душу.

- И чего они... - возмущается юноша-водитель, нервно выбивая тонкими пальцами на баранке дробь.

Отец жениха не шевелился, смотрел вперёд.

Было жарко, даже душно, небо зашторили ленивые, смятые, похожие на развешенное по веревкам выстиранное белье облака.

Водитель стал пристально вглядываться в зеркало заднего вида на своём боку: красная «Нива» с номерами 195 каким-то образом обошла три свадебные машины и заняла место за ихней «девяткой». За рулем сидела молодая высокая краснощекая женщина.

Отца жениха звали Дмитрием Ивановичем Богомазовым, перебивается случайными заработками по столярной части - развалился льнозавод, где он прежде столярничал. При Шальнове столярный цех был гордостью села, а после Шальнова с руководителями не везло. Сегодня Дмитрий Иванович женит младшего сына. Не сказать, что рад свадьбе, ибо выбор сына не одобрял, но перечить не стал: женись, хрен с тобой. Сегодня ранним утром, когда бормотание и лень ещё владели медленно просыпающимся селом и незаметные желания всех людей дружили с колыханием листвы, он имел разговор с сыном. Сын весной демобилизовался из армии, профессия - отнеси да подай, жить - теснота, а невеста? Вроде училась в пединституте, окончила СПТУ, сидит у родителей на шее, чему она в училище научилась?.. Злые языки перемывают кости: любительница дискотек и ночных пирушек. Когда повторился, прямо сказал всё что думает, сын, немножко сентиментальный, медленно думающий, из тех парней, что способны часами тянуть пиво на берегу реки, расставляя свои слова во времени, как дорожные указатели в паузах смеха, сказал:

- Ничего-о, уладится.

И в третий раз принялся отговаривать:

- Буду я тебе врагом или нет, всё от тебя зависит, а скажу как на духу. Когда я женился с одной... скажем, Настей, любили за складами заготзерно посидеть-помечтать. Дядя Проталион весовщиком был, приёмщиком зерна, застал нас целующихся. И сказал-то совсем ничего: «Не обмишулься, Митька», а я едва сдержался, чтоб не кинуться на него с кулаками. На святое, посчитал, покусился дядя Проталион. А прикинул так-сяк и расстался с этой Настей. Вот и я... ты глянь на её мать, и твоя жена будет копия своей мамушки лет через двадцать. Ирина - капризная, вечно больная, как корова перед отелом - вся в напряге, по курортам леший носит каждый год... побился же с ней Валентин, ой, побился. Повторюсь за покойным дядей Проталионом: не обмишулься.

Ещё сказал, что жену надо выбирать простую, без высоких идей в голове, работающую, добрую, как его мать. Никогда не досаждал жалобами и слезами, качаном капусты готова поделить со всем селом, в магазин зашла - так бы и прибила

всю витрину с водкой и винами, столько через хмельной дурман горя людского, в доме - хозяйка, а тут?..

- Эх, сын, сын... укусил бы локоть, да поздно будет.

Вообще-то Дмитрий Иванович сыном был доволен. Потом его наставления больше для его собственной подстраховки: лицом будущая сноха на мать не похожа и формы тела аккуратные... Бог даст - в отца, в Валентина, наладится.

Есть у Дмитрия Ивановича племянник, Витька Богомазов, пронюхал, подлец, что у дяди пирушка заводится, раненько заправился. Ходит неприкаянным по дому, всем мешает. Жена принюхалась к Вите и достала из комода старенький серый костюм сына. А так бы прикинуть: паси он коров, на кой кляп нужен на свадьбе? Богатый на свадьбе с рублём, а бедный со лбом: не принес на свадьбу рублик, куда там, его бы дядя одарил рубликом. Или кто звал-приглашал? Не любит племянника Дмитрий Иванович, прощелыгой про себя зовёт, но терпит. Главное, доглядеть, чтоб не перепил на свадьбе, а прозевал - не в горсти дыра, в глотке, жди комедию: ино боком, ино скоком, а ино ползком. Учудит такой спектакль со своей поправной свободой и «правдой», потом весь райцентр хохотать будет не один год. Сын характером мешковатый, много не наговорит, во хмелю сонливый, только бы до кровати дотянуть, то бухнется где придётся, не шумливый, работать может. Правда, к работе его надо подготовить, настроение создать, объяснить толком. Сын в сравнение не идёт с зятем Арсением или с племянником Витей. Хорошо, что дочь живёт в городе, не на глазах, а если б рядом жили - беда! Арсения - порох; чуть подпил - языком Москву вымостил, за калитку ступил - гля, морда в крови, разбирался, «кому на Руси жить хорошо». На свадьбу дочь зятя не привезла: выгодная шабашка подвернулась Арсению, строит гараж большому чиновнику. Обещался Арсения, пока объект не сдаст под ключ, хмельного в рот не брать. Привезла дочь внука Илюшу. За час этот Илюша весь дом познал.

- У тебя в попе шила нет? - спрашивает дед Дима.

Внук попу пощупал - нет шила.

- А ты по потолку пробежать можешь?

- Дед, покажи, как по потолку бегают?

...Похоронная процессия стала медленно сворачивать на проселочную дорогу в сторону кладбища.

А навстречу прёт внезапную колонна самых разномастных машин, кому бы кого обжать. Понятное дело: через два дня в селе ярмарка, все спешат занять торговые места поближе к точке «вселенной» или летней танцплощадке.

И тут красная «Нива» рванулась вперёд, заставляя не только «девятку» с Дмитрием Ивановичем посторониться, как пошла вилить - машины торгашей, что коровы под кнутом пастуха, разбираться начали, кто за кем.

- Да она что?! - едва не взревел юноша-водитель, выбирая руль вправо. Глаза его стали круглыми, испуганными. Обгон «Нивы» был ему оскорблением, его промахом.

- Спешит... - неопределенно сказал отец жениха и тихо рассмеялся.

Юноша-водитель посмотрел на повернувшегося к нему Дмитрия Ивановича: вроде мглистые и нерадостные, как зимний туман, глаза мужчины блеснули, лицо стало привлекательным в дружелюбной улыбке. Дмитрий Иванович оживился. Народ старшего поколения почти весь знает в селе, а молодую поросль так себе. И сына не спросил, кто да кто повезет свадьбу.

- Тебя как звать-то? - спросил.

- Васькой. Зосимовский.

- Да-а?.. Прокопия или Ивана?

- И не Прокопия, и не Ивана.

- Так ведь... Зосимовских только две семьи...

- Разбежались родители, я взял фамилию матери.

Чувство какого-то сожаления поразило Дмитрия Ивановича, а навстречу этому сожалению поднялось все самое затаенное, неизрасходованное, сбереженное. Будто наяву он увидел лодку-плоскодонку, что покачивалась на волнах в жалостном вечернем свете, Настю, будущую мать этого парня, с вздрагивающими от плача плечами, сидевшую над телом своей утопшей матери, и всюду встревоженный говор собравшейся толпы: «С чего это?.. Надо же!..» В какой-то момент Настя разогнулась, потянулась к узорчатому платку, брошенному ей второпях, а Дмитрий Иванович, тогда еще просто Димка, всё время напрасно притворяющийся взрослым мужчиной, кинулся к платку. Их глаза встретились, Димка покраснел, задохнулся, потерял всякую степенность. Неловко сунул платок Насте в руки, их руки соприкоснулись. Потом не раз вспоминал этот случай, вот вспомнил и сей-

час. Как испугался тогда или засовестился, отдернул свою руку и за спину положил, чтоб никто не заметил.... «Дурачок был... После умом хотелось ронять и поднимать тот платок, глядеть на неё глаза в глаза, а я... Раз - другой с кино проводил, целовались за складом заготовлено...»

- Не женат, Василий? - спросил, сам не зная, зачем ему нужно знать.

Ясно, что холостой, в селе вести не лежат на месте, хотя нынче модными стали гражданские браки...

- Здравствуйте, что я с дуба упал?

- По годам, думаю, под тридцать...

- Двадцать семь.

Ещё метров триста, уже видно большое двухэтажное здание, где на первом этаже ЗАГС, и тут несущаяся впереди красная «Нива» под номером 195 начинает совершать последний трюк «высшего пилотажа»: её заносит на бок, проходят какие-то доли секунд, в течение которых Баркин Вася и Дмитрий Иванович видят, как из машины летит тело, потом машина переворачивается вверх колесами и, продолжая движение на крыше, забирает в левую сторону, ударяется в бетонный столб электропередачи.

...Свадьба, понятное дело, вся сгруживается, к красной «Ниве» бегут люди.

Выпавшее из машины тело - старая женщина, голова похожа на красный кусок мяса, с размаху шлепнулась лбом о камень и прошибла лоб до затылка.

Вытащили женщину-водителя. Кричит от боли, лицо тоже в крови.

Как потом выяснится, внучка решила покатай бабу на новенькой машине.

Подбежал милиционер, на погоне по четыре звездочки. Рожа у милиционера красная, шея - жирная, «трудовая мозоль» вываливается через ремень.

- Кто свидетель? Кто свидетель? - кричит отдуваясь.

Свидетелей нет.

Свадебный поезд тряхнула чужая смерть, но... мертвые в землю, живые за стол.

Свадьбу Витя Богомазов «оглодал» знатно. Своё присутствие на торжествах он принимал как неизбежный долг ближнего родственника, потому пил и ел, плясать выходил, увивался около незнакомых женщин - не зря же черт в чужую бабу ложку дёгтя кладёт, несколько раз обманывался: тянется рука к стаканчику с водкой, стаканчик ко рту подносит, а он пустой. «Горько!» кричал пуше всех. С видом знатока изображал из себя ценителя с тонким образованием, рассматривал заграничные бутылки на свет, приставая вопросами к «городским дамам»: «А вы пробовали это?» А как не кричать, во все горло о себе не заявлять, коль он есть самая ближняя родня жениху. Оглянется на тетку, та пальцем ему грозит: остынь! Порывался на танец с невестой, тут ему жених, то есть брат двоюродный, вынес рассудительное предупреждение:

- Не рви копытом, не в своей деревне.

Последние годы свадьбы стали обходиться без драк. Богово дорого, бесово дешево: заменила свадьба русскую водочку на заграничное вино. На свадьбах стало больше увеселительных мероприятий, домашних сценических заготовок, хорошей музыки и... конечно, страху. Какой водитель рискнет выложить за стаканчик вина несколько тысяч рублей штрафа? Гаишники свадьбу держат под прицелом. Плюс жара. Слабому здоровьем долго ли скапуститься?

Пьяный, вышел по малой нужде, за высокую поленницу встал, лбом уперся в дрова. Шарит глазами по небу: бледнеет небо, звезд не видно, видно, утро занимается. «Скоро бабы коров доить пойдут», - думает.

Тут слышит разговор парня и девушки:

- Вась... Вася-я!.. Зосима окаянный, да очнись ты, я на третьем месяце. Ты понимаешь? - спрашивает девушка и, видимо, плачет.

Плач беззвучный, потерянный.

- И что? - равнодушно спрашивает парень.

- Ты глухой, что ли? На третьем!

- Спать охота... На аборт сходи, не будь душой.

Девушка громко всхлипнула.

Старшей дочке у Вити пятнадцать лет. От телевизионных развлекательных программ, от дискотек и модных журналов нынче девушки взрослеют рано. Вдруг да какой охломон его дочку обрюхатил? Захотелось удостовериться, не дочка ли его за поленницей плачет. Он решительно занёс парня в разряд «гадов», и такому гаду надо набить морду. Навалился всем телом, опрокинулась поленница и заваляла Витю Богомазова. Долго выбирался из дровяного плена, помогла тетка.

- Сыт, родной ты наш? - спрашивает, снисходительно похихатывая. Достает

из шуршащего пакета Витину рабочую спецовку. - Пофорсил, да и хватит. Переодевайся и с Богом!

И рукой махнула в ту сторону, в какую надобно идти Вите.

Витя переоделся, теткин речи оскорбили его. Костюм свертывать не стал и в пакет совать не стал, вызываясь разбросал вещи по сторонам.

И пошёл прочь, покаявшись себе век свой не переступать порог дядинного дома.

Заявляется в родную деревню, Анна Шилова на скотный двор идёт. С большим усердием принялся Витя Богомазов приводить себя в порядок: поладил свалившиеся усы, отряхнулся, будто конь после тяжелой дороги, обдернул рубаху, включенные волосы пригладил взбрызнутой слюной ладонями, страшно вспотевшее лицо вытер ситцевым клетчатым платком не первой свежести.

- Анюта-а, душа моя... - загораживает дорогу.

Шарахнулась от него Анна Шилова.

- Да ты постой!

- Тьфу!!

Спящего Витю Богомазова поднял с кровати председатель колхоза. И начал матом крыть - рычать. Мода у председателя в минуты гнева брать самую высокую ноту и зажмуривать глаза, будто опасается встретить соперника крепче горлом. Оказывается, коровье стадо вытоптало жито.

- Ты погляди, пролетарец, што ты наделал?!

- Виноват, виноват, Петрович...

- Виноват он!..

Томительной мукой переполняют душу бранные слова председателя. Голова болит с похмелья, нет ни телесной, ни нравственной силы сказать что-то в своё оправдание. На помощь приходит сатана, так усердно подбивавший его на губительную прогулку: «Врежь ему! Врежь-жь! Развелось этих кровососов!» Витя Богомазов руки распускать не стал, он обрушил на председателя свойственную его характеру «правду»:

- Ага-а! Нашли стрелочника! У вас всё сушилки не готовы! У вас всё топлива нет!! А кто по два раз на году едет чаек щипать на Черное море?!

Тут председатель и осел. Потоптался, плюнул себе под ноги и пошёл вон.

Назавтра у Вити Богомазова отобрали пастуший кнут.

- Иди, иди, пролетарец, на все четыре стороны, - напутствовал его председатель колхоза.

Молоденькая, тонюсенькая тростинка-бухгалтерша, в красных, облегающих тело брючках, подала «Книжку колхозника» и выписку из протокола решения правления колхоза об исключении Вити Богомазова из славной рати колхозников с лишением земельного и имущественного паёв.

3.

Народу - море. Ей Богу, веком такого праздничного, взбудораженного, нетерпеливого, переполненного скопища людей село не знало. По главной улице полноводная людская река течет мимо сотен палаток и торговых лотков в одном направлении, ещё полноводнее встречающая - три смежные улицы выплескивают свои потоки. Музыка, песни, пляски, хороводы в народных костюмах. Площадь полна зрелищ и развлечений. Всех встречает огромный черный медведь с бочонком мёда вместо брюха - постарался мастер средней школы, ползими корпел над своим детищем. Мать подводит дочурку к медведю и говорит: «Какой у нас Мишенька сладкоежка, большой и косматый... Поздоровайся с Мишенькой, он тебе медку даст». Не тут-то было: прячет ребенок ручки за спину: не-е, не хочу я от чудища медку. Всё равно дочку с медведем сфотографировать надо. Коробейники-челноки, деревенские пивовары в расшитых косоворотках, прямо на площади мужик точит на самодельном токарном станке чашки под мёд. Жена у него сидит на велосипеде без колес, крутит и крутит педали, а он точит и точит. Подходи, сделай заказ выточить из дерева себе подарок. Мастер прикрикнет на жену: давай, Маруся! Маруся «даст жизни», стружка змейкой из-под резца и побежала. Ребятишек катают на пони - сел на лошадку, посидел, ножками поколотил по бокам, слез - сто пятьдесят рублей владельцу пони. Пожалуйста, к вашим услугам автомобиль: сел, проехал три восьмерки, слез - двести рублей. Грабилровка! И ба-туты, и качели, и даже баня-парилка! Сидит в парилке мужик на лавке в одних трусах, тулуп на стенке, себя веником березовым хлещет, зазывает попариться. Попариться... когда на улице тридцать градусов жары. И ведь лезут париться! Чего дурная голова не пожелает в такой день. Пыль в глаза пускающее изобилие!

Корзины под любой продукт и любого фасона, матрешки, резные ложки-поварёшки... А сколько мёдов всяких! Читай географические аннотации, не ленись: ростовский эспарцетный, ставропольский гречишный, башкирский липовый, каргопольский кипрейный, устюгский луговой... Вперемешку соседи ближние и свои пасечники; первый раз покупатели видят «промышленный мёд». Вот диво-то! Тыщу лет мёд мёдом натуральным был, а тут торгуют мёдом промышленным. Надо купить немного для пробы, чего в этом мёде намешано, авось не сдохну. Скромно стоит чуть в сторонке от людского потока женщина - Христов солдатик, небольшой ящичек на груди с надписью: «На строительство храма». На голове пристойный платочек, очи не стреляют в толпу, очи смиренно опущены к долу.

Самовары старинные, начищенные хоть брейся, ключи медные, иконы, подносы, медали, выездные дуги со звоночками, топоры, портреты вождей коммунистической эпохи, да всё перечислить - бумаги не хватает. Самый интересный экспонат - фитильное ружьё. Стволина два аршина. Долго стоит перед горой старых вещей старушка, вдруг как ахнет, изумлённая: «Не сойти с места: от нашего подвала! Ну-ко, милый, дай гляну». «Семь штук», - говорит торгаш и подаёт бабке облюбованный ключ. Бабка повертела ключ в руках и чуть не кричит: «Ворьё! Эво, черточки-то! Три прямых да две косых! Милиц... Мили-иция!» «Чё ты горло дерёшь, калоша старая?» - шипит на бабку торгаш и пугливо озирается. «Милиицц...!»

«Карлсон» кружится над селом. Его яркий парашют переливался в синеве неба тремя цветами государственного флага России, проворно рокотал моторчик, был виден пилот в шлеме и очках. Сосновый бор был полон народу, люди задирали головы, стараясь в вершинах деревьев увидеть невиданные машины.

- Кинь денежку! Денежку кинь! - кричала толстая бабка, держа за руку парнишку лет пяти.

Парнишка засунул палец в нос, открыл рот и, должно быть, не понимал свою бабку: чего она, неповоротливая тетеря, так скачет, кричит и машет руками?

- Подол подставь. Они тебе кинут, - с сарказмом сказал из-под сосны плотный бородатый мужик в майке.

Бородача зовут Тайсоном. Он местная достопримечательность: последние лет пятнадцать палец о палец не ударил, но постоянно пьян. Нет-нет, Тайсон не пропивал когда-то кушак и поярковую шапку не пропивал, должно быть, знает Тайсон много способов войти в доверие к пьющим. Вместе с Тайсоном под сосной на голой земле сидели Витя Богомазов и слесарь по обслуживанию газовых плит коротышка Федя Дуров. Пили пиво. Закусывали шашлыками. Правда, мяса в шашлыках была сухая видимость и мясо обильно сдобрено томатной пастой, потому купленный деликатес внушал подозрение. В бору «шашлычили» не менее подозрительные, пропитанные дымом здоровяки, лицом черные, голосом гортанные, у каждого на груди волос больше, чем у Тайсона в бороде: вроде бы, как определили местные аборигены, наглостью на грузин смахивают. Угощал Федя Дуров: село газифицируется, что ни квартира, то 60 тысяч как с куста: фирма процветает, значит, жируют и работают. Тайсон, выслушав проклятия Вити Богомазова в адрес «кровососов», добродушно побил рукой жалобщика по шее, посоветовал вчерашнему колхознику сразу после праздников вставать на учёт по безработице.

- Родину надо доить, теревить, на то она и Родина, - самодовольно усмехался он, крепкими зубами сдирая с железной проволоки мясо.

- Мой дед погиб за Родину, так то была наша Родина, а теперь... - поддакивал Федя Дуров. - Какая мы Родина - сырьевой склад Буша.

- В точку! В точку, Федя! Чем нас кормят эти азиаты, а? Чтобы на шампур мясо нанизать, куда там, эти русские обезьяны чего доброго свистнут ихние шампура, сгодится ржавая проволока.

Сколько народу сидит под соснами вроде наших героев! Сотни. Из динамиков несётся на всё село зажигательная песня «Я - деревня, я - село!». На эстраде парни в красных сафьяновых сапогах отбивают чечетку.

Красота!

Над нашей троицей висает полуголая фигура с волосатой грудью.

- Какие люди! Дядя Федя, кинь столыжник.

- А дяде Феде кто кинет? На, не стони.

Душисто пиво под соснами, душисто и забористо. В такой день легко и радостно текут все сорта его по глоткам и кишкам, и пьют его не затем, чтобы пить, а чтоб показать всем православным, сколько может выпить настоящий мужик. Икаем, но пьём! Тайная сила пива берёт народ, как лошадь за узду,

и ведет совсем не туда, куда народу следует быть. Гогочет, матерится, грозит-ся пиво...

Хорошо, что мы вспомнили православие. Вот подходит к нашим героям та скромная женщина - Христов солдатик, с ящичком на груди, просит пожертвовать на храм.

- Ты што, сватья, не в курсах? Какие у нищих деньги? Ты коммунистов тряси, - говорит Тайсон. - Они церкви ломали, в церквях бани делали, с каких таких пирогов мы за них ответ держать станем, верно, мужики?

- Логично! - твердо говорит Витя Богомазов.

Женщина с ящичком молча кланяется и уходит.

- Тебе она как сватьей приходится? - спрашивает Федя Дуров Тайсона.

- А-аа... - отмахивается Тайсон, опрокидывая в рот бутылку пива. - Тут, Федя... такая история: первый велосипед у нас в деревне появился у Дуровых. Да-да, у Дуровых! Давно это было, перед самыми колхозами. Сказывали, Павел Фокиевич зимой в Вологду возил на паре лошадей овёс и не материю, очень нужную для жены и пятерых девок, купил, не ящик гвоздей, а велосипед. Даже, сказывали, воротился домой трезвым. Правда, через этот велосипед его и раскулачили...

- Постой, это как Дуровы из нашей деревни в вашу деревню попали, скажи на милость?

Начинает расти генеалогическое древо: послал царь Иван Грозный дьяка Феофана Дурова народ переписывать в здешних волостях, дьяк и постарался, в каждой деревне по ребенку оставил. В конце концов Тайсон добрался до самого сокровенного: ведь и он по матери Дуров! А эта женщина...

- ...она-то и есть правнучка Павла Фокиевича!

- Да ты постой, борода... - начинает соображать Федя Дуров. - Выходит, она, раз правнучка Павла Фокиевича... да ведь мне она!.. Это мне она родня, а тебе, сукин ты кот, вовсе не сватья, она тебе не пришей кобыле хвост! Надо на храм дать, как не дать! Сейчас догоню...

Федор Дуров ушел искать женщину с ящичком для пожертвований.

- Леший меня дернул с этой сватьей, - досадливо говорит Тайсон и бьет кулаком землю под сосной. - Сдох спонсор. Пошли, што ли...

Под облака взлетают на качелях кабинки, а в кабинках тех сидят радостные люди. Билет купят, и летают. Хочется Вите Богомазову тоже посидеть в кабинке, на народ глянуть с высоты птичьего полета. Хочется, а денег нет. Вглядывается в лица прогуливающихся, знакомых ищет. Натываются его глаза на двоюродного брата и его жену. Идут под руку празднично разодетые, веселые. Жenuшка, как голубка, приклонила головку на крепкое плечо мужа. Витя к ним: одолжи, брат, зуб даю - верну. Брат сотенную поддал: отвяжись. А билет сто восемьдесят. Помедлил, ещё дал сотенную. Витя - быстрее к качелям, билет ему дают, он - в кабинку, его в кабинке один товарищ привязал ремнями и -... взлетел Витя Богомазов выше гомонящей толпы. Крут, ещё круг... Пошатываясь, выходит из кабинки, а пиво, пройдя метры кишок, запросилось на выход на крутом вираже и бежит в обе штанины. Молодая жена брата двоюродного как увидела такую картину, так давай хохотать да пальцем показывать на предмет своего смеха. И грохнула толпа, заржала, загоготала.

Витя бежал под защиту той сосны, под которой столовался. Сидит сырой, штанины на ногах оттягивает, чтоб просыхали скорее.

Тут по громкой связи дают объявление: «Потерялся мальчик Илюша! Потерялся мальчик Илюша! Граждане, нет ли рядом с вами чужого мальчика?»

Между тем ярмарка разыгрывалась все более и более. На ярмарочной сцене играет туш фанфарного склада - большие начальники награждают продавцов и колхозников, самодельных артистов и врачей. Много их, счастливых и обласканных, жмет к сцене, дожидаясь своей очереди получить из рук руководителей высоко ранга диплом и подарок. Слышатся вздохи, шушуканье и даже чье-то сдерживаемое всхлипывание. А рядом лихо играют гармошки, ещё более раззадоривая подпивших гуляк. Удалые частушки сыплются из уст плясунков, лихой топот глушит праздничный туш, полным-наполно зачерпнулась ярмарка дружно гудевшим гулом.

На бесцельно бредущего Витю Богомазова натывается дядя, Дмитрий Иванович.

- Витька, Илюшка потерялся! - говорит с великим сокрушением.

- Ну-у, - отмахнулся племянник, - найдётся.

- Найдётся... бревно ты бесчувственное!

- Правильно, бревно можно в шею со свадьбы выгнать! - люто кричит племянник.

Не ожидал, должно быть, Дмитрий Иванович такого поворота, улыбнулся какой-то тоскливо мятущейся улыбкой и, как бы исповедуясь, промямлил с тихим и сокрушенным видом:

- Убежал пострел... недоглядели.

Потом как опамятовался, отодвинул племянника, поспешил дальше, тревожно всматриваясь в лица ребятшек, бегающих вокруг лошадок пони.

Совсем свечерело. В воздухе ощутимо распространяется прохлада. Народу заметная убыль. Улицы в обертках, бумаге, посуде и раздавленных шашлыках.

Наткнулся Витя Богомазов на полотняную палатку, распыленную на кольш-ках. Рыжая торговка снимает с плечиков платья, халаты и блузки, трусики и прочие вещи, сворачивает и толкает в большие мешки. Лицо и руки у неё полные, розовые, вместо положенного платья пестрые шортики. Быстрый, поднаторевший взгляд на прислонившегося к кольшку усталого, как изжёванного, мужика.

- Ты чей? - спрашивает.

- Турецкий подданный, - отвечает Витя Богомазов.

И усы подкручивает.

Проходит время, торговка снимает и сворачивает вещи, Витя стоит. Скосила на него глаз и сказала мягко, но властно:

- Помогай, турецкий подданный.

Удивительное дело, Витя Богомазов точно ждал этой команды. Засуетился, начал сдергивать вещи, бросать плечики без приберегу. Торговка оттолкнула его, фыркнула:

- Не горбы на пилораме - всё в кучу!

Нагрузила Витю Богомазова мешками, как бедуин грузит верблюда, закурила и повела к себе. Она впереди, он, скрепившись, за ней. Тропинкой мимо той со-сны, под которой днём сидели с Федей Дуровым и Тайсоном. Штатается и царапается всё вокруг, задевает за мешки.

- Ровней, - не оборачиваясь, говорит торговка. - В каких краях-волостях пуп резан?

Витя называет свой домашний адрес.

- Хорошо иметь домик в деревне. Сметана, молоко, редька... Тебя как звать-то?

- Витя... Виталий.

- Была у двора масленица, да в избу не зашла. Давно жена прогнала?

- Не женат я, холостой со школы.

Торговка как запнулась, повернулась к носильщику лицом.

- Врёшь! Все мужики - псы меченые.

- Какой я тебе пёс? - в Вите Богомазове начал тлеть подмоченный пивом запал, но только тлеть, даже дымиться запалу не хотелось, а гореть и подавно.

Мешки гнетут к земле.

У торговли нет больше вопросов. Идёт да покуривает, демонстрируя носильщику пусть не идеальные, но неплохие физические данные для её лет. Анна Ши-лова привлекательнее смотрится сзади, но... продал душу за овсяный блин; ры-жая торговка-плутовка мужика в нём увидела, а Анюта нет.

СМОТРИНЫ

Осенью дело было, сразу после Покрова. Шли затяжные дожди. Миросозерца-ние сельского человека от непрерывных дождей цепенеет, как гора, убаюканная ветерками, и только перемена погоды побуждает его «сменить гнев на милость»; настроение от дождей жиднется на «покати», - то есть что ни день, то светлое время убывает на вершок, зато упрямое темное нахраписто въезжает в деревню со стороны пустых волглых полей на разбитом рыдване и катит себе от избы к избе, стряхивая с повозки всякий безынтересный сор. Иной день небесное реше-то лениво ходило не зная в чьих руках, то ли в руках сонной старухи, то ли девчонки-несмышленища: дождики перепалили какие-то ошупывающие, несме-лые, а то с ночи зарядит хлестать косыми плетями, да так поливает, аж на лавке в тёплой избе у окна сидеть зябко. Понятное дело: у сонной стряпухи и сердце и руки всегда короче, чем у подлинной хозяйки.

В такую-то безотрадную пору бедный простец Ваня Глядящин надумал ехать сватом в Кирпичную слободку. Точнее сказать, не сватом, а на смотрины. Невес-ту засмотреть. Сватом, не нами заведено, ездят позже. Мать в то утро пироги пекла. Впала в суетливую деятельность, всё заслонкой хлопала, ворчала, что Ваня не тех дров с вечера принёс, потому ясности с пирогами нет. Дня три до этого

гостила у Глядящих Татьяна Коровина. Почто приходила, Ваня так толком и не понял. На вид Татьяне около тридцати лет, хотя Ваню, смеясь, называет «годком», то есть, по метрике, - тридцать семь. Дородная, с крупными черными глазами и с непонятной улыбкой, не то задорной, не то застенчивой. Вдова шестой год, но о вдовстве своём, кажется, тужит мало. Обо всем с матерью перетолкли: досталось колхозному началству и почтальонке, пожелали вновь избранному Генеральным секретарем партии товарищу Горбачеву править страной с умом - молодой, энергичный, главное - из наших, из комбайнеров. Под занавес скрестили копы на Иване: затянул с женитьбой.

- Сама посуди, Елизавета, годы-то идут!.. Идут-идут, да и покати-ились. Отец у меня поёт: «Где мои семнадцать лет да красная рубаша?» - говорила с каким-то странным нажимом Татьяна, поглядывая с искоса на прижавшегося спиной к теплой печке «годка». И мать на Ваню поглядывала с особенным интересом, как будто искала на лице сына подтверждение истины слов гости.

Вот Ваня раз шумно потянул носом воздух, другой, да и говорит:

- Дак што, мама, буди съезжу?

- С ума сошёл? - изумилась мать. Про пироги забыла. Выскочила с деревянной лопатой из кухни, по исстари установившемуся в ней понятию, «свадьба» есть нечто такое важное, сопряженное с большим трудом, стала наговаривать сыну о пагубности такого опрометчивого шага. Она осознавала, что в «свадьбе» нет и тени труда, есть доброе начинание истого хозяина-приобретателя... - Ваня ты Ваня, дитяtko неразумное! Наслушался Татьянинных басен. Вот куды ты с такой головой?

Голос у матери солидно-приятный, но в минуты раздражения в нём звучит резкая подыскивающая нотка, от которой становится неловко.

Наружность Вани Глядящина очень даже оригинальная. Необыкновенно длинный и весьма узкий в кости, голова маленькая, почти лишенная подбородка, с острым крючковатым носом, похожим на клюв ястреба, с озорными, стреляющими глазами. Потом, как раз перед Покровом, Ваня был в райцентре, зашел в парикмахерскую и остриг голову наголо. По моде. Вот мать сейчас говорит сыну: мол, голова-то как у арестанта. Кто ж с такой головой сватом в чужую волость ходит?

- Хватило ума перед стужей голову остричь! Смех да и только. Осудят, Ваня, осмеют с такой головой.

- Перестань, мама, мода ныне под Котовского, - Ваня шаловливо провел несколько раз ладонью по голове. - Под бандитов все стригутся.

- Пускай, ты-то какой бандит?

- Никакой.

- Вот! А в бандиты занесли!

Ваня склонил голову набок и стал озиаться по сторонам, как будто осведомляясь, нет ли в избе настоящего бандита. Мать торжествовала: отговорила! Она до того уверовала в неотразимую убедительность своих доводов, что все лицо её как бы засветилось вдохновением.

- Эх его прикачуло... Еще из Кирпичной слободки жену брать. Срамота! Там, сын ты мой дорогой, девки сплошь пролетарки, это не наши тихони...

Резкая поучительная нотка в голосе исчезла. Мать могла бы сказать много интересного и познавательного насчет девок из Кирпичной слободки - матери-одиночки обладают чрезвычайным чутьем относительно всяких мелочей жизни и замечательной подвижностью ума... На беду, по избе потянуло запахом жжёного хлеба.

Ваня затосковал. Вышел на крыльцо, закурил, на исхлестанную дождями деревню поглядел и втайне дал себе клятву пойти наперекор матери и не откладывать дело в долгий ящик. Да что: ему тридцать семь лет, в армии служил, работает трактористом в колхозе, водку не пьёт и пьющих осуждает. Потом, раз в армии служил, кто скажет, что парень не полномощный? Никто не скажет. Всё при нём. А служил где? На космодроме! Космические корабли видел! Правда, издали. Правда и то, что из автомата не стрелял, всё больше с лопатой упражнялся. Кому-то надо и с лопатой, не всем летать. С матерью спорить не хотелось. При всем сознании несомненной благонамеренности, Ваня побаивался мать, потому как находился под её сильным влиянием, но мать уважал. Мать правила всякую работу, какая только может быть в колхозе. Хвати поросенка заколоть - ещё в люди идти? Стекло в раме побилось - самой, что ли, стекло не врезать? Она и печку в бане сложить может, и покойника обмоет, в девичестве на лесосплав десятником ходила. «И чего ей девки в Кирпичной слободке не по нутру? Трех наши взяли из слободки,

все трое в доярках, на хорошем счету, Татьяна маму заменила... Валька вон какая веселуха языкая, што те печь битая. А Галька?.. Правда, Галька баба-язва, тощая и вредная, мило дело подковырнуть да подсмеяться... И чего мать про Татьяну говорит, что ей жизнь - грош, но пока жива - подавай всё, чем жизнь хороша?»

В избу идёт, мать на столе большой рыбник сливочным маслом налитывает. Помазок у неё - куриное крылышко.

- Поверил Татьяниным басням, - тихо смеётся мать. - Ишь, до чего сноровисты да хозяйственны девки в Кирпичной слободке. Раньше-то в этой слободке одни пролетарьи колготились, шаромыжники.

Ваня к этому спокойно добавляет:

- Стариков, бает, надо проведать.

- Дак и пушай идёт да проведает, чего тебя-то смущать? Ты мне вот што скажи: насмотрел уж девуку или вслепую?

Ваня весь побелел, и только красное пятнышко выступило на одной щеке. Глаза стрельнули по материнскому лицу, вдруг он поднял руку с зажатым кулаком и мягко опустил кулак на столешницу. Потупился; уставился глазами в пол; мать подвинула к нему рыбник - ешь, заставляет снять пробу всем своим присутствием.

Они глядели молча друг другу в глаза, как бы желая проникнуть один другому в душу. Мать поняла: долго тянул с женьтой, видно, собрался. Отщипнула сама кусочек рыбника, в рот положила, пожала плечами и проговорила обычным, солидно-приятным тоном:

- Коли так - Бог в помощь.

Ваня был недоволен чем-то. Может, просто встревожен необычностью своего положения, может, оттого, что при матери зажал кулак, чего раньше никогда не делал...

- Дак, буди... Татьяна скоро придёт, дак ты... накажи ей. Мне с краю-то не надо, сама понимаешь, - тихо, почти шепотом, с расстановкой и внятно, хотя и волнуясь, проговорил Ваня.

Мать в умилении склонила голову набок и улыбнулась. Потом зажмурила глаза, словно загадывая увидеть будущую сноху, и спокойно отвечает:

- Тут, Ваня, как судьба-а. На судьбу верхом не скочишь.

Не близок путь до Кирпичной слободки. Сначала огибали большую пашню - напрямую пашней трактор вязнет, потом пошла захлавленная порубочными остатками лесная делянка, делянка уперлась в болото; крадется по болоту Ваня Глядящине оцупью, осторожничает: не ровен путь, плюхнешься на «пузу» - и всё, дальше топай ножками. Татьяна ему не мешает, вжалась вся в кабину, понимает всю напряженность момента. Глядит-глядит во все глаза в своё боковое окошечко, одна картина мрачнее другой: березовое чахлое редколесье, кочки, поваленные и гниющие лесины, мох, «дворник» сгребает с лобового стекла ручки воды... не хочется слова молвить. Такой он, наш северный «асфальт». Татьяна часто вздыхает, но во вздохах не слышится ни малейшей укоризны, а скорее какое-то сладкое чувство удовлетворенной гордости: вот надо ей стариков проведать, стоптала трактор у бригадира, подговорила такого Ваню, нескладного, «интересного» перестарка, и едет себе барыней в гости, как с прежним мужем Игнашкой не ездила; она погружается в самую себя, она думает, как примут в её родной слободке таких сватов.

Случайно в зеркальце заднего вида Ваня видит озадаченную пассажирку. Веки у нее подрисованы, потому глаза кажутся и влажными, и блестящими. Прибавь к глазам бездну женственности, того неуловимого кокетства, которое дарит дальняя дорога и теснота кабины, и ты получишь приблизительное (Ваня в свои тридцать семь лет ещё не познал женщины, потому для него всё, что касается интимной стороны женского вопроса, окутано теоретическим туманом) понятие о сокровище, которое везёшь через болотину в уходящую тьму. Волей-неволей соприкасаются ноги (трактор «бредёт» из ямины в ямину, в кабине места в обрез), стойкий запах дизельного топлива (горячий двигатель старенького трактора изобилует всевозможными запахами) перебивает неуловимый запах дамских духов; и не подумаешь, что Татьяна разоденется так легкомысленно! Ваня подверг наряд Татьяны самым жестким осуждениям, в уме рисовались самые мрачные перспективы: сапоги ладно, в туфельках из дому не выйдешь, но зачем чулки, когда надо брюки, и брюки самые что ни есть рабочие, зачем курточка-ветровка, когда в такую поездку надо одевать фуфайку... «Напомадилась... а как усядемся? На себе тебя понесу? Зря маму не послушался, и всё эта...» Похвалил за мёд, что родите-

лям везёт. Как она соседа-пасечника уговаривала: продай ей рамку, полную мёду! Отцу надо именно такой мёд, с воском! Мылся сосед: рамки с мёдом на весеннюю подкормку пчел у него отложены, и отношения с бойкой соседкой портить - себе вред.

Короток осенний дождливый день. Вечер способен на всякого навести досаду. до такой степени он быстро натягивает на мутное небо тяжелый сырой тулуп: неуютно за кабиной трактора, и в кабине надоедливо.

- У тебя на примете-то кто? - спрашивает Ваня и легонько теребит пальцами крючковатый нос.

- А-а? - Татьяна подалась к Ване.

- Говорю: на примете-то есть?

- А то! У нас в слободке ковшом их черпать-не вычерпать! Как, Ваня, засветло не доберемся?

- С Богом чаю не пил... Больно-то молодая мне ни к чему. И не гулящую! Гулящих на дух не переносу! Сама понимаешь!

- Тебе обязательно девку надо, не бабу?

- Факт. Иначе за каким бесом я трактор гоню? Смекай!

Видя, что мысли Вани принимают не совсем безопасный оборот, Татьяна обеспокоилась. Ваня мог запросто развернуть трактор в обратную дорогу. Характер у него, как считает Татьяна, топырчатый. Вот купаются, топыря крылья, воробьи в ямках с горячей пылью, хохлятся, воздух клювиками будто ловят один у другого, тут, в ямке, и умирают у кошки в лапах. Так и Ваня, чем-то на воробья похожий. Ты не здоровайся с ним год, он первым не поздоровается. Страсть не переносит зоотехника. Зоотехник кичится своими якобы стандартными пропорциями тела, любит прихвастнуть, мол, грудь у неё очень правильных форм. С народом стоит или дорогой одна себе топаёт, нет-нет да оттянет пальцами кофточку на груди, заглянет, в сохранности ли её богатство самого последнего размера. Как-то прошлой зимой привез на ферму силос, наговата Галька, тоже родом с Кирпичной слободки, и прицепилась: ты-де, Крючок, на самый проход свали, мы-де не лошади на вилах таскать за километр. Между собой доярки Ваню Крючком прозвали: или за нос с погибом, или за нескладную фигуру, или черт знает за что. Ваня в ответ на оскорбление слова не выдавил, в кабину залез, посидел, отвёз силос от дверей фермы и свалил между стогами ржаной соломы. Вот было крику, мату; на подвернувшегося под горячую руку бригадира Галька совковую лопату навозу кинула. ЕСТЬ в Ване кроме кажущегося благодушия претензия на непревзойденность. В кочегарке шла планерка, обсуждался вопрос вывозки навоза на дальние поля. Рыжий бригадир матерился, экономистка доказывала правильность своих расчетов, зоотехник вспотела, часто оттягивала на груди кофточку, председатель волком смотрит на стреляющего глазами Ваню: «Ну, понял?» Другие мужики похитрее, заняли позицию выжидательную: начальство покричит и разбежится по своим углам; повозим навоз на дальние поля, не повозим - какая разница? Сегодня возим, завтра снега завалят дорогу - и всё, отвозили. Или весной надо свой огород пахать. Все вспахали, все картошку посадили, а Ваня не пашет. Мать Елизавета из себя выходит.

- Не спеши, мама. Земля не отошла.

И ведь надо же, картошка у Глядящих обогнала в росте картошку всех прочих! Мало того, у прочих к картошке гниль привязалась, у Глядящих уродилась всем на зависть. Вот тебе и Ваня, считает его дурачком.

Потому, в отвращение дальнейшего (непредсказуемого) разворота событий, Татьяна сменила тему разговора. Стала рассказывать, как уговаривала жену бригадира подменить её на ферме пару дней. Бригадирша баба капризная, всё ей кажется, что мужа доярки ни во что ставят, «нахлебники-правленцы» издеваются, хотя бригадир в колхозе самая первая скрипка. Он же и милиционер.

Стало заметно темнее. Дождь кончился. Фары высветили лежащую поперек дороги лесину.

- Выскочи, размотай трос да прицепи, оттащить надо, - говорит Ваня Татьяне.

- Да ты што, Ваня... да как я?

- Горе мне с вами, - важно сказал Ваня. Стал вылезать из кабины, пришлось Татьяне ухватиться за его талию, как бы посадить себе на колени и, когда Ваня выскользнул из-за руля, как подтолкнуть на выход. Теснота. Обратно залезал - снова на колени у Татьяны посидел. Лесину оттащил, опять вылезать - залезать в кабину. К Татьяне под ветровку рукой угодил. Руку выдернул, как обжегся, уселся на место, Татьяна смеётся:

- Девку ему подавай, а сам не дурак, бабу лапаешь.
- Да я не нарочно, чего ты... Ужо на другой раз...
- Полно, полно, Ваня, я ведь шучу. С Игнашкой не довелось поездить, тоже, поди-ко, так бы выбирались.

- Неужели с ним не ездила?
- Чтоб угробил меня? Помнишь, как на Дне молодежи избил тебя? А за што? Не уважает, видите ли, Ваня Глядящин Игната Коровина.

- Ну-у, те синяки водой унесло. Не всё же время пьяный ездил.
- А хорошим вспомнить нечем! Старшую напу, Фаинку, пьяный утопить хотел, хорошо мать твою Елизавету сам Бог направил в тот день идти бельё полоскать. Младшую, Сонечку, покатасть захотел - два месяца Сонечка в больнице лежала, слава Богу, инвалидом не осталась. Да я как вспомню, меня всю трясёт!

- Дак не вспоминай, чего вспоминать худое.
- Хорошее-то, бают, помнится, а худое век не забудется.
Ехали да ехали, добрались до Кирпичной слободки. Татьяна весела, слышит Ваня, как она целуется с матерью в сенях:

- С тем приехала-то? - спрашивает невидимая мать.
- С тем, с тем, - нетерпеливый голос Татьяны.
- Ой, Танька, много на себя берёшь!
- Отстань-ко, мама! Ваня-я! Проходи, проходи в дом, где ты там застрял?

Мать Татьяны, располневшая, осанистая, собирает на стол. На кровати под гудуном лежит отец. «...Не знать, што и привязалось. Ходил дорожки на налима ставить да в реку опраخотился», - пояснила старуха, хотя Ваня ничего не спрашивал. Татьяна куда-то убежала. Ваня смекнул, куда она убежала, и внутренне стал готовиться к встрече с невестой.

- Воду слей, - проговорил на кровати больной. - Ночью прикуёт.
- Ну-у?.. Не дотюнькал, - удивился Ваня своей несообразительности.
Сходил, слил воду с двигателя. Стоит у трактора, курит; затучнел вечер, с дремотой и сытью валилась ночь; слышит, идут двое. Осторожно пробираются по брокинутым тесинам, одна одну поддерживает.

- Ты, Катька, не бойсь, простой он такой, наивный, по бабьему вопросу ни уха, ни рыла не понимает.
- В армии, баешь, был?
- Был, был, всё у него в порядке, не переживай.
- А баешь, не кумекает по плотницкому ремеслу...
- Скумекает, чего ты боишься-то?

Докурил Ваня сигаретку, заходит в избу, стоят посреди избы Татьяна и маленькая толстушка с раскосыми глазами, жестким ртом, мать Татьяны с интересом взирает на происходящее из-за косяка в кухню. Как взглянула толстушка на Ваню, так и оробела, за спину Татьяны спрятаться норовит. Татьяна засмеялась, подтолкнула толстушку вперёд, говорит:

- Катерина. А это... это наш Ваня Глядящин.
Подаёт толстушка руку Ване, Ваня понять не может, куда взгляд её устремлён, на Ваню или на работающий телевизор? Тут мать Татьяны уверенно дело повела: каплянула, как перед чтением книги, всех за стол усадила, полотенцем икону на божнице отерла, да по старинному уложению про князей с княгинюшками, про товар да купцов речи рассказывает.

Смеётся, пофыркивает за ситцевой занавеской больной на кровати.
- Чего и смешного? - румянится от хорошего удовольствия мать Татьяны. - До нас так читали и после будут, чего хохотать?

Толстушка Катерина дичилась Ваниной головы. И так-то голова махонькая, да ещё обритая, - вот наклонится через стол этот Ваня, сидящий прямо, как юнker за партой, да как клюнет острым носом!.. Скорее всего, Катерина боялась одного: это как она с ним целоваться станет?

На смотринах вино тугое и броское, - женщины пили маленькими глотками, - веселая и нарядная под вином скатерть скомкалась, зато лица женщин заиграли смехом да шуточками; по смеху, по тону, Катерина в меру боялась жизни, сберегла или нет своё девичество, про то вино на смотринах молчало. И Ваня за чаем расслабился, его взгляд (разговор на улице, который он невольно слышал, явился неясным раздражителем) потеплел, но чем дольше Ваня сравнивал Татьяну и толстушку Катерину, тем больше в Татьяне находил привлекательности. Как он раньше не замечал, что у Татьяны волосы немного кудрявятся, да и глаза определенно наездничьи, разбегистые глаза, и нет в них никакой неопределённости. Жизнь в Татьяне как бурлила, как выплескивалась от некого обновления; она

сидела перед ним неуловимая, близкая и далекая, как теплый воздух, спрятанный под красивую кофточку. И странно ему, смешно и щекотно. Какие все же непонятные, вроде родные, вроде чужие, эти женщины! А голос... точно как у матери! Раскраснелась Татьяна, ей бы в пляс сейчас, жар в пол втоптать! Косоглазая Катерина варенье стала из банки доставать - в банку ложку опустила, чай наливает Ване - лёт ему кипяток на ногу. Представил, как мать ловко по хозяйству со всем управляется и как Катерина станет управляться, и муторно стало на его душе.

Спать Ваню уложили на пол, рядом с кроватью старика. На соломенную перину. Татьяна ему тоже тулуп принесла, немного погрела на печи и оправдывается:

- У нас в слободке победнее живут. С войны на всю слободку трое мужиков воротилось, откуда богатству быть. Как, тятя, полегчало?

Мать с Татьяной ушли в горенку. И шушукуются, и шушукуются, старику и Ване спать мешают. Старик к столу не вставал, Татьяна ему кружку чаю на табурет ко кровати поставила и блюдо с выломанными из рамки сотами мёда со всем должным уважением поднесла.

- Девку засматривать приехал? - спрашивает с кровати старик.

- Вроде, - отвечает с полу Ваня.

- Лукавое семя эти бабы... И без баб нельзя.

- Скажи, какая эта девка Катька?

- Какая, какая... Такая. Годов тридцать отмаешь, тогда и баланс подобишь.

- Она хоть девка?

- Вот чудак человек, я што, врач бабий? Или в бане с ней мылся?

Колко спать на перине, набитой свежей ржаной соломой.

День зародился светлый, чуточку морозный и как бы далекий от курившейся дымки. За рекой темно-красная полоска утренней зари пробудилась в младенческой неге, потянулась, потянула ножками заколдованную слободскую тишину и утонула в зыбких облачках. На заберегах разбитых колея дороги искрился первый лёд. Воздух точно застыл на мгновение с ощущением покоренной воли, обузданного иступления - скоро студенистый подымок отправится леденить бороду старику Морозу.

Доехали до лесины, что Ваня стаскивал с дороги, переглянулись и засмеялись оба. Татьяна бойко, одним глазом, посмотрела на Ваню. Почему-то такой взгляд смутил Ваню, будто Татьяна сумела заглянуть в его душу, в которой прошедшие смотрины вели торопливую бессвязную запись.

- Дак как?

- Што «как»? - подыграл Ваня.

- Катерина как, подойдёт?

- Подойдет - не подойдёт... не заплату на валенок выстригаю. Нет бы спать с ней положили, а то с твоим отцом полночи о том, о сём калякали.

- Надо же, какой ты шустрый, однако!

- Если прямо попрошу, дак прямой ответ дашь?

- Смотри чего да как попросишь, - двусмысленно отвечает Татьяна.

- Согласна со мной жить? Хоть я к тебе, хоть ты с дочками к нам с мамой?

- Вот-те раз!! Тебе ж девку подавай!

- Усомнился я в этой Катерине.

- Вот-те два!! Ещё не переспал, ещё не расчухал, уж сомнение берёт.

- Берёт, и всё! Я ведь не шучу, сама понимаешь.

Вольнее чувствует себя в кабине трактора Татьяна. Не вжимается в железо. И бок Вани не такой костлявый, каким был вчера. Расскажи она бабам на ферме, как на смотрины с Ваней ездили... вот смеху-то! Засмотрел, называется... сватью! А предложение делал, будто в сельповский магазин пришел и просит продавца пуд соли ему в мешок насыпать.

Радостно ей и беспокойно. Радостно потому, что она еще молода, привлекательна, что зря кутается в черную вдовью шаль; радостно от Елизаветиной напраслины: в кажущейся Татьяниной веселости и беспечности усмотрела Елизавета женскую слабину, - зря! кабы жизнь для Татьяны грош, а подавай всё, чем жизнь хороша, шесть лет бы себя блюла? Сколько мужиков подваливало, двое парней сватались из родной Кирпичной слободки - нет и нет! Ваня нормальный парень, пусть красотой да статью не с покойного Игната; и беспокойно потому, что кто его знает, Ваню Глядящина, тот еще... «годок», сам себе на уме; столько лет каким-то пришибленным жил, а тут давай-ко, Татьяна, вместе жить! А как надумает Катьку в жены брать... «А Катька согласна! Знаю я, какая несмелая!

Сама прибежит, и ехать по ней не надо. Грех мне будет: знала, отчего да почему Катя в девках засиделась, а Ваню за дурачка считала: не расчухает. Видно, расчухает. И чего это я им как брезговала?..»

Пил, буянил, дурил Игнат, но хозяйство худо-хорошо на нём держалось. Год за годом идет, надо бы корову сменить, новый хлев поставить, каждую зиму дрова с боем достает, надо уж сейчас думать, куда старшую дочь после восьми классов определять, и так далее и тому подобное. Пока-то дочь в пятом, придёт время, будет и в восьмом. Много одинокой бабе сил и терпения надо, много.

НОЧЬ

1

Прожили совместно Хитрый Ромчик и Наталья пятьдесят лет и придумали сойтись браком. Вовсе не сами придумали, председатель сельсовета приставать стал, мол, непорядок, у вас внуки женятся, а вы всё сожители. Наталья, старушка белая, ещё крепкая, с нескрываемым интересом смотрела на Хитрого Ромчика: ведь не согласится, увильнёт, какую-нибудь да найдёт лазейку.

- Што ты, што ты, душа моя, доживём-домаем и так, - мягко говорил, как распуская в своей душе цветущий сад, Хитрый Ромчик. - Всё недосуг, всё в работе, в суете... Што, Наталья, скажешь?

Что Наталья скажет: вздохнёт затаённо; уж давно чужое тепло стало её теплом, были пристальные тихие и счастливые минуты - не помнит, потому вроде и беречь нечего, притерлись один к другому, сжились, кабы ещё умереть в один день... ну, а невестой побыть час какой можно, пускай девки посмотрят; с другой стороны - чего её на смех выставять с каким-то замужеством?

- Отстаньте-ко-о, - сказала Наталья устало.

Не скажет Хитрый Ромчик, почему они с Натальей сожители: от статуса «одинокая» выгода колхознику пока что есть небольшая. Одинокую да бездетную в каждую щель забьют, затолкают, а одинокую с детьми на сплав и зимние лесозаготовки не пошлют, под коров не сунут, дровами или картошкой помощь одинокой с детьми окажут; Наталья одних девок рожала - опять выгода: девке хоромы заводить не надо, девку в армию не призовут, вроде и законный отец у девок есть, вроде и нагуляны - вот ущипни ты этого Ромчика! плюс на хозяйство одиноких с детьми агенты сельхозналог накладывали минимальный, и т.д. и т.п.

Хитрый Ромчик пошёл в район. Сбрил белесую свинячью щетину, надраил никогда не снимаемую с пиджака медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.», взял с собой районную газету военных лет - в газете была заметка, что колхозник Роман Иванович Баулин, несмотря на мучающие его болезни, круглый год работает без выходных.

В последнем номере районной газеты было сообщение, что в пятницу, с десяти часов дня, в кабинете председателя райисполкома ведёт приём граждан по личным вопросам депутат Верховного Совета РСФСР товарищ Мудилло. Вот ведь до чего дожили!

Хитрый Ромчик деревней шел долго, на клюшку опирался старательно, растегнутые полы пиджака прибавляли объёмности и солидности - не зря на колхозных собраниях все уполномоченные от райкома партии перед выступлением расстёгивают пиджаки, на окошки домов оглядывался, будто с каждого дома принимал сопутствующие заявки на помощь; вышел за околицу, огляделся, клюшку сунул под изгородь и пошёл скорым шагом. В молодые годы Хитрый Ромчик обладал кошачьей гибкостью - такой легкой походке завидовали все. Быстрота его шага на первый взгляд была не заметна, он двигался без малейших усилий: катится круглый колобок, а ножки под ним поднимаются чуть не вровень с плечами.

На заре маленький дождик окропил землю, и теперь все крестьянские избы были в ярких радужных каплях. Продирает глаза деревянная деревня - солнце тормошит.

Дорога в район идёт сосновым бором. Густо пахнет смолой. Зимой закарпатские шабашники вгрызалась в сосновый бор с нескольких сторон. Лес валили на выбор. Неузнаваемым стал лес, ископабленным, искалеченным, заваленным порубочными остатками. Он залечивает раны и ушибы, омываясь янтарной слезой; кажется, что из зацветающих наволоков, со всех перелесков и меж, из полей, отовсюду подтягивается пахнущая смолой тишина; скоро травы войдут в буйство красок, разопреют и пойдут верхней волной над смолистой истомой; еще не было искристой пыли в солнечных копиях, быстро густели хлеба, по ягодам, по чисто-

те воды в реке было предчувствие долгого, насквозь пропитанного влагой лета, а пока народ блаженствовал.

Для большинства народу в Девяткине день или уже начался, или еще продолжалось утро - существенной разницы нет; ночь прошла, кипит на столе самовар, набегал бригадир с нарядом, говорит радио, нигде ничего не горит, жужжат мухи, чего еще надо?

Смотрит хитрый Ромчик - кто-то в бору хозяйничает. Осторожно прокрался - одноногий Иван Яковлевич рубит прутья, перерубает вершинки, всякий хлам от лесозаготовки в кучи складывает. Иван Яковлевич фронтовик, ногу оставил под Сталинградом. Партийный. Упрямый. Силы в нём ужасно много. Жаль, ногу оттяпали по самое никуда, потому прежде чем шагнуть, поможет ноге на протезе - «ступню» закрепит и шагнёт. «Заякорится» Иван Яковлевич и «кошкой» на крепкой веревке подтаскивает к себе прутья.

- Бог в помощь, Ваня. Вот ведь што подлецы наделали, - с сожалением говорит, подкатываясь ближе Хитрый Ромчик. - Эдакой бор выхлестали, нате вам... и куды начальство смотрит?

Молчит Иван Яковлевич. Папиросы достал, закурил, отвалился телом на ободранную, в смоляных подтеках сосенку, давая ноге на протезе отдых. Нет у него мандата за всё начальство ответ держать.

Побитый бор в птичьем бреду; поёт, свистит, к заутрене зовёт, кукует. Исподволь просачивается внутрь мысль о вечности бытия; хочется смотреть, слушать, думать, - всё кругом исходит из одной небесной золотой точки, из одного вещего слова, и всё проходит через тебя; великое и малое на белом свете имеет одну цену: жизнь.

- Не знаю, как и добреду. В больницу надо, в боку колет и видеть стал худо... эх! Поворочал Роман Иванович мешков, а навоз, а лес, а сено?..

Глаза у Ивана Яковлевича неподвижные, маленькие и правдивые, как у зверя. Хитрый Ромчик сожалеет, что привернул. Начал теснить душу недоуменный вопрос: вдруг да хорошо платят, может, и ему... немного поучаствовать?

- Ты, Ваня, от лесхоза или от колхоза?.. Я про то, оманут, вера-то есть ли? А сколько платить обещают? В трудовнях раньше было толковее: конодень есть? есть, уж как бригадир пальчик прижмёт, такая и нормочка. С трудовой сошли... - отрешенно машет рукой, - какая дисциплина? Помнишь косоглазого Хабаренка, председательствовал перед войной в «Энгельсе»? Рассчитали, пашного, дали два пуда мышинных объедков - хреново, партийцы приговорили, хозяйничал, много уделял внимания бабьему обхождению. Ты в кадровой тогда был. Хабаренок с горя утоп ниже Гераськиной мельницы... д-даа, преж в узде ходили.

Хитрый Ромчик чувствует, что этот Иван Яковлевич, чего доброго, может и «кошкой» его вдоль спины огреть - такому разбойнику человека убить как муху прихлопнуть, потому, заискивающе улыбаясь, примеривает по себе палку, идёт в район.левой рукой опирается на палку, правой держится за бок.

Иван Яковлевич гасит на пне папиросу, смотрит в спину удаляющегося Хитрого Ромчика, выбирает на себя веревку «кошки».

Ближе к полудню по Девяткину шел рослый молодой человек в черных полуботинках, нёс потертый местами белый чемодан. Спросил идущую навстречу бабу с водой, где дом Брагиных. Баба поставила ведра на землю, отдышалась - это была страдающая одышкой рыхлая женщина, смотрящая большими черными глазами с темными кругами вокруг, - спросила:

- Которых?
- Григория Герасимовича.
- Хватил... три года на буеве лежит Григорий Герасимович.
- Знаю. Который?

Женщина показала. Молодой человек пошёл дальше, а женщина стояла и гадала: это кто такой объявился? Носом бы похож на покойного Гришу Брагина, и фигурой сухопарый, а походкой... нет, уж больно уверенно идёт. И усы белесорыжие, и глаза стреляющие... спросил нагло, без всякого уважения, как кнутом щелкнул: «Где Брагиных дом?» И штаны носит рабочие, красная цена которым трешник в базарный день, - «нашёл ровню, сопляк! Сосланный какой, что ли? ужю надо бабам сказать, может, кто чего знает».

Приезжий содрал с окон доски, печь протопил. Чего-то около дому стучит и стучит, на деревню не показывается. Накосо-лысо обкосил дворнице. Кто рано утром его с реки идущим видел, кто шагающим в ночь в одних трусах; дали знать в милицию, мол, в Девяткине скрывается беглый каторжник. На рычащем без выхлопной трубы мотоцикле наезжал участковый, увы, парня не арестовал. Тог-

да на деревне немного успокоились: не арестант, выходит, у него паспорт есть. Паспорт есть, и без ножа ходит. Видать - чудик, мало ли чудиков по свету бродит, чудо сказочное ищет. В то лето, как Гриша Брагин удавился, в доме бригадира Грозного трое бородатых татуированных лесников жили. Просеку всё лето прорубали, говорили, дорогу хорошую построят, Девяткино с райцентром свяжут. Брехня: по просеке потом провода проложили, взрывчатка натолкали под пни, потом как рванёт!.. что-то ценное возле деревни втуне лежит, нефть али алмазы... Потом одного лесника милиционеры застрелили, он магазин ограбил, водки нажрался и магазин поджгёт. Очухался - ищут, ноги в руки и бежать. Ему «Сдавайся!» кричат, а он с топором на них...

Вскоре в дом Брагиных вселилась старуха. Её парень привёл ночью со станции. Вскоре бабы узнали: дочерью Герасиму покойному приходится. Обличьем на сводного брата Гришу похожа и не похожа, забываться стал Гриша, как-то расплывчато, неясно - вроде похожа... По Девяткину поползли слухи... Герасим Брагин был призван в армию в начале первой мировой войны. Служил в Финляндии. Там и снюхался с прачкой. В революцию домой выехал, женился, потом опять его в армию забрали, и опять попал на Север, под Мурманск. Сказывал потом, что не приглянулись ему большевики, драпанул к белым, потом белых невзлюбил да обратно к красным, был ранен в плечо, попросил заменить лазарет домашним лечением. Видимо, лечился у той, у первой бабы, а до или после ей дочь приделал - надо по годам свести. Имя наказал дать по матери: Матрена. Матрена старуха боевая, в войну зенитчицей была. Появилась у деревенских баб жалость, невнятная, тягучая бабья жалость: вот она, наша бабья доля, на войну провожай, с войны жди... не спи ноченьки над зыбочкой, то горлышко заболело у дитя, то ушибся, сама кусочек не съела, лишь бы дитятко сытым было, а награда на старости лет какая? Да вот такая: запросилась Матрена Герасимовна в деревню по причине: «... как проклятая ломила на стройках, коченела зимами, вышла на пенсию, а жить негде, хоть в сортире на ведре помойном спи. Семья большущая, места мало, все о меня запинаются... Сын пьяный в тесте утоп - в пекарне хлеб пёк, зять по тюрьмам специалист, младшая дочь горластая страсть, на слово суцая собака, в столовой посудомойкой работает, другая... вот, внук-то Гриша просужий у нас, с образованием, в геологах ходит, он сын старшей, смиренной да работающей Феодосии, упростила его вывести меня доживать век в деревню. Не смотрите, что он такой на слово неотесанный, Гриша очень баской душой - какая-то девка не поκειται за ним».

Стал приезжий Гриша просить бригадира вспахать бабке огородец:

- Пусть земля преет.

- Запрягай лошадь и паши, кто тебе мешает, - говорит бригадир.

Гриша больше ни слова. У конюха лошадь выпросил, нашел за конюшней не плуг - картофельный окучник, ковыряет им огород. Стоит Матрена, худая, длинная, восхищенная, смотрит на внука, и на глазах слёзы. Она сама веком не видала, как и чем пахут землю, потому думает, что внук всё делает правильно. Потому, думает, плуг землю рвёт, что травы много. Вот на другой год и пойдёт всё путём. Картошки нарастёт много, в город с оказией мешков пять отправит. Внук такой упрямый, такой злой на работу... как прадед Герасим.

Девяткино готовилось к сенокосу. Перестали завалинки слушать посконные и ржаные стариковские речи, каждый прожитый день вкладывается целиком в готовность номер один; всё движется и в движении набирает нетерпение, живёт, становится страшно внимательно к каждой мелочи; брызнет утром солнце широко - во, такую бы погоду после Петрова дня! - стеклось в узкое русло на вечеру, сжатое облаками, - печаль: как да лето по зиме изладится, а зимой... «На Рождество река из берегов вышла. Да-а...» Время шло, не стояло на месте; ночью не умирало то суетливое и крикливое, что приходит днём, наоборот, ночью даже тонкокапельный дождик не мешал всему живому множиться и радоваться жизни.

2

С Самсона пошли дожди. Обидно, что почти каждые сутки днями откуда-то крадучись напоздали тучи, как в недоумении оглядывали задирающий к небу глаза народ с вилами и граблями и вроде неохотно, по сущей необходимости опустошали сырой заком; вот солнечные лучи почали донимать, колоть глаза, приятно зашелестело под ногами сено, народ ожил, а незванный дождик всё дело подгадит; ночи стояли молчаливые и светлые; ночами чисто и широко было вверху, хотя, может быть, и близоруко, ночи выпивали из земли то, чем уточался день;

ночи как укоряли дни, давая жизнь новым росткам травы, как потешались над ними, разливая ярко блестящие от месяца краски по сырой земле, и оттого паровые поля становились серыми и легкими, точно многодумными и осторожными: божьи звезды показывались не каждую ночь, потому внук Матрены Герасимовны был склонен думать, что вроде всё под небесным колоколом совершается по уму и по справедливости: еще день, два, и солнце хлынет по наволокам, как в крепость с разбитыми воротами. Бабка обжилась, вместе с ним сидит возле избы на скамейке и не перестаёт удивляться:

- И чего народ в город да в город норовит вырваться из деревни?

Внизу было так много звуков, так много непонятных тайнств, полнозвучной красоты и особой плодovitой тяжести, что не только спать, на месте усидеть нельзя - хоть минутку да подыши ею! сколько великой, притаившейся скрытой работы, всё дающей человеку силы в земле! К утру даже воздух вроде разогревался, становился разморённым и пахучим, чтоб принять сверху очередную порцию влаги.

- Бабы говорят, что семь недель погоды не будет, - ворчит Матрена Герасимовна. - Ехал бы ты, Гриша, чего тут надо мной трястись?

- Надо ехать, - выщедил сквозь сжатые губы внук.

- Надо! И развяжись ты с этими бандитами; ты прости меня, ведь заносить тебя стало от выдуманной вами справедливости. Разве что там, - тычет пальцем в небо, - правда есть, а на земле... какая на земле правда? Видела я сотни людей, скопом идущих умирать за Сталина, но не видела никого, кто бы встал у них на дороге и сказал: не ходите. Встань - затопчет народ. Знаешь, где дружки-то?

С лица внука на мгновение сползла маска безразличия и сменилась чем-то похожим на интерес.

- Золото моют.

- Во! Ответ тебя Господь от тюрьмы, дак ты сам-то голову под топор не ложи. Живи тихо, никого не обижай, никому не досаждай.

- Бараном стриженным, - добавляет внук.

Внук Гриша ночами ходил полевой дорогой до соснового бора. Дойдя до больших сосен, стоял и ждал неизвестно чего, отбиваясь от звеневших комаров; что-то неприветливое и враждебное смотрело на него из лесных просек, точно он мешает кому-то спать... хотелось закричать, разбудить того, кто перепутал день с ночью: дело ли сено гноить? Ходил на реку. Хотел увидеть мельницу. По рассказам бабки - бабка уже много знает про прадеда Герасима, про сводного брата Григория и его детей, - начинал Герасим ставить мельницу, да водополье слизнуло её, мельничный вал выбросило на берег километрах в десяти ниже по течению. Неугомонные деревенские ребятишки гоняли на велосипедах по лужам допоздна. Гомону от них, криков... Закатал штанины, забрёл в воду. Запах плесени и тины ударил в нос зыбкой волной. Вроде незаметно всплеснула рыбина, и кованые светлые пятна раздробились на водной глади в искристые плети.

Как-то прогуливается до соснового бора, видит, одноногий мужик стаскивает в кучи прутья и сучья. Подошёл ближе. Постоял и говорит:

- Зря. Сизифов труд.

- Не зря, - отвечает мужик.

- Зря!

- Я говорю: не зря!! И пошёл ты к ..., указчик!

Издалека, точно топот верховых - пар десять копыт били с переборами по просохшей дороге, катился мягкий шум. Это небесная колесница неслась через Десяткино. Одноногий спросил:

- Точно, что Герасим прадед твой?

- Точно, - ответил внук Матрены Герасимовны.

- Ты мне близкой родней приходишься.

- Все мы дети Адама и Евы.

- Зря, говоришь?

Парень задумался, пощипывая небритый подбородок, и увидел Иван Яковлевич расширенные бешенством, яростью глаза молодого человека; запольхали, заматались они волчьими огнями. Ещё минула минута - сгнуло бешенство, равно его и не было, и стал парень говорить спокойно, вроде как поучительно:

- Есть такой рассказ Джека Лондона «Кулау-прокаженный». Вождь прокаженных Кулау обращается к своим братьям по несчастью: «...нашей была земля, а теперь она не наша. Что дали нам за нашу землю эти слуги господа бога и господа рома? Получил ли кто из нас за неё хоть доллар, хоть один доллар?» и т. д. Мы, славяне, мы и есть прокаженные. Скажи, отец, что на этой земле твоё?.. Во, всё

ничейное. Нас ломали и ломают кому как вздумается и ещё долго будут ломать. Я ничего не имею против рядовых коммунистов, они только топливо, а айсберг власти надо опрокинуть в вечную тьму. Зачем мы унавозили телами миллионов поля Европы? Во имя чего? Во имя укрепления империи зла и социалистического крепостного права. Для кремлевских идеологов славяне - это рабы, безъязыкая скотина. Ничего нашего нет, всё общее, казенное. А потом и общего не будет. Нефтью, газом, лесом, водой, всем будут заправлять иноземцы, те же побитые нами немцы, русский народ вконец оболванят, споят, заморят, изведут. Слово «колхоз» выжгут каленым железом. Снова будут помещики и казнокрады. А ты тут горбатись...

Слушал эту ахинею старый вояка, и помутилось у него в голове от такого паскудства.

- Да ты!.. - захрипел, багровея, Иван Яковлевич, - гад недобитый! Щенок! Враг народа! Молоко на губах не обсохло, а туда же, в политруки?! Тебя, тебя!..

Разорвал на груди рубаху, начал быстро выбирать на себя веревку «кошки». Правнук Герасима всё понял, но не побежал.

- Уйди!! Уйди от греха, гад ползучий!

- Я не враг народа, я противник диктатуры, защитник либеральной демократии. Мы с тобой прокаженные рабы.

Внук Матрены Герасимовны четыре года учился в институте. Обидно, что его не понимают, ему претит слышать оскорбления в свой адрес, пусть даже от чело- века, по возрасту годного в отцы и притом инвалида. Он держит удар, демонстра- тивно стоит, засунув руки в карманы брюк, потом разворачивается и уходит.

- Щенок! Штрафная рота по тебе плачет!

- Кулау-прокаженный погиб за свой народ, а народ проклял его! - оборачива- ясь, кричит правнук Герасима Брагина.

Иван Яковлевич пробует достать из пачки папиросу. Руки трясутся, папиросы ломаются.

Верил ли внук Матрены Герасимовны в то, что говорил? Вряд ли. Начитался всякой анархистской утопии, наслушался радиопередач «Голоса Америки»; надо, как подвывал обычно из задних рядов на комсомольских собраниях, на танцпло- щадках, сделать поправку политического курса, надо власти принять сторону нищего народа. А дружки его верные по студенческому так называемому кружку «Белый передел» пошли дальше: ратовали за публичное покаяние коммунистов и суд партийных вождей. Красногонам-вожакам сделали «волчий передел» - исклю- чили из института с четвертого курса. Гриша был сыном улицы, пролетарием, он отделался легким испугом, - пролетарское происхождение обеспечивает высокий процент страховки, а троим воинствующим соратникам, детям влиятельных ро- дителей-интеллигентов, дали по десять лет лагерей. Родителям смутьянов, они шли под грифом «недобитая буржуазная сволочь», подрезали оклады и ограничи- ли в правах.

3

На заседании правления колхоза бригадиры отчитались по заготовке кормов. Несмотря на скверные погодные условия, план по сену и силосу был выполнен, вся площадь скошена.

- Вся? - спросил председатель колхоза, вопросительно воткнув глаза поверх голов плотно сидящих правленцев куда-то в потолок.

Правленцы зашевелились, задышали друг дружке в затылки, напирали пле- чами. Особенно неловко повели себя бригадиры комплексных бригад. Они всегда крайние: утаишь - от вышестоящих инстанций кнут схлопочешь, правду скажешь - колхозники съедят. Сегодня на заседании правления не было уполномоченного ни от райкома партии, ни от райисполкома. Отсутствие всевидящего ока бодрю- ло всех. Свой партийный гегемон сидел у окна. Вечер был ясный, уходящее солн- це било ему прямо в лицо. Председатель покосился на него, удивился про себя, какие лучистые и теплые глаза у его недруга. Будто прячась от солнца, секретарь закрылся шторой. Поднялся краснощекий крепыш Вася Мазиллов, прозвищем Грозный, похожий на ярого быка, и за всех сказал:

- Ну, это... жить всем охота!

Ему показалось, что надо улыбнуться председателю колхоза, но в улыбку (в бригадирах ходят голованы-мужики) никак не складывались толстые губы.

И не сел - рухнул после такого выступления на стул и голову взял в обе руки.

У одних правленцев, более степенных да хозяйственных, глаза стали текучи-

ми, стремящимися вниз, жадными; малохозяйственный народ, в основном молодые специалисты, почувствовал в себе легкость: всё, можно и на берегу реки посидеть, никто не укорит ставкой.

- Значит, вся, - подвёл под вопрос заготовки сена черту председатель и, весело перебегая взглядом с одного лица на другое, стал на своём столе как бы разминать большие ладони рук с шишковатыми в каждом суставе пальцами, - значит, свободу даём?

И почему-то стал смотреть на сидящих в гордой позе двоих ветеринаров, взмывшую от старости сединой Валентиновну и лаборантку Раю. Вопросы заготовки кормов для них были не особо важны, они сговорились завтра идти по ягоды, а на заседание явились для демонстрации профессиональной незаменимости.

Смотрели правленцы на руки председателя, на строгое волевое лицо, на то, как решается он без одобрения райкома партии, - хитрый секретарь будто уснул за шторой, и жалели: ведь точно в огонь идёт человек.

- Значит...

- Дать, чего там! - жестко бросил Грозный.

Проголосовали единогласно: дать колхозникам три дня свободы. Завтра, послезавтра, а на третий, к закату, со всем темным и светлым человеческим страданием про дарованную свободу забыть и всем дружно встать в строй.

- Попрошу членов правления расписаться в протоколе заседания. А то потом я не я, и лошадь не моя, - сказал председатель.

Шофер Анатолий Гордеев, проще Натолей, ходит в правленцах четвертый год. Часто говорит мужикам, что надоело в «шленах» ходить. Может быть, и надоело. За это хождение по мукам грамот не дают, общество, так сказать, доверием обязало. Натолей сухощавый, небольшого роста, бледный и вспыльчивый, мягкие усы заползают в рот. Шутить не умеет; хочется ему порой прогнать связанность, смутную стиснутость, прихлынет к человеку всей душой, а сбивчивую речь повёл - тот стоит и гадает, прыснуть от смеху или подождать, может, еще чего «сморозит» Натолей. На заседаниях обычно сидит в углу и молчит, прядя ушами, до тех пор, пока не подняли «на-гора» вопрос о ставках специалистов или зарплате шоферов на ремонте автомашин. Бывает, даже вылетает эдаким колючим ежом перед столом председателя, кричит и кулаком по столу стучит, нервная судорога подергивает нижнюю губу, глаза пышут горячим блеском, усы топорщатся; потом, правда, несколько заседаний молчит, казнит себя за вспыльчивость. Председатель «дыжков» своих думных собирает после рабочего дня; погода-непогода, мороз ли, дождь ли, а топай, Натолей, за четыре километра. Люди за самоварами им же, «шленам», кости перемывают, а он бреди среди ночи домой неприкаянным. Каждый раз решают, обсуждают, табак жгут, кричат, кто кого в каких грехах обвиняет, назавтра пробудились - опять по старой колее правимся. Сколько подковырок, шуточек в адрес этих правленцев. Мол, все они лоббисты, эти правленцы, только о своей пользе и пекутся, а наш Натолей потому исправно на заседания ходит, чтоб ревизионная комиссия расценочки ему не подрезала, чтоб перевезенные тонны в путевых листах на пуды не перевела, чтоб на общем собрании в президиуме гоголем посидеть.

Пусть народ болтает. После заседания правления некоторые мужики засобирались в магазин. Пора сенокосная, горячая, потому магазин работает утром и допоздна. Вроде не узаконенное решение после такой умственной работы на чистом воздухе, без протоколов и ужимок, пропустить граммов по двести, покалякать и расходиться по домам, но к исполнению давно принятого. Натолей сослался на то, что болит нога, ходок он плохой, ещё жена на сносях, и потому надо поторапливаться домой.

Садилось солнце, и поле спелой ржи готовилось отдыхать. На западе переливчато горела скомканная куча лиловых облаков. То одно, то другое облако как прорывалось из осады, тупя о свои бока солнечные лучи, и в одиночку обгорало, кланялось полю. Через три дня на поле выйдут комбайны. Пойдут комбайны, и Натолей будет работы много: хлеб - всемо голова!

Жена Натолей Зиновья на сносях, но не о жене думал Натолей, торопясь домой. Жена родит, куда она денется, заряжено - так выстрелит, а вот успеть бы, как прошлый год!! Пролетел год он сработал очень даже толково, по уму, так сказать. Жене и матери сто раз наказал, чтоб не брякнули где-нибудь лишнего, не подвели его. Боялась жена своего грозного мужа и знала, что если узнает благоверный, что разнесли тайну, то закипит, начнёт кулаки зажимать да матом крыть, не разобрав дела. Что бы про правленцев ни говорили, а всё же лестно иногда почувствовать себя пупом земли: вот-де он простой шофёр, а поднимет

руку или отклонит чью-то просьбу или заявление - уважения достоин! Со второго плана колхозник вровень с уполномоченным райкома партии в первую шеренгу шаг делает, его и величают, как уполномоченного, по имени-отчеству; тот волен говорить, что ждёт партия от колхозников, и правленец, пусть маленький, беспартийный, но божок - поддакивает. После заседания правления он снова рядовой Никто, его можно послать вдоль по матушке или по батюшке, можно посылать по имени-отчеству, можно по местному прозвищу, и никому его советы не нужны, ни председателю, ни специалистам, а вот на заседании, так сказать, в час истины!..

Шальными днями зовутся дни свободной заготовки сена для своего хозяйства. Какая свобода, где они, широкие да урожайные наволоки? После выполнения колхозного плана остаются такие урочища, межи, такие сырые лывы и овраги, что хоть на горбу траву ношами носи, хоть на кобыле вывози. В такие дни кому бы больше площади захватить, кому бы скорее копну-другую сметать. Три года назад в такие шальные дни удавился Гриша Брагин. Было ему пятьдесят восемь лет, на войну не брали - в сердце нашли болезнь, забраковали, ещё бы жить да жить... Видели, бежал с веревкой в сторону гумна, вот почему бежал - потом разузнали. Характером Гриша был потерянный; ему говорят, а он виновато улыбается, мнётся, оглядывается, будто подтверждения правоты сказанного от других ждёт; огромный нос (вверху костяной, снизу сизый) на выжитом лице как проседает, серые щелки глаз растворяются в непонятном интересе, узкая спина то сгибается, как конская челюсть, то распрямляется, и ноги не стоят на месте, пританцовывают, хотя Гриша и по молодости плясать не любил. Походка у Гриши была крадучая, ссутулится и топаёт, нет-нет да сами по себе вздрогнут плечи, тут он и оглянется, готовый отпрыгнуть в сторону. Бывало, в магазин придёт - хмельного на дух не переносил, с интересом рассматривая этикетки на винных бутылках. Продавец и скажет: «Купи-ко, Гриша, бутылочку, после бани с бабкой Полей и хряпнете по стопарику». Станет у Гриши лицо как небо - паутинно-легкое, радостно зажмурятся глаза, вдруг начнёт к продавцу встревоженно приглядываться, помедлит чуть и оторопью, почти шепотом скажет: «Да ты, девка, с печи упала-а? Ишь, сумущает... не надо!» Деревенские вину за смерть Гриши Брагина вают на бригадир Грозного: положил-де бригадир глаз на сенокос Брагиных, а мало Брагины всей семьей в лесу пней выкорчевали, канав прокопали, дурной травы пожгли?! Шёл бы Гриша на гумно, как обычно ходил, не скоро бы нашли тело. Трудоголики были Брагины. Отец Гриши вступал в колхоз с шестью коровами, двумя добрыми кобылами, гумном и плугом; один такой плуг на всю волость был. Увезли дочери бабку Полю в город, зятя окна досками забили, и служило дворище Брагиных притульем подрастающей детворы: отыскиали, чертенята, потайной ход, забирались в гулкую избу, в разбойников играли. Как в избе поселились новые хозяева, ребятишки по привычке стягиваются на старое игрище, заглядывают, согнувшись крючками, в дыры да щелки. Шуму от них не меньше, чем от большепотых серых щелгов, повадившихся клеветать ещё совсем зеленые ягоды смородины. Надоест Матрене такое окружение, бросает, якобы в щелгов, комья земли и кричит: «Кыш! Кыш, вражья сила!»

Прошлый год Натолей Гордеев ранней весной вроде случайно заикнулся на заседании правления: мол, расчищенные Брагиными лывы надо занести в колхозные угодья, а то-де лывы начинаются вроде в урочищах соседнего колхоза, и соседи долго-коротко их «тяпнут». Ладно, занесли. Занесли, да и забыли. Намеренно. Особенно бригадир Грозный постарался их забыть. Слышать не хотел: такой поклёп на него сотворили! Он-де добил хозяйство Брагиных! А Натолей с женой «поддули» наволоку, сено сметали и по первому снежку вывезли. Натолей нарочно пыль в глаза пускал, мол, сейгод у него бескормица, две овцы только в зиму пошли да нетель, а семья прибывает! Сам он на колхозной работе жилы рвёт, будь он проклят, этот колхоз! И машину запросил у председателя, мол, сторговался в соседнем колхозе центнеров на пять, надо успеть до больших снегов, пока мыши не съели. Соврал: не мышей, лосей он боялся. И такую машину сена привёз, что Грозный только головой покачал: «Да-а, ну и придурки в той стороне живут! Пять! Да тут три раз по пять!» Поговорили на деревне и затихли: расторопный колхозник отовсюду черпает земную силу, бездонную и вороватую, чтоб не столько выжить, сколько зажить богато. Всем охота богато жить, вольно жить, на курорты ездить и с курортов подарки привозить, а Натолей, у которого ребят трое, особенно. Десять дней назад Натолей ночью снёс на брагинский сенокос вилы, косы, консервы в роднике схоронил. Оббежал угодья: дурная трава вымахала, не на колхозном поле, кабанами изрыта - пусть, главное - много!

Пришел Натолей домой, дома жена по избе ходит, руками за живот держится. Мычит ли, ноет ли, песню тоскливую поёт - не разобрал.

- Три дня дали. Косить пойдём, - говорит с порога.

- Ой, Толюшка, худая из меня помощница. А как... толкается. Ты пощупай... - сказала жена и вздохнула тихо и тягуче, как вздыхает перед дождём поле, и заплакалась.

Натолей видел, что жена беспокоится, что в то же время ей непонятно хорошо и покойно, заботливо поддержал жену за стан и боязливо спросил:

- Думаешь?..

- Скоро уж. Я бы всей душой...

- Ты не коси, ты рядом... я огонёк раскладу, а ты сиди.

В соседней горенке мать Натолья слышит такие речи, выходит, уткнув руки в крутые бока и сдавленно, растягивая слова, говорит:

- Видно, ум на заседания сносил. Да куда она с эдакой пузой?

- Одного волки съедят, - отшучивается Натолей.

- Дурак, - говорит мать. - Зиновья, - грозит пальцем, - не скайся потом.

Ушла мать в горенку, Натолей настаивает на своём: ночью не спеша дойдём, с утра покосим, отдохнём и опять покосим.

Красива Зиновья красотой здоровой деревенской женщины, несколько пышной и громоздкой, но привлекательной. Работящая; но что особенно не устраивало мужа в ней - то, что в брачных отношениях была равнодушно-холодна и относилась к ним как к неизбежности, к супружеской обязанности.

Сговорились, пошли косить расчищенные Брагиными лывы. Матери наказал Натолей, чтобы завтра на деревне слова лишнего не обронила. Мало ли, земля-то колхозная, вдруг да ревизионная комиссия придумает заготовленное сено признать общим, или кто писульку прокурору черкнёт, мол, вот как у нас товарищи правленцы законы блюдут, или упрямый Грозный налетит.

- Чуть что - осиновые прутья заготавливаем, не надемся где-то наволочину перехватить.

Хмыкает мать: ага, одни дураки в деревне живут, побежит кто-то не зная куда. У каждого местечко заветное не раз уж осмотрено, сторожары-подпоры вырублены, в каждом страх поселился: как бы кто не сунулся на МОЙ участок!

Тайна каждой входящей в мир ночи - сумерки густели, вдоль дороги пахло пыльным бурьяном; ночь - союзница колхозника, у колхозника не жизнь, а борьба, упорная и хитрая; ночь из-под каждого кустика зрит тысячами глаз и ткёт длинную печаль жизни, которую рвёт день и оборвать не может. Идёт жена рядом с Натолей далеко в ночь и не может поверить, как странно хорошо ей. Натолей говорит ей, наклоняясь, приглушенным голосом, голос у него обрывается и не совсем послушен, она станет отвечать - он шикает, мол, уши у деревни большие, ты шагай, шагай, поспешай за мной. Тяжелеет небо, прижимается к земле; прохлада как подталкивает сзади. Мысли у Натольи практичные, мысли наперёд унеслись: выставит он большущий зарод сена (умрёт, а выставит!), потом сбегаёт когда-нибудь в дождливый день, изгородью обнесёт, потом вывезет по примеру прошлого года... ещё бы на зарод пленку такую специальную одеть, чтоб и рядом случайный человек шёл, на зарод не наткнулся. Жена то и дело за живот рукой хватается, Натолей морщится:

- Это ничего, примерки... Как да опять парень? девку бы надо. Подрастут вражонки... и с тремя-то визгу полон дом, с четырьмя-то запоешь матку-репку.

- Баба што мешок, што положить, то и несёт, - покорно отвечает жена.

- Оно так. Девка - вернее. Вон как ты на зарode классно стоишь; девка - хозяйственное.

Горлом косозыко крикнула ночная птица, потом она или какая другая, большоголовая, изломанной тенью прочеркнула перед идущими белеющую полосу дороги.

- Дай я пестерь понесу, - говорит жена.

- Своего мало?

И оба, в тайне каждый про себя, дивуясь размерным, бесшумным ходом времени, вобрали в себя из темноты одну мысль: ради детей надо идти и косить траву.

- Толя, - говорит жена, не отпускаясь от руки мужа, - помнишь, как ты после армии меня высвистывать приходил?

- Чего вспомнила, - тихо отвечает муж, и шаги его замедляются.

- Ты соловьём свистеть умел. Мама-покоёнка говорила: «Эвон, прилетел твой, наряжайся». Толя, Толь, посвисти, а?

- Ладно тебе, соловьяха. Преп-то ты не такая была...

- Хватил... четвертый ножонками колотит, тебе, ненасытному, всё любовь подавай.

- Здравствуйте! Не ты ли свистеть меня просишь?

Рядом с той жизнью, которая изо дня в день бригадирским голосом орала: «Давай на работу!», шла другая, нежная, любящая, пусть немного и призабытая.

Весь день Натолей от косы не отпускаясь, жена тоже немного помогала. Рубашку намочит в ручье, отождмет, и прокос за прокосом; глухой, бездонной грязью пахло вокруг - наволоку был так пропитан водой, что земля под ногами как елозила.

Усталый, но довольный лежит Натолей у костерка, рядом жена; лежит на спине, на луну смотрит и находит её похожей на любопытное, умное человеческое лицо; должно быть, силач из силачей тот, кто раздвинул вершины деревьев, оснежил их лунным светом и теперь теряется в догадках: это чего тут забыли люди? Сделал силач в вершинах продушину и кругом всё на ключ запер, потому глухо крутом и пусто. Лицо мало-помалу стало походить на лицо отца покойного Гриши Брагина - помнил фотографию на стене в ихней широкой и низкой избе, ещё помнил стариковский голос рассыпчатый; у лица пожелтели щеки-то с обеих сторон подползли облачка, выросла сивая борода, и Натолей уснул.

Очнувшись от криков Зиновьи: начались роды.

На бледном небе рассвета как спросонья из древнего, должно быть, вечного тысячерукого леса выкатилось солнце, и луна под его натиском скрылась; обрадовалось солнце прибавке у людей, щедро озолотило наволоку и от большой радости стало пить густоту воздуха.

Натолей стоит возле спящих - дочь родилась, так и велено! - опёрся на вилы, любитесь. Усы расправил. Надо же, вроде и нога не заболела! Тревожная была ночь, но господь - перекрестился истово - пособил разрешиться. Веки Натолья набрякли, глаза стали напряженнее, острее, но взгляд улыбочивый. Задирает голову на небо - пособи еще, господи, дозволи сено выставить!

Пошел затыкать стожары, жена зовёт. Встревожился, кинул всё, прибежал, жена грязное исподнее с себя сняла и ему подаёт.

- Может, и лихо, а пополощи в ручейке.

- Што ты, што ты, какое лихо? Да я сейчас... ты полежи, полежи!

- Комарья-то хоть слава богу, мало стало... Эх, - зевнула, - молодцы мы с тобой... а как назовём-то?

- Как, как... придумай, как!

- Ужо у матушки совет спрошу. Поди-ко корешит нас с тобой матушка... Толя, вот мне што на ум прикачнуло: я худая помощница, в одно стожъ сено тебе да с больной ногой не обволочить, сделай три места. Обвершья, конечно, поболее будет, зато глядишь, упарим.

- Твоя правда: с умом Брагины в трех местах ставили! Три-то зарода дак ни кожи, ни рожи: увидит кто - хихикнет: заяц перескочит, вот какой зарод кто-то наставил. Погонит Грозный трактор за семь верст киселя хлебать?

Сказывают, живёт на земле какая-то особенная солнечная правда, человек про неё сном дела не ведаёт, человек нутром её чувствует, и то смутно: впереди дней прожитых его правда-мечта, на ногу легкая, характером добрая, вечно молодая, как девочка юная с платочком в руке по ржаному полю бежит, всякой букашке радуется, всем улыбается: разве будет молодой когда-то старым и немощным, нелюбимым или с законом не в ладах, или вдруг отсияет закат его дней и умереть придётся? - господи, да никогда! А далеко забежит, потеряется из виду дева озорная? - и тут его правда не бросит, коль поверил человек однажды в свою сказку. Встанет перед оробевшим, нить существа забывшим правда в образе любящей матери, когда пожурит, когда обласкает, пожалеет, что в детстве мало порола ремнём, или тронет тонкую, звенящую струну, что зовётся загаданным счастьем... родится в сердце восторг, сознание познания себя и мира, обрётённой духовной свободы, хлынет горячей волной, разольётся по всем членам, и возникнет в душе молитва; многое, страшно многое, горевшее, потухает и забывается; идёт и шатается, изгибается, и бредёт день за днём голая, неприкрытая жизнь; то поёт человек, то бранится, то дождя у туч просит, то клянёт дождь - разве угодишь на живого?

Шел мороз вместе с солнцем. Не злой, а задиристый. Такой на Покров-день не часто, но излагивается. По осеребренному жнивью возле самого горизонта та-

щится за ним обоз с нравным снегом; поле как раздвигается и пьянеет от осенней бодрости, еще голубого неба, какой-то отцеженной доброты, хотя белесая муть обволакивает землю всю сплошь, и клубы сизого дыма, похожие на огромные тугие подушки, свалившиеся с возов, рвутся ввысь и, едва приподнявшись, сползают вниз, обжатые лучами солнца.

Хороший праздник Покров-итожник!

В огромную какую-то даль уходит от нас вся тягота земной жизни; тягота уходит и праздники уводит, пошли праздники не такие раскатистые, вроде как не по желанию, а по обязательству. В дедовские времена долгожданный праздник души как перевертывал; блаженно и радостно плыл над деревней запах свежего хлеба и запах паленых овечьих голов, на поварнях старики колдовали над пивом, с золой чистилась посуда, скоблились полы, девки и бабы примеряли наряды, близилось ощущение какой-то неловкости и ожидания, - точно сделал хозяин всё хорошо, пригласил всех, никого не забыл из родни, но что-то всё равно не так... На праздниках гостей собиралось - шапки под порог в кучу клали, нынче в праздник идёт деревней незнакомый мужик, хозяйка с тревогой у окна замирает: «Чей это?.. Куда его леший несёт?.. Не к нам, слава-те, господи!» В старые дореволюционные времена на праздниках, как в начале семидесятых годов, ящиками водку не подавали, потому ребра друг дружке не ломали, колья из изгороди выворачивали соседские и так, легонько сливали дурную кровь в сторону, чаще около поленниц; без драки и вспомнить потом нечего! Родня «обмозговывала» вопросы «внутренней политики» - посильной помощи, сватовства, строительства, кому да чем помогать в этом; уже после третьей рюмки прокурор района слышит, кто на кого телегу катит, кто какой наволоку «поддул», кто у кого собаке хвост отрубил, разговоры о болезнях, умерших, колхозной работе, блудливых девках, подхалимах и пройдохах; после четвертой пора на баррикады, пора по Кремлю колхозным арапником пройти, своему и районному начальству соли за воротник натрусить: люди физического труда - первая шеренга, люди умственного - только вторая! Так партия сказала, так и будет!

Перед самым Покровом Хитрый Ромчик ходил в районную больницу. Сказывал Ивану Яковлевичу «по секрету», что пришёл ответ на его заявление от депутата Верховного Совета товарища Мудилло. Надо с ответом ознакомить «районную головку» - начинают давать звание «Почетный колхозник», кто, как не он, под это звание подходит! негоже настоящих тружеников забывать! «И ты, - говорил Ивану Яковлевичу, - хлопочи. Ведь ты из героев герой первостатейный!! нам ли, навозникам, чета-а?» Через два дня после похода Хитрого Ромчика в район в Девятино приехали участковый милиционер, прокурор и заместитель председателя райисполкома. Нашли председателя колхоза, бригадира Грозного. Протоколы заседаний правлений колхоза подняли.

- Ведите, - велят, - на сенокос некого Гриши Брагина.

Председатель и бригадир Грозный сразу всё поняли. С пеной у рта доказывали, что у леших на куличках сенокосы Брагинных, что растёт на них ржавая осока, что разрешение правления на заготовку кормов для личных подворий было, что партийный секретарь на заседании был, подтвердить может.

- А где же подпись секретаря, где? Вопрос с райкомом партии был согласован? Сенокос входит в структуру колхозных сельхозугодий?

- Входит.

- Тогда - статья, самовольное сенокосение. Кто косил, знаете?

Осенью смеркается быстро. Пришёл к Натолу бригадир Грозный, намеренно от бань зашёл, от реки, вызвал на улицу. Так, мол, и так, говорит. Если сможешь - перетаскай зароды в глухие места, или... сожги, всё легче.

- Меня не подводи.

- Ну, суки! Вот ещё суки-то! - сказал Натолей с шипучей злобой.

- Не сучь, все мы суки, и ты, и я, - говорит Грозный.

- У нас семья семь ртов! Семья! Еще Матрену чужую на молоко присвоили! Еловыми лапами корову кормить станем?!

- Не ори, кишки простудишь. Учись шилом молоко хлебать. У кого-то коза драная в хлеву блеёт, а ты корову да нетель в зиму пустил: глупо! Очень глупо!

- Вася, да как можно? - умоляюще спрашивает Натолей. - У нас девка родилась в ту ночь на том наволоке...

- Думал, всех хитрее? - бригадир стучит себе кулаком по лбу.

- Господи-и, - ухватившись руками за голову, стонет, наливаясь яростью, Натолей. - Чем мы малышня кормить будем? Ведь передохнут!..

- Не первый раз солому с риг да гүмен сдираем.

- Господи-и!

- На меня зуб не точи.

Бежит в сквозную, пугающую, взбешенную ночь Натолей Гордеев. За поясом топор, в руках вилы. Бежит напрямую через угрюмый сосновый бор просекой. Хорошо потрудились Иван Яковлевич, много будет на просеке брусники.

С сосновых лап на бору мягко чмокают на землю комья снега, - первый снег зовут нравным, недолгожилым, значит. Блеклой полосой чернеет просека и обрывается в непроглядную пустоту. В этой, как убегающей в никуда пропасти по времени искрятся какие-то блестящие точки. Может быть, это и есть путеводная правда?

ПОЕЗДКА В «ЧИСТЫЕ КЛЮЧИ»

День холодный, серый. Нет зовущей летней синевы, солнце силится пронзить слабенькими полосками света низко плывущие над землей облака; пролетают редкие, но крупные снежинки. Ветра почти нет. Снежинки плавно опускаются на землю и моментально исчезают. Что-то не ладится в небесной канцелярии: начало лета, береза лист выметала полный, неделю назад земля новый сарафан примеряла, а сегодня впору из клетки доставать шубу.

Полнокровным сердцем трудится березовая аллея. То огромное скопище грачей табунится в деревьях. Птичью возню силится перекрыть мощный голос, должно быть, сам Федор Иванович Шаляпин исполняет романс, истинную трагедию неразделенной любви; настужь раскрытая кабина грузотакси «Газель», из-под машины торчат ботинки носками вверх.

Ушел титулярный советник

И пьянствовал целую ночь,

И в винном угаре явилась

Ему генеральская дочь...

Читателю, желающему знать, куда меня занесло в такой день, да будет известно, что прибыл я в санаторий, известностью своею и строгостью нравов (Адамовы ребятки до греха падки) переплунувший сказочные санатории Черноморского побережья, и зовётся он «Чистые ключи». Шумно сегодня в «Чистых ключах», со всей области съехались работники социальной сферы, программа ожидается насыщенной и интересной. Ряды машин; на проходной, подобрав ремнём объёмный живот, опёршись на шлагбаум, стоит важный охранник, слоняются без дела шофера, «обнюхиваются» и делятся новостями, возле торговой палатки тусуются цыганки.

Есть затасканная формула - «полезная общественная деятельность». И не нужно над этим смеяться, это смысл жизни человека, заложенный самой природой. Возражений нет? нет, их не должно быть. Инстинкт жизни держит нас на поверхности, но счастья не даёт. Наши пращуры находили счастье в тепле, сытости, в семье, а что еще надо нам, людям, осваивающим Космос? Общение! Общение и удовольствие от общения, удовольствие от деятельности - это уже современный душевный комфорт, если хотите.

Идём, поёживаясь, по «тропе любви» - так во всякого рода оздоровительных и культурно-развлекательных учреждениях зовутся проложенные для прогулок отдыхающих дорожки. До торжеств, а по слухам, я приглашен для вручения мне Грамоты Губернатора области, добрых два часа. Дорога хорошая, выложенная кирпичом и плитками, опускается с горюшки до маленькой, теряющейся в зарослях крапивы и ивняка речки. Мне нездоровится. Голова не болит, а стала будто чутунной, и каждое слово, каждое движение отдаётся тупым гулом. Вроде простудиться не мог...

По привычке начал было считать ступеньки, но за разговорами - меня сопровождают две барышни из нашего районного ведомства - потерял счёт. Барышни в «Чистых ключах», как и я, не бывали, выдавшееся свободное время решили использовать с толком. Не скажу, что они находились в том приятном забвении, которое обычно сопровождает милых и ветреных молодых девушек, - мои барышни были солидного предпенсионного возраста, прошли хорошую жизненную школу и - самое главное в нашей быстро несущейся жизни - не растеряли лучшие человеческие качества. Может быть, в глубине души каждой из них глухо отзывалась мысль, что «скинуть бы мне лет тридцать, ну, хоть бы десять...», но поскольку года скинуть ещё никому не удавалось, каждая из них соглашается просачивающиеся из молодости противоположные чувства на твердость добродетельного чиновника, - как хорошо и на совесть постарались раньше строители, а ныне стара-

ются работники санатория и лично заведующая Валерия Б-ицкая! Согласен: барышни ни разу не ойкнули, ступая со ступеньки на ступеньку в туфельках на высоком каблук-шпильке. Я поддерживаю похвальные слова в адрес неизвестной мне Валерии Б-ицкой: не вижу разбросанной винно-водочной посуды! Уж чем-чем, а посудой мы богаты. Через тысячу лет археологи будут находить огромные скопища стеклотары и удивляться: чем же занимался народ в те далекие мутные времена? И ненужные пакеты не раскиданы по кустам, и костры палат специально отведенных местах, а шашлыки...

- Здесь, - говорит Любовь Витальевна.

- И шампуры!.. Гляньте, как шпаги!.. И уголь, и беседки! - с восторгом говорит Анна Андреевна.

Коротко о главном: Любовь Витальевна напитаана доброй нравственностью и приучена к скромности. Как потом убедился, подчиненные ей социальные работники, в большинстве своём женщины, любят и уважают свою начальницу, без зависти взирают на её преимущества: никогда не говорить лишнего, за сказанное отвечать, не обижать насмешками других, «держат хвост пистолетом», если даже у самой на душе кошки скребут. Её кредо: любить себя до некоторой степени позволено и надо, но ставить себя выше других - никогда! При самом первом знакомстве с Любовью Витальевной (о редкости, достойная удивления!) у всякого, должно быть, рождается сильное желание сблизиться с ней, ибо на приветствие она отвечает упределительной приветливостью, которая пленяет, - она внимательна к собеседнику и его речь слушает с возрастающим интересом и беспокойством, как бы подталкивая на откровенность, и глаза являют душу твердую, пылкую и полную сострадания.

Стоим у огня, стоим и смотрим на угли. В продолжении нескольких минут царствует общее молчание. Доверительность некоторого рода установилась между мной и женщинами за получасовое путешествие по окрестностям санатория. Моё отношение к шашлыкам? Хорошо бы на шашлыки шла баранина, а то как-то ехал на Москву и видел такую картинку: возле дороги сараюшка-шалаш, на которой надпись: «Свежие шашлыки». Дым, сизый дым, горбоносый кавказец вынырнет из дыма и унырнет в дым - должно быть, дровишки сырые, к его «Жигулям» привязана тощая собака. Вовсе не имея пламенного желания поесть свежих шашлыков, ради интереса, попросил сына - сын возит в столицу пиломатериал - остановиться. Шашлычник бросил на меня взгляд не очень ласковый, хотя сердитое выражение его глаз имело причину быть таковым. На мой вопрос, когда шеф будет кормить голодных, шашлычник махнул засученной по локоть рукой в сторону, обратную той, с которой мы прибыли. «Пэрвый - аттуда!» Станный предрассудок, подумал я, забираясь в кабину «КамАЗа»: кормить сначала тех, кто мчит-ся из Москвы. Вот такие они, свежие шашлыки. Лицо у Любви Витальевны немного бледное - это, должно быть, от скверной холодной погоды, - впрочем, эта бледность совершенно к лицу и задумчивому выражению глаз. На мою историю Любовь Витальевна засмеялась, подняла на меня свои большие глаза и сказала:

- Думаете, из той собаки?

- Очень может даже быть! - ответила за меня Анна Андреевна. - Вот когда мы с Сержей были в Швеции, нечто подобное рассказывал нам экскурсовод...

Раньше в каждом аэропорту висели рекламные цитаты: «Аэрофлот приветствует Вас! Экономьте время! Летайте самолётами!» - и красивая, длинноногая стюардесса одной завораживающей улыбкой сражает пассажира наповал. Какой стан, сколько собраний прелестей неизъяснимых! Непонятная сила побуждает подойти ближе к рекламному циту и убедиться, что не иначе как гений Рафаэля передаст столько грации и ангельской невинности. Анна Андреевна в прошлом и есть та самая стюардесса. Я, первый раз увидевший её, забыл, что годы пропахали по моему лицу морщины, притушили огонь глаз и снежной пылью источена некогда пышная шевелюра, со мной случилось что-то необыкновенное. Мне пришла в голову странная мысль, что я уже видел её, я знаю о ней всё; черты этого нестареющего лица я всегда облекал в свою мечту, это был мой идеал прелести! Стоит ей только заговорить, и душистые локони коснутся моих щек, я буду говорить ей заумные вещи, и мои слова будут замирать на губах. Удовольствие самолюбия проникнет в её душу против её ведома, она почувствует предмет моего восхваления, и моя страсть дойдёт к ней приятно дорогой. Была у Анны Андреевны мечта однажды выйти из приземлившегося самолета Як-40 в родном райцентровском аэропорту, и можете себе вообразить, как было бы приятно видеть изумленные лица парней, с коими танцевала, кои охапками кидали в её распахнутое окно сирень! Но... это в прошлом. Институт, пятнадцать лет работы в захолустной школе

и заведование школой-интернатом для детей с заторможенным мышлением. Муж Анны Андреевны - учитель истории. Имеет привычку поправлять на голове воображаемые волосы, а волос - два клочка над ушами; любит рыбалку, фотоохоту, «исправил», как он выражается, историческую неточность, написал большущую статью для журнала «Вокруг света», что Кир вовсе не воевал Вавилон, а с большим шумом осаждал город и ушёл несолоно хлебавши.

Стояли на мостике через речку, гадали, много ли водится рыбы. Судя по двадцатилитровой стеклянной емкости, лежащей на дне и веревочкой притянутой к свае мостика, длина рыбешек не превышает длины спичечного коробка. Рыбина с четверть не пролезет в горлышко бутылки.

Всякая нелепость имеет своё основание. Горит костерок, вокруг огня сидят в креслах-качалках три дамы и бородатый господин. Все четверо курят. Мои дамы тихо подходят, как бы боясь вспугнуть, я плетусь сзади. Голова всё так же гудит гулом. Слышим голос бородача:

- Всё, всё, кончаем о грустном и картину учителя Левитана Саврасова «Могила на Волге» напрочь забываем. Вы в школе запинались за картину Левитана «Вечер после дождя»? А знаете ли вы, что маститые искусствоведы мой «Вечер» находят лучшим?.. У Исаака Ильича вечер какой-то будничный, проходящий, а мой - долгожданный! У него дождь уходит в мутной и мягкой синеве, но в небе, цвет которого напоминает зацветающую бруснику, беспредельная легкость, у меня же - молодая надежда становления завтрашнего дня! И как мне быть? Отдать лавры первородства Исааку Ильичу или за дождём вечера прописать радость лазури, теплой зари, свежести?..

Дама молчат - художник распустил павлиний хвост, его душа настраивает сердце, пробуя то одну краску, то другую - вот она, слава! Дама с бюстом-караваном с деланным недоумением хмурится, две другие явно настроены на продолжение сравнительной оценки полотен. С чрезвычайно выгодной стороны представлялся высокий лоб одной дамы, очень изящно обрамлённый откинутыми назад светлыми волосами. Кроме того, у неё были упорные, настойчивые, яркие голубые глаза, - вот она приятно нагнулась вперёд, пошевелила прутиком угли и затянулась сигаретным дымом. Мне смешно: чего художник мечет икру, этот тщеславный художник, дамы далеки от искусства, им бы лучше ночь, они веком не слышали о спутнице художника Левитана Софье Петровне Кувшинниковой, но по достоинству оценить кошелек художника могут профессионально. Это только кажется, что в их глазах стоит воцаренная пустота, всё в дамах подтянуто, возбуждение обострено, каждую из троих, должно быть, терзает вопрос: «Сколько?! Сколько срублю бабок этой ночью?»

Вдруг художник обернулся, словно почувствовал, что за ним наблюдают, и я увидел неподдельный испуг на его лице. Я отвёл глаза, мне совсем не хотелось ни здороваться, ни слушать его похвальбу.

Отходим. Смотрю на Любовь Витальевну: во взгляде снисходительная настороженность и потаённая усмешка.

- А ничего, лет через тридцать, возможно, рядом с Левитаном поставят, - смеётся Анна Андреевна. - У меня в школе тоже есть парнишка-художник. Малюет и малюет. Что, спрошу, нарисовал? Думает, думает и скажет: «Дядя Коля по рыжикам пошёл». Упорный, но не хвастун.

После прогулки пошёл искать дежурного врача, как-никак санаторий, здесь врачей, должно быть, пруд пруди. Наткнулся на администраторшу. Сидит за столом на вращающемся стуле, смотрит в окно. Администраторша вскочила поспешно, задернула у окошка занавесь и спросила меня, покрасневшись и дрожащим голосом:

- Что вам нужно?

- Врача, - отвечал я женщине.

- Какого врача?

На меня смотрит пристально, даже зверовато. Лицо у неё какое-то потерянное, жалкое, вовсе не гармонирующее с её импозантной внешностью любимицы фортуны. Всякий, кто бывал на курортах и в санаториях, знает, что место администратора дорогого стоит, кормовое место, администратор - царь в своём курятнике.

- Голова болит.

- Чего вы ходите, чего вынюхиваете?

- Помилуйте, я ничего не вынюхиваю, у меня болит голова, и я ищу врача!

- Врача... Думаете, я не найду управы?! В открытую за мной ходите. Даже слежки не скрываете. Чего вы меня травите, чего травите? - вдруг всхлинула администраторша.

- Да никого я не травлю, бог с вами. Мне нужен врач, вы понимаете? Врач! Женщина недоверчиво косится на меня, встаёт и идёт по коридору. Я за ней. Дошли до «Бухгалтерии», на следующую дверь показывает рукой.

- Тут.

Купил таблеток, выхожу, администраторша не отошла далеко, дожидается.

- А вы, правда, кто? - спрашивает.

- Шпиён, - тихо говорю и нарочно испуганно оглядываюсь кругом.

- Шпион... кто, правда?

- Казачок засланный.

- Да ну вас... Нервы, извините.

Хожу по длинному коридору взад-вперёд. Ничего не думаю. Останавливаюсь у большого портрета. Кто же это такой?.. Фотографическая карточка, снятая с человека в тот момент, когда он, тщательно причесав волосы, расправил усы и бакенбарды, аккуратно приладив галстук и сунув правую руку под полу сюртука, приняв умную позу, улыбнулся самым приветливым образом... Что там написано под портретом? Достал очки, надел, читаю: «Межаков Павел Александрович». Какая историческая личность! Участник боёв с Наполеоном, образцовый помещик, поэт и литератор, автор сборника «Уединённый певец», предводитель губернского дворянства, попечитель гимназий, и, главное, Павел Александрович открыл первую в губернии лечебницу для крестьян. Вот, оказывается, чей дух витает и поныне в покоях «Чистых ключей»!

Смотрю, как под гирляндой из надутых разноцветных шариков по ковровой дорожке бредут в концертный зал женщины. Мужчин мало. В нетерпении пребывает молодой человек с микрофоном в руке. Видимо, где-то получились накладки; к нему то и дело подлетают юные дамочки, докладывают обстановку. Я слышу: нет оркестра! И нет самого Маренина! Молодой человек - и актер и декламатор, отменный импровизатор, он весь в движении. Он во власти той особенной летней тоски, с которой молодое сознание будто провожает напрасно пролетающую жизнь. В свежесть дня пытается пробиться сквозь стекла окон некая «настоящая» нота и пробиться не может. Стало оживленнее, легче, когда молодой человек решил запустить домашнюю заготовку:

- Раз, два, три... Господа и дамы! Отдыхающие санатория согласились принять участие в наших торжествах. Сейчас... да, да, первым... Первым идёт... Кто бы, вы думали, идёт первым? Космонавт Юрий Гагарин? А вот и нет. Сам Павел Александрович Межаков! Ура-а! Ура дворянину Межакову!

О росс! О доблестный народ!

Единственный, неповторимый...

По мысли ты неутомимый,

По духу ты непобедимый...

Переступает с ноги ногу изображающий дворянина Межакова осанистый, суровый, седовласый, как библейский муж на иконе Дионисиева письма, отдыхающий в спортивной форме. Должно быть, почувствовал всю ответственность, что вертается через столетия на заброшенные дворянские вотчины. Рядом с «Межаковым» озирается беспокойный отдыхающий, чуть моложе и потоньше; и этот вознамерился поймать «дворянские привилегии», уж ступил вперёд «настоящего» Межакова, на что «настоящий» Межаков рванул самозванца за плечо на себя и крикнул:

- Не замай, дай мне!!

Вот что значит войти в образ потомка казачьего атамана!

- Раз, два, три... по ковровой дорожке идёт Владимир Вольфович Жириновский, гладиатор и борец за многоженство. Товарищ, товарищ, вас потеснил дворянин Межаков? Не беда, вы - Владимир Вольфович! Владимир Вольфович уже засучивает рукава... засучивайте, господа! Нагоните на себя дерзость, сегодня в Государственной Думе предстоит нешуточная баталия: принимать ли в пионеры любимую жену красноармейца Сухова Гюльчатай? Ура-а нашему Жирику!!

Потом идут по ковровой дорожке «министр культуры Екатерина Фурцева», «женщина-космонавт Валентина Терешкова».

Жидкие выкрики, слабые аплодисменты. Что-то надоедает аплодировать, скорее бы начинали торжественный вечер.

Наконец, шествует Маренин и сопровождающая его свита. Свита несёт охапки цветов, дипломы и грамоты. Маренин то и дело кланяется в обе стороны, женщины ужимаются, пропускают областного начальника и громко приветствуют. Где-то в ноше и моя грамота... Все бьём в ладоши изо всей силы; заждались.

Речь господина Маренина, пересыпаемая овациями публики: заехал издалека и ехал неторопко: от древних славян (помочь, братчина, ссыпчина, потлаг, примачество, рекрутская повинность, смирительные дома, массовое кооперирование инвалидов в двадцатые года и т. д.). Кончил словами индийского поэта Рабиндраната Тагора:

*...Цветы похожи на слова,
И окружает, как безмолвье мира,
Их безглагольная листва.*

С праздником! С праздником вас, дорогие наши работники социального фронта! Я готов засыпать вас цветами, милые наши женщины! Примите слова искренней благодарности за ваш труд, доброту и отзывчивость, готовность всегда прийти на помощь!

Вот мы в большой, вместительной столовой. Четыре ряда столов, и усаживается за каждый стол ровно десять человек. Прикидываю: столовая готова принять минимум четыре роты голодных солдат. Похвально!

Выпитая водка располагает к любезности. Поначалу за столом говорили тихо; за первым столом при входе в столовую засели господин Маренин и его свита. Усталость ли, или вкусные блюда были тому причиной?

Речи, речи... микрофон кочует от одного оратора к другому. Большой колокол (начальник департамента господин Маренин) выдал густой, приправленный щедрой губернаторской пригоршней звон, и стали мелкие колокольчики наперебой звенеть, дребезжать. И все поздравляют «наших милых дам» - работников социальной сферы с их профессиональным праздником, желают дамам и барышням добра - здоровья, долгих лет жизни, терпения, благополучия, а уж они, речистые ораторы, приложат все силы, чтобы простому пенсионеру, инвалиду, сироте, безутешной вдове жилось день ото дня лучше. Кому не хочется жить лучше? Кошку погладь - и кошке приятно - аплодисменты, аплодисменты, аллеи улыбок.

Боже ты мой, как много красивых, нарядных, милых женщин! Я забылся, рассматриваю даму, сидящую за соседним столом ко мне лицом. И до чего же она хороша! Где мои семнадцать лет да красная рубаша! Какое нежное, с младенческой доверчивостью, немного расплывшееся лицо, какие губы, оживленные улыбкой удовольствия и неизъяснимой прелестью, выразившейся в развороте всего стана в сторону ораторствующего чиновника! Представил себе, что у неё есть муж, этот муж угнетает своей ревностью, - ревность обязательно гнездится в воображении изрядно выпивающих мужей, сегодня она дышит свободой и не держит отчет перед ревнивцем - пусть дома муж побесится... Милая женщина, как приятно тебе сегодня в этом зале! Конечно, всё, что болтают ораторы, тебе кажется умным и замечательным. Хотя оно так и есть; а теперь почему ты смотришь в пространство, милая барышня? Ну, посмотри на меня, без всякого подъёма, просто так посмотри; ты вздыхаешь: ассоциации, я понимаю... Меня пробудил от моей забывчивости невнятный шум, очень даже похожий на шум полу-внятных вопросов и полуответченных слов, - окидываю глазами наш стол и вижу, что все женщины подняли рюмочки с водкой и их взоры обращены на меня. Тут я вспомнил, что нахожусь в «Чистых ключах» в роли свадебного генерала, где приличие должно замечать всякие ощущения и где признак рассеянности и влюбчивости кладёт печать смешного даже на генерала.

- За нашего писателя, - говорит тост Любовь Витальевна.

Женщины за столом поддерживают тост, приличный сему торжеству, я же в ответ предлагаю выпить за красоту и ум присутствующих здесь женщин.

- А гусары за женщин пьют стоя, - озорно подмигивает мне Анна Андреевна.

Сидела Анна Андреевна напротив меня, сначала смотрела на все сообразны с апатичным равнодушием, даже как-то косилась на богато сервированный стол и ела неохотно, потом стала смотреть в мои глаза, как бы разглядывая или желая прочесть в них этот ещё не написанный мной рассказ, и вот выдала поучительный тезис. Делать нечего: за женщин всегда надо держать первый тост, а не в середине ужина, я встал, заложил левую руку за спину и выпил свою рюмочку.

В зале три семьи, взявшие одиноких чужих старух на содержание. Внимание, под моим прицелом сидит такая семья. Мужчина грустный, весь обожженный солнцем, - когда этой семье вручали на сцене пылесос, зачитывали биографические данные: мужчина работает трактористом в колхозе, а женщина (лицо как кирпичом ободрано) - почталыон. С родителями две дочки, такие упитанные, розовощекие, разновозрастные девочки в джинсах; когда они проходили на сцену, я невольно хотел предупредить их: ступеньки высокие, шагайте осторожно, а то можно порвать штанишки мощными ногами. У мужчины отвислые усы запорожца-сечевика. Фрейд был

мелкий человек, если считал инстинкты непобедимыми. Нет спору, они могучи, но не настолько, чтобы заставить оказавшегося в большом свете, при большом скоплении народа, в ярко освещенном многоголосом зале обыкновенного нашего мужика есть что душе угодно: и виноград, и мясо, и цыплят, и ветчину, и ещё верных пятнадцать блюд, не считая водки. Мужик поковырял вилкой в наложенной женой тарелке и сидит, так исподлобья, так осторожно, будто сыч, наблюдает за залом. И гладит усы. Привычка, должно быть. Жена толкает его в бок: ешь, чего пялишься? вон как наши дочки выполняют другую норму поглощения пищи! но мужик непоколебим. Понятно: день за днем трактор, мастерская, поле, пыль, холод, снег зимой в деревне до подпазух - кто поселенцам снег разгрести станет? а тут музыка гремит, жратвы - веком не снилось той бабке, которую они приютили у себя, начальники - сама лобезность, всей душой за наш народ и многострадальное Отечество, - оторопь берёт. Идёт по проходу между столами дамочка, ни дать ни взять - последний писк моды от самого... кто там у нас из портных любит психопатические наряды «я летучая мышь, мой мотылёк»? Я её сразу признал: та самая, с настойчивыми голубыми глазами, что сидела час назад у костра с художником и другими дамами. Она порядком навеселе. Волосы нарочно взбиты, - верно, готовилась к атаке на зал и нагоняла на себя решительность. Останавливается против нашего мужика, прикинула что-то и забирается к нему на колени. Обнимает за крепкую загорелую шею, шепчет что-то в ухо, а мужик выворотил на меня глаза и сидит, не дышит. Наверно, мужик откинулся памятью в те годы, когда жена была тонюсенькой тростинкой, сидели рядышком под летними звездами, он был переполнен таким чувством, которое можно назвать одним старинным словом - возвышение. «Да ты што-о! - шипит жена мужика и пытается вызвать мужа из объятий. - Совсем шифер поехал?!» Я незаметно наклоняюсь к Любови Витальевне и пересказываю сценку, проходящую за её спиной. Любопытно, - Любовь Витальевна разворачивается вполоборота. Следом за Любовью Витальевной весь наш стол начинает переживать. Жаль, лицо мужика загорело до черноты, будь оно незагорелым, мы бы точно увидели лицо, красное от стыда. Дамочка спрыгнула с коленей мужика, на прощание чмокнула в лоб и пошла разбитой, вихляющей походкой дальше между столами. Зато как порозовело лицо у жены мужика! Как она зло фыркнула на мужа! Тот в ответ усмехнулся и задорно хрюкнул. Взял вилку и начал есть. Куда подевалась его настороженность? Такой сделался довольный и весёлый, нагоняет в еде упущенное.

Кончен бал.

Сидим плотно. Я зажат на заднем сиденье Любовь Витальевной и Анной Андреевной.

Беспредельные дали стали казаться призрачными - ночь то слепила встречаемыми фарами, то вымётывала высоченный лес по обе стороны дороги, и дорога чернела маслянисто и густо; всё как-то особенно успокаивало, согревало как бы уютom... даже зевать хочется.

- Чтобы сразу не уснуть и не стукнуться лицом в чего-нибудь, а дорога длинная, и если я попрошу вас, Анна Андреевна, ответить вот на такой вопрос: как вы спустились с небес на грешную землю? Вопрос не праздный, ибо я до сего дня представлял тех, кто трудится на социальной почве, людьми, сменившими выбранную дорогу по каким-то особым причинам, так сказать, по остаточному принципу, - говорю я.

- Что вы, право... - Анна Андреевна вздрогнула, отклонилась корпусом на спинку сиденья, потом выпрямилась. - Вы как тот корреспондент, помните, Любовь Витальевна?.. Я ему на бумажке сначала написала, что являюсь заведующей Комплексным центром социального обслуживания населения, - говорит Анна Андреевна.

- Пьян, что ли, был тот корреспондент?

- Не пьян, рафинированный какой-то интеллигент. Записывает в свой поминальник всех старух по имени-отчеству. Врубиться не мог в понятие социальной работы. Для него вся наша служба - что-то вроде богадельни при монастыре. Он даже порывался выступить перед инвалидами и старушками о реформах Петра I и Павла I. А как обиделся, как обиделся... Любовь Витальевна, помните, как я поправила его, что Приказы Екатерины II назывались Приказами общественного призрения, а не презрения? Плохо подготовился товарищ, - засмеялась Анна Андреевна.

- Признаюсь, я тоже подкован на одну ногу. Так поведайте, как из стюардесс выходят работники социальной сферы?

- Просто. Даже очень просто. Погиб мой отец; перевозили коров, а он стоял как грузчик в кузове тракторной тележки вместе с коровами. Тележка перевернулась - и... насмерть. Я так и не увидела Рим. Глубокая осень, дорога вся изрезана

колями... Ночь, сижу я подле отца, - в нетопленной горнице положили, у него три брата в городах жили, дожидались их приезда, слеза слезу побивает. Мать, понятное дело, с ног валится, сестра да братишка Ленька спят... Задремала. Отошла в жилую избу, прилегла на диван. Пробудилась - горим! Сбежалась вся родня с деревни, пожар потушили. Оказалось, свеча стояла в изголовье, она упала, да упала на церковь - братишка Ленька из спичек выстроил макет храма. Много коробков спичек извёл. Половики сгорели, из одежды кое-что... Это бы сейчас, когда в деревне у многих стены в коврах, шторы на окнах... Потом, на девятый день, стали на деревне судачить: не надо было свечи ставить, Андрей Борисович кипятком был, через слово «бога в душу» поминал, вот его Бог-то и встретил. Не знаю, может, и не надо. Так и отлеталась.

- Теперь мне анкету заполнить? - говорит Любовь Витальевна. - Что ж... Как я профессию выбрала?.. Училась в сельхозтехникуме на бухгалтера. Уж на третьем курсе была. Мать бухгалтером в колхозе двадцать лет работала. Идём однажды с сенокоса. Устали. Раньше работали, сами знаете, допоздна. Бежит нам навстречу тетя Маня, тяжелая на ногу была, задыхается. «Валентина Михайловна, ходчее! Ходчее! Прокурор сурьезный из городу по твою душу!» Бежим к колхозной конторе, сидит на лавочке такой упитанный холёный боров, костюмчик, рубашка... вот рубашка до сих пор перед глазами, такая белая с красными тонкими полосками. «Сколько ждать можно?! Совсем распоясались в этом колхозе!» И как начал мать бранить! За шкуры. Видите ли, колхоз в прошлом квартале не сдал шкуры с павших коров и телят. Три шкуры! Мать пытается объяснить, что с павших, а может быть, заразных животных шкуры нельзя снимать, животных хоронят в шкурах, а он как наставит указательный палец ей прямо в лоб да как рявкнет: «Тогда с тебя шкуру снимем!» И пальцем ей в лоб. Мать так и села... Я обет положила: в колхоз ни ногой! Перешла в пединститут на первый курс, а потом замужество, работа в школе, и заведующая отделом социальной защиты. Чем могу, помогаю старушкам, бывшим колхозницам. Шкуры у них дубленые.

Молчим. Я охвачен чувством сожаления, и ещё что-то особенное, как туманное, отдаленное воспоминание, шевелится в душе. Все мы родом из деревни. Деревню не надо украшать эпитетами, деревня сыта зрением, не надо собирать воедино рассеянную вокруг нас красоту, надо чувствовать суть деревни подошвами ног; в деревне долго живёт человеческое добро, будто в воздухе после заката долго бродит тепло - запах сена, хлебов, зреющих яблок, добро в деревне - это спираль, развернутая в беспредельность. Прожито столетия, и теперь я (беру образное выражение Гёте) оглядываюсь на дымный и туманный путь назад...

Мчимся быстро и без остановки. Шофер, молодой парень с бритой головой, еще не произнес ни слова. За стеклами машины ночь. Трясёт изрядно.

За короткое время мое воображение как просветлело и в нём прорвалось наружу нечто непосредственное моё. Я понял, что поездка эта обогатила меня.

Бели беседу о помещике Межакове; не скажу, что впечатление от игры отдыхающих санатория было в моей душе прочно и сильно, - ни к чему было прославленного сына Отечества выставять мешковатым шутом.

- «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже нет» - Откровение Иоанна Богослова, - говорю женщинам.

- Да что вы сегодня все... Маренин со стихами какого-то индийского поэта, вы со Священным Писанием... - говорит Любовь Витальевна.

- Я вам лучше прочитаю маленькое стихотворение слепого поэта Михаила Суворова. Запало как-то в душу:

*Переменчива погода, словно моды,
Только, сердце, не меняйся ты!
Пусть вихрятся над тобою годы,
Отцветают песни и мечты,
Только, сердце, не меняйся ты!
Сохрани взволнованную нежность
К первым всплескам зелени в садах...
Пусть морицы лоб упрямо режут
И румянец тает на губах.
Только, сердце, не меняйся ты!
Не меняйся в чувствах и стремлениях,
Выбран путь, стучи в груди, стучи
И неси на крыльях вдохновения
Радости звенящие лучи!*

- Вы анекдотов много знаете? - спрашивает меня Анна Андреевна.

- Анекдотов?.. Как-то обстановка не располагает, потом перезабыл все анекдоты.

- А чего так? И концерт вам не понравился? Как красиво девочки выступали, а они ведь почти незрячие. Которая получше видит, та поводырём у совсем слепой. Жалко...

- Понравился, - во мне закипает возмущение против нелепостей, из которых состоит жизнь: никто не виноват, что юные девочки слепые, все мы виноваты, что не можем создать жизнь без этих страшных драм. - У нас в деревне слепая Тоня Папина жила, вот память была! Особенно любила сказки рассказывать. Сама сочиняла. Жива ли, нет ли?..

- Жива, - говорит Любовь Витальевна. - Живёт и здравствует, и двух дочерей родила.

- Надо же? - и мне сразу стало легче на душе. - Дома обязательно всем скажу. Помню, старухи о Троице сидят, рассуждают и смерти ей, слепой, желают. Какая-то радость завистливая в них была оттого, если бы Тоня умерла, не мучилась. Брат у неё такой урод... сынишка в лужу заполз, он Тоню бьёт, поросенку понесла корм да пролила ведро, беда. Бил как скотину, с горя, должно быть, от неосознанной злобы. Рассудительные речи о слепых сводились у старух к тому, что инвалидам не надо жить. Раз Тоня услышала старух, виду не подала, что услышала, идёт, батошкой постукивает о дорогу. Отошла, на угол у нашей бани оперлась и плачет, как скулит, тихо так, знать, почувствовала ненужность свою ни людям, ни их немилосердному богу. Жена моя успокаивала... Слышал, увезли её в инвалидный дом, а дальше...

- А дальше ешё Антонина Папина стала собирать мебель. Да ещё какую мебель! И комнату ей в общежитии дали, и кавалер, тоже незрячий, нашёлся.

- Да-а... «Господь умудряет слепцы» - верно сказано.

- Маренин готов нас цветами засыпать, - говорит Анна Андреевна. - Нет бы низовому нашему звену зарплату хотя на тысячу подняли, - не дамам, не барышням, а нашим бабам, а бабы без цветов проживут. Писатель, вы знаете, сколько получают те, кто обстирывает престарелых, моет полы в избах, носит за пять километров из магазина продукты, пишет письма внукам от дорогих бабушек?.. Две, три тысячи!

- Мало, - говорю.

- Мало! Вот вы и пишете, что мало. А знаете, сколько в казино за ночь оставляли наши разжиревшие коты?...Тридцать тысяч! Молодец наш Путин, догадался, прихлопнул очаги растления.

- Откуда такие сведения, Анна Андреевна? - спрашивает Любовь Витальевна.

- Через дорогу это казино было, мне ли не знать?

Поток машин иссяк. Редко обгоняют нас, редко несутся навстречу горящие фары. На крутом и открытом взгорье было совсем светло. Автобусная остановка. Помещение для ожидающих пассажиров, напоминающее угрюмый могильный склеп.

Вдруг Любовь Витальевна резко подалась к окну и почти кричит шоферу:

- Стой! Сдай назад!

- Пьяный, чего подбирать... - бубнит недовольно шофер, но машину останавливает и сдаёт назад до самого склепа.

Все выходим из машины. Сильно и крепко пахнет водяной свежестью; сбоку протяжно и радостно, окликая утро, тянет одинокую тоскливую песню коростель.

К дороге от помещения полз мужчина. В одних трусах. Нам он обрадовался, стал приподнимать голову и уронил на асфальт. Шофер сунулся к лицу, принюхался, распрямился, пожал плечами.

- Грузим в машину, - распорядилась Любовь Витальевна.

- Ага, грузим, потом... по судам затаскают, - говорит шофер.

- Открывай дверку, живо!

Мужчину погрузили. Лицо его было в крови. Под голову ему шофер подсунул какую-то тряпку. Стали рассаживаться; оглядываюсь, внизу овраг, затянутый сумеречным светом. Шофер завёл двигатель, посидел, выключил зажигание и вон из кабины. Видим, он осматривает помещение. Ничего не нашёл, вернулся.

- Теперь поволочат, - говорит зло. - Бывали рога в торгу, знаю.

- Перестань, Толя, - говорит Любовь Витальевна. - Соображай, где тут милиция близко или пункт скорой помощи?

- Помощи... они помогут. Так помогут, что права год выправлять станешь.

- И чего ноешь? Ты что, один? Вон нас сколько! Давай, давай, родной!

Едем. Сзади стонет подобранный мужчина.

Я вижу бредущую по деревне с батожком Тоню Папину... вот она поклонилась мне с неизъяснимой приятностью, - я же чувствую холодную нечувствительность, что отталкивала моё сердце и в иные минуты производила во мне невольный страх, которого я стыдился, и тут печальные представления мои из жизни немощных исчезли за длинным поворотом дороги; будто наяву Тоня Папина повернулась в мою сторону, вся подалась вперёд и вполголоса, словно поверяя сокровенную тайну, говорит мне:

- Люблю людей!

ХОДЯТ И ХОДЯТ (больничный этюд)

Возле электрической подстанции на снегу вниз лицом лежал человек без признаков жизни. Но человек был живой и внимал ангельскому пению, исходящему не иначе как из самой преисподней, внимал воплям и зычным ударам молота о наковальню откуда-то из-за ушей; человек лежал, пытался чего-то осознать и не мог. Мрак и выюга были кругом; ни неба, ни пути, ни огонька - всё смешалось в пьяную муть... Где-то далеко за горизонтом исчез навеки начальник районных электросетей, потому в селе исчезло очень важное - электрический свет, и за этим светом полетели каркающие гонцы. Человека звали Нектарием Владиславовичем Колоновым, работал он рядовым электриком и, будучи порядком выпивши, сорвался со столба. Нет - нет, не с самого верха, по лесенке из старых горбов в четыре перемишки вскарабкался на подставку, стал надевать на валенки лазы, потерял равновесие и, подчиняясь закону физики о земном тяготении, сорвался в штопор.

Оклемался дома. Черные птицы покинули гудящую голову, глаза увидели родные стены и сердитую жену свою. Был доставлен без претензий на удобства: то-варищи стражи порядка постояли над беспомощным электриком, убедились, что дышит, положили в «уазик» и привезли. Почему не в пункт «Скорой помощи», а домой? Ответ простой: супруга Нектария Владиславовича Зоя Вениаминовна - сама заслуженный врач, терапевт.

Глаза разлепил, стоит над ним высокая осанистая женушка, уперла руки в крутые бока, спрашивает: по какому случаю нажрался сегодня?

- Ш-што? - отвечает муж вопросом на вопрос, да отвечает с нажимом, с хозяйской твердостью в голосе: - Да пошёл ты!..

В подпитии забывает, что ежели хочешь послать свою жену куда-нибудь далеко, например, за пивом, так нужно сказать ей вовсе не «пошёл ты», а «пошла ты».

- Суду всё ясно, - говорит жена. - Ещё раз рот откроешь, ночевать будешь в клоповнике.

Очень даже вразумительный совет. Предупреждение берётся во внимание: Нектарий Владиславович прошлый год прописывался в местной «тюрьме» три раза. То на десять суток, то на пятнадцать. Зоя Вениаминовна сама выносит «обвинительный диагноз». У неё свой человек в милиции - участковый Коля Попов. С того света, можно сказать, вернула: пьяный подросток ткнул Колю ножом в живот. Ночь, метель, хирурга вызвали в дальний колхоз - тракториста раздавил его же трактор, связи нет, а Коля кровью истекает. Решилась, сама делала операцию. Первую в своей жизни.

- Коля, дай десять суток, и... ума прибавьте с ребятами.

- Зоя Вениаминовна, вы, как всегда, шутите. Как же мы ему ума прибавим?

- А то ты не знаешь, - грозит пальцем Зоя Вениаминовна.

Нехороший Нектарий Владиславович во хмелю. Буянит, порывается сменить цивилизацию на необитаемый остров, оскорбляет честь и достоинство женщин всего мира.

Длинная ночь, безжалостно длинная, скучная, казалось, завладела всем божьим миром и не думала проходить. Телевизор молчал - надоел до чертиков. За дверью спал на полу во всей одежде муж; сидела Зоя Вениаминовна на широкой кровати, опершись спиной на стену, вздыхала: где же оно, моё прошлое, с тихими неповторяющимися радостями? У каждого своё глазастое прошлое, и закатывается оно, как солнце в потухающую даль, и жалко становится дня, утраченного понапрасну. За окном напротив таинственная мгла сияла мягким лучезарным светом. Это зал игровых автоматов зазывает доверчивый народ испытать счастье.

Утром раненько Нектарий Владиславович собирается на работу. Был он го-

лодный; сумрачное, точно грязное, лицо, и взгляд рассеян и зол.

- Завтракать-то будем? - с вызовом спросил супругу, на что супруга язвила его острой поговорочной стрелой:

- Что, дитя Чубайса, опять нашего Савелья гнёт с похмелья?

...Терапевт районной поликлиники Колонова Зоя Вениаминовна пришла на работу, как всегда, ровно в девять. Коридор уже гудел народом. Кто-то искал «крайнего», кто-то «последнего». Старушка с клюшкой насмерть стояла у дверей кабинета, пыталась «давить» на совесть дородному лысому мужику с множеством значков на груди:

- Думаешь, медалей много навешал, дак и почетный гражданин?

- Што ты, што ты, - отбодрялся шутливо мужик, - мы Бога чтим, без очереди не лезем.

И «вежливо» так ужал старушку своим телом в чей-то объемистый живот перед носом докторши:

- Здравствуйте, Зоя Вениаминовна.

Стараясь не встречаться ни с кем взглядом - день длинный, ещё насмотрится на эти лица - услужливого пациента не поблагодарила ни словом, ни взглядом, прошла в кабинет, защелкнула дверь на замок. Переодевание и косметическая приборка заняли минут пять. Условный стук в дверь - забегает медсестра Анемиева Валя. Дверь снова на замок, переодевается и рассказывает, как ночью «... я чуть с ума не сошла! Грохот - лист железный полетел, скрежет, ветер такой!.. Такой ветер!» Зажмуривает глаза и содрогается при этом, словно показывая, как у неё замирает сердце.

Медсестра Валя вешает на спинку стула кожаную сумочку.

Зоя Вениаминовна сегодня молчит, не рассказывает медсестре про свою длинную ночь. Зачем? Райцентр - большая деревня, дороги от дома к дому тряские, завтра сама всё будет знать и с любопытством ждать, когда Зоя Вениаминовна поведает об очередном вывихе законного супруга. На крыше ихнего дома ветер не рвал листы железа: деревянный дом Колоновых как бы поднырнул под двухэтажный особняк быстро разбогатевшего на приватизациях чиновника, все удары стихии и райцентровских сплетен принимают на себя кирпичные стены.

Зоя Вениаминовна и Валя Анемиева сидят каждая за своим столом напротив друг друга и смотрят в окно. За окном - зимний бор, в бору - трёхэтажный жилой дом. Когда-то дом строился для медработников, но сегодня в доме большая часть квартир принадлежит неизвестно кому. Сосны в снегу, они в состоянии необъятной грусти - это кажущееся, приходящее и временное спокойствие. Обе женщины знают, что под снежными шубами спряталось мрачное чувство буйства и непримиримой мести: вот дохнет ветер, закачаются шапки вершин, и станут сосны со стоном раздеваться. Стон, конечно, они не услышат, они лишь догадаются. За пятнадцать лет совместной работы бор для них стал объектом восполнения душевных сил. Валя Анемиева видит, что Зоя Вениаминовна сегодня «встала не с той ноги», потому про беспокойную ночь больше не говорит. За окном вороны исполнены самой суетливой деятельности. Ещё бы: посудомойка больничной столовки Нинка Закорюкина выплеснула на грядку пенсионеров Сидоровых помои. Вороны свои, прикормленные. Нинка Закорюкина попыхивает сигареткой, стряхивает пепел только что не на спины дерущихся птиц.

Зоя Вениаминовна молча кивает Вале Анемиевой: пора, отпирай дверь. Отпирай... и слушай, терпеливо слушай с почтительным вниманием бесконечные рассказы про нищету сегодняшнего дня, про горькое житьё-бытьё, про пьянство, про модный ныне «гражданский брак» и прочая, и прочая. Каждый входящий заносит в кабинет, будто боясь расплескать, безучастное, большое ко всему тело своё, пронесет скопище болезней от порога до стола и отдаёт, бездушный, языку высказать скорбь, и доверит сознанию положиться на одну веру в знания твои, лекарь: пожалуйста, сотвори чудо, я и оживу, и засмеюсь, и не раз вспомню тебя.

- Вчерашние?.. Есть вчерашние?

Вчерашних нет, одни сегодняшние. «Крайние» и «последние» норовят быть первыми - людская эволюция откидывается нравами в каменный век.

Входит больной. Безликий какой-то, синюшный, землистые щеки ввалились, или злой, или с роду такой, одержанка на нём не первой свежести, хотя рубаха - первый раз надел. Держится правой рукой за бок, в левой руке медицинская карточка. Суется с этой карточкой к Зое Вениаминовне, но медсестра Валя перехватывает карточку. Быстренько записала в свой журнал и подала Зое Вениаминовне.

- Што-то бок болит, - говорит больной.

- Давно? - скорее, по инерции спрашивает Зоя Вениаминовна.

Первым сегодня она предполагала увидеть услужливого мужика, она ему уже поставила предварительный диагноз: «Выбивает группу инвалидности», а первым угодил вот этот тощий бомж, а может, последний колхозник из Н-ского поселения.

- С осени. Днем еще ничего, а ночью... хоть веревку на крюк накидывай. Говорит.

Стала спрашивать про «стул», про калорийность употребляемой пищи и всё записывает, записывает. Пациент говорит про тяжелые колхозные мешки, про дорогу, которую нынче не прогревают. Тут Зоя Вениаминовна замечает, что во рту у мужика вместо зубов торчат четыре или пять желтых огрызков.

- Снимите рубашку.

Корявые пальцы не скоро расстегнули все пуговицы новой фланелевой рубахи. Пациент явно нервничал. Зоя Вениаминовна стала смотреть в бор.

Пощупала живот, смерила давление, послушала сердце и говорит:

- Одевайтесь.

- Доктор, дак хоть не рак?

- Да что вы, сразу и рак.

- Дак не сразу, с осени! Пятый месяц болит!

- Надо сдать анализы.

Медсестра Валя начинает выписывать направления. Зоя Вениаминовна опять устала в окно.

- Это сколько я прохожу с этими анализами? - спрашивает пациент.

- Дня два, три, - не поворачивая головы, отвечает Зоя Вениаминовна.

- Кабы жил около райцентра, а то... автобус раз в неделю. Мне бы полежать, а?

- Можно и полежать. Валя, какая у нас сегодня в стационар очередь?

Медсестра Валя хорошо знает своё дело. Рабочий день только начинается, раскидываться койками в стационаре не следует:

- Пятая.

- Пятая, пятая, пятая... медпункт от вас далеко?

- Да в нашей деревне, напротив Фомы Славянина.

- Не этот Фома Славянин осаждал Константинополь? - с легкой иронией спрашивает Зоя Вениаминовна.

- Не-е, наш и в армии-то не был. Сухорукий.

- Анализы сдавайте, а вот с очередью... Палата мужская одна, в первую очередь, сами понимаете, идут экстренные... Дней через пятнадцать позвоним на ваш медпункт.

Пациент уходит.

Рука Вали Анемиевой тянется к электрической кнопке. Взгляд Зои Вениаминовны останавливает руку.

- Надо меньше жрать! - резко говорит Зоя Вениаминовна в сторону входной двери. - Жрут, жрут, лечи их!..

Медсестра немного удивлена, хотя согласно улыбается и тихонько расклевывает своим острым носиком. Налицо изработавшийся колхозник: хотя бы зубы взять, некогда их было лечить. Заболел зуб - рвать, и баста, когда-то еще в райцентр выберется. Или лопатки взять: на правой шерсть растёт, а почему левая лопатка, как вылизанная сковорода? Потому голая, что мешки не скупилась драить волосяной покров. Или живот взять - лишнего фунта сала нет, пуп хребет целует.

Медсестра Валя Анемиева достаёт из своей сумочки платок, обтирает им лицо, гладит лоб рукою и говорит тихим голосом, по которому заметно было внутреннее его движение:

- Прошлый год у этого мужика жена умерла.

- Не помню, - отвечает Зоя Вениаминовна.

- В областную больницу просилась, рак матки.

Смотрит в окно Зоя Вениаминовна, твердо уверенная, что все беды в нашей грешной земле только из-за спиртных напитков. Гибельный процесс, который несчастные жертвы вербуют под знамена порока, совершается в каждом четвертом... каждом третьем... да в каждом втором теле! Может быть, она чем-то виновата в смерти жены этого тощего мужика... Может, не отрицает. Бедность деревенской жизни чем-то симпатична Зое Вениаминовне, потому что эта бедность сопротивляется болезням вяло, рычит и щетинится тогда, когда ей кажется, что все плевали на деревню, от президента до последнего вора-чиновника, бедность силится встать вровень с городом, с тем же райцентром и никак не может; и не

разбогатеет; разбогатеет, деревня утратит свою девственность.

Ходят и ходят, из месяца в месяц, годами ходят, не солнышко, всех не обогреешь. Осторожным шагом заходит услужливый пациент. Сделал глубокий вдох-выдох, из кармана брюк достал широченный носовой платок, вытер лысину, поправил на широкой груди награды и тяжело, почти шатаясь, хватаясь за кромку стола, плюхнулся на стул.

- Ноги не заносили, Зоя Вениаминовна, - оправдывается.

И давай ныть, без всякой натяжки считая себя благовоспитанным человеком, аж изгибается от любезности, выворачивая признательность нелегкому труду врачей. Оказывается, он весь «исчах»: в ушах «дятел долбит», сердце «как кукушка кукует, кукует да житом подавится», «опростаться» без стакана молока не может, в легких «шмели свили гнездо», в кишках «как паровоз составы сдвигает», а в голове... Господи! Будто киномеханик ленты перезаряжает. И так далее. Зоя Вениаминовна все жалобы записывает и попутно спрашивает, есть ли потливость, бессонница, головокружение, рвота и т. д.

- Всё есть! Впору домовину ладить, - лебезит пациент.

Лицо его веселеет. Сии слова произвели в Зое Вениаминовне недолгое, но приятное колебание, разрешившиеся улыбкой, которая лишь мелькнула по губам и перешла в следующий вопрос:

- Как голова у Валентины Сергеевны, не болит?

Больной не говорит, стоном стонет:

- Ваши бы слова, Зоя Вениаминовна, да Богу в уши! Двадцать три года в бухгалтерях, да никакая машина столько не выслужит.

- Та-ак... сейчас мы вам пропишем кое-что, недельки две будете принимать, и всё пройдет.

Спророчествовав скорое выздоровление, Зоя Вениаминовна стала листать толстую книгу.

Валя начинает выписывать лекарства. Зоя Вениаминовна диктует, и диктует те, что стоят полтысячи и больше рублей.

Больной раскланивается, доходит до дверей и возвращается:

- Про спину не сказал, Зоя Вениаминовна. Как собаки грызут. Мне бы надо легкий труд прописать, сами видите...

- С этим к невропатологу, - говорит Зоя Вениаминовна.

- А потом опять к вам?

- А потом - в аптеку. Полечитесь, потом и приходите.

- Да-а-а, загляну через две недели, ладно?

Дверь закрывается.

- Не сволочь ли? - говорит Зоя Вениаминовна, кивая на дверь.

С ночи разлившаяся по телу желчь вытесняет из неё все остатки добродетели.

- По физической природе - несокрушимый плебей! Идёт сейчас коридором, в сердце радость: надул врачиху! В голову ударяет откуда-то луч убеждения: я вырву группу!

- Не вырвать, - убежденно говорит медсестра Валя.

- Только кольца в носу не хватает. Заметила армейский значок «Гвардия» на богатырской груди? Илюша Муромец. Четыре раза отмечен знаком «Ударник коммунистического труда», во даёт!

- Этот плут орден Ленина около ночи шутя отчеканит! - поддерживает медсестра.

- И чего кисло людям? Через двое суток на третьи посидит перед телевизором в котельной - изломался, видите ли. Раньше хоть уголь был, сейчас газ... Уж так изработалась его Валентина Сергеевна! Не мы ли курортную карту ей каждый год заполняем? Не-е, шишок под носок, вырвет он группу инвалидности! Давай бабку с клюшкой: задавят.

Заходит, да не бабка, заскакивает вертлявая санитарка родильного отделения со стреляющими глазами, белый халат распахнут - не иначе, как с боем продиралась через очередь на коридоре, тащит молодого кашляющего бородатого обалдуя.

- Зоя Вениаминовна, пожалуйста... Да раздевайся ты, статуи! Зоя Вениаминовна, мой брат.

У санитарки пронзительный, высохший, так сказать, горловой голос, который слышать может далеко не каждый.

От брата санитарки воняет перегаром. Он старается не дышать на Зою Вениаминовну, отворачивает лицо, кашляет и нюхает кулак.

- Воспаление легких? - скорее с намеком, чем по наитию, спрашивает сани-

тарка Зою Вениаминовну, на лице изобразилось самое почтительное внимание и некая требовательность.

Зоя Вениаминовна знает-перезнает брата санитарки: живёт на «безработицу», то есть получает восемьсот рублей в месяц, а пьёт каждый день. Спит там, где упал. Ему тридцать шесть лет, хоть бы чурку дров за жизнь расколол, гвоздь вбил, грибов корзину принёс - всякая работа в тягость. Часто видит его в компании собутыльников с искрасна-бронзовыми рожками, однажды слышала на автобусной остановке комментарии этого брата по поводу убийства видного московского адвоката: «Мало бьют, мало! Надо этих кровососов пачками топить!» Запомнился голос - противный, в отличие от сестры гундосый. Видимо, брату надо идти отмечаться «в конторе», иначе его лишат пособия, а как идти, если водка не вся выпита? Если «колосники» шипят?

- Нет, это похоже на бронхоаденит, - говорит Зоя Вениаминовна.

- Больничный лист можно выписать? - спрашивает санитарка.

- Можно, но он ничего не даст. Пусть брат выйдет.

- Бронхоаденит, дорогуша, - это туберкулез трахеобронхиальных узлов, - объясняет Зоя Вениаминовна санитарке, когда за пациентом закрылась дверь. - Надо взять направление у фтизиатра и ехать в областную больницу.

- Господи, неуж-то? Ехать?... А где денег-то взять?

Обескураженная, санитарка устало бредет к двери. Не надо никакой больничный лист!

- Повадилась, вертишейка какая, - значительно улыбается Зоя Вениаминовна в сторону дверей. - А вот съезди, поклоняйся, проезд оплати, за гостиницы оплати, по врачам походи, это тебе... Зови бабу.

Бабе нужны были таблетки или порошки, которые бы помогли ей:

- ...весной картошку посадить.

И залилась тем добродушным смехом, коим обыкновенно смеются счастливые люди. Суровое лицо Зои Вениаминовны как-то насмешливо и вместе с тем завистливо уставилось на старушку. Сложила на столе руки и умиленно вздохнула, загадав следующее: «Да-а, мне до её годов не дожить. Нет, не дожить. Должно быть, муж у этой бабули скопытился от пьянства в расцвете сил. Счастливая...»

И тут Зоя Вениаминовна говорит:

- До картошки еще далеко, потому... Валя, выпиши направление в стационар. Полежишь, подлечишься...

- Што ты, што ты, девка! Какая я тебе больная? - воспротивилась старушка. И раздеваться не стала, со стула встала, сделала прочь от стола шажок, на батог оперлась.

- В больнице-то бывала три раза, и то робят рожала. Стану я по больницам ошиваться! Пропиши порошки, и на том спасибо.

И кинула на Зою Вениаминовну, а потом на медсестру Валю глубоко благодарный взгляд женщины, много повидавшей на своём веку горя и мало добра.

Получив рецепты с побеждающими всякую немочь таблетками и отдавши поклон с проступившими слезами, имеющими выразить душевную признательность за благодеяние докторши, старушка вышла из кабинета.

- Скажи, а? - говорит Зоя Вениаминовна медсестре Вале. - Вот есть же люди!

- Есть, - подтвердила медсестра Валя.

- А то ходят и ходят, ходят и ходят, измором Измаил берут... Валя, глянь, - говорит Зоя Вениаминовна.

Медсестра Валя всё понимает: надо отобрать из толпы жаждущих исцеления таких пациентов, на которых врач потратит минимум времени.

- Справки ГАИ?... Платные медосмотры?..

Дверь в кабинет приоткрыта. Медсестра загораживает свободный вход.

- Я за той женщиной, а та женщина за той бабой! - слышит Зоя Вениаминовна напористый мужской говорок.

- А ты не дави, не дави брюхом! - женский гневный, почти мужской тенор.

- У меня брюха нет, во, пощупай, сплошная грудь! - мужской смех.

Вперед выступает рослый, одетый в черный костюм красивый мужчина. По его лицу пробегают судороги. Наблюдательный глаз медсестры видит, что человек, коверкаемый ими, злится и вместе с тем старается не дать воли этой злости.

- Заходите, - медсестра Валя отдаёт приоритет очереди этому мужчине: «Вроде идёт первый раз... Наш или приезжий? Из администрации?..»

Красивый мужчина зашёл в кабинет развалистым шагом грузчика, идущего на склад за мешком муки, прошел к столу и представил:

- Отрепьев.

- Григорий Богданович? - живо интересуется Зоя Вениаминовна.
- Что вы, я не беглый дьякон Чудова монастыря. Василий Иванович. Слесарь.
- Интересно... И где же вы слесарите?
- Около молока и навозу.
- Занятно... Смею полюбопытствовать, вы тот инженер, что вложил ума мос-

ковскому банкиру? Валя, помнишь осенью на «Скорую» нас с тобой вызывали?

Медсестра согласно кивает Зое Вениаминовне, а сама во все глаза смотрит на мужчину, вставшего в защиту отвергнутой, обруганной, обесчещенной девушки.

У Отрепьева не лады «со стулом».

- Валя, как там у нас с очередью в стационар? - спрашивает Зоя Вениаминовна.

- Есть место в шестой палате, - с готовностью отвечает медсестра Валя.

- Оформляй. Следующий!

Рабочий день близится к обеденному перерыву. Не надо думать, что все обратившиеся за медицинской помощью какие-то скользкие и не порядочные люди, пьянчужки, лихоемцы и прочее. Истина проста, как день: порядочные, совестливые, даже в очереди к врачу всегда внакладе. Зашла, например, женщина. Лицо до такой степени изморилось и обгорело, что решительно нельзя по виду её определить возраст и сделать навскидку беглую предварительную оценку состояния здоровья. Оказалось, это беженка из ближнего зарубежья, жила в Таджикистане, говорит, её продал свекор-таджик за двух баранов и отработывала она долг два года. А как сбежала? Судьбе угодно было пригласить кого-то из русской дипломатической службы отдохнуть от дел праведных на ту бахчу, где трудилась рабыня. И жилья у неё нет, и семьи нет, и родни нет. Временно взяли уборщицей в районный Дом культуры, благодарна всем! Лицо плачет, рот некрасиво расширился, слезы текут по носу и подбородку: дозвольте три дня полежать? У хозяев приехала дочь из института с парнем, её просят освободить временно комнатку.

- И жалоб на здоровье нет? - спрашивает медсестра Валя.

- Нет, милые вы мои! Три бы денечка...

- Валя, пиши старшей медсестре хирургического отделения. Найдет место.

- Спасибо, спасибо, милые вы мои!..

Медсестре Вале залегла в душу долго не спихиваемым гнетом история с рыцарским поступком слесаря Отрепьева:

- Говорят, банкиру восемь лет дали?

- Дали... - хмыкает Зоя Вениаминовна. - Дали, да ещё поддали. Судили-то где? В Москве, а Москва - это уже не Россия.

Посудомойка Нинка Загорюкина вытаскивает на крыльцо столовки какой-то белый бак, манипулирует крышкой и большим ножом-скребнем. Из кабинета видно, как пораженные, должно быть, резкими ударами вороны взлетают на сосны.

Пора передохнуть.

Зоя Вениаминовна и медсестра Валя идут сквозь шеренгу больных в столовую. Кто-то из труждающихся и обремененных пациентов будет сегодня «поститься» - не у всех денег хватит на обед, автобус и покупку в ларьке, похожем на мышиную норку, у автобусной остановки чего-нибудь такого памятного... Мороженого, например. Кто-то последует в столовую вслед за медработниками и будет незаметно наблюдать, как живые боги кушают ту же пищу, что и все смертные, и жуют так же, и вилку салфеткой обтирают так же, и поварах за дым в столовой бранят теми же словами.

В самом начале пятого часу дня приём прекращается. Зоя Вениаминовна и Валя Анемиева покидают поликлинику.

- До свидания, до свидания, - прощается Зоя Вениаминовна с пятью пациентами, не попавшими на приём, - приходите завтра. Вас много, я одна, завтра всех примем первыми.

Пациенты не согласны. Кто-то (явно из воинствующих товарищей) пугает врачей главным врачом, другой (явно из свежеспеченных господ) хочет выступить в районной газете. Худошавая, еще молодая женщина (скорее всего, гражданка или поселенка) с натугой повышает свой голос до крика:

- Да штоб вам всем!.. А как голосовать на выборах - пажа-алуиста, придите! У- у!..

Пациенты разбредаются, бесцельно оглядываясь на корпус районной больницы-поликлиники.

Будет день - будет и пища. И опять по всему коридору будут стоять больные.

По Кочюге сена - лошади не евши сыты. Места низинные, болотистые, ржавая осока да чахлый ивняк; в какой год картошка в деревнях Кареньгино да Блиново уродилась добрая, у людей боязнь какая-то появляется: к чему бы это? Чаше всего картошка родится спогляду: вроде много, вроде мало, семена да поросенку чугун, а семье... хорошая хозяйка до свежего урожая дотянет. Земли тощие; в иной год рожь под снегом выпреет, в иной - овес неубранный под снег уходит. Пока на лошадаках земельку выборочно на три вершка ворошили, эдакой беды не знали, а как тракторами да под райковским кнутом пошли на проход орать, так и поползла грязь, ровно тесто из худой квашни. Строевой лес давно вырублен, по угорам мелколесье силы пробует, и зовётся такой лес кареньгой. Удивляются кареньжане умственной простоте своих предков: манна тут небесная просыпалась, что ли, или здешние земли попирали ногами святые угодники и благочестивые цари? Ни тебе грибов хороших, ни тебе рыбы, летом овод заел, вот клюквы - той прорва.

Прошлым годом приехала в Кареньгино семья с Кавказа. Мужика Аггеем звать, вроде русский, лицом чернее цыгана, нос погибом, усы длинные, в колечки завиты. По овцам дока. Спиртное на дух не переносит. На деревне по первости предположили, что больной или лыву свою выпил, оказалось, этот Аггей слово матери дал и режь его - слова своего не порушит. Первое время носил суконый бешмет с наборным серебряным с чернью поясом, шелковые рубахи, офицерские сапоги, потом его оговорил кто-то из мужиков, мол, не форси ты своим уставом и наших баб в «сумление» не вводи, живи проще; Аггей речам внял, стал носить одежду попроще, но на выборы районного главы оделся в свое, горское, и потому бабы головами качали, на него посматривая искоса: вот ведь, а наши!.. «Нашим хоть генерала дай, ровно куль в отрпье». Жена - та точно русская, белобрысая, с народом прибойная. «А как тебя правильно-то звать?» - спрашивают бабы на деревне. «Хоть горшком зови, только в печь не ставь. Элагабалина». - «Ну и имечко мудрёное. И откуль такое?» - «Не знаю. Будто император такой был римский». - «Язык сломишь... ну, Лина, дак и Лина». Всё-то у этой Лины ладно. Ребятишек у них пятеро. Подрались свои с чужими - своих в первую очередь пожуриет. Кто виноват, кто застрельщик ссоры? Свои виноваты! Прибавилось детского шума в Кареньге, аборигены довольны: дай срок - нашими будут, кареньжанамы. «Кареньжане преж жили... кого хватил! Нас, вольных кареньжан! Бывало о Покрове наши кареньжане сойдутся с блиновыми робятами стенка на стенку, а наперед Иван Иванович Россохин...» и т. д. Кровь обновить деревне пора. Вон в деревне Блиново, что по другому берегу Конюги стоит, только в первый класс семеро ребятишек в этот год пойдёт. Вот где сила-то! «Так в Блинове кто за большую сноху, а? А Блиновы! Ну-ко их шесть братьев, да все шестеро не пожелали в города подаваться, а пожелали тут, где пуп резан, остаться!.. Во, а у нас?.. Были Россохины когда-то в почете, а ныне корень-то подгнивает...»

Поселили приезжих в пустовавшем доме священника отца Александра. Посмотреть на приезжих явилось много любопытных. Бабы без утайки поведали:

- Убили его. Ой, и человек был хороший, уж такой, уж такой... Вы ничего не бойтесь, хоть и убили-то...

И осёклась говорунья.

- Смертью нас не напугать, мы черную старуху семь месяцев изо дня в день на перевале встречали, - говорит Аггей. - Он, - старшего сына перед собой ставит, - из винтовки в бандита стрелял.

- Стукнул? - прищуривает глаз видный, высокий, широколицый Валентин Россохин и медленно, как с трудом, осматривает деревенских: кто прямо смотрел, тот покраснел и глаза опустил, вроде и страха нет, и неловко как-то; не приведи Бог сейчас кому-нибудь обидеть Валентина, ощерится, как волк, метнётся к обидчику... Вдохнул Валентин свободнее: пронесло, никто словом худым не попрекнул. Подкупает односельчан в Валентине практичный ум и деловитость. Скажет вроде зло, а приложишь к делу - по уму. Разумеется, следовать его совету или не следовать, зависит от каждого. Попросят односельчане дров привезти, или копну сена подтащить, или животину убавить, как под настроение - не откажет. Знают на деревне, что Валентину надо как можно больше денег за оказанные услуги наваливать. «Да ты што, - скажет укоризненно, - много. Могу нажраться». И возьмёт только на одну бутылку водки.

- Ответь, сын, - велит Аггей.

- Не знаю, - отвечает парнишка. - Темно было. Он кричал, больно было.
 - Она, - дочь к себе прижимает Аггей, - с камня лыка надерёт, семью накормит и малышне - дети, возьмитесь за руки - вторая мать. Чем мы живём, для кого мы живём? Для детей. Наши дети - наша гордость, наша радость.

Идет домой Валентин Россохин, хмыкает: «Казачишко спесивое, горный «арёл». Вот гордости... Перед собой ставлю, смотрите, северяне, защита моя и опора моя. Ужо-о, лет через десять как запоёшь, «наша гордость». Попрёт эта «гордость» во все щели, стреляного бандита за пояс заткнёт твой сынок. Ужо-о, спохватишься стойно меня, в зыбке, скажешь, удавил бы, кабы знать наперёд».

2.

По две зимы катался на белых конях вдоль Кочюги-реки заспанный и сердитый старик. Запрягает сани в начале ноября и носится до святого Федула. Тоскливо зимами в Кареньгине, веселее в Блинове. В Блиново по обе зимы дорогу гравийную просыпали. Кареньжане завидуют: «Што им, вон какие ребята эти Блиновы, они лешему загривок намнут». Аггей заикнулся как-то, мол, неплохо бы продуктовый ларек поставить, то ходить за продуктами в Блиново не близко. Тут Валентин Россохин и выдал:

- Любит же всякая чернота нашей шеей капитал хапать.

Аггей взглянул на него печальными глазами, усмехнулся:

- Почему ты озлобленный такой, Валентин? Недовольный всем... разве я о себе хлопочу?

- О папе римском? - спрашивает Валентин.

Был он бледен, но довольно спокоен.

- О тебе, о Савельевне, обо всех.

- Заведу трактор, и только схоркало, нужен мне ваш ларёк с мышами.

- Ты заведёшь, а другие что, заведут?

- А ты барана племенного между ног ставь, и только яйца о дорогу стучат, - с вызовом сказал Валентин.

И всё, «поставили» ларёк.

Прошли Сидоры, прошли и сиверы; так, да не так! Ночью снег выпал. И два дня дул сердито ветер, дул да пленки со всяких парников-огуречников у кареньжан рвал. А как тучи мелкий дождь притащили, умер Володька Россохин. Вроде и лет мало, и работой не изломан был, и не озорничал шибко, вот сошлись по такому случаю трое ближних соседей, сели на берёзовые чурки - не успел Володька расколоть дрова - курят вонючие сигареты и судачат:

- Шальное нонь времечко, а?... Шальное. Живём как в подызбице, но где и кто кому загорбок мнёт, смотри телевизор с печи. Мужик пошёл умом родущий, а почему?... Верно, радиации много, а отходов всяких? Вот какой он снег пал, а вдруг заразный? Согласен, и пива много пить стали... Не-е, Володька красненькое винцо любил, он пиво так себе... В точку: колбаса паршивая, зато по нашей мощне. Откуль ей хорошей быть? Бьёшься, бьёшься со скотинкой, а што ешь? Твоя, сосед, правда, в рогах да копытах калориев хрен да маненько. Вот от худой еды, может быть, от еды и помер. Да-а, и кому какой век Господь отмерил, неведомо... Не тем концом помянут будет, свой сахарный диабет ставил выше наших болезней.

Все трое затихают, погружаются в себя, словно отыскивая в тайниках души самый верный на взгляд каждого диагноз смерти Володьки Россохина. Покойный Володька Россохин был брат Оксане, что замужем за Валентином Россохиным. Прибежала Оксана к брату, вся в черных траурных одеждах, корявая и злая, подбирая подол платья и поджимая губы, прошла в избу и набросилась на в смиренности сидевшую под окном темно-русую, немного бледную, но миловидную и скромную золовку, на деревне уважительно величаемую Савельевной:

- Во! Во, и живи теперь! Живи да радуйся!

- Эх ты, - укоризненно сказала золовка.

- Хоть бы слезинку уронила, как же!

- Успею наревлюсь ещё. А чего ты, собственно, налетела-то? Я тебя, Оксана Дмитриевна, худым словом веком не наднесла, и наскакивать вроде бы... да в такой час... Один сын у вас, и того в тюрьму законопатили, а мамайничать, ещё и права качать!.. Еще и учительница, с образованием высоким... Да што, будто я ему в рот лила!

Тоскливое, непонятное чувство влилось в грудь Оксане Дмитриевне; был ли то решительный отпор Савельевны, до этого часа терпеливо переносящей раздра-

жительность золовки (в одной деревне живут двадцать лет, но встречаются, слава Богу, редко, и то на праздниках), или смутное ожидание чего-то неизвестного и страшного (за покойником в районную больницу поехал муж Валентин на тракторе), или неизменное желание оставить поле битвы за собой (как, доярка с восьмилетним образованием и так разговаривать с ней, окончившей два института!), или внезапно пробудившаяся нежность к умершему брату, или боязливое ощущение своего ненужного присутствия - все слилось в одно давящее впечатление, и она без сил опустилась на лавку.

С крыши капала вода.

Она сидела, сгорбившись, охватив колени сжатыми руками и опустив глаза в какую-то точку на полу. Что удивительно, в голову даже мысль не забрела случайно: обидеться на Савельевну или нет? Савельевну природа скроила крепкой, выносливой, работной бабой. Одежда для мужа лежала на кровати - вот привезут мужики из морга, обмоет своего Володю, переоденет и пойдет в летнюю избу затоплять печь да тесто ставить, будет ждать вызванных телеграммами сынов: один служит в армии, придет, всего-то триста километров, другой с семьей уже выехал. Всё Савельевна делает обдуманно, нет-нет да кинет на Оксану Дмитриевну взгляд. Никогда она не испытывала к Оксане Дмитриевне, этой тощей, рыжей, нервной, гордой даме, теплых чувств, считала её «переучившейся». Савельевне хотелось заговорить с Оксаной Дмитриевной, сказать, что в семейной жизни у них с Володей пусть не все было «тишь да гладь и божья благодать», но мужик он был хороший, заботливый. Старший-то сын каких высот достиг и просужий - по людям живёт, по ветру веет: характером покладистый, начальник цеха на заводе, где подводные лодки делают! А младший!.. Эх, не увидит Володя его, майором домой едет! Помянуть словом добрым с человеком родным, помянуть да всплакнуть, но она чувствовала, что с каждой минутой это сделать труднее.

В избу зашёл старый беззубый старик Облучкин, покашлял в кулак, на лавку присел.

- Как помочь чем, Савельевна?

Оксана Дмитриевна начинает раздражаться. Теперь всякое возражение ей, всякий стук, бряк принимают размеры оскорбления. Чтоб не навредить себе больше, спешно покидает дом брата.

Схоронили Володьку Россохина. Отбывший в тюрьме четыре срока, старик Облучкин полез на кладбище попрощаться с покойником и упал в могилу. И смех, и грех! На деревне загадали: очередь занял или (матерился в яме) год без покойника проживём?

Тепло пришло, земля за свой род унялась.

Аггей выгнал отару овец. Аборигенов белая зависть берёт: молодец, Аггей! Не правда, не всё пропало! Вон сколько скотины у приезжих, у кареньжан-то руки не оттуда растут? Савельевна одна живёт, на кой бы кляп одной живность, а вот надо - и всё тут! «Я вам, Лина, сено заготавливать помогу. Осенью дашь ярочку - ещё и ребятишкам обносков всяких нанесу. Обноски добрые. Вон в шкафу костюм младшего парня висит, только и одел на выпускной вечер». Вечером Аггей к Савельевне пожаловал, овечку в хлев пустил. Усы накрутил, взгляд чистый. «Чего сегодого старика в саях ждать, а? Ждать да догонять хуже нет. Бери, от чистого сердца дарим! Никаких денег не надо, бери!» А Валентину Россохину другое надо: вот живи этот Аггей со своим семейством особняком, в своих, так сказать, границах, и не цепляйся к людям, и овцами людей не задаривай, и голосовать не ходи. Сиди в своей избе или заготавливай банные венички да считай пятаки! Чего они в Блиново всей ордой на выборы поперлись? Во, как мы нынешних воров-чинодралов любим! Негодующее фырканье вырывается из его груди, как видит рассыпавшуюся по Кочуге отару Аггея: «А приедь-ко к этим «арлам» наш мужик! Да сожрут! Со свету сживут! А у нас - паси, Аггей, паси, родной!»

Удивляются кареньжане: это надо же, до чего ладно живут приезжие! Пусть стол у них от разносолов не ломится, а как детишки родителей слушаются, как уважительны к старшим; иная женщина в магазине хочет при всем народе девочку старшую конфеткой поманить - не возьмёт! «Что вы, тетенька, давать так пять надо, а брать так семь - вам же накладно. Вы уж извините, не надо». «Вот они какие-е...» - удивляются в магазине бабы после ухода девочки. - Ведь до чего умно да по полочкам...» Провинился ребенок, что Аггей, что Лина, не раскричатся, сгоряча за ремень не схватятся. Спокойно, тихонько, будто речи покойного отца Александра слышали, что нельзя детей делить на своих и чужих, и бранить их нельзя, и проклинать их нельзя, усадят всех пятерых рядком и разбираются, отчего да почему. «Вот, бабы, будто и у них там, на Кавказе этом, нашего Александ-

ра чуть: «Только доброе слово вразумляет дитя, а злое калечит». Помните, как говорил: «Не браните детей, не проклинайте, даже в мыслях не держите злобы на детей. Не успел родитель брань сказать, как бес подхватил слова гневные и гнев родительский в своё оружие обратил?»

Слышат всякие речи про приезжих Валентин с Оксаной Дмитриевной. Он говорит - она на него собакой бросается; она заговорит - он презрительно вскинет глаза, рукой махнёт: замолчи! О чем бы ни заговорили они, на сына Мишку всякую говорильню переведут, и давай виноватых искать, отчего да почему Мишка в тюрьме сидит. Она ходит по комнате нервными шажками, постоянно протирает очки, он сидит в кресле, вытянув ноги.

- Ты, ты учил никому не уступать! Твоя правда в кулаках! Ты ненавидел его, и всё потому, что Мишенька на тебя не похож! Сколько раз пьяный сказал мне, что он нагулян на стороне? - визжит Оксана Дмитриевна.

- А твоя правда где? Кто ему мозги компасировал Брутом? Тот осудил на смерть собственного сына. Спросила, осудил ли бы сын Брута на смерть? Нет! А Мишка что тебе тогда сказал? «Надо ночью зарезать этого гада».

- Врёшь! Врёшь!!

- Што мне врать, слава Богу память не прохудилась. Так ты тогда хихикнула: «Мишенька, сын - есть продолжение отца». Ты на што намекала ему?

Сегодня жена пришла из школы поздно. Директор, длинношей гусак, справлял пятидесятый день рождения. Он молодился, одет был в щеголеватый костюм преуспевающего бизнесмена, к жене своей, жирной, ленивой и малочувствительной гусыне (про таких говорят, что они в воде онучи сушат), относился с предупредительностью. Стол был богатый. Потом были танцы. Именинник вальсировал с хорошенькой Ниной Михайловной. У Нины Михайловны несколько вздернутый верхней губой рот, лицо нежно-золотое, стройные и сильные ноги, формы - роскошь, не подходящая до пресыщения. Как они вальсировали!.. Как мило директор, этот ошпаренный гусак, обнимал Нину Михайловну, а Нина Михайловна - о глупые женщины! - она, как лягушка, готова прыгнуть в пасть удава! Оксана Дмитриевна, которую вальс просто-таки раздирал на части, бесстыдно представляла, как бы Нина Михайловна пошло-любовно присосалась губами к губам директора, или обвила директора руками за шею и шепчет: «Целуй, целуй меня крепче, гадкий мальчиш!.. Крепче!» Лицо Оксаны Дмитриевны приняло плотно-страдальческое выражение; стоящая рядом жена директора толкнула её в бок, выводя из поличного состояния. Толчок не подействовал отрезвляюще, наоборот, она подалась к танцующим: «Расслабилась Нина Михайловна... сейчас сконфузилась... тает, от удивления переходит к назойливости, от назойливости - к удивлению и валит директора наповал; директор за дверь - она тотчас же язык высунет, и сама над собой хохотать примется. Бабы, бабы, какие из нас дамы! Хотется нам согнуть мужиков в бараний рог... Всю жизнь ждём принца, засматриваемся в даль - не алые паруса показались на горизонте?..»

Портфель поставила к ножке кровати и спрашивает:

- Валентин, любил ли ты когда-нибудь меня?

Валентин Рассохин, не ожидающий услышать такой вопрос от жены, усталым голосом спросил:

- Да какая тебе к черту любовь еще надо?

И так плотно уселся в кресло, что кресло под ним застонало.

- Лук на грядах догнивает, любовь... Помню Некрасова стихи: «О Волга, колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?»

Он затылком чувствовал стоящую за спиной жену в позе почтительнейшей служанки. Кругловатое, несколько суженное кверху лицо, усыпанное россыпью черненьких оспинок, выражает возбужденность и готовность сорваться с места, услышать признательные слова и зарыдать... Кому не ясна природа слез легко ранимой, вспльсывчивой, постоянно обиженной всеми женщины? Не всё ли равно от чего рыдать - от радости или от горя. Главное, пролить море слез и облегчить душу. Плакать навзрыд, чтоб видел муж, видел и проникся чувством сострадания к ней. Тонкие губы у этой служанки как-то вспухли и замаслились, она ждёт, вся напрягается, но внутреннее естество её ропщет и завидует неизвестно кому. Скорее всего, счастливой женщине, красивой Нине Михайловне. Та Нина Михайловна крепко спит ночами, в её доме лад и понимание, трогательная забота и, конечно, любящий, интеллигентный муж, а Бог благословит большим семейством. Тонкие губы сжимаются, пальцы левой руки нервно сдергивают с лица очки и вытирают их схваченной со столика салфеткой; вот очки снова на глазах, и под стеклами их как разгораятся похожие на можжевельные глазки-ягодки полевой пи-

чути глаза Оксаны Дмитриевны. Естество в сотый, в тысячный, миллионный раз подманило её куда-то и оставило на бобах. Она уже не ждет от мужа ничего! Муж глух и нем! В Оксане Дмитриевне бурлит ненависть. Как бы она треснула сейчас по шанежке-лысинке своего мужа! Так треснула... так! Под влиянием этих мыслей она еще пристальнее взглянула на шанежку-лысинку, лежащую перед ней: вдруг она раздобрееет, окажется большей, такой, что на сковородку ляжет? Но шанежка-лысинка так заурадно, так бессмысленно белела перед ней в начинающих сесть зарослях, сама голова так маслено косила глазами по направлению к телевизору, что Оксане Дмитриевне сделалось ясно, что муж даже не замечает её! Долой натянутость и таинственность! Она сжимает сухие кулаки, выскакивает перед Валентином, приседает и истерично кричит:

- Валя! Валентин!

- Да чего тебе надо-то?

- Я оглоданная кость, холерный барак, моль, ржавая селедка, рыба кожа, покажу и так далее! Я нервная, задержанная, но я... твоя жена! Убей меня, убей, и конец твоим мукам!

- Тоже мне, бразильская раба любви... - хмыкает под нос Валентин.

Оксана Дмитриевна принимается рыдать. Очки свалились с переносья. Слова вырываются у неё из глотки без понимания, без малейших претензий на дальнейшее развитие; нечто подобное содействует факту вынужденного жития двух людей в четырех стенах, следовательно, всё выброшенное из недр одного человека имеет право на сортировку в извилинах мозга другого.

...В конце учебного года из роно был звонок: кандидатура Оксаны Дмитриевны на конкурс «Учитель года» отклонена. Какой удар по чувствительному сердцу! Готовилась, читала и перечитывала, репетировала, и всё пошло прахом. Директор, уличенный в жульничестве, отводит глаза в сторону, мямлит, «какая жалость, какая жалость». Оксана Дмитриевна знает, почему её отклонили: за длинный язык. Она из тех личностей, без совета которых директор и шагу не сделает, которые пользуются определенными привилегиями «говорить правду», но не забываются. Оксана Дмитриевна забылась, наговорила много лишнего при заведующем роно: областной департамент образования выслал двести тысяч рублей на компьютерный класс, где деньги, в чьих карманах осели? Она не знает, что заведующий роно откровенно сказал директору школы: «Извини, мой друг, но погляди на этот щекотливый вопрос с моей колокольни: какая пугающая визитная карточка нашего района! Там, - указал пальцем в небо, - что подумают о нашем районе, увидев такой призрак?»

Редкий день в семье Россохиных все было «как у людей». Вечера проходили по одному и тому же сценарию, разговоры практически не имели никакого содержания, кроме бессмысленной укоризны. Собачились - одним словом. Валентин давно убедился, что они жить не живут, только небо курят, долго-коротко житьё такому придёт конец, а значит, отдалять его - только бесполезно поддерживать тревожное чувство ожидания. Жена с каждым днём становится апатичнее и брюзгливее, почти близка к разрушению. Ничего легкомысленного, напоминавшего прежнюю, пущенную из лука стрелу, не осталось в Оксане. Где те молодые, полные надежд вечера? Под влиянием нервной чувствительности, особой преподавательской впечатлительности пылко рассуждала с мужем о нравственном образе народа, о дозе свободы для русского мужика, которую мужик может вынести, много читала, училась. С годами тина захолустной деревни незаметно тянула и тянула из неё полезные соки, давая взамен психологический мираж, вследствие которого душа черствела и сохла. Оксана Дмитриевна - очень подозрительная особа. Она постоянно ощущает в себе потребность освободиться от подозрительности и не может. Потому на практике все делает «без ума», то есть бежит да запинаясь, а потом винит мужа, якобы спровоцировавшего её на опрометчивый шаг. Угрюмое молчание, отрывистые ответы, взгляд исподлобья, то вдруг замурлычет или засмеётся, словно хочет сказать колкое, но Оксана Дмитриевна уверена: эта отчужденность его - обдуманная, сознательная, он тяготится супружеской близостью, ему тяжело рядом с ней. Сколько мук она вынесла из-за своего сына Мишеньки, а Валентин постоянно отходил от воспитания, постоянно весь в работе; и знает да не знает! «Кто из нас учитель, я или ты? Вот и долби его», - скажет. Она взяла на себя задачу охранять нравственность сына и, кажется, не преуспела. Мишенька редко имел желание посвящать матушку в свои тайны. Мать бисер перед ним мечет, вздыхает и вытирает слезы, но мысль подсказывает: «Господи, и в кого он уродился такой бесчувственный эгоист? Неблагодарный поросёнок!» И вследствие сего тайного рассуждения не совладает с собой, упадет в исте-

рике на кровать. Мишенька, насилуя себя, пожалеет мать, промямлит что-нибудь невразумительное вроде: «Я не што и сделал». Она каждый день ходит в райцентровскую школу за семь километров, это каким надо обладать терпением, смелостью! Туда-сюда, туда-сюда, а думы, будто стая ворон к ненастной погоде крутятся, копятя, разлетаются и вновь собираются, что-то исчезает, что-то прибывает. Школа, деревня, муж, сын... Сколько каждый день впечатлений, тем для разговоров, сплетен, толки вокруг зарплат, обязательное членство в ведущих политических партиях, возможность очутиться в перекрестном огне «любезностей» - так называется закулисная возня со школьной преподавательской нагрузкой и т. д. и т. п. Она стареет: годы берут своё, некрасивая, некормная какая-то и слабая. Её не любят, её сторонятся, ученики между собой зовут «молью», открыто игнорируют... В последнее время несколько раз имела разговор с директором, жаловалась на всех и вся. Увы, директору не до причитаний Оксаны Дмитриевны, пусть курят в туалетах негодные мальчишки, бесстыжие девчонки носят минюбки и красят губы! В школе появилась новенькая учительница. У директора вырос павлиний хвост. Директор находит в ней бездну женственности, неуловимого кокетства, которое всякую красивую девушку окружает облаком тайной любви.

- Сегодня-то какой леший тебе дорогу перебежал? Тяпнула, што ли?

- Валентин! Ты попрекаешь меня тетками, мамой, дядей! Чем я виновата, если такой наследственный ген? Если такая конституция? Я не могу так больше жить! Я удулюсь! Я не могу-уу!

Валентин на мгновение опешил, но тотчас, однако, оправился.

- Раз сказал, два сказал, в сотый раз говорю: я зарыл топор войны и ты зарой. Виноват, вину за собой признаю. Это ж когда было - на той неделе, а ты опять... По пьяни чего не бухнешь.

Частое повторение фразы про топор войны действует на жену угрожающе.

- А зачем, зачем, Валентин? Убедить меня в том, что пора в дурдом?

- Здравствуйте! Я говорил про дурдом? Чего ты собираешь с огня и с лесу?

- А постоянно, изо дня в день, напоминать мне можно? Можно, да?!

- Да не ори ты, всю деревню на уши поставишь. Ну, кончай базар.

Бог знает, как бы Россохины провели этот вечер, не озари Валентина внезапная мысль. Он вспомнил, что сегодня получил письмо от сына из колонии и делает попытку примирения.

- Письмо от Мишки пришло, вон, у телевизора.

Оксана дрогнула, посмотрела куда-то вкось и вздохнула, потом, как хищная птица, метнулась к телевизору, костлявой рукой схватила письмо. Целует письмо, к груди прижимает, шепчет: «Мишенька!»

Валентин сидел в кресле и смотрел в потолок. Ежедневные нервные концерты, беспредметные стычки с женой об одних и тех же вещах, об одних тех же проблемах расшатали его нервы. Чем больше Валентин думал о жизни, тем больше убеждался: надо расстаться. К черту! «Хоть бы хны удавиться! Уйдет в подыбицу, веревку на крюк кинет... А прошлой зимой? Уползла на реку белые полоскать, час нет и два нет, прибегаю - над полыньей сидит, раскачивается и вроде как мычит, в воду глядит. Оставить все ей, шапку в охапку и... велика Россия. Не стар, в можете, еще такую молодку обломаю, будьте нате! Руки-ноги есть, голова тоже, да проживу куда с добром! Теперь-то меня институтами на кривой не объедешь! Найду бабу попроще. Сама - живые мощи, а любовь подавай: лихота! Не иначе как бесы нас сосватали: два сапога на одну ногу и оба стоптанные. Как это угораздило меня обматырнуться? Точно: бесы! Ведь батяно отговаривал, што ты, с батюком разнеслись: женюсь и точка! Не кончит Оксанка добром, чует мое сердце. Одна тетка у неё ушла по ягоды и пятое лето собирает, другая в дурдоме умерла, мать повесилась, дядя повесился, брат Владимир то ли паленой водки хлебнул полишку, то ли... кто его знает, на деревне болтали, вроде на шее рубец видели».

3.

Четыре фактора человеческого существования навсегда пребудут незыблемыми и неприкосновенными: истина, дух, красота и добро. Все остальное - суeta суeta. Счастье - удел всех, кому не хочется быть счастливым? Страдание очищает человека! Это не патетика, это правда. Вот послушайте.

Жил да был Александр Мамонтов. Институт геологический кончил, мечтал однажды побывать в тех ледяных широтах, куда до него устремлялись

любопытные штурманы и капитаны, промышленники и купцы, люди иного закала. Что он хотел найти, какой затерянный остров открыть - не знал. Неуловимая путаница, в которой нельзя ни за что ухватиться, - это и есть романтика. Именно она обладает влечением и своего рода неприступностью. У каждого из нас свои горизонты, выношенные, выстраданные, вытканые. Всем хочется заглянуть за свой горизонт, мало-помалу мысли романтика начинают принимать деловое направление, которое и формирует человека как личность.

Не за горами было долгожданное возвращение домой. Хватит, померзли у остров, поскитались по лесам. Почти полгода работали, много успели, хороший задел на другой год оставили. Гуще стал ложиться иней, где-то прорвалось в небесах решето с беспомощным снегом, час снег не лежал - растаял. Ночами страшно из палатки выйти, ветер ржет посвистом, кругом темь и жуть. Нетерпеливый зуд одолел всех. Александр Мамонтов часы считал: вот приеду домой - сразу женюсь! День стоял серый, не особо холодный, с легким морозцем. Река как готовилась примерять ледяное облачение. Было в ней что-то возвышенное; она то вздыхала и большим сырым полотенцем вытирала слезы, падающие с драконьих хребтов, то сердилась, пронося пенистые бородки; болезненно настроенный на отход слух сам создавал картину прощания реки - облизывает с устатку каменные берега и будто извиняется: «Весной обязательно в гости ко мне, весной я вас прокачу-у!» Не стали ждать вертолет, связали плот, мешки побросали - и айда, неси, Вилой! Радист на плот не садится. Было в глазах его голое безумие! Выдернул из-под рубахи натальный крест, смотрит на него, голос стал острым и ощущался, как биваемый гвоздь, заговорил:

- А ведь я просил! Я просил не стрелять в медведицу!
- Сдурел, что ли? - кричит на радиста начальник экспедиции. - Садись!
- Ребята, ведь погибнем... - голос радиста стал глуховато-печальным. Опустился на песок, гладит ладонью крестик. - Тогда тоже... он мне как подсказывал...
- Развёл тут канитель! Грузи его! Из-за одного вертолёт не пошлют! Тут сдохнешь! Прыгай, кому говорю!

Пришлось плыть. Радист беду ждёт, оглядывается, прислушивается. Туманы вышли из берегов, во всей разбойной красе гудит река. Рядом плыли, будто срезанные и вывороченные с корнем, деревья. Тут ветер начал стонать, начал беситься псинным воем, вздымая все выше плескучие холмы. Острый на слух, радист долго стоял, прислушиваясь к гудению. Изредка в тяжёлых тучах отрывалось небольшое оконце, и тогда яркое утреннее солнце бороздило речную ширь.

Сидят напротив один другого Александр Мамонтов и радист. Радист слегка вздрагивает.

- Ничего. Всё утрясётся... Хороший ты парень. И чего ты в экспедицию пошёл? Извини, конечно, но с твоим характером по лесу шататься нельзя. Натура у тебя ранимая. Тебе бы художником быть, Рубенсом... Рубенс торговцев любил рисовать... Всё времени не было спросить: речь у тебя особенная, с какими-то изысканными оборотами. Как взмахи кисти, буйство красок...

По щеке радиста скользнула легкая судорога, он улыбнулся как-то испуганно - жалко и прижал руки к груди.

- Увы, вторым Рубенсом мне не быть... Потом, он же обжора был, и боги его - кричащая мощь... Вы «Отче наш» знаете?

- Перестань, не раскисай, будь мужиком!

Неожиданно радист вскочил на ноги, не своим голосом закричал:

- К берегу! К берегу!!

Как могли и чем могли, выгребали; внезапно вырос перед плотом борт буксира, в буксир и врезались с пушечным гулом. Столкновение разметало плот, и рюкзаки под воду пошли, и оружие, и рация, и люди тоже. Кого как водоворотами крутило, то живым одним ведомо, а в живых остался один Александр Мамонтов. Выбрался на берег, два дня товарищей искал. Буксир помощь оказал, вниз опустил километра на три - никого.

Не женился Александр. Охваченный бунтующей совестью между нравственной анемией и беспорядочным раскаянием, нашел противовес пробудившемуся сознанию вины - прямо сказал невесте: «Извини, я не могу жениться». Мало-помалу стыд прошел, и его место заняло смутное желание искупления вины. Ходил в церковь на исповедь, священник наставлял: «Надо жить. Жить! В слове «жизнь» заключается ощущение совести, которое вечно будет с тобой. Умиротвори потуги стыда за содеянное молитвой, впусти в своё сердце обыденные мелочи. Сильный человек сосредотачивает свою мысль на определённом ощущении, а слабый под-

вержен беспредметной тоске, метанию, желанию покончить со своими проблемами одним махом».

Через год отыскался радист партии. Одноногий. Вторую ногу ампутировали «по самое некуда». Стали говорить, и вдруг оказалось, что не только им говорить не об чем, но они даже в тягость друг другу. В томительной неловкости побыли некоторое время и разошлись, чтоб больше не встречаться. Даже воспоминание о хорошей охоте, богатой рыбалки, эдакая нейтральная ниша, в которую легче всего спрятаться в затруднительном положении, не приглянулась бывшему радисту:

- Какие ребята были! И через твою глупость пошли на корм рыбам.

Потом еще год минул. Жил этот год Александр Мамонтов, как во сне видел фантастическое представление, над которым плакать хочется. И пришла к нему в голову мысль стать священником. И озарилось сердце лучом радости!

- Вы поступаете на отделение ставленников. В училище не приходят случайные люди. Вы опираетесь на клюшку, недужное тело или мятежная душа заставляют вас быть священником? Вам покажется, что я говорю слишком прямолинейно и высоким слогом, извините, привычка. Вы уже не молоды; вы пришли к Богу, значит, вас не устраивает ваша житейское положение, вы ищите утешение и твердость. Бог поможет вам зажечь свечу в своём сердце, наградит любовью к ближнему, терпением, мерой общественного долга; все мы странники в этом мире. - говорил на собеседовании при поступлении в православное училище уважаемый протоиерей Воронин, ректор училища, - все несём свой крест, одни со смирением и утешением себя тем, что в мире не одни радости, но и горечи, другие... Господи, как много подлости, жажды наживы, чванства, злобы, зависти в нашем разрушительном веке! Вы увидите много «других», не осуждайте их и не судите их; ни один волос не падает с головы нашей без воли Бога!

...Приехал отец Александр в Блиново. В Блинове церковь кирпичная, правда, размещались в ней клуб и библиотека. В шестидесятые годы её пытались разобрать - не смогли, наши предки жили не одним сегодняшним днём. Поговорил с районными начальниками - бери, и библиотека так себе, и клуб лет пять на замке. А жить пришлось в Кареньгино, в Блинове пустовавших домов не оказалось. Предшественники оставили ему жильё запасливо, полной чашей. Немало трудов положили прихожане, пока возвратили храм к первоначальным обязанностям. Кое-какой церковной утвари насобирали: не дотянулись алчные руки спекулянтов до здешних мест.

Участковым милиционером в то время был Мишка Россохин. Примерно через месяц после приезда священника в Кареньгино, в марте, когда снег начал садиться, в Блинове обокрали магазин. Унесли четыре ящика водки, самые дорогие конфеты и женские лифчики. Следствие вели двое в штатском и участковый Мишка Россохин. Священник не знал о краже, потому оказался невольным свидетелем. Мишка был в непрестанном движении: головой встряхивал, как застоявшийся конь, раздувал ноздри, то наваливался боком на прилавок, то отваливался от прилавка комом; он испытывал нечто сродни давившей из него пружины. Мало того, бранился, не стесняясь продавца, будто элемент срамословия очень необходим при раскрытии преступления:

- Не я буду! Штобы на моем участке!

Продавец стоит возле печки, возмущается Мишкиной бранью:

- Михайло, из ты ровно из помойного ведра, да што ты, окстись.

- А ты не щокай, ишь, расщокалась! - рявкнул на неё Мишка.

Низенький рыжеватый следователь в штатском, не отрываясь от бумаг, махнул Мишке рукой: остынь!

Мишка остывал, наступило некоторое затишье, в продолжение которого следователи списывали данные с товарных накладных, а Мишка зевал, на цыпочках обходил стоящую возле стены печь и заглядывал, точно там воры делили украденные лифчики. Это был ответный грабеж, таких грабежей по России каждый день совершаются сотни. Ведь что воруют? Водку да лифчики! Священник был в нерешительности: уйти или... а вдруг это так, ерунда одна, взглядом спрашивает продавца: уходить? Март, снег тяжелый, сильно болят ноги, не будешь же все время просить женщин носить ему продукты. Тут подходит к нему Мишка, встал вплотную и развязно, тоном нескрываемого презрения спрашивает:

- Комсомольцы-добровольцы пришли помочь следствию?

- Полноте, какая от меня помощь, - попробовал отшутиться священник.

Мишка оглядел его странным взглядом и отрывисто промолвил:

- Вон!

- Михайло-о, - продавец отшатнулась от печки, всей массой пошла на Мишку, совсем с катушек смахнуло?

Священник почувствовал, как кровь бросилась ему в голову.

Милиционеры в штатском вразной одернули Мишку:

- Тебе неймётся, да? Опять?!

С того случая Мишка затаил на священника злобу. Он как цель себе поставил отравлять ему существование. Или, может быть, ему нравилось потешиться над больным человеком. Как повстречаются - начинает ехидно спрашивать про святых, обличать всех и вся в безверии и попрании авторитетов.

Однажды под вечер забрёл в избу, бухнулся без приглашения на стул и первый вопрос задает шепотом, словно хочет выведать большой секрет:

- А скажи, - говорит, нажимая на «ты», - Евушка из Адамова ребра выскочила?

И так взглянул в лицо присевшего напротив священника, будто хотел добавить: не ожидал, что в нашем медвежьем углу обитают интересные индивидуумы?

- Из Адамова. Бог её сотворил.

Мишка непрерывно оглядывается по сторонам, вздрагивает.

- Пусть так. Вот я Библию матери велел купить; што меня смущает...

Едва дождался священник, когда Мишка оставит его. Он не в шутку забоялся, как бы участковый, по словам продавца в Блинове, «не сошел с катушек». Священник пристально смотрел в серые беспокойные глаза Мишки: красное, холёное лицо, по игравшим мускулам было видно, как он стискивает зубы. И Мишка наблюдал за священником.

- Обнюхиваешь, не пахну ли я райскими яблочками? - иронически спросил Мишка, - или читаешь то, что написано в моей подорожной?

- Чужая душа - потемки, - отвечал священник.

- Изучать меня не надо, я не подопытный кролик и не сектант. Моя мать кончила два института, и что? Кому нужны её институты? - Мишка начал выходить из себя, заговорил тихо и раздраженно, как будто мстя кому-то за свою мать. - Никому. Переживала, переживала, мучилась, а ради кого, ради чего? Каждый день вдавливать в головы придурков, что надо любить Родину, честно рубить уголь и быть заваленным породой на километровой глубине, почитать олигархов, ставить перед депутатами корыто, полное баксов... тьфу! Честным трудом будешь богат? Никогда! Будешь горбат! И сдохнешь собакой!

Священник уже по наскоку в магазине догадался, что этот участковый готов во всякое время отца родного с кашей съесть. Наглаженный, выправленный, собою богатырь, а ведь всё это показуха, так сказать, глумление над мундиром, желание поразить чьё-то воображение беспорочной службой, на поверку же человек с душком, соглядатай, повадлив к выпивке, и большой артист по части неразрешения психологических загадок. Он накидывает на себя бойкость для того, чтобы маскировать вылет из внутренностей своих, как из пустого пространства, всей гаммы излучения, от скрежета зубного до подозрительного шепота.

Священник пожертвовал своим самолюбием, на колкости старался отшучиваться, ссылаясь на необдуманность и неопытность юноши.

В День Победы закатился к священнику в изрядном подпитии. Сразу стал придирается, нагличать, хамить.

- У тебя в верхах мохнатой лапы нет? Жаль. Очень жаль! В охрану бы к губернатору протолкаться или к заму его пузатому. Брось ты свои проповеди, пошли золото искать, - лениво говорит, давясь отрыжкой, - ты ведь геологом был?

- Был.

- А чё в попы попёрся?

- Грешен я, Михаил, так грешен! Душа запросилась.

Оглядывается Мишка, вздрагивает, одну руку положил поперек груди, а другую уперся в подбородок. Некоторое время оба молчали. В избе была тишь, солнце садилось, стекло рамы прорезало солнечное копьё, и наконечник, расширенный пространством, уперся в божницу.

- Душа, душа... Ты хоть мне-то не заливай, вижу сокола по помёту. Едва копыта волочишь, а всё туда же. Старух обирать приехал?

- Как много вопросов у вас, молодой человек.

- А ты не умничай, за базар в своих палестинах я отвечаю! Понял?

Другой раз встретились, подвыпивши вышагивает, фуражка набекрень, пис-толет из кобуры вынут и за пояс засунут. Отец Александр как увидел такого живописного стража порядка, усмехнулся про себя, невольно пали на ум строчки стихотворения: «Партизан Евлаха, красный партизан, красная рубаша за поясом наган...». Опять пристаёт:

- Слышь, отец, или как там тебя старухи кличут, почему народишко трусливый около Христа терся? Пришли солдаты, апостолов медвежья болезнь пробрала: я не я и кобыла не моя. Петр три раза отрекался.

- Это не трусость - это замешательство. Любой человек поначалу пугается, потом обретает силу.

- Точно, - хохочет Мишка, - мы тут на днях на одну бытовуху выезжали. Жмурик с заточкой на меня прыгнул. Как на духу: опешил, а потом, - зажимает крепкие кулаки, набывается, - потом мне хоть водка, хоть пулемёт. Вот такой русский менталитет. Телята апостолы! Боженька им сделал внушение, они и обрели твердость. Я жмурику рученку из плеча выдернул да о коленку хрясть - так Микула Селянинович сошку из земли выдергивал да бросал за ракитовый куст, и завыл, козёл! Значит, грешки к нам замаливать подался? Пустынник, значит, новоявленный Зосима? Подозрительно... а чё не в лавру? Лавру Боженька не обнесёт вниманием, чё ему наша глушь.

- Бог на милость не убог. Ему что лавра, что часовня... суда божьего, Михаил, околицей не объедешь.

- Во! Во теперь усёк: зуб даю, я - могила: замочил кого?

- Да что вы!

- Нет? - крикнул Мишка радостно, звонко. Как вскинет глаза на солнце, изливающееся холодным блистающим мёдом, подскочит на месте и, точно припомнив нечто нужное, кладёт свою руку на плечо священника. - Так живи! На нет и суда нет! Я вот безгрешным живу! Не пристаю ко мне грехи.

- Нет безгрешных людей, Михаил Валентинович.

- Молоток, уважаешь власть. Чуть что - ко мне, я кому хошь внушение дам. Таможня, - хлопает священника по плечу, - даёт «добро».

И пистолет за поясом поправляет.

В первых числах сентября пробовал отец Александр говорить с матерью Мишки, Оксаной Дмитриевной. Жаловались ему женщины, что опять ввели в обязанность участковым по потолкам ползать, печные трубы осматривать. Мишка с потолка слезает и заявляет: «Опечатываю!» Или гони ему две-три сотни, или печь не топи: штраф в размере потребительской корзины. Мать по кодексу родственных приличий и большой любви к сыну не упустила случая налгать:

- Да что вы, что вы? Господь с вами. Это чья-то злая шутка! Сколько живём, никто и никогда слова плохого не сказал про Мишеньку. Это художественная натура, ранимая, впечатлительная, такой ласковый мальчик...

Выдавая такую отличную характеристику, смотрела на священника испытывающим, откровенно обезоруживающим взглядом, мол, не тронь ты моего сына!

- Есть поговорка: «Еще не слеп, коль ощупал печь в своей избе». Боюсь, вы заблуждаетесь, Оксана Дмитриевна. Ваш сын не заслуживает таких лестных эпитетов.

Священник смотрел на Оксану Дмитриевну: лицо её гляделось совершенно спокойно, но что-то не то чтобы злое, а глупо-непоколебимое оттеняло это спокойствие. Потом прослезилась: так оно выходило очень даже чувствительно. Несколькими минутами она то вздыхала, то снимала очки и протирала стекла, а слезы обильно струились из глаз. Странное дело: мысль увидела в словах священника войну и протест, дескать, он, больной человек, хочет как-то заявить против общественной несправедливости, но почему он выбрал именно Мишеньку? Мысль подсказывала ей, что нашёлся такой человек, который сказал ей правдивые слова о сыне. Вроде она согласилась, но тут же отвергла своё согласие: «Это уже катастрофа! Мишенька - шалопай? По натуре - да, но не по воспитанию! Поп хочет очернить моего мальчика, выставить эдаким устойчивым паразитом, Балдой, неандертальцем и аморальным милиционером... Дай ему волю, чего доброго в проповедях своих вымажет в смоле... Нет, это ему так не пройдёт!»

- У вас дети есть? - спросила Оксана Дмитриевна.

- Нет.

- Так какое вы имеете моральное право поучать других?! Не имеете! Лучшие годы своей жизни я отдала этой школе, становлению и воспитанию нашего будущего! Эта школа высосала из меня все силы, все соки!

4.

С большими муками выбрался на коридор отец Александр, лицо опухло, холодный воздух. Голова не кружилась, но болела. Кричать - глухая ночь, да и

на крик сил нет. Полежал на студёных половицах, пожалел, что поддался минутной слабости - выполз из тепла. Он ощущал мучительную слабость. Закрыл глаза: какая-то серая, в огненных крапинках лента упорно сматывалась с огромной скоростью в его голове с валика на валик: «Вы «Отче наш» знаете?»... «Знаете?» Этот настойчивый голос тревожил где-то глубоко запрятанную гордость. Показалось нужным одернуть радиста: молчи! Ты, как зверь из засады, наблюдаешь за мной, за жертвой, ты удовлетворен, ты видишь расплату за легкомысленный поступок... Захотелось жить. Но, как бы трудно ему ни было сейчас, еще труднее было уверить себя в том, что радист тут ни при чём. Он должен был так думать; радист хороший парень, не бросит, иначе ему сейчас не стоит бороться за жизнь. Раненая медведица умирала долго, теребя когтями глину и траву; медвежонок жалобно плакал возле своей матери, подсовывал под неё мордочку, как бы пытаясь поднять мать на ноги; мать то лизала его, то рычала, знать, гнала прочь; радист в отчаянии стоял неподалеку и плакал. Сначала он будто вторил осиротевшему медвежонку, потом стал громко рыдать, будя лес. Радиста увели. Надо бы добить зверя, чтоб не мучился, но не было ни одного патрона, даже с мелкой дробью.

Со стоном священник начал подтягивать под себя ноги, пытаясь встать. Это ему не удалось. Ноги отнялись. И сердце словно подкакивает и мучительно трепещет, это... это пришла смерть, Александр Мамонтов!

Казнюсь и верую, Господи!

Страдаю и молюсь!

Слышит, заскрипели половицы на крыльце под тяжелыми ногами. Ну, подумал, Господь опять рядом. Только поздний гость толкнулся в дверь, помедлил, должно быть, ещё толкнулся и проговорил что-то. «Кому-то водки не хватило», - мелькнуло в голове. Тут гость перестал осторожничать, почал барабанить кулаками в дверь.

- Кто вы, крещёный? - спросил с полу отец Александр.

- Это когда ты меня успел окрестить? - нарочито небрежно захохотал на крыльце Мишка Россохин. - Открывай, не морозь. Иду экзамен сдавать на сан.

- Не открывать мне, Михаил. Лежу вот... Ноги отнялись.

Сильный парень Мишка Россохин. Как надавил плечом, запирка и треснула пополам. Нет еще в Кареньгино стальных дверей, не дошла мода на окнах решетки ставить.

Заволок Мишка отца Александра в избу, взял, как маленького, на руки, на кровать положил, одеялом закутал. Отдуваясь, закурил. Скользнули его глаза по стенам, остановились на божнице.

- Читаю вот Библию, мура какая-то. Из пустого в порожнее. Ноги, говоришь, отнялись? А кто грехи замаливать станет? Не спасёт тя Боженька-то, - цинично говорит Мишка.

- Не богохульствуй, Михаил, - попросил священник.

- Слышь, интересно бы знать, сколько баксов потянет твоя икона?

- Мир - риза нетленная, икона - красота ризы.

- А всё-таки, без этих твоих нащёпок сколько?

- Михаил, водки у меня нет, не держу и не ссужаю.

- Ладно... Вот чего, правда, тебе Боженька не помогает? На мою мать топор войны точишь, расстраиваешь попусту, она постоянно взвинченная, а ты плохим воспитанием упрекаешь, меня к совести призываешь, а сам - о домовину стучишь?

- Не нами сказано: «Сила Господня в немощи совершается».

- Вот ты и совершайся, а икона дорогая... хитрец, он еще и подстраховался, заяву накатал, што храм, видите ли, ободрали. А вот они, вешдоки! Старухи носили икон, а ты подметаешь, грешник?

Мишка без приберегу выдернул из-за стола мешавшие стулья, встал под самой божницей, начал снимать икону.

Священник приподнялся на кровати, говорит:

- Не делай этого, Михаил. Эту икону подарил мне владыка Максимилиан. Жить мне осталось немного, потом приди и возьми. Прошу тебя.

- А чего не Патриарх Алексий? Так, говоришь, скоро кони откинешь?

Начал священник сползать с кровати, Мишка подбежал, обратно его на кровать кинул.

- Спокойно, не дергайся, лежи себе тихо, готовься в дорогу...

Дрожащими руками уцепился за Мишку священник, умоляет не святотатствовать. Глаза вытаращил, без мысли глядит в озверевшее лицо Мишки.

- Ну-у, - тихо и хрипло простонал Мишка, да как ударит священника кулаком сверху по голове изо всей силы, тот и пал на кровать.

У него аж зубы щелкнули. Стоит Мишка над священником, большой, сильный, как сторожит смерть. Потом, испугавшись неподвижности тела, к божнице подбежал, начал срывать икону. С иконой подмышкой, не забыв выключить свет, кинулся прочь, поскользнулся в темноте на смятом половике, чуть не упал, стукнулся губами о спинку стула, разогнулся да еще спешнее кинулся вон из избы. На улице ладонью хватил рот, липко, знать, при падении разбил губы.

Стоит под березой, курит, дышит неровно. Губа кровоточит. Темно. Не стоят на часах петухи, поывелись. Не залает спросонья собака, перестрелял собак участковый Мишка Россохин. Возле бывшей колхозной конторы нет-нет да скрипнет старая ель. В стороне, на другом берегу Кочуги, тлеет огонёк в чьих-то окошках. «Наследил, - который раз проигрывая в голове «налёт», твердит про себя Мишка. - Наследил... и не прибрал за собой. Надо вернуться...» Надо бы вернуться, проверить, жив поп или сдох, а по телу ходит легкий озноб. От нервности и беспомощности за содеянное зло затянулся дымом и швырнул окурки в снег. До этого часа не ведал Мишка страха, по горячности, презрению к опасности был самонадеянным ухарем. Прежде он бы и не задумался, что стукнул кого-то по голове, не повернул назад. Он бил, его били, на то она и жизнь, выживает сильный.

Не пошел в избу священника. Кто завтра, если загнулся, первым придет осматривать избу и скажет твердое слово, отчего да почему? Он, участковый Россохин.

Ближе к полудню деревня узнала, что преставился отец Александр.

Мишка спал в горнице. Слышала Оксана, как пришел он домой за полночь, как раздевался. Мало ли дел у участкового - то в райотделе дежурство, то вызова, а бывает, и с дружками засидится. Сегодня раздевался тихо, в кухню не пошёл, значит, трезв и сыт. Хороший у них сын! Годам к тридцати ум приберёт, и такой справный хозяин будет, вся деревня завидовать будет! Не зря Валентин со школы наставляет его: «Занимайся спортом, занимайся! Бей первым, нечего сопли распускать. Налегай на бокс, гирю таскай, шток иного дохляка взял, как ржаной сноп, и через себя - оп-па!» Сын у них служил в Чечне, правда, комиссовали через полгода. Оксана Дмитриевна гордится геройским сыном. Всегда приводит в пример: «Вот мой сын Михаил героически сражался в Чечне, был контужен...» Врет Оксана Дмитриевна себе и ребятам. Списали Мишку в обоз по причине психической неуравновешенности. Избил майора, ушел в самоволку, напился, у торговцев на рынке стал топтать корзины с цветами. Прибыл комендантский патруль - без боя не сдался. Три дня болтался, пришел в военную прокуратуру и жалобу на неуставные отношения написал. В его защиту вступился комитет солдатских матерей, было много шуму.

Пошла Оксана Дмитриевна смотреть умершего священника. Чувство болезненного злорадства тлело в ней. Сколько раз ей твердил, мол, надо съездить в обитель Серафима Саровского и сына обязательно свозить, к камню старца приложиться плотью и в роднике искупаться. Будто они с сыном психи какие, чтоб вся волюсь потом хихикала, чего доброго сыну, с таким трудом в милицию устроенному, выписали волчий паспорт. Или: в школу пришел, с уроков её вызвал, ученостью своей в нос тычет: «Вы извините, я в институте увлекался Сократом, потому сошлюсь на маленький эпизод его жизни. Сократа судили мало кому известный поэт Мелет, абсолютно равнодушный к существу обвинения влиятельный афинянин Анит и оратор Ликон. Что ставилось в вину Сократу? Безбожие и безверие, развращение молодежи. Судьи легко переступали нравственные нормы человеческого общежития, не брезговали достижения узкокорыстных целей любыми средствами. Сократ отвечал: «...стоит убить глаголящего истину, и тотчас людей охватывает любопытство к его вере и уважение к ней». Что бежит быстрее смерти? Человеческое падение. Я не виню вас в недостаточном воспитании сына, но, согласитесь, он падает, и падает очень быстро. Любой порядочный человек всегда уязвим в борьбе со злом... Вы мать своего сына, но вы и самый принципиальный судья. Не место вашему сыну в милиции. Его лечить надо, а вы потворствуете сыну, слепо верите ему...» - «Вы хотите, чтоб мой сын катал бревна на лесопилке? Днем надрывал жилы, а ночью жрал водку со всякой сволочью? Он не раб! И не бывать тому! Поняли? Поняли?! Да наш Мишенька! Я епископу напишу! Вы своих нарожайте и судите их, как вам вздумается! И пошли вы со своим Сократом!» - с визгом кричала тогда Оксана Дмитриевна.

В избе народ толпится, пугливо озирается. Вскинула Оксана Дмитриевна глаза на божницу, а божница пуста! И тонкая злорадная улыбка раздвинула её тон-

кие губы: вот-те и боженька, заступник наш! Её пропустили, и кажется Оксане Дмитриевне, что намеренно и только для её ушей говорят вокруг:

- А што милиция, кабан на кабанае, вот какая у нас милиция. Чем милиция наша лучше тюремщика Петьки Облучкина? А ничем. Деньги, всем денег мало. Хватила ты нашу милицию, она бережет не нас, печные трубы.

Лежит отец Александр на кровати, седые волосы скомкались, под носом засохла ниточка крови. Даже для виду не перекрестилась Оксана Дмитриевна, внимательно уставилась на мертвого. Почудилось ей, что священник жив... Очки сняла, опять надела, еще внимательнее уставилась на него: нет, не живой вроде как... Развернулась и, не поднимая головы, пошла вон. В дверях слышит за спиной:

- Житник пригорелый.

Вот тут и заревела Оксана Дмитриевна. От обиды. Она столько сил потратила на детей этих сволочных баб! Очки сдернула, без них идёт деревней, как прыгает, и в голос ревёт. От бессилия, от злости на весь белый свет.

5.

Пришла к районному прокурору Савельевна. Прокурор - молодым-молодо, ни юпитеровской важности в нём, ни строгости прокурорской. Собой щуплый, борodka жиденькая, клинышком. Села перед ним на стул, на колени свернутую шаль положила. На прокурора глядит, руки шаль ровно кошку гладят.

- Собиралась да собиралась, еле решилась: не своей смертью отец Александр умер. Ворон ворону глаз не выклюнет, потому и к вам. Преж, старики баяли, с нашей стороны выдачи не было, да когда што было... Стоит у Валентина Россохина на оздаках старая баня, вы бы заглянули.

- Что же можно найти в старой бане, самогонный аппарат?

- А вы полюбопытствуйте.

- Вы что-то видели, что-то знаете?

- Не видела ничего, и не слышала ничего, и у вас не была. Потому утайку держу, што одна живу. Один мой защитник лодки подводные строит, другой - в военную академию поступает; две жизни не жить, а одну - желательно бы подольше на белом свете задержаться. Жить-то народ стал сытее, согласия больше стало, и власть оглобли к народу поворачивает. Бог даст, там, - Савельевна глубокомысленно вскинула взгляд к потолку, - перестанут под себя грести, о деревне вспомнят.

- Если я вас правильно понял, речь идет об участковом Михаиле Россохине?

- Правильно поняли. Мишку на арапа не возьмёшь, его в тисках хорошенько обжать надо. По батьку он - кап, по матери - умом здряхнутый.

- А что такое «кап»?

Савельевна оживилась, с шалью к самому столу прокурорскому подалась.

- Байку такую знаю: облюбует нечистая сила в лесу здоровую лесину, какой куда бес ни бежит, вроде как на почту приворотит новости узнать. Один поёрзает мохнатым телом своим на игрище том, другой копытца отрясёт, третий языком лизнёт, и примется на лесине вахлыш раковый расти...

Увезли Мишку Россохина в наручниках в город.

Хлещет дождь. Осенний, студеный.

Аггей с женой и детьми сидят по лавкам под окнами; недавно была свадьба в Блинове, у Аггея купили трёх баранов. Сейчас разговор держится на вырученных деньгах и сене, которое, как только начнёт подмораживать, надо сваживать с Кочуги ближе к жилью. Жена просит Аггея разрешения сходить ей к Валентину Россохину, потолковать «по-человечески». На днях Савельевна говорила:

- Избил Валентин мезоньку свою. Не простит она, ой, не простит!

Скор на помине Валентин Россохин. На крыльцо зашел, тяжелый дождевик с себя скинул, в избу ступил. Старший сын Аггея стул ему ставит. Валентин достаёт из-за пазухи бутылку водки, предлагает выпить. Аггей пожимает плечами, на жену смотрит: как и быть... И сено надо доставать, и пить - себя казнить.

- Ладно, - решается хозяйка, чтоб гостя не обидеть, - дочка, собирай на стол.

Выпили Лина с Валентином по стаканчику, закусили рыжиками, Валентин и спрашивает Аггея, а сам голову опустил:

- Видел, в Кочуге мой трактор рыбу ловит?

- Видел.

- Дак бери его себе. Хотел утопить, да омутом ошибся.

- Не обижал бы ты нас, Валентин, а? - просит Аггей. - Живём мы тише воды, ниже травы.

- Перестань, какая обида, - морщится Валентин. - Отдаю тебе и трактор, и косилку. Коси на здоровье траву своим баранам. Почему отдаю, спросите? А от даю - и всё! Ну, зароем топор войны?

Пробовал Аггей отговориться, мол, он в железе, как попугай на градуснике, понимает, потом, он никому топором не грозил, даже когда арабские наёмники дом сожгли... потом, кто поверит, что Валентин ему трактор подарил.

- У тебя хороший парень-крепьш поднимается, а ты со своим попугаем... хочет показаться грозным Валентин. Стал смотреть в потолок, потом опять опустил голову. Из потайного кармана куртки бумаги достал. - Вот тебе паспорт на трактор и на косилку на... Тут я написал, што дарю, и пошли они в баню!

- Ой, Валентин, Валентин, вот ты какой, а мы-то... мы-то всё боялись тебя, говорит Лина.

Подолом фартука вытирает проступившие слезы.

- Все мы всего боимся... - Валентин поднял опущенную голову и посмотрел на старшего сына Аггея цепким, все замечающим взглядом. - Спыхватимся, когда скатимся: надо вовремя заставить рылом хрен копать! Штоб дитёнок в одной упряжке с родителями шёл! А то: не ушибись, поспи, поешь посытнее, обутики не обутики, костюм не костюм, вот и вырос из сына свин! К тридцати годам научился стакан держать да на родителей плевать! - Валентин шумно и прерывисто задышал, усилием воли стараясь скрыть это. - Да-а... наливай, Лина, на другую ногу! Отец, царство ему небесное, торопыга был, сказывал: «Высоко поднял, да снизу не подпер», - подопрём мою волю. На горло наступят - шишок им под носок!

- Коли так, спасибо, - кланяется Аггей в пояс Валентину, - уезжаешь, что ли?

- Много будешь знать, скоро состаришься. И «спасибом» от меня не отделаешься. Ты мне слово дай, што вникать за могилкой попа станешь.

- Матерью клянусь!

ДВА ДЕДА

В ласковое майское утро мягко открылись небесные врата, и ангельские чины вежливо попросили свежую партию вновь преставившихся подготовиться правдиво отвечать на поставленные вопросы, не толкаться, соблюдать тишину. Сиреневый дым благовонных масел, разлитых в чаши, окутал всех. В первых рядах шагнул, должно быть, имея на то моральное право, профессор Матвей Созонтович Шишов. Рядом с ним стоял, вытянув дряблую шею, негритянский колдун; любопытство Матвея Созонтовича было столь велико - неужели есть чистилище, котлы со смолой, рай и ад, и прочее? - что все иные чувства улетучились напрочь. Любопытство разгорелось до такой степени, что, будь за небесными вратами клочущая пучина, он и в неё шагнул бы, и напрасно колдун совал ему в руки защитный амулет - косточку из хвоста павиана. Странная радость, схожая с ослепительной радостью упавшего с горы человека и не разбившегося: скорее! Скорее увидеть волю Божию во всей славе и мощи! В основе любопытства был заложен фактор признания за собой ошибочности прежних взглядов. Было отрадно: душа продолжает жить, и горько: он твердил и осуждал, твердил и доказывал, твердил и инакомыслящих хлестал ленинскими цитатами: Бога нет, мы дети обезьяны, всё поповские сказки. Ему верили, ему аплодировали, его награждали... признаться в своих ошибках, согласиться, может далеко не каждый. Михаил Михайлович Аршинов таким любопытством не страдал, в загробную жизнь тоже не особо верил, в очищение своей совести про себя рассуждал: «Я и молитвы-то ни одной не знаю. В бой пошел - «Господи, спаси и помилуй!» - вот и вся молитва. Нас не учили святых почитать, жил как все, что уж положат, на то и согласен»; он не спешил на Божий суд и правился в задних шеренгах. Конечно, если бы знал, что Митюха Шишоновк норовит и тут проскочить первым, он бы поднатужился напоследок. Это еще с какого боку посмотреть, имеет ли Митюха право притворно улыбаться Судье; так ли он ясен в своей непорочности? Еще, чего доброго, портфель у ангела носить будет. Независимый Мишка Аршин не пожелал бы мириться со столь оскорбительной заносчивостью недруга юности.

Матвей Созонтович Шишов жил в столице, преподавал в университете имени П. Лумумбы. Негритянские вожди и черные агаты-колдуны были его приобретенными братьями по долгу, по научной работе, по свирепым пляскам; их неистовое мычание заразило многих наших сограждан желанием отдать себя пустыням и нагорьям ради оазисов процветания угнетенной Африки. Михаил Михайлович Аршинов как вцепился за ржаную стерню, что за мамкину титьку, так и не отпу-

стился до последнего вздоха. Профессора Шишова, почетного члена нескольких иностранных академий, сразил недуг, именуемый ныне абракадаброй «Меланома кожи призрака коммунизма». Черный колдун умер от невыносимой муки в сердце: столько пещер разворочали, столько «на гора» подняли, приросли к твоему подолу, Русь! Рядовой колхозник Аршинов был далек от проблем мирового пожара, далек от щедрых вливаний в экономику развивающихся стран, ему что негры, что малайцы были на одно лицо: затюканные, бесправные и нищие. Наш народ одинаково роптал в адрес Никарагуа и Анголы: «Еще и этих корми». Народ ликовал, когда Никита Сергеевич стучал полуботинком по трибуне ООН: что, акулы проклятого капитализма, сожрали нас? Да мы!.. будет жить Россия! В День Победы старый вояка надраил единственную медаль «За отвагу», собирался идти на митинг к памятнику погибшим землякам, и тут увидел языки пламени за зерноскладом. Бывший рядовой, хвативший лиха в немецком плену, познавший штрафную роту и воркутинские шахты, бросился в последнюю атаку и погиб под обломками крыши. По всем статьям после регистрации в раю души Шишова и Аршинова должны были встретиться, чтобы или навечно разбредиться по дальним урочищам райских куц, или, простив обиды, никогда больше не разлучаться. Давным-давно яблоком раздора между одноклассниками стала Надежда Румянцева, впоследствии Шишова. За нее, обоими любимую, не раз дрались парни. Если Мишка норовил «заехать» в глаз Митюхе (не заглядывайся, не твоя!), то Митюха обязательно кровенил Мишке губы (не лезь целовать, не твоя!).

Со смертью профессора Шишова осиротел единственный внук, аспирант Егор Шишов, в иностранных академиях пролили траурную слезу, в курируемой им Эфиопии император съел восемнадцатую женщину. Молодой человек получил скорбную весть, находясь в Канаде. Естественно, он не мог кинуть горсть земли на гроб деда. Побыв в одиночестве среди крестов, памятников и могильных плит на русском кладбище, поклялся выполнить последнюю просьбу деда: отдать недругу юности дневники с воспоминаниями о предвоенной жизни, трактат о причинах поражения Антиоха Третьего Великого в Сирийской войне, взглядах ученого на классовый антагонизм и пр. Смерть колхозника Аршинова болью отозвалась в сердцах людей старшего поколения.

Прошел месяц. В кандидатской диссертации Егора Шишова намечился сдвиг от основной темы. Научный руководитель Шишова предложил внести в разработку «Торкретирование железнодорожных конструкций с помощью спектральных полей» ряд существенных поправок, а сам подался в кооператив «АНТ», впоследствии обанкротившийся на продаже оружия за границу. Изнемогая от тяжелой усталости, сорвал аспирант Шишов оковы обязанности к библиотечной пыли и городской жаре, решил будним днем утолить жажду одиночеством среди прелестных естественных пейзажей.

В деревне Заздравной объявился молодой человек огромного роста. Немного сутулый; у него был крупный нос, высокие скулы, глаза навывкате. Казалось, этот похожий на усталого бурлака человек ко всему относится с безразличием, даже когда говорит, смотрит куда-то в сторону и вниз. Равнодушные холодные глаза говорили о тлетворном влиянии Запада; по волости поползли слухи, мол, внук Митюхи Шишонка скоро получит Нобелевскую премию, а деньги отдаст на восстановление порушенной коммунистами церкви. Поселился парень у строителя Сабурова, племянника бабки Надежды. Первые три дня он бродил неприкаянным по наволокам, ближним лесам, точно снимал с земли и травы отпечатки босых ног деда, на четвертый принёс соседу Сабурову, любителю-пчеляку, рой пчел. Как привился рой на еловую лапу, так и принес его, водой обрызганный, на лапе.

- И не накусали? - удивился сосед-пчеляк.

- Я к ним с вопросом: «Кто в Киеве начал первее княжить и откуда русская земля стала есть?» - пока думали, и был таков, - ответил молодой Шишов, из чего у пасечника отвисла нижняя челюсть: да-а, башковитые эти Шишонки.

Выполнить завет деда не представилось возможности: адресат переселился в загробный мир.

Однажды...

Нет, погодите. Подать мороженое вперёд щей всё равно как спросить жену, износила ли она подаренные чулки. Как уже отмечалось, смерть колхозника Аршинова отозвалась в сердцах людей сталинского поколения. Это был поистине бык, покорно тащивший колхозный воз, слабо реагируя на эксперименты, производимые с сельским хозяйством. Он будто не замечал сменяющихся хлопотливых ездовых, отсутствие смазки в колесах, помощи других быков, испоганенной доро-

ги. С тех пор, как молодому теляти спустили лишнюю кровь (после «исправления» в своем плену ходил к прокурору просить выправить паспорт и за такую наглость схлопотал год тюрьмы), он крепко усвоил: клоч сена надо заработать. Неважно, сколько за труд начисляли копеек, в какую дыру ни совали - пахал до седьмого поту. Мало, очень мало осталось в колхозе простецких, зла не помнящих мужиков. Теперешнее семья хитроватое, стрессовое, ты его в постромки, а он обратно в избу к телевизору. Михаил Михайлович Аршинов оставил после себя достойную поросль: три сына, пять внуков и одна внучка. Внучка Галя к двадцати годам была красавица на загляденье. Она легко одолела десятилетку и тут задумалась: в институт или под коров? Полушария мозга не могли столкнуться. Скорее всего, виной стала наша разбалансированная экономика и хамское отношение к интеллигенции. В добрые старые времена было проще: при достижении шестнадцати лет дочь колхозника автономно считалась колхозницей. Ей не грозила беда потерять паспорт (колхознику паспорт не полагалось иметь), не пугали городские шалманы, отсутствовала погоня за модой. Ограниченные возможности, колхозный клуб, библиотека, свадьбы да поминки: мир хлопот начинался со ступенек родного крыльца и заканчивался на родном погосте. Теперь же пошёл перекос с детских лет: сидит парнишка на горшке, в голове потребительское свободомыслие:

- Дайте шоколадку, или замажу штанишки какой.

О, времена! О, нравы!

- Иди в контору, - сказала мать, женщина строгая и к воспитанию детей прилежная. - Столов там много, и тебе найдется угол.

В конторе колхоза «Заздравное» столов стояло много. Пять или шесть занимали счетные работники, два - экономисты, три - агрономы, три - зоотехники, нормировщик, лаборанты; в келье, похожей на собачью конуру, дремала кассир, бедным родственником у самого входа стоял столик единственного мужчины администратора - строителя Сабурова. Весь остальной штат, включая председателя колхоза, председателя профкома, секретаря парткома, троих кладовщиков и двоих ветеринаров, - женщины. Инженерные маги откололись от матриархата, в ремонтной мастерской у них было свое монастырское подворье. Новому работнику нашёлся краешек стола, отчего уборщица стала браниться: не проползти со шваброй. Определились со штатной единицей - секретарь-машинистка. Галя быстро научилась щелкать на машинке «Москва», стала почитать литературу о вычислительных машинах. Секретарь парткома завалила девушку перепечаткою докладов, протоколов партийных собраний, анализами и проектами. К моменту нашего рассказа Галя занимала выгодную строчку невесты с хорошим заработком. Дальновидный председатель в юбке заручилась ее обещанием поступить на заочное отделение института. Колхоз содержал ветеринарную амбулаторию и спецмашину при ней, ветврач часто подвергался испытаниям Бахуса. Он настолько проспиритовался, что ленился мазать спиртом кожу животных при инъекциях. Он плевал на пальцы, продергивал через слюну иглу, и на том кончалась всякая стерильность. В перспективе этого врача надлежало с почестями отправить на пенсию.

Колхозная контора - это кузня погоды и информбюро. Каждый день с восьми утра и до пяти вечера она похожа на муравейник, то приготовившийся к дождю, то празднично млеющий под негой светила. Рабочий день начинался с чая, легкого обмена семейными новостями, наведением художественных причёсок. С десяти до одиннадцати - надувание губ, расследование авторов слухов и сплетен. Около обеда - мировая. С двух по трех - обработка поступков и распоряжений председателя колхоза, идеологическая подпитка партгором, сбор новостей. Дальше чай, работа с документами, и в пять, с красными лицами, утомленные, все дружно хлопают парадной дверью. Вам непонятен термин «надувание губ»? Пожалуйста: это придиричивое, расхोлившееся тесто, опарой которого являются такие обидчивые вопросы: «А ты видела? А ты слышала? А ты чего делала? А он чего говорил?» Мировая - штыки в землю - на носу у кого-то день рождения. Все женщины дочери Евы. Кое-что, конечно, они писали и подсчитывали между делами.

Галя сидела на табурете за своей частью стола. Когда входили в контору колхозники, аппаратчики, как по команде, деловито зарывали носы в бумаги, пальчики Гали дружно отбивали дробь на партийном барабане.

Молодые парни глаз не сводили с машинистки. Дело в том, что Галя не любила танцы, концерты, эстрадную музыку, вообще считалась запечной девицей. Выманить её считать звезды или слушать перестук звонкого дождя - и не подходите, и не зовите.

Сегодня женщины мыли кости строителю Сабурову. По неясным причинам строителя не оказалось на службе. Этот старый мерин, вечно воняющий перегаром, не подал вчера главному бухгалтеру отчет о движении стройматериалов. Главбух метала грома и молнии, её заместитель предлагала выгнать бездельника; змеей шипела кассир в своей клетке. Общий гнев передался председателю.

- Галя, бери моего кучера и найди этого прохвоста, - распорядилась председатель.

Председательский кучер не сразу повернул ключ в замке зажигания. Он слегка выговорился по поводу председательши, вконец заездившей его, усомнился в целесообразности розысков строителя, сорвал злость на близко подкатившем к «уазу» юному велосипедисту.

- Пора вам мылить шею, Иван Иванович, - сказала Галя.

От этих слов и без того красная короткая шея шофёра набухла кровью. Иван Иванович нахохлился, сверкнул глубоко спрятанными зрачками.

- Бабье проклятое! - сказал сквозь зубы.

...Егор Шишов никогда не был робок с женщинами. Не горяч, не опрометчив, не пылкий поклонник дам. Тех, кто миндальничал с ними, испытывал даже магнетическое влечение души, он не понимал или не хотел понять. Он не слыл впечатлительным, готовым на безумие ради избранницы, не любовался прелестными созданиями; поухаживав на скорую руку, брал, что ему нужно, и охладевал. Женщины не были для него желанны, он ценил в слабом поле достоинство и кротость, подчинение, умение хорошо готовить пищу. Он не искал в лицах женщин непостижимых тайн, и красивые, и некрасивые, здоровые и не чопорные, молодые и не ханжи - попользовался и отвалил. На легкий стук в дверь Егор отложил журнал, встал с дивана. Вошла стройная девушка с лицом нежным и чистым, увидев застывшего среди комнаты высокого незнакомца, о котором полно разговоров, вспыхнула.

- Степан Ильич дома?

- Я за него, - ответил Егор, упирая глаза в пухлую розу губ.

Галя подозрительно прищурила глаза, несколько смутилась.

- Я серьезно. Некогда.

- Я сама серьезность. Так что изволит моя очаровательная соблазнительница? Если я предложу сегодня вечером встретиться у лодок?

Галя была ошеломлена. На какое-то время она будто онемела и была не в силах сделать ни одного движения. Эти наглые глаза, кислое лицо, уличная бесцеремонность (а по слухам, умом переплонул деда!) подвергли сомнению деревенские рассказы про церковь.

- Чего-о? Не ходко ли запрягаешь, соблазнитель? Кому ты нужен, вышка на ходулях! - парировала девушка. Она не возмущалась, она это сказала с таким безупречным спокойствием, точно готова была к ответу.

Это был удар ниже пояса. «Вышкой на ходулях» его дразнили в детстве дворовые пацаны, а тут совсем незнакомая девчонка не оставила безнаказанной дерзкую выходку, «погладила по шерстке». Но он стойко выдержал удар, от стыда не сгорел за совершенную бестактность.

- Неплохо! Очень даже неплохо! И как же вас зовут, храбрая амазонка? - Егор изобразил на своем лице простодушнейшую улыбку.

- Зовут зовуткой, величают уткой. Где Степан Ильич?

- Иду-у, - из чулана послышался недовольный голос строителя Сабурова. - Леший разорвёт...

Степан Ильич, прихрамывая, вышел к молодым людям с опухшим лицом и полотенцем на голове. Из-под закосматившихся бровей угрюмо смотрят глаза, в них читается какая-то неутолимая тоска. Пестрая рубаха застегнута на единственную пуговицу около пупка.

- Отчитываться папа римский будет? - строго спросила Галя.

- Отчет, отчет... Что за народ проклятый!.. Разорвало всю контору, да?

- И чего впускую ныть? Делу время, а потехе час.

- Она правильно говорит, - поддакнул Егор Шишов. - Так царь Алексей Михайлович поучал: «Ратного строя николиже позабывайте: делу время и потехе час».

- Скажи... скажи «иду-у».

Галя пошла из избы; как было сказано, Егор Шишов в обращении с женщинами предпочитал натиск цветам. Он попытался бесцеремонно силой задержать Галю, но та оттолкнула его, щеки её залились румянцем - «какой наглый идиот!»

- Да ты... чучело огородное.

Прелесть женских форм, колдовские чары грации свели с ума миллионы ры-

царей и обалдуев. Девушка была красивой, умной, идеалом мечтаний, но... грубой, закомплексованной. Смешанное чувство почтения, восхищения и любопытства. А как оглядела с головы до ног, с каким безразличием, точно столяр-гробовщик мерку снял - вот это-то и восхитило и потрясло Егора, должно быть, первый раз в жизни.

- Ты с ней того, - Степан Ильич кинул полотенце на стул, снял рубаху. - Накоптыляет. Это Галька Аршинова. - Полез в шкаф, ругает жену. - Замнёт всякий раз... Дед у неё был работяга-а... а порой - брызнет кулаком в морду, иди, жалуйся... Одену эту. Перебор вчера вышел с закарпатцами. Еще ногу подвернул, ступить не могу...

На вечеру Егор Шишов пришел к лодкам. Было их в одном месте восемь штук, из них три догнивали на берегу, а пять цепями привязаны к толстой осине, источенной короедами и жуками. День кончался. Солнце играло в поддавки с облаками; казалось, художник на короткий миг тронут отчаянным призывом сердца сохранить некое озарение, но миг проходит, сердце пеленает грусть, повергает в уныние, и он несколькими мазками прячет сокровенное до лучших времен. Егор бесцельно ходил по песчаной косе, поднял несколько раковин. Сегодня он пребывал в угнетенном настроении. Когда-то давно дед его, должно быть, так же стоял на этом месте и... «А что дед чувствовал, о чем переживал, о чем загадывал?... Он обязательно должен был чувствовать в себе потребность к анализу. Это вера. Это гармония природы. Да-а, а сегодня... сегодня я был полным идиотом, - на губах Егора застыла печальная улыбка. - Как она меня колыхнула!? - он стал осваиваться с чувством, сильно его взволновавшим. - Внучка соперника моего деда! Какое-то захватывающее путешествие во времени или ... веление судеб?» Егор как будто очнулся, но мысли его блуждали непонятно где. Воображение нарисовало образы спрятавшихся за облаками деда и Михаила Михайловича Аршинова; один с одного боку подсматривает за ним, а другой с противоположной. И лицо у этого Михаила Михайловича Аршинова точь-в-точь как у внучки. Он стал пристальнее вглядываться в небеса и поймал себя на мысли, что внучка Михаила Михайловича Аршинова отбирает у него смелость. И ему даже приятно от этого, ему хочется подчиниться ей. Ведь срезала, грубостью срезала его за хамство! «Зайду в реку и приму её веру. Веру предков моих. И сгорю, как мотылек, в пламени безумия. Дед, ты слышишь меня?... Обещаю начать новую жизнь. Брошу науку, брошу... всё брошу, остаюсь в колхозе и буду вкалывать на тракторе. Знаю, не одобришь. Между нами было много серьезных и долгих разговоров, ты всё учил меня, учил, а я вырос таким...»

Тем временем ночь отобрала у дня свет, пора было идти на ночлег, а он продолжал полемику с дедом. Вернее назвать это было вовсе не полемикой, а размышлениями о странных и не всегда понятных положениях. Сегодня он оказался безоружным сам перед собой; результаты самодействия только пуще разжигали в нем злость на самого себя. Он спрашивал деда, спрашивал себя: почему в нем оказалось много изъянов? Вроде утонченный ум, взыскательный к малейшим недостаткам, культурный и начитанный, ценит всё прекрасное, преуспевающий в науке, а такой хамоватый, невезучий в любви. Что это, каприз судьбы? Слепое подчинение прихоти?

А дед почти всё время молчал, и если говорил, то угрюмо, с видимым усилием. Таким он был последние три года. «Все заблуждаемся, - часто повторялся дед. - Заблуждаемся до безумия. Самонадеян ты, Егор, а это - одиночество. Велика лестница жизни, но лестница состоит из ступенек». Будничный непокойный деревенский мир, почти девственные светлые леса, говорливая река, общительные люди - всё исполнено интереса для городского жителя. Разве мог дух деда потерять свою субстанцию, свою самую большую для него родину? В деревне всё пронизано ощущением жизни и радости, а дуновение с небес - это послание предков. С самой высокой ступеньки лестницы.

Что же делала в этот час Галя Аршинова? А лежала на кровати. Шла сто тридцать первая серия «Санта-Барбары». «Прясло! Соблазнительницу нашёл! Сейчас, на шею ему брошусь. Ученый еще... Все вы, Шишонки, такие нахрапистые», - Галя невнимательно смотрела надоевшую мыльную оперу. Она старалась не думать о Егоре Шишове, но сознание причиненной обиды (её еще никто не пытался лапать и тем паче лапать в присутствии людей) не покидало её.

Разболелась нога у строителя Сабурова. Председательша колхоза вошла в понимание, велела дома ногу лечить. День в сенной трухе парит, а жена зудит:

- Люди-то косят да косят, у тебя вечно когда ехать, тогда и телегу ладить.
- Отвяжись-ко, жёнка, - неохотно отвечал Степан Ильич.

Охота женщине впрячь в работу гостя городского, эдакой силищи молодой молодец, да он бы сена выметал не один зарод, только знай подхваливай. Потому и бросает на мужа косые взгляды, дескать, сам не шьешь не порешь и возможность хорошее сено выставить упустишь. Что он тебе, год жить будет? Накупается в реке, по лесу набродится - и поминай как звали. В ее словах было столько правоты, что Степан Ильич чувствовал себя неловко. Деревню обняла страда, она заставила множество разных и противоположных миров маленького человеческого общества мыслить одинаково, двигаться быстрее, думать спорее и даже торжественнее и хлопотать с заботой не столько о своем клочке сена, сколько об общем стоге. Никогда не свободен мужик. Он как муха, привязанная на нитку: жужжит и летает около своего дому, огорода, поля, а нитка всё крепче год от года. Стал Степан Ильич косу насаживать, косовище испортил, кинул в сердцах в крапиву и долго сидел молча на скамейке у стены. В глазах навечно прописалась всё та же неутолимая тоска.

Помолодел день. Егор сходил за водой на речку, ополоснулся и теперь старался думать о том, как он будет жить иначе, с чего начнет, так сказать, исправление. До сих пор он делился мыслями только с дедом; размышления шли вяло. И те мысли, что посетили его в этот час, путались, выпадали, как из дурного набора. Было забавно от услышанного обращения Степана Ильича к супруге - «жёнка»: «Угловатое обращение. И подмаргивал».

- Пособи, - говорит Степан Ильич, - сковылять до Елены.

Пробовали рядом идти - не получается: голова Степана Ильича под мышку упирается Егору. Посадил Егор родственника на закорки и понес.

Елена Аршинова - костоправ известный. Для нее не существует чужой боли, она её на себя переводит. Раз воз льнотресты кляли, пьяный тракторист не по-сигналил, подал трактор. И упала Елена с самого верха на голую землю. Долго в больнице лежала, всё нутро отшибла. Смерть загадывала: как с возу летела - не помнит, а как звездой человеческой, свет сеющей, полетит - видела. От самой земли след красный начинаться будет, чем выше по небесному морю, тем гуще и ярче след разгорится, облака округлогрудые раздвинет, а как достигнет таких высот, с которых земля еле видна станет, так заснёт и будет плыть в великой любви. Не будет ей преграды, никакого знака не будет, а в сознание будет заветное желание: люди, дорожите жизнью! Мало людей в чудеса верит. После пережитой беды что-то случилось с Еленой, будто солнце огненное заглянуло в её сердце и одарило силой врачевания.

Они застали Галю за столом. Девушка торопилась на работу. Увидев мужчин, она покраснела до самых плеч, белевших в вырезе платья, ниже склонилась к столу и едва не выбежала прочь. Мать поняла состояние дочери, велела мужчинам покурить пока на крыльце.

- Притащился, - сдерживая волнение, сказала Галья.

- Вон он какой... не в дедка. Прясло, господи, под матицу. Дедко у него небольшой был ростом, кражистый, - сказала мать. - Говорят, жёсткий был.

- И этот... Выпучил глазищи-то.

- Не давайся, успеешь.

- Притащился... Пусть бы смотрел, назло бы с час проела.

Мать рассмеялась, прижала голову дочери к своей груди.

- Какая ты у меня... а вот возьмет да украдет тебя этот Шишонок, а?

- Мама! Ты никогда, никогда... слышишь?

Встали кости на место в покалеченной ноге Степана Ильича. Наложила Елена тугую повязку - на повязку пошел её шерстяной платок, велела Егору на спине нести Степана Ильича, чтоб «не намять воспалившуюся холку».

- Нет худа без добра, Степан. Смотри ты, как короля тебя на горбу через всю деревню несут, - низким голосом рассмеялась Елена.

Обращалась к Степану Ильичу, а сама как бы равнодушно и вяло разглядывала застывшего рядом Егора. Еще будучи малолетней, несколько раз видела Матвея Созонтовича Шишова; нет, этот чужой и далекий, и нет ничего общего у деда с внуком. Такой нескладный, такой смешной... Егору неловко. Подсознательно чувствует, что его изучают; было и загадочно-ново, и хотелось предстать на своеобразных смотрах с самой выигрышной стороны. В открытое окно лился воздух, замешанный на нектаре спелых трав, по деревне шли на сенокос люди и смеялись, и туда-сюда мелькали кошачьи глаза настенных часов-ходиков.

- Правда, что у нас церковь поднимать станут? - спросила Елена Аршинова Егора.

Егор пожал плечами, недоуменно покосился на Степана Ильича: откуда такие

слухи? Словно не осознавая неловкости своего положения, глянул в наивные глаза за женщины глубоко и спокойно и как-то повелительно ответил:

- Нет.

- А жаль. Начать бы, а там всем миром, глядишь, и подняли бы.

Ближе к вечеру Степан Ильич говорит Егору:

- Учись-ко, Егор, крестьянствовать, под старость кусок хлеба. Надо бы Аршиновым помочь с сенокосом. Баба вдовая, но честная. Очень хорошая баба. Нашел бы ты такого Ивана Ивановича, жирный такой шофер председательский, да столковался с ним наволок у них подшибить. У него свой трактор и косилка свои делов-то - начать да кончить. Глядишь, и в честь войдешь, а?

- Что ж, резон есть, - деловито ответил Егор. - Как я покос ихний найду?

- Да он сам найдет, не первый год замужем. Вот сторговаться... Скрыга Ванюха. Выпить не дурак, но на чужие. Ты на реку с подозрной трубой ходишь. Отдай ему.

- Степан Ильич, эту трубу мне подарил в Канаде потомок русских князей Торговых. Сами посудите...

Степан Ильич многозначительно посмотрел на Егора.

- Девка у Аршиновых дорогого стоит.

- Без меня меня женили, я по рыжики ходил, - засмеялся Егор. - Дед, бывало, пел под настроение. На гармошке играл - медведь на ухо наступил, а пел озорно.

Наволок Иван Иванович выкосил ближе к полночи. Подозрную трубу за работу он принял неохотно. Кабы, сказал томным, даже болезненным голосом, по-видимому, уже сразу забыв о трубе, миноискателем расстараться, я бы без всяких разговоров... мог бы (поглядел по сторонам и шепнул) готовых тюков сена штук пять ночью катнуть в огород. Вон их сколько на поле лежит, кто считал.

- За рекой хутор богатый был, похерили его большаки о тридцатом годе. Так, рассказывают, дом самого богатого мужика сгорел. Еще до раскулачивания. И будто бы было две доли золота. Брата да сестры. После пожара долю сестры нашли погорельцы и снова дом закатали на те деньги, а доля брата... понял?

Ночью перечитывал дневник деда. И было немного стыдно: хвалился дед знатно. Он редко оказывался вровень с Мишкой, превосходил того в силе, в усвоении уроков, был ловок во всем. Стоило Митюхе Шишонку растянуть меха гармошки, как девки валом валили спеть да сплясать. По-видимому, молодой Матвей Созонтович был лишен честолюбия. На людях, как правило, пренебрегал Мишкой Аршиновым, никогда «первым не затевал ссоры и только давал сдачу», во всем старался поучать «худоумого» Мишку жить. «А хороша же эта Галя Аршинова, дед! Чертовски хороша! Хороша, да... не моя. Жаль», - закрыл толстую тетрадь и пошел прогуляться.

Два дня прошло, с неба не капнуло. Степан Ильич подкосил свой наволок. Ну, говорит Егору, сначала Елене пособим сено выставить, потом свое подоспеет.

- Я так заключаю, Егор, что в глубине души ты рад бы с девкой ихней поближе сойтись, или боишься её, или с какого краю ухватиться, не знаешь. Ты городской, ученый, а она что, деревня. Или с душой своей не в согласии живёшь, или другая краля в Канаде осталась?

«Сват тоже мне, - эта мысль почему-то больно подействовала на самолюбие Егора; в его глазах Степан Ильич из добряка превратился в балаболку. - Погоняет, будто сам не разберусь».

Медленно росла любовь Егора. Степан Ильич старался всё время сделать так, чтобы молодые люди вместе загребали сено, вместе обнашивали его к зароду, а Егор намеренно отходил в сторону, на приглашение «позалоговать» отказался и лежал в стороне на свежем сене, смотрел в небо и кусал травинку. Вот его дед пытался открыть для себя радостный смысл, что есть в жизни, падал и поднимался, - разгадал или ушел в глубокую беспредельность непонимающий? «А была ли в твоей жизни сумасшедшая от любви женщина, гордая и счастливая?.. Только врать, дед, не надо. И в моей не было. А хотелось бы... Несчастный я человек. Жил я жил, себя не казнил, а теперь вот сам сатана, не иначе, пожелал искушить меня. Еще ты со своими откровениями... Хотя какое искушение? Блажь. Разгоряченное воображение. А если не блажь, если хочется мне, дед, любовь познать? Ведь могу же я принять эту чистую девушку, как не землей рожденную? Могу. Я спрячу за обширность этого понятия много слов, которые скажу потом. Сейчас я томим одним желанием: пусть она хоть на минуту захлебнется душевным волнением, улыбнется мне своим сладостным ртом... Пока хватит. В общем всё выглядит благополучно, даже прекрасно. Степан Ильич постарался на славу, а я - прошлый раз дурак, сегодня - индюк. Но ведь она совсем меня не знает! - и до самого

дна колыхнулась душа: - Она меня полюбит!»

- Он всегда такой нелюдим? - тихо спросила Елена Степана Ильича.

- Может, какая идея прикачнула, мало ли...

- Гляжу в окошко: лучики ярь протыкают небесную. Все думы-то, как с сеном убардовать, какой сон. Гля, он идет. Встал столбом против наших окон, руки в карманах, и стоит. Мне, Степан, не по себе стало. Долго-о стоял. Потом засвистел тихонько и пошел.

- Знать, свою весну еще не высвистел.

- Ветерок похаживает... Галя, на зарode постоишь? - обернулась к дочери.

- Мам, настою худо, потом ругать станешь. Да и форма...

- А ведь говорила, не раз повторила, что штаны возьми! Чего не загораешь-то?

Стесняешься?

- Вот еще!

Галя, как назло матери, скинула легкое синенькое платье, осталась в одном купальнике. И пошла загрэбать сено.

- Ох, и аппетитная у тебя девка, Елена! Аж дрожь...

- Не умри хоть, то и зарод не вымечем. Гля, родня-то твоя... ожил.

Заторопились. Широкая туча медленно выползала из-за зубчатой лесной гряды. Спокойным, переливающимся гулом туча поприветствовала людей.

- Эх, не домечем!.. Доча, собирай кучнее! Не носи сама, наваливай, наваливай Егору-то! - закричала сверху зарода Елена.

Тут и пришел час Егора Шишова! На вилы берет - худой лошаденке не утащить, да все бегом, да с энтузиазмом, на какой был в тот миг способен. Он чувствовал, он знал, он видел: Галя восхищается им! Глаза её, полные блеска, смеялись, и вся казалась богиней, - так дивно прекрасна собой. Замерт на миг, всматриваясь в тучу, и устыдится своей наготы; сбегала к оставленной на меже сумке с едой, надернула платье. Причудлива природа любви, как много она зависит от внешних условий. Туча сослужила добрую службу.

Когда над сенокосом ядовито прошипела первая молния, Елена спускалась с зарода. Степан Ильич и тут намеренно кликнул Егора, мол, принимай, как да не удержу. И Елена будто ждала этого, без приберегу упала на руки Егора. На ноги встала, сарафан закатавшийся оправляет, виновато улыбается в потоке умирающего солнца:

- Чужое выставил, Степан, а свое замочил.

- Кто смочит, тот и высушит. Авось пронесет мимо.

- Дай Бог, дай Бог!

Спит и не спит Елена; устала. Сидит на кровати, в окно на улицу смотрит. За окном белая ночь. Большой зародище сена наметали - довольна душенька, у Степана сено замokло - жаль. Представляет, как раздосадованная «жёнka» готова с живого мужа кожу содрать. Ревнует она Степана к ней, ей бы только к чему-нибудь прицепиться. Один раз при всем народе закричала на Степана: «Так иди к ней! Иди да и живи! Я ведь старуха, тебе на ночь двух молодух мало!» Некоторое время после наскоков жены Степана места себе не находила, всего стала бояться. Ей стало казаться, что Степанова жена улучит момент, или дом подпалит, или её отравит. Или корове сунет с хлебом какую заразу... Однажды разрыдалась у своей бани; был поздний вечер, Гали дома не было, и стесняться было некого. Судорожные рыдания её как бы отдельными взрывами, то замирая, то усиливаясь, будили безмолвную деревню. Много невысказанного накопилось, вдовья лямка соленая. Немного успокоилась, слезы вытерла, подняла склоненную на руки голову и отчаянно вскрикнула: стоит Степан в нескольких шагах и устремил на неё неподвижный взгляд. «Скажи, - сказал, - приволоку вражину и заставлю прощения просить». - «Шальной мы народ, бабы. Ой, шальной. Вдвоем остались, и сын своей семьей, и дочь своей. Живи бы теперь да радуйся, в заботе друг о друге пребывай, а она каприз строит. Не мужик - золото, а цены этому золоту не ведает. Пятьдесят Степану в Ильин день... Боже ты мой, пятьдесят уж!»

По середине деревенской дороги идет, заложив руки за спину, Егор. Свернул к Аршиновым и стоит, сутулясь, на дом смотрит. Елена подалась к самой раме. «На свидание пришел... а доча спит. Будет свистеть или нет?.. Лучше бы посвистел. Соловьем. Любила я слушать, как Игорь свистел. Не плыть бы тебе, Игорь, пьяному тогда за реку...» В горнице скрипнули половицы, потом отворилась оконная рама. Как встрепенулсЯ Егор, как бросилсЯ под самую стену!

Шепот. Сердце Елены тревожно забилося. Она прислушивалась, пугаясь своих мыслей: как да ПУСТИТ дочь Егора?.. Она прислушивалась к ударам собственного ускоренного пульса. Напряжение становилось невыносимее. Рама раство-

рилась шире - петельки ржавые, и сама рама покосилась немного от времени. «Пустила-а, эх...» Опустила голову Елена, обидно стало за дочь. Заплакала. Поднимала, заботилась, и получай, мать, подарочек. «Что же ты, Галюшка, делаешь? Где же гордость твоя девичья?...» Подняла голову - серединой улицы несет на руках Егор её доченьку! «Святая Богородица! Так-то лучше, - облегченно вздохнула, слезы отерла, лбом к стеклу прижалась. - Не урони. Прижмись к нему, доча, ухватись за шею и не отпускайся до самого последнего вдоха. Так-то лучше... Не посвистел - в двадцать шесть свистят редко».

День жаркой погоды - подоспел сенокос у Сабуровых. Жёнка Степана Ильича выкидала из подвала грабли да вилы, встала к углу избы, глаза в землю уронила. Спросил что-то муж - вспыхнула лицом, глаза беспокойно забегали по граблям да вилам. Еще спросил - загорелась лицом, начала хватать грабли да вилы и кидать их без приберегу обратно в подвал. Злая улыбка пробежала по губам и искривила их: повернулась на мужа и закричала:

- Да пропади оно всё пропадом! И хозяйство, и корова, и всё пропади!

Ушла за избу.

Степан Ильич с отчаянием покачал головой, стал доставать из подвала инвентарь.

- Потопали, - говорит Егору. - Елена обещалась, упарим. Ничего-о, не первый раз, перемелется. Такое с бабами бывает, когда работа за работу берёт, роздыху не дает.

Не просказался Егор, что и Галя обещалась прибежать помогать. «Ужо мамка наша в банк уедет, вся контора и разлиняет по своим сенокосам». Отдал он Гале дневники своего деда.

Приносит почтальон Егору срочную телеграмму. Надо немедленно ехать снова в Канаду. Торопит декан университета. Попросил Степана Ильича уговорить председательского шофера свезти его на станцию, а сам поспешил к Аршиновым. Встречает его на крыльце Елена. Нет, говорит, Гали. Видно, до подружки ушла в другую деревню. Недоумевает Егор: полчаса назад Галя шла от реки с бельем, какая подружка? Чует обман в словах Елены. И пустой, ничего не выражающий взгляд, свойственный ему прежде угрюмый нрав прокладывают обратный и растрепанный след по раненому сердцу, крушат хрупкие этажи неокрепшей любви, питающие причудливую природу сжигающего влечения. Чувство собственного достоинства способствует тому, что он испытывает враждебность к Елене. И чувствует как бы освобождение от принятого перед дедом обещания. Потоптался, сдерживая рвущееся наружу бешенство, на окна посмотрел, идет деревней обратно, затылком чувствует, что люди шепчутся про него, знают то, чего не знает он.

Дорогой Иван Иванович настойчиво просил «присмотреть» миноискатель. Пусть никому не нужный, ржавый, лишь бы «золотишко» нашел на хуторе.

Билет на поезд купил, сидит на широкой вокзальной скамье. Обидно. Вроде всё ладно у них с Галей складывалось; он был с ней любезен, что ни день, то всё любезнее. Если по инерции говорил что-то на его взгляд нехорошее, тут же поправлялся: «Извини, пожалуйста». Даже самому было приятно и вызывало мысль о том, что быть приятным очень даже выгодно для мужчины. Не стремился увенчать встречи успехом, придумал себе непритязательную сдержанность и радовался, что девушка привязывается к нему. Правда, целоваться была категорически против и говорила мало, выпрашивала про Канаду, а вот купалась с азартом. Сидели рядышком и, прижавшись друг к другу, рассеянно смотрели на реку. Галя вспоминала, как дружила с девчонками в школе, а теперь почти все девчонки разъехались. «Закинет руки за голову, потянется и, извиваясь всем телом и выставя вперед груди, мечтательно скажет: «Пожить бы на юге... печь топить не надо, дров не надо, с дивана не сошла бы».

Белобрый милиционер позвал Егора пройти в дежурную комнату милиции. Екнуло под сердцем: за что берут?... Подает ему милиционер телефонную трубку:

- Недолго.

Приложил трубку к уху, гадает, кто его вычислил на далекой железнодорожной станции.

- Слушаю. Шишов.

- Твой дед был хвастун, наглый и презренный пошляк! Да мой дед!.. Мой дед под Воронежем остался в живых один от роты, но никогда, слышишь, никогда не трепал языком на каждом углу, как он храбро воевал. Он делал свое дело! А твой... твой голода не знал, фронта не видал, бахвал! Негритянками толстогубыми не брезговал, какой ужас! Распутник! Чем гордится твой дед? Или он хотел даже

перед смертью доказать моему деду, как преуспел в жизни, а ты, Мишка Аршин, был недотепой, недотепой и остался? Удивил Сирийской войной... Стратег какой выискался, усомнился в духовной самого Мономаха! Самое место твоему деду искать копи царя Соломона. На пару с кучером нашим Иваном Ивановичем. Схватил, повалил, ему девки рады-радешеньки!.. Чего молчишь?

- Я весь во внимании.

- Яблоко от яблони недалеко падает. И ты... вы с дедом своим переучились на другую сторону. Я весь энциклопедический словарь перекопала, на Марсе, что ли, собираешься строить железные дороги?

- Ну, знаешь!..

- Знаю!

- Галя, прошу тебя: гни, да не перегибай. Скажи, что конкретно ты имеешь против меня? Это наш последний разговор?

На другом конце провода послышались всхлипывания.

- Егор... воротись.

- Не могу. Надо ехать.

- Если не вернешься, то... прощай навсегда!

Трудно распознать женщину; нехоженой тропе, которая когда-то выводит к цели, высокой надежде, ликующему торжеству, прекрасным истинам, что собрало человечество за тысячи лет разума, всецело ни ангелам, ни работе не отдает себя мужчина, - через чины и богатство ступая, приносит сердце свое в жертву беспощадной страсти. Оправданно ли это - время и только время даёт ответ.

Божественна и драгоценна любовь!

Павел КРИВЦОВ. Всю жизнь вместе. СИДЕЛЬНИКОВЫ Иван Афанасьевич и Мария Фёдоровна из села Верхопенье Ивнянского района Белгородской области (1985)

ШИФРОВАЛЬЩИК РОДОВОЙ ПАМЯТИ

70 лет Владимиру ЛИЧУТИНУ

Важнейший топос, необходимый для понимания творчества Владимира Личутина, - «раскол». Причем это далеко не только церковный раскол, произошедший в России XVII века. Личутинский «раскол» - понятие метафизическое. Он пролегает через душу каждого отдельного человека и отражается в языке. «Раскол» - ежеминутная борьба между полюсами добра и зла, правды и кривды. Это искушение, которое испытывает как человек, так и общество.

Духовное «странничество» и «скитальчество», «раскол» общекультурный и проходящий глубоким рубцом по душе человека, бесприютность, неустроенность оторванных от почвы героев, являются отличительными особенностями личутинского творчества.

В одном из своих интервью Личутин сказал: «Человек очень падок на все похотное, сладкое, слизкое, темное. Почему и необходим ему в душе Бог: чтобы обуздать в себе разложение». Еще Отцы Церкви учили, что с этим сладким и в то же время темным необходимо вести неустанную духовную брань, иначе поскользнешься и взор, мысли твои замутятся слизким и будешь весь мир воспринимать сквозь эту уродующую призму. Бранится Личутин с этой силой, с этими соблазнами своими текстами. Пытается устроить препоны обворожительно-любостая, который через приятные посулы толкает на похоть.

Грех и страсть возникают в человеке медленно, троянским конем прокрадываясь в его стан и постепенно огнем тлетворным разрастаясь. Эти ступени разжигания страсти отлично описал в своем монастырском уставе Нил Сорский. Процесс этого внутреннего раскола и постепенного

разрастания греха исследует и Личутин в своих книгах.

Личутинский герой находится в состоянии борьбы с «вечным бессонным медведем» в своей груди: «Наверное, в каждом из нас, как в плотном запертом срубе, сидит медведь и ждет своего часа, но стоит лишь дать слабину, приотпахнуть кованую дверцу, приотпустить цепи, тут и заломает черт лохматый, подомнет под себя божью душу, выпустит дух вон» («Беглец из рая»). Чтобы не заломал он, не расколол, будто через коленку, тебя на части, нужно стеречь его, постоянно памятуя о нем, об опасности, о возможности внутренней смуты. В каждом должен быть в силе этот «сердечный страж», который не даст лохматому воли. Как только страж слабеет, так сразу раскол и смятение называют.

Вот и смотрит писатель на этих бесстражных людей, которые «внутреннего медведя» на волю отпустили. От вольнодумца-фармазона, распространителя неверия и нигилизма, до «Беглеца из рая». Глаза их слизью заволокло, а ум разложению подвергся.

Для усиления эффекта в эпицентре внимания Личутина, как правило, находятся узловые пограничные этапы отечественной истории, когда происходит трагическая ломка коренного традиционного быта, трансформация нравов, надлом нации. Один из таких периодов - церковный раскол XVII века и история старообрядчества. Церковная смута, приведшая к расколу, задела все стороны русской жизни - от бытовых мелочей до системы духовно-нравственных ценностей. С ним страна сбилась с прежнего пути, заблудилась, расслоилась. Один ее полк странствует в поисках легендарного Беловодья, другие - в

Владимир ЛИЧУТИН. ФОТО АЛЕКСЕЯ КОЛОСОВА

отсутствии четкого целеуказания скитаются в беспутье. Этому посвящен роман «Скитальцы», где внимание выходца из мезенского поморского рода привлекли нравственные искания старообрядцев начала XIX века и, конечно же, троекнижие исторической эпопеи «Раскол», которое еще ждет своего внимательного и вдумчивого читателя-исследователя.

Собственно, продолжают эту тему и романы о надломе, «расколе», произошедшем в конце XX века. «Миледи Ротман», «Беглец из рая»... Драма, разыгравшаяся на наших глазах, будет иметь еще большие катастрофические последствия, чем никонианские нововведения. Если там речь шла об изменении уклада, нарушении неразрывной связи с прошлым, то сейчас может идти разговор о потере собственной идентичности. Ванька Жуков уже даже не по собственной воле станет Ротманом, и тот внутренний медведь, сидящий в нём, распоясается и вырвется на волю, всё круша, и исторгнет человека окончательно из рая, лишит всякой надежды о нём. Именно этот разговор, это свидетельство крайне важно сейчас, на изломе тысячелетий, веков.

Сам Личутин далеко не раскольник, он избрал охранительную традицию и, скорее, старообрядец. Он засел в своем храме, замкнул ворота и выдерживает длительную осаду веяний времени, модернизации, периодически палит из пушек, когда ряды противника чересчур сомкнулись там, внизу, на приступе.

Фармазонам, которых в изобилии наплодило наше время, противостоит «старовер» Личутин. «Старовер» - не в смысле принадлежности к традиционным раскольникам, а по отношению к великому коренному перелому, расколу XX века, в истории народов и душах людей. У него и принцип жизни, близкий к раскольникам XVII века, который состоит в максимализме веры - отстаивании своей позиции, бескомпромиссности, способности к самопожертвованию, добровольному горению заживо. Писатель как будто задержался где-то в истории, отошел

в сторону от ее магистральной линии и постоянно экспериментирует с машиной времени.

Его учение, скорее, не сотериология, а эсхатология. Он не призывает к самосожжению, но видит постепенное тление, убывание мира, который разъедается грехом. «История эта началась смешно, а кончилась - грешно» - с этого начинается «Фармазон», и этим уже многое сказано...

Традиционное для русской литературы, особенно второй половины XX века, противопоставление город - деревня реализуется у Личутина, как правило, через понятие «язык», который в представлении писателя есть не что иное, как «душа русского народа».

Язык - хранитель коренной, родовой памяти нации. В городе язык забывается, коверкается, задача писателя - восстановить забытое, «подписать», оживить его.

Язык плотно связан с феноменом крестьянства, деревни, что утверждает его связь с землей, с почвой. Это естественный фон жизни, животворящий источник, который питает слово почвенными, родовыми токами. В городе язык насыщается, как правило, жаргонными выражениями, специальной профлексикой, многочисленными заимствованиями - портится, замутняется. Деревенское - родник, который не дает языку измениться принципиально, до неузнаваемости потерять свой облик. Это источник его вечного обновления. Здесь вырабатываются особые «желудочные соки» для переработки или отторжения всего наносного, даются силы для борьбы против языкового раскола.

У каждого слова есть свой шифр, в котором «зашифрована история рода и народа, но мы принимаем его как божественный дар, в нем таится нрав и норы, психология, заповедальность, союз земли и неба» («Слово о «бессловесных»»). Но слово не только заключает в себе память, но и формирует современную жизнь, предбустраивает будущее. По тому, какими общество изъясняется словами, можно с большой долей вероятности говорить об его будущем.

Бранное слово - гнилое, оно растлевает человека, производит в душе его раскол, смятение. Чистое, родниковое - лечит, становится молитвой. Поэтому и Личутин ощущает себя одним из когорты языковых праведников, которым спасется целый город.

Едва ли можно писателя воспринимать ряженым во псевдоэтнографические одежды, его книги - соты, в которых в избытке содержится мед коренного глубинного русского слова, сохранен высокопоэтический строй церковнославянской речи. Его не будешь читать походя, в транспорте, в метро, но всегда - уединенно, устраивая духовные пированья и излечивая языковым личутинским эликсиром свою растерзанную ежедневной суетой душу.

Личутин - дремуч, для кого-то неудобоварим, для кого-то слишком экзотичен и всегда поперечен. Но в его извитии словес есть особый смысл - через языковые лабиринты текста пытливый читатель может прийти к

себе настоящему, оторгнуть внутреннего медведя и любостая внешнего. Его тексты как одна особая магическая формула, при считывании которой создается ощущение, что прикоснулся губами к прохладному и чистейшему родниковому источнику. Много из него не выпьешь, но припадать все же надо, иначе задохнешься, иссохнет горло.

Владимир Личутин уже давно в Москве, но удивительно, как он не откололся от своего прежнего, какой коренной твердью стоит перед любым надломом, никогда не теряя связи с благотворными энергиями Севера - единого тысячелетнего тела России, не повергнутого ни смутой, ни расколом, отторгающего любую напасть и душевную хворь. Конечно, тянет его обратно, тоскует он по деревне, и тоска эта мобилизует на творчество, на духовную брань.

**Андрей РУДАЛЁВ,
г. Северодвинск**

ОБ АВТОРЕ

Андрей Геннадьевич Рудалёв родился 10 июня 1975 года в городе Северодвинске Архангельской области. Публицист, литературный критик. В 1997 году окончил филологический факультет Поморского государственного университета. С критическими заметками выступал в журналах «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Октябрь», «Москва», «Континент», «Наш современник», «Урал», «Двина» (Архангельск), «Север» (Петрозаводск), «День и ночь» (Красноярск), «Аврора» (Санкт-Петербург), сборнике «Новые писатели» (выпуск второй, Москва), газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Завтра», «День литературы», «Экслибрис НГ». Член Гражданского литературного

форума. Живёт в Северодвинске.

В четвёртом номере «Вологодского ЛАДА» за 2009 год был опубликован диалог критиков Андрея Рудалёва и Капитолины Кокшениёвой.

ВОТ ОБРАЗ РОДИНЫ МОЕЙ...

**НИКОЛАЙ
ЗИНОВЬЕВ**

Поэт из Краснодарского края, родился в 1960 году в станице Кореновской. Учился в ПТУ, станкостроительном техникуме, в университете. Работал грузчиком, бетонщиком, сварщиком. В 1987 году вышла его первая книга стихов. В 2005 году ему была присуждена Большая литературная премия России. Стихи краснодарского поэта часто печатаются в журналах, они быстро расходятся по стране без всякой рекламы по радио или телевидению. Валентин Григорьевич Распутин сказал о поэте: «В стихах Николая

Зиновьева говорит сама Россия».

Зиновьев был участником секретариата Союза писателей России в Вологде в декабре 2005 года. Публикуем подборку новых стихов поэта, присланную

Николаем Зиновьевым специально для нашего журнала. Это - уже вторая публикация поэта из Краснодарского края в вологодском журнале.

*Убогие, ветхие кровли.
Плывущий, касаясь земли,
Печальный закат цвета крови
Расстрелянной царской семьи.*

*Откуда сравнение это?
Не знаю природы его.
С того оно, с этого ль света?
Оставим вопрос без ответа.
Но знайте, что в строчках поэта
Случайного нет ничего.*

РОССИЯ

*Я вижу женщину, на ней
Пылает платье на ветру.
Она бежит, бежит к пруду -
Вот образ Родины моей.*

*Боль передать нельзя словесно,
Кто чиркнул спичкой - неизвестно,
И мысль, сводящая с ума:
«А может быть, она сама?!»*

НЕВЕДЕНИЕ

*Суперлайнер по курсу летел
И в салоне: кто тихо храпел,
Кто разгадывал глупый кроссворд,
Кто-то пил понапрасну лекарство.
Ведь не ведали люди, что борт
В двух часах от Небесного Царства.*

РЕКВИЕМ

*Слова сочувственные лживы.
Не выбраться из колец,
Ведущей в ад, когда чужие
Стоят вокруг. Одни чужие.
Чужие все. Даже свои.*

*Ты меня безрассудным не числи
И безумие мне не пророчь,
Если поиск спасительной мысли
Занимает и день мой, и ночь.*

*... Ночь глядит
сквозь квадратики стёкол.*

Полетав со звезды на звезду,
Мысль, как на руку ловчего сокол,
Возвращается снова к Христу.

Накатило. Опять накатило.
Кровь пульсирует в яблоках глаз.
Богатырская страшная сила
Из душевных глубин поднялась.

Вырвал с корнем я дуб у дороги,
Ну, всей нечисти дам я раз!/
Нечисть тут же мне рухнула
в ноги,
И... проснувшись, открыл я глаза.

А в глазах вопрос простой:
«Вещий сон или пустой?»

НАРОД - ДИТЯ

Он давно не видел пряник,
Всё то кнут ему, то - клеть.
Много терпит он от нянек.
Не пора ли повзрослеть?

Стать умней, ну хоть немного,
Чтоб понять, где друг, где плут?
Ради жизни, ради Бога.
Тщетно. Няньки не дают.

В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

По Земле рассветным часом,
С похмела чертовски злой,
Меж Венерою и Марсом
Дворник шаркает метлой.

Не дружил вчера он с мерой,
Потому такой и вид.
Между Марсом и Венерой
Перегашищем разит.

Между добром и злом
Всегда должна быть пропасть.
Увидел мост - на слом,
Тут неуместна робость.

Но рухнет в бездну мост
Иль сам в неё сорвусь?
Вопрос совсем не прост.
Ну, вот. Уже я мнусь.

Часок - и я готов,
Себя мне очень жалко.
Что нет таких мостов,
Доказываю жарко.

ПОЭТ

Поэт и слава. Врозь их нет.
Уж такова его природа.
Но трижды славен тот поэт,
Кто ищет славы для народа.
Но чтобы стать таким поэтом -
Рекомендаций никаких.
Лишь стих.
Обыкновенный стих,
Но озаренный Божьим светом.

Наше время - время крови,
Дышат злобой наши дни.
Ничего не слышу, кроме
Визга жуткого: «Распи!»

Тонет в сумерках Россия,
Свет струит лишь тень Креста.
Скоро явится Мессия,
Всё расставит на места.

Я всеми силами храню
От века нашего отсталость,
Который губит на корню
Всё, что людского в нас осталось,

И пусть нельзя остановить
Сей век игрой на жалкой лире,
Дай Бог хоть разум сохранить
В безумном этом мире.

И в том, что зла вокруг без меры
И что вокруг без меры тьмы,
Виновны только маловеры,
И маловеры эти - мы!

На что мы, собственно, готовы,
Коль нет сил выдержать поста?
Застанет нас вопрос Христа
Врасплох, когда Он спросит: «Кто вы?»

И мы, поднять не смея глаз,
Услышим: «Я не знаю вас».
И станем локти мы кусать,
А дальше... не хочу писать.

ЗА СТЕЖОК ДО ПУРГИ, ДО МОРОЗА...

Новые стихи

**ВАСИЛИЙ
МИШЕНЁВ**

Василий Михайлович Мишенёв родился в деревне Пахомово Никольского района.

После школы учился в пединституте, служил в армии, работал в районной газете, пройдя путь от корреспондента до редактора. Автор шестнадцати книг стихов и прозы, лауреат международной премии «Филантроп» (2002)

и международного конкурса «Золотое перо» (2007), почётный гражданин Никольского района. О его стихах тепло отзывались такие писатели, как Виктор Астафьев и Василий Белов, Александр Романов и Станислав Золотцев, многие другие. Живет в г. Никольске.

«Вологодский ЛАД» регулярно публикует стихи Василия Мишенёва, его статьи о поэтах и поэзии.

ВДОХНОВЕНИЕ

*Воскресло сердце. Слышит звуки
Душа моя, в волнении горя,
И снова творческие муки
Раба возносят до царя.*

*Наполнен страстью, силой новой,
Вся жизнь как будто мне видна,
И власть над образом и словом
Чудесным промыслом дана.*

НИКОЛАЮ ГУМИЛЁВУ

**И вот мне приснилось,
что сердце моё не болит...
Н. ГУМИЛЁВ**

*И вот мне приснилось,
что солнце мое не взойдет,
Все звезды погасли, как свечи,
А я пробираюсь во мраке вперёд
и вперёд,
Считая ушибы, увечья.*

*И хоть бы один огонек
замелькал впереди
Иль путник попался навстречу,
Тогда бы его расспросил
о далёком пути.
Дорога знакомая - легче.*

*Вдоль этой дороги наводят тоску
пустыри,
И нет тут ни рощи, ни поля...
Господь, ты молитву услышь
и глаза отвори,
Увижу я страшную долю,*

*Как кто-то в шинели стоит,
и глаза так близки,
Лицо в ожиданье застыло,
И подлая пуля,
посланница подлой руки,
Летит офицеру в затылок...*

*Осень нынче грустью так богата,
Хватит этой грусти до зимы...
В жизни расстаются все когда-то,*

Ты сказала: «Так же вот и мы...»

На тебя смотрел я

с лёгкой грустью,
К расставаньям,

может быть, привык.

Поднимались птицы по-над Русью
И летели к югу напрямик.

Птицы оглашали то и дело
Всё, что в мире к увяданью шло...
Чтоб за ними ты не улетила,
Взял тебя, как птицу, за крыло...

ЗНАКОМЫЙ БЕРЕГ

Этот берег знаком,
Подмываемый струями,
На весенней реке
Солнце блещет в воде...
Загрустила душа
Потаёнными струнами:
Та же мчится река,
Только годы не те!

В тихом сердце своём
Сохраняю я бережно,
Как девчонка одна
И судьба, может быть,
Мне махала рукой
С отдалённого берега.
Я плота не нашёл,
Чтоб реку переплыть...

Я стою на краю,
Вспоминаю далёкое,
А река широка,
Заливает луга,
Но на том берегу
Лишь сосна одинокая,
И ничья не махнёт
За рекою рука...

Осенний усталый день.
На сердце тоска и муть.
Встретился старый пень,
Решил на нём отдохнуть.

Присел погрузиться о том,
Что скоро придёт зима,
Что пуст над рекой мой дом, -
Тебе не пишу письма.

Вот встанет лёд на реке,
Не сыщешь звезд подо льдом.

Взгрустнешь обо мне вдалеке,
Но это будет потом.

А нынче - усталый день.
А нынче - тоска и муть...
Какой же ты вредный, пень,
Не дал ты мне отдохнуть!

Не погибнув во зле, во мгле,
Дорогих не забыв имён,
Я живу на родной земле
И не жду золотых времён.

А Россия - сплошной вокзал,
Где все ждут поездов мечты,
Только каждый состав опоздал,
Даже, может, сошёл с пути.

Продувает нас на ветру,
Мы тревожно глядим вперёд...
Я боюсь за свою страну,
Я боюсь за родной народ!

А Россия - сплошной вокзал,
Где все ждут поездов мечты...
Кто бы верный путь указал
Рвущимся из темноты!

Сад отгрустил
Жёлтой листвой,
Снег полетел,
Лёгкий, густой,
К старой беседке
В нашем саду
Ты не придёшь,
Я не приду.

Спит подо льдом
Звонкий ручей,
Ветер качнёт
Гнезда грачей
И зашумит,
И запоёт,
Может быть, он
Нас с тобой ждёт.

Сумрачный сад,
Шёпот листвы
В дальнем краю
Вспомнишь ли ты?
Завтра к беседке

В нашем саду
Ты не придёшь,
Я не приду...

За стезжок до пурги, до мороза,
Когда был я совсем одинок,
Подарила мне сердце берёза,
А то сердце - последний листок.

Положил я в любимую книгу
И храню до грядущей весны,
Пусть берёзы зимою поникнут,
Но светлю мне от их белизны.

А прокатятся первые грозы,
Я увижу в смятенье в окно,
Что так много сердец у берёзы,
У меня же оно лишь одно.

*Знаю, ветви, что нынче повисли,
Встрепенутся легко и светло
И наполнятся радостью жизни,
Воскрывая и сердце моё...*

*Как ударило светом -
 глаза посмотрели.
Я увидел её, и душа всполошилась,
Посреди бесконечной
 житейской метели
Часто думал о ней,
 и однажды свершилось:*

Утром тихо вошла она,
 лёгкая, в белом,
Так снежинка-пушинка
 летит на рассвете,
Я в глаза ей взглянул
 неожиданно смело,
Как спросил, ожидая, -
 а что же ответит?

Опуская ресницы, она промолчала,
Но волненье души выдавали движенья,
Я подумал: а было бы славно,
Жечь усталые свечи причалив,
И ждать вдохновенья.

Сколько лет до сих пор
жил в плену у иллюзий,

*Будто жизнь поменяет
 постылое русло,
Сердце, отчаявшись,
 ищет с любовью союза,
Жить иначе ему одиноко и грустно.*

У ОКНА

Хорошо пожить
Сердцу в том доме,
Не бывает где
Скучно одному...
Хорошо смотреть
Из того окна,
Из которого
Родина видна...

Геннадию ИВАНОВУ

Ты, судьба,
Не тежь меня обманом,
Коль поэт -
Богато неживать.
По чужим
Не шарил я карманам,
А в своих
Мне нечего искать...

За стеклом
Крестообразной рамы
Всё вокруг
И скучно, и серо,
У стола
Сидишь себе, упрямый,
Хорошо,
Что есть ещё перо!..

Хорошо,
Что я не умер рано,
Жизнь моя
Наполнена добром.
Поживём,
Свои залечим раны,
Поскрипим
Задумчивым пером.

Я всегда
До жизни очень жадный,
Да иначе,
Видно, и нельзя.
Даже в век
Жестокый, беспощадный
Унывать
Не будем мы, друзья!..

Снова приступ сердечный,
И опять обошлось.
Мне не хочется в вечность,
Как бы тут ни жилось.

В дни тоски и тревоги
И в погожие дни
Дороги мне дороги,
Лечат душу они.

Все минувшие годы
До последнего дня
Не терял я свободы,
Не гасил я огня.

Ни о чём не жалею.
Да о чём и тужить?
Эту боль одолею,
Счастье главное - жить!

ПОСВЕТЛЕЛИ ВЕСЕННИЕ ДАЛИ

Посветлели весенние дали,
Засквозило с небес синевой,
На пригорках от первых проталин
Поднимается пар над землей.

Как нарядны привычные вербы,
Распушились под солнцем они...
Прилетел долгожданный и верный
Важный грач из чужой стороны.

В эти дни не сидится мне дома,
Тянет сердце к простору полей,
Будет день, и услышим знакомый
Мы приветственный клич журавлей.

У людей вдруг засветятся лица,
Станет мир просветлённое всё,
Словно сильные, гордые птицы
Принесут нам всем добрую весть.

И у жизни изменится русло,
Потечет она шире, вольней,
Будто вечно душе нашей русской
Не хватает до слёз журавлей...

ЗИМОЙ НА РОДИНЕ

От берёз
Сиреневые тени
У избы
На выпавшем снегу,

Я возьму
Упругий новый венчик,
Эти тени
В сторону смету.

Обмету
С крылечка и тропинки,
Чтоб зашёл
И друг ко мне, и брат,
Но с утра
Опять летят снежинки,
Так легко,
Так весело летят.

Я под этим
Тихим снегопадом
Постою
И молча покурю,
А душе
Иного и не надо,
Если рано
Встретил ты зарю.

Если сердце
С болью не стучало,
Если в доме
Мирно и тепло,
Да и жизнь
Как будто бы в начале,
Так в душе
Спокойно и светло!..

ВСПОМИНАЯ ПЕТЕРБУРГ

Через вечность или через год
Вдруг не будем нуждаться
друг в друге,
И судьба нас с тобой разведёт,
Как разводят мосты в Петербурге.

Но давай не смотреть на судьбу,
Да и жизнь - она вечно по кругу,
Лучше завтра тебя увезу,
Мы пройдемся по Петербургу.

Поглядим, как разводят мосты,
Погуляем по Летнему саду,
И сердцами поймем, я и ты,
Что нам расставаться не надо.

Но сегодня зима. Замело.
Разворачивает ветер вьюгу.
А на сердце такое нашло:
Я скучаю по Петербургу.

ЗИМНИЕ ВИШНИ

Так грустно всё вышло,
С собой не в ладу...
Склоняются вишни
От снега в саду.

Под снегом укрыта
Листва октября...
О прошлом забыто,
Наверное, зря.

Я чувствую: странно,
Но в доме сквозит
На свежие раны
Взаимных обид.

И выйду из дома,
Шепча на ходу:
«Дорога знакома.
Куда ж я иду?»

А свет только ближний
Летит сквозь пургу...
Так жалко, что вишни
Продрогли в снегу!

Надвинулись тени
И вдруг загустели,
А я в темноте,
Лёжа в теплой постели,

Боюсь своих снов
И боюсь не проснуться...
Приди, чтобы к сердцу
Рукой прикоснуться...
Приди через море,
Приди через реки,
Утешить мне душу,
Прикрыть мои веки.

Уведу тебя от мужа,
Уведу тебя от всех,
Уведу, пока я нужен
И надеюсь на успех.

Мы такие атаманы,
Что нигде не пропадём,
Не пусты у нас карманы,
Хоть чужого не берём.

Уведу тебя на лодке,
Будем жить на берегу,
Без друзей, без книг, без водки,
С чудным видом на реку.

Угощать я стану рыбкой,
Называть «сестрой огня»...
На меня глядишь с улыбкой:
- Я давно твоя жена!

И ЛИСТВОЙ, И СЛОВАМИ ВЛАДЕЙ...

**ВИТАЛИЙ
СЕРКОВ**

Виталий Геннадьевич Серков -
член Союза писателей России.

Родился в 1956 году в деревне Остречово
Вологодской области. Автор поэтических
сборников, изданных в Краснодаре, Сочи,
Таганроге и Вологде, а также многих
публикаций в центральных и региональных
журналах: «Наш современник», «Молодая
гвардия», «Москва», «Советский воин»,
«Студенческий меридиан» (Москва),
«Всероссийский собор», «Медный всадник»
(Санкт-Петербург), «Русское эхо»
(Самара), «Дон» (Ростов-на-Дону),
«Подъём» (Воронеж), «Кубань» и «Родная
Кубань» (Краснодар), в международном
журнале «Настоящее время» (Лондон).
«Вологодский ЛАД» публиковал его стихи
в 2006, 2007, 2008 годах.

Виталий Серков - дипломант
Всероссийской православной
литературной премии имени святого
благоверного великого князя Александра
Невского (2007 год) за верное служение
русской поэзии.
Живёт в Сочи.

Не жалею, не зову, не плачу...
...Жизнь моя,
иль ты приснилась мне?..

С. Есенин

И жалею, и зову, и даже плачу,
И сгораю в лихорадочном огне,
Но судьбу я нынче не переиначу,
Лишь вздохну тайком:
«Иль ты приснилась мне?»

И живу опять, как будто
в зазеркалье,
А верней - в чужой стране
кривых зеркал,
Где в почёте единение шакалье
И повадки воровские, и оскал.

Нереальность бытия лишает силы,
Чьи-то дьявольские замыслы верша,
И ничтожества, имеющие «ксивы»,
Справедливость пожирают,
словно ржа.

Ох, пора бы эту нечисть ураганом
Возмущения народного смести,
А иначе - каждый третий
уркаганом
Пожелает стать,
о Господи, прости!

Пожелает, ни о чём уж не жалея,
Не сгорая в лихорадочном огне,
Потому я, от отчаянья шалея,
И шепчу судьбе:
«Иль ты приснилась мне?»

...Пускай Кубани на меня
Плевать... Зато какие брызги!
Ю. Кузнецов, «Посещение Кубани»
...Раньше Бога забыла о нём
Густопсовая пыль Краснодара...
Ю. Кузнецов, «Некролог»

Словно гадкий птенец, я не раз,
златоусты Кубани,

Испытал на себе отторженья
и зависти стынь -
И за то, что язык не желал
удержать за зубами,
И за то, что бежал от удушья
духовных пустынь,
И за то, что чужак, не казак
по нутру и родове,
И за то, что презрел местечкового
братства угар,
И за то, что стихи и в Самаре
идут, и в Ростове,
И в столице, а это - по вашей
гордыне удар.

Пусть не помнит меня
«густопсовая пыль Краснодара»!
Пересмешиш-скворец, веселивший
руладой людей,
Я не брал никогда с чужеродных
соцветий нектара
И не рвался замкнуть
пролетающий строй лебедей.

Я всегда обжигал не чужую стреху,
а скворечною.
Безголосых певцов, пародируя,
дерзко дразнил -
И за то, что они, перепутав
с берёзой черешню,
Их с верхушек сгонял и весёлою
трелью казнил.

Вы пытались всегда усмирять
непокорных поэтов,
Равнодушием бить и картечью,
срывая полёт,
И спасались они от картечи,
цепей и наветов,
Кто - в чертогах столиц,
кто - за чарами диких болот.

Этот путь не по мне, я - поэзии
русской подранок...
Словно в пустынь, уйду за духовною
силой в затвор
И стремглав поднимусь, лишь
окрепнет крыло, спозаранок.
Не успеете вы передёрнуть
спросонок затвор.

**Дождь идёт, а тянет на болото.
Снег идёт, а тянет на реку.**

Н. Рубцов

Я и сам из этой же породы,
И, дождливой хмари вопреки,
Обойдя дома и огороды,
Набиваю тропку вдоль реки.

Одолев насилие - переправу,
Перелесков несколько - шутя,
Нахожу я рыжики по праву
И волнуюсь, словно бы дитя.

По всему, я здесь первопроходец,
Землякам опять не до грибов...
Поредел на родине народец -
Что ни месяц - несколько гробов...

На коленях ползаю под елью,
Раздвигаю мокрую траву;
Называя действо канителью,
Аккуратно режу гриб, не рву.

И, набрав пудовую корзину,
На ремне её через плечо
Заведя, ещё «тяну резину»,
Дымом «Примы» пыхнув горячо.

И шагаю, мокрый и усталый,
Про себя ли, вслух ли сентябрю
«Я пока мужик ещё не старый,
Но грибник со стажем», - говорю.

Не на пляже нежусь я, разиня, -
В ожиданье осени скорблю
И живу в предчувствии предзимья,
И, признаться, лето не люблю.

«Баловень, - вы скажете, - на юге
Грех скорбеть: природа - благодать.
Выдать бы тебя знобящей вьюге,
Стал бы, как другие, лето ждать;

Ужасом обдав, она б летела,
Воем вытесняя сон в тиши.
Ишь ты: «На полгода всё -
для тела!»,
Ишь ты: «Нет и крохи - для души!»

Упрекайте! Может, вы и правы...
Озверев от вьюг и холодов,
Привозите души для расправы,
Для искуса дьявольских плодов!

Только я - подальше от искуса
В сентябре сбега в лесную глушь,

Не боясь змеиного укуса,
Не страшась ни грязи и ни луж.

Там волнухи ждут меня и грузди,
И роса рассветная, звеня.
Признаюсь: я - странный,
но от грусти
Только Север вылечит меня.

ПРЕДЗИМЬЕ

Вот и снова листву обрывает
порывистый ветер,
И предзимье опять мне готовит
и слякоть, и снег,
Хоть казалось вчера: ничего уж
не будет на свете,
Что я так ожидал, неразумный
седой человек.

Пусть тревожно кричит
над морскою волною поморник,
Добавляя тревог и былые надежды
круша,

Собирает листву недовольный,
как водится, дворник,
Я же осени рад:
наконец-то очнулась душа.

Отдохнув от жары, как всегда,
обрела равновесье,
Отдохнув от людей,
начала по друзьям тосковать
И готова опять получать
с почтальоном известье,
И готова строфу то рассыпать,
то рифмой сковать.

Загрущу лишь о том,
что грибная пора миновала,
Но спасибо и ей: наносил и опять,
и груздей.
И спасибо душе: круг молчания
разом разъяла,
Только ветер шепнул: «И листвою,
и словами владей...»

Павел КРИВЦОВ.
С мамой в храме

ВРЕМЯ ЛЕТИТ...

Из новых стихов

**ОЛЬГА
ФОКИНА**

Ольга Александровна Фокина родилась 2 сентября 1937 года в деревне Артемьевской Корниловского сельсовета Верхнетоемского района Архангельской области. В Вологде - с 1962 года, после окончания Литературного института. Член Союза писателей России с 1963 года, автор тридцати книг стихотворений и поэм. За поэтический сборник «Маков день» в 1976 году ей присуждена Государственная премия РСФСР имени Горького. Лауреат многих престижных литературных премий. В октябре 2008 года награждена медалью Пушкина. Стихи Ольги Фокиной в журнале «Вологодский ЛАД» публиковались с первого номера в 2006 году.

Сбоку дуло, сверху лило,
Под ногами - хлюпало,
Но над нами знамя плыло -
Это было любо нам!
Никогда не позабуду,
Как в колонне топали
Мы от школы до трибуны -
Кто в каком полохале!
«По долинам и по взгорьям»,
«Шёл отряд по берегу»...
Что пройдут беда и горе,
Пели мы - и верили.
Жить прекрасно, жить не праздно
Призывали лозунги.
И касанье флагов красных
С глаз снимало слёзы нам.
С табуном слиясь, табун наш
Замер, приторможенный
Жаром, властью слов трибунных
И «ура» восторженным.
Этот день теперь «не праздник»?
«Так, одно название»?
Можно флаги перекрасить,
Не сменить сознание.

Поставили памятник «бывшей
Рабоче-крестьянской стране»...
- Он стал поновей и повыше,
Чем был, и гораздо прочней! -
Твердит реставратор искусный,
И стоит ли нам возражать?
Прекрасно, что место не пусто,
Что есть кому серп поддержать,
И молот возвысить над горном,
И с силой, сметающей шваль,
Шагнуть широко и просторно
В родную прекрасную даль.
Где солнышко рано вставало
И поздно садилось за лес,
И рожь колосок наливала
Под пологом бледных небес.
И матери рожь-матушку жала,
И в кузнице молот звучал,
Дитя ж под суслоном лежало -
Так было в начале начал.
И - бляенье, ржанье, мычанье!
И звон отбиваемых кос!
И ласковой речки журчанье -

- Как быт наш был многоголосо!
А игры! Мяч, кости, рыбалка!
И классики! И городки! И пряталки!
И догонялки! И поздний костёр
у реки!

...Ау, деревенское детство!
Тебя поразила война,
Ещё - городское соседство,
Слиянье хозяйств, целина
И прочая, прочая..
Впрочем,
История, как у Христа:
Вернулись крестьянка с рабочим
Опять на былой пьедестал!

Был Новый год! Танцевала я
Вальс «На дунайской волне»,
Платье из атласа алого
Переливалось на мне.
В дружеском полуобъятии,
Может, впервой наравне
С литинштипутовской братией,
В самой прекрасной стране!
...Женщин и девушек баловень,
С пряжкой морской на ремне,
Платье ль из атласа алого
Ты заметил на мне?
Или - восторг-упоение
Ног моих - туфелек? - Ах!
Круговоротным вращением
На навощённых полах?
Но тишиною, как выкриком,
Праздничный зал оглушён:
Об пол - пластинка! И вихрь этот,
Вальс этой жизни лишён.
Пары взволнованы:
- Что с тобой?

Что за кураж, морячок?

Только глаза твои жёсткие,
Жёсткие губы - молчок.
Вмиг из-под ног убиваются
Капли пластиночных брызг,
Новые пары вращаются,
Новый вращается диск.
...Много позднее узнала я,
Так морячок ревновал:
С платьем из атласа алого
Кто-то - не он! - танцевал...

Девочка, куда тебя снесло?
Образумься, что это такое?!
Поскорее - руку на весло

Из реки, играющей рукою!
Оглядишься же: рядом - ни лугов,
Ни полей, от коих отплывала!
Ты давно меж диких берегов,
Где нога людская не ступала.
Девочка! Наивна и добра,
Веришь: «ты не тронь,
тебя не тронут»,
Ни ножа с тобой, ни топора,
Ни ружья с заряженным патроном.
Девочка, очнись, остановись!
Впереди в ветвях над водопадом
По стволу расстилающаяся рысь
За тобой следит горящим взглядом.
Ей один нацеленный прыжок
На твои распущенные косы -
И перевернётся твой стружок,
И померкнут солнечные плёсы!
...Ты не внемлешь разуму... Гипноз?
Не в руках весло, хоть - под руками.
Ладно, что со дна реки возрос
Ледниковых лет подводный камень.
Ладно, ты качнулась от толчка!
Ладно, что, о борт ударясь бровью,
Ты освободилась от смычка,
Что шутил-израл твоей любовью.

Время летит - не зачуркать!
Срокам - ни гор, ни низин...
Вот и у сына - дочурка,
Вот и у дочери - сын.
Одолевают ступеньки,
Глядя в манящую даль:
Горизонталь, четвереньки
И, наконец, вертикаль!
Тянутся вверх пострелёнки,
Только одежду готовь!
Глядь, уж мутит головёнки
Первая в жизни любовь.
С нею - ни к маме, ни к папе!
Разве что к бабушке?.. Грызть
Старым на новом этапе
Кость - молодяжкину жизнь!
Бдись-настаивать, чтоб не пали
Да не расшибли сердца,
Да возвращать к вертикали
Павших - уже не с крыльца.
Гнев, неприятия ропот -
Всё тебе выглеснут, знай!
Был ли у бабушки опыт?
- Опыт? Ты книжки читай!
Опытов там да историй
Много, на всякую масть:

То сердце разум поборет,
То снова разума власть.
- Бабушка, истина где же?
Что ты - то этак, то так?
- Помни: коль солнышко брезжит,
Значит, хорош этот знак.
А если холод и темень -
Остановись, оглядись,
Есть у тебя еще время,
Вся впереди еще жизнь.

Злато и серебро сыплются с неба.
Тешится взгляд:
Листья летят вперемешку
со снегом!
Листья летят...

Шаг мой замедлен,
а ум - заторможен.
Хватит ума,
Чтоб уяснить:
если след подморожен,
Скоро - зима.

Скоро с родных палестинок
потянет
Сиверко мой.
Что же! Не ноет душа и не вянет:
Славно зимой!

Снег да мороз - от хвороб панацея!
Что горевать?
Шуба готова, и валенки целы -
Можно гулять!
Можно обкатывать новые санки
Льжи крепить!
И в Новый год из хрустальной
стеклянки
Будущность пить!

Обижается брат,
Что пишу «о хорошем».

Сам он «жизни не рад:
Оглушён, огорошен
Перестройкой умов
И основ перетряской,
Где валютный улов,
Что свершён Дерипаской?
Абрамовича - где?
Березовского - где он?!»
...Брат не бьётся в нужде,
Голод брату неведом:
Он живёт при жене,
При козе и при тёще,
Да - в родной стороне,
Да - на почве нетошней.
Я ж, чужбины хлебнув
И сиротства отведав,
Не ругаю страну
За её непобеды.
Всё с любовью гляжу
На морщинки, заплатки,
Всё ищу - нахожу
В недостатках достатки.
«Обветшало жильё!
Опустели повети!»
- Обобрали её
Не её ли же дети?
«Развалилась семья!
Развратились потомки!»
- Так давай ты да я
Поднятием постромки:
Будем поле пахать!
Будем строить жилище!
Будем Родину-мать
Снова делать не нищей,
Да святится её
Богоданное имя!..
«Что мы сможем вдвоём?!»
- Любим - горы подыдем.
Глядя ввысь - чрез овраг!
Через тернии - к звёздам!
И попятится враг!
И отсохнет короста!
...Но не верится брату,
Что пишу «не для блату»...

ПОРТРЕТ МОЕГО ДЕДА

**ВАНДА
БЕЛЕЦКАЯ**

Белецкая Ванда Владимировна родилась в Москве, где живёт и сейчас. Ей не было четырёх лет, когда арестовали её отца - Белецкого Владимира Степановича.

Он тогда только окончил Высшие литературные курсы и начал активно печататься под псевдонимом Вл. Железняк. Его судила «тройка» по печально известной статье - антисоветская агитация и пропаганда. После Бутырской тюрьмы его выслали сначала на север Вологодской области, а по окончании срока (десять лет без права переписки!) разрешили поселиться в Вологде пожизненно. Реабилитации своей он не дождался, его дочь Ванда Владимировна добилась её лишь в 1992 году, через 8 лет после смерти отца.

Поступила в историко-архивный институт, который окончила с отличием. Работала корреспондентом, потом заведующей отделом. В своих очерках она рассказывала о нелёгком труде учёных - физиков, археологов, историков, медиков, астрономов.

Ванда Белецкая - автор очерковых и научно-популярных книг: «Техника и эстетика», «Луч из антимира», «Гордость Отечества», «Хирурги», «Города науки», «Судьба и совесть».

В Вологду В. Белецкая приехала в первый раз ещё школьницей, подростком, когда её отцу вернули право переписки. Вологда стала для её отца второй родиной, вологжане помнят его книги об этом удивительном русском городе, его людях.

В Вологде Ванда Белецкая бывала неоднократно. В 1984 году здесь похоронила отца и по сей день приезжает на его могилу.

О моем дедe я впервые услышала... в музее на выставке, посвященной очередной годовщине Октябрьской социалистической революции. Было это в последний предвоенный год. Я училась в первом классе, и нас повели на экскурсию.

Среди экспонатов заметила фотографию осанистого мужчины в военном мундире, с пышной шевелюрой, усами и бородкой. Грудь его была в орденах, через плечо шла лента со звездой. Может быть, я бы и не обратила на фотографию внимания, если бы не подпись: «Сенатор С.П. Белецкий, назначенный Товарищем Министра Внутренних дел». Что-то екнуло в моем сердечке - я ведь тоже Белецкая... Заметив внимание ученицы, экскурсовод пояснил: «Ничего интересного - верный пес Николая».

Дома я поделилась увиденным с моей бабушкой (вернее, прабабушкой, маминой бабушкой Марией Осиповной Шаблиовской. Та, ничего не отвечая, полезла в свой шкаф, из-под постельного белья достала альбом фотографий (раньше мне его почему-то не показывали). Грустно вздохнула: «Ты правильно догадалась, Вандочка. Это твой дедушка - Степан Петрович Белецкий. Вот он с женой Ольгой Константиновной на их даче в Пятигорске». Тот же мужчина, что я видела в музее, только в штатском, шел по аллее. В руках щеголеватая тросточка, рядом стояла красивая дама в широкополой шляпе с цветами и в длинном платье. На другом снимке - мой дед, веселый и молодой, ласково положил руку на плечо мальчика моих лет и очень похожего на меня. Пожилая женщина («Мать Степана Петровича Анна Нестеровна», - поясняла бабушка, водя пальцем по фотографии) держала на коленях маленькую девочку с бантом в волосах и в пышном платье, другая девочка, с длинными косичками и в таком же платье с оборками, играла на пианино. «Мальчика ты, наверное,

узнала, это твой папа Володя, а девочки - твои тети - Наташа и Ирина», - продолжала бабушка.

Когда же я спросила, почему дед - «верный пес Николая», она недовольно проворчала: «Не слушай глупости, твой дед честный, порядочный человек, он присягал царю и не предал его, как все». «А что с ним случилось?» - не унималась я. «Расстреляли в революцию...» Бабушка была явно недовольна тем, куда зашел разговор, сердито захлопнула альбом и убрала назад под простыни в шкаф.

Я печально подумала: «Ничего себе, деда расстреляли, папу посадили...» Об этом-то я хорошо знала.

Вечером, ложась спать, я пристала с вопросам о деде к маме. Моя красавица мама, Ксения, Ксаночка, как звали ее все, всегда такая веселая и приветливая, погрузилась: «То, что ты узнала - правда. Только не надо никому рассказывать про деда. Хватит с меня и Володи... Думаю, что его арестовали из-за расстрела Степана Петровича. Дай Бог, чтобы мы все остались живы и увиделись...» Она крепко обняла меня и сидела так, пока я не уснула.

Через много лет мама призналась, как долгие годы жила в страхе, что меня отнимут у нее и заберут в детский дом, такое случалось нередко. Боялась, но фамилию мне не меняла, как делали некоторые в репрессированных семьях, и сама оставалась Белецкой, хотя вышла второй раз замуж и родила во втором браке тоже дочку, моложе меня на семь лет.

Когда моего папу арестовали, мне было три года. Он, молодой писатель, был осужден в 1935 году Особым совещанием при НКВД СССР по статье УК-58-10. Вновь увидела я его лишь через 11 лет, в Вологде, куда он был выслан после тюрьмы. Бог дал ему долгую жизнь, он стал опять писать, работал в Вологодском краеведческом музее, женился на достойной женщине, художнице, семья которой тоже

была репрессирована. В последние годы жизни (он умер в 1984 году) стал активно печататься. Но реабилитации своей так и не дождался. Она наступила в 1992 году, когда ни его, ни мамы уже не было в живых...¹

Однако вернусь к моему деду - Степану Петровичу Белецкому. Я много расспрашивала о нем наших родственников, знавших его, прочитала написанные им в тюрьме воспоминания, его книгу о Григории Распутине, нашла крайне редкие упоминания о нем в литературе, и он постепенно становился для меня родным человеком, как и положено деду.

Сведения о С.П. Белецком в исторической литературе достаточно скудны. Тем не менее он занимает свое место в истории предреволюционной России и в силу своего служебного положения, и в силу своей многогранной, порой противоречивой личности. Мне кажется несправедливым, что образ его искажался политическими и идеологическими пристрастиями, как было до сих пор.

Оценки деятелей прошлого нередко меняются вместе с общественными катаклизмами. Еще недавно о Николае II, Императоре Всероссийском, писали только как о «кровавом», слабовольном царе, позоре России. Государыню Александру Федоровну представляли немецкой шпионкой, даже в школьных пособиях делали грязные намеки на ее отношения с Григорием Распутиным. Сейчас, слава Богу, имена их очищены от клеветы, исторические оценки стали объективнее. Царственные мученики канонизованы Православной Церковью. Имя великого реформатора Петра Аркадьевича Столыпина, упоминавшееся ранее по ставшим штампом «стольпинским галстукам» и «стольпинским вагонам», стало гордостью России, как и положено. Теперь издаются его речи, капитальные труды о нем, учреждена медаль его имени, его цитируют к месту и не к месту. С.П. Бе-

¹ Журнал «Наш современник» публиковал рассказы моего отца в № 6, 1997 г. «Три рассказа из архива на Лубянке» и № 12, 2000 г. «Дни тревог». Исторические новеллы.

лецкий, связанный силой обстоятельств с П.А. Столыпиным и в известной степени с царской семьей, был, по определению моего экскурсовода, только «верным псом Николая». Настало время взглянуть и на эту неординарную личность как на реального политика.

Скажу сразу: мои короткие заметки, очень личные, не претендуют на полное освещение роли С.П. Белецкого в истории предреволюционной России, здесь лишь некоторые сведения о его характере, факты из его жизни, что мне удалось собрать. Я родилась и росла, когда имя его редко упоминалось, и всегда в негативном плане. Даже его сын, мой папа, очень долгое время не решался сделать о нем записи и хранить их у себя в столе. За папой продолжалась слежка, а что такое обыск и тюрьма, он хорошо знал... Лишь незадолго до его смерти его вологодский друг, критик Василий Оботуров, уговорил его написать краткие воспоминания. Однако эти записи, на которые я тоже буду ссылаться, основаны на детских и юношеских впечатлениях. Когда Степана Петровича расстреляли, его сыну было только 14 лет.

Родился С.П. Белецкий на Украине с 1872 году. Несмотря на дворянское происхождение, богатством своей семьи, ее привилегированным положением он не мог похвастаться. Ему все пришлось добывать самому благодаря способностям, трудолюбию, энергии и, что греха таить, огромному честолюбию.

В 1896 году он блестяще заканчивает в Киеве юридический факультет со степенью кандидата. Ему приходится дать обязательство в течение трех лет уплатить потраченную на его образование сумму. Устраивается на службу в Ковенскую губернскую канцелярию. Его интересует все: юридические науки, финансы, земельное устройство, журналистика. Он еще сам не знает, что выбрать. Некоторое время редактирует местную газету «Ковенские губернские ведомости», служит в генерал-губернаторской канцелярии. Ковенская губерния вхо-

дила тогда в ведение Киевского, Волынского и Подольского генерал-губернатора.

В это время в судьбе С.П. Белецкого происходит важнейшее событие: он знакомится с Петром Аркадьевичем Столыпиным, жившим тогда в своем прибалтийском имении. Молодой Белецкий попадает под влияние этой удивительной личности. На всю жизнь Петр Аркадьевич становится для Степана Петровича образцом человека, государственного деятеля и патриота России, его кумиром. Он им восхищается, разделяет его убеждения, ловит каждое замечание. Степан Петрович был чрезвычайно горд, когда Столыпин серьезно отнесся к его исследованию «Сказки Привисленского края», которое и сегодня может служить материалом по истории народонаселения и подготовки земельной реформы, похвалил работу.

В молодые годы всё в жизни Степана Белецкого складывается удачно. Ему благоволит генерал-губернатор и командующий войсками округа, военный деятель и ученый Михаил Иванович Драгомиров. Генерал был последователем суворовской школы, автором «Солдатской памятки», выдержавшей 25 изданий, в его работе «Подготовка войск в мирное время» профессиональные военные почерпнут немало полезного и в наши дни. Генерал Драгомиров ввел Степана Белецкого в лучшие семьи Ковно и Вильно, в том числе познакомил со своим бывшим учеником по Академии Генерального штаба Константином Николаевичем Дуропом. Генерал Дуроп стал уже сам профессором, автором учебников по военной тактике и стратегии, и по-прежнему любил и уважал своего учителя.

Так уж случилось, что двадцатисемилетний Степан Белецкий влюбился в молоденькую, милую, прекрасно образованную дочку генерала Дуропа - Ольгу. Девушка ответила взаимностью, и 15 февраля 1900 года в Ковенском кафедральном соборе молодые обвенчались.

Мягкая, добрая Оленька была любимицей генерала Дуропа, он радуш-

но принял и ее мужа, полюбив его еще до свадьбы дочери. Но теща отнеслась к этому браку поначалу настороженно. Урожденная Давыдова, она принадлежала к знатному дворянскому роду, давшему России много достойных сыновей, и прежде всего воина и поэта Дениса Давыдова. Ольга Ивановна была очень дружна со своим братом - полковником Дмитрием Давыдовым, единственным наследником по мужской линии. Род Давыдовых был большой - двоюродные братья и племянники. Сама она была еще молода, очень хороша собой, любила наряды, общество, играла на бегах. Зять казался ей недостаточно светским. Однако со временем она оценила его. «Если Стива станет министром, я не удивлюсь», - говорила она знакомым.

В Ковно у счастливой семьи рождаются сыновья. В 1901 году - Константин (Котик, как звали его дома) и в 1904-м - Владимир (мой папа). Всего у них будет пятеро детей, к сыновьям прибавятся три дочери.

К сожалению, через несколько лет болезнь заберет маленькую Аллочку, а позднее и старшего сына - гимназиста. Но удары судьбы ждут Степана Петровича позже. А пока он молод, полон сил и веры в свою счастливую звезду. В 1907 году он получает пост вице-губернатора в Самаре. Ему минуло только 34 года.

О быте семьи Белецких в Самаре ярко рассказывает мой папа в своих воспоминаниях: «В Самаре мы жили не в центре города, а снимали на отдаленной улице барский дом, при котором находился запущенный парк с липами и прудом. К нему примыкал губернский сад со всякими народными аттракционами, откуда по вечерам в субботу доносились к нам песни загулявших мастеровых и их подруг. Пели они превосходные русские волжские песни, и мы с удовольствием их слушали...

В этом доме мы справляли праздники, особенно торжественно - Пасху. Яйца красили всей семьей - и мама, и няня, и мы, и даже гувернантка-француженка премило разрисовы-

вала яйца трехцветным французским орнаментом, что веселило отца. «Вот, - говорил он, - и в нашем доме появились республиканские цвета».

Обыкновенно в Страстную неделю нас, детей, кормили слабо - чаем с белой булкой, так как в Великий пост скоромное не вкушалось. С шести вечера в субботу убирали стол для встречи Пасхи. Боже мой, чего на нем только не было! Окорока, ветчина, жареный гусь, две огромные пасхи, поросенок под хреном, разноцветные графинчики с наливками, вино и так далее.

За стол садились после возвращения из церкви, разговляться. Когда я был маленький, наголодавшись за пост, всегда засовывал в карманы новых штанов куски жирной ветчины, а на них - шоколадные конфеты. На другой день еще до завтрака я залезал в карман, чтобы доестъ вкусное, но конфеты расплющивались, и руки и штаны делались коричневыми и жирными. Правда, меня за это не наказывали ввиду праздника, потому что были Христовы дни».

Очень скоро С.П. Белецкий забрал в свои руки руководство большой волжской губернией, важной для России. Губернатором был гофмейстер В.В. Якунин. Он обладал не очень крепким здоровьем, но хорошо разбирался в людях. Молодой вице-губернатор по деловым и человеческим качествам отвечал его требованиям, и он с облегчением передал Степану Петровичу бразды правления, а сам предпочитал проводить время на курортах или в Петербурге, как того требовало его здоровье и привычки.

С.П. Белецкий с головой уходит в работу, много ездит по губернии, не оставляет свои труды по земельной реформе. Он почти постоянно, как пишут в официальных бумагах, «исполняет обязанности губернатора», вникает во всех сферы вверенного ему дела. Иногда случаются и курьезы. Например, считая, что всё происходящее в губернии имеет к нему непосредственное отношение, Степан Петрович приехал на открытие самарской синагоги, перерезал празднич-

ную ленту и принял участие в торжественном обеде. В петербургском журнале «Гражданин» тотчас напечатали саркастическую заметку: «Какое умирительное зрелище: исполняющий обязанности начальника губернии, одной из крупнейших в России, г. Белецкий молится перед Торой и вкушает вместе с жидами фаршированную щуку! Интересно, что по этому поводу думает министр внутренних дел?» Здесь камешки летели уже в огород П.А. Столыпина, о дружеских отношениях которого с Белецким было известно.

Мой папа вспоминал, как смеялись над этой заметкой у них дома, когда Петр Аркадьевич переслал вырезку в Самару. В письме он благодарил Степана Петровича за труды по земельной реформе, а заметку князя Мещерского приложил в качестве шутки.

В Самаре Белецкие прожили два года. Петр Аркадьевич Столыпин, ставший к тому времени премьер-министром, вызывает Степана Петровича в Петербург на место вице-директора департамента полиции. Столыпинские реформы, особенно аграрная, были необходимы для развития России, но понимали это немногие. Петр Аркадьевич остро нуждался в разделявших его взгляды преданных помощниках, выдерживал атаки и справа и слева. Всесильный премьер-министр был очень одинок...

Граф С.Ю. Витте тоже предлагает Белецкому должность в Петербурге - директора банка. Условия самые выгодные: 30 тысяч рублей в год, казенная квартира на набережной, экипаж. Мой папа вспоминал, какие баталии разыгрывались у них дома по поводу этих предложений. Ольга Константиновна со слезами уговаривала мужа выбрать приглашение графа Витте: оно выгоднее и престижнее. Жалованье 30 тысяч, а в Департаменте полиции только 8. Кроме того, Ольга Константиновна, как почти вся русская аристократическая знать, была предубеждена против «страшного» департамента. Ее пугали грубые жандармы, полицейские, при службе в банке совсем иной круг знакомств.

Однако Столыпину Белецкий был нужен именно в Департаменте полиции. «Должность вице-директора - лишь трамплин», - намекнул он. Но и без этого намека Степан Петрович слушал только своего кумира. Деньги его мало интересовали. Он жаждал деятельности, государственного размаха... он мечтал быть рядом со Столыпиным...

«После хорошего самарского дома с парком петербургская квартира в Саперном переулке казалась нам сырой, затхлой и скучной, - пишет в воспоминаниях папа. - Целыми днями я просиживал на широком подоконнике своей комнаты. Окно выходило на задний двор, похожий на колодец. Была осень, шел затяжной петербургский дождь, и свинцовое небо не было веселым, ситцевым, самарским. Брат с утра уходил в гимназию, сестрица занималась с няней Дуняшей своими куклами. Никита, бывший денщик отца, наводил порядок в новой квартире. Моя милая мама все время прихварывала, а когда была здорова, не выходила из Мариинской общины, где работала сестрой милосердия. (У нее тоже был свой кумир - великая княгиня Елизавета Федоровна - В.Б.).

В ту же осень заболела любимица мамы, трехлетняя Аллочка, и через две недели скончалась. Одним словом, Петербург встретил нас недружелюбно. Но когда мы переехали на Гагаринскую улицу, в более удобную и сухую квартиру, когда освоились, я поступил в гимназию и у нас появились хорошие знакомые, Петербург перестал казаться страшным городом.

Отец занимался в департаменте в десяти утра до шести вечера, был дома до одиннадцати, а потом снова уходил в департамент до двух ночи.

Напряженный ритм работы отражал те сложности, что встретили С.П. Белецкого на службе. Петр Аркадьевич Столыпин поручил ему заведовать законодательной частью, где разрабатывались проблемы реформы, паспортные уставы, рабочий вопрос. 1907-1911 годы считаются годами реакции.

Еще недавно для тех деятелей, что стремились укрепить мощь России, перевести ее на капиталистические рельсы и при этом усилить самодержавие, находились только отрицательные эпитеты. Но и в дореволюционные годы им тоже ставили палки в колеса. Товарищем министра внутренних дел и куратором Жандармского корпуса был тогда активный недоброжелатель Столыпина П.Г. Курлов. Он сразу возненавидел и его ставленника - Белецкого, назначенного против его воли, мешал работать.

Петр Аркадьевич Столыпин с его сильным, мужественным характером и яркими новыми идеями казался придворным опасным, против него всячески настраивали государя Николая Александровича. Мой папа вспоминал разговоры об этом своих родителей. Бывая у них дома, Петр Аркадьевич нередко сетовал, как трудно ему приходится в борьбе «с нашими милыми придворными господами, которые сами не знают, что творят». Он подбадривал Белецкого, понимая, что тому тоже нелегко. А Степан Петрович находился в постоянном страхе за жизнь Столыпина, приговорённого террористами к смерти. Мой папа вспоминал, как недоумевали и возмущались в семье, почему некоторые даже «приличные люди» оправдывают террористов, зверски убивающих не только намеченных ими деятелей, как правило, верно служивших России, но и тех, кто просто попадался под руку: детей, слуг, случайных прохожих.

Убийство Столыпина в Киеве стало страшным ударом для России. Для семьи Белецких это было глубоко личным горем, потерей близкого человека, Петр Аркадьевич - крестный моего папы. Особенно страдал Степан Петрович от мысли, что покушение возможно было предотвратить. Ползли упорные слухи - товарищ министра внутренних дел Курлов знал о готовящемся покушении через осведомителя полиции, но, не придав информации значения, скрыл ее от Департамента полиции и Корпуса жандармов, шефом которых был.

В семье Белецких траур. Степана Петровича не радует даже то, что вопреки прогнозам завистников, что-де без Столыпина карьере его конец, его назначают в феврале 1912 года директором Департамента полиции. П.Г. Курлов уволен без мундира и пенсии.

Мой дед принадлежал к когорте столыпинских деятелей, принципиально соединивших свою судьбу с судьбой монархии. Он был убеждён, что самодержавие в России - основа её сильной государственности, активно выступал против усиления иностранного капитала в стране, всецело поддерживал отечественных, русских промышленников, чем вызывал гнев либералов. Он не изменил своим убеждениям после убийства своего кумира, поддерживал деловые отношения с правыми партиями, консерваторами. В доме бывали члены Государственной Думы Г.А. Замысловский, В.М. Пуришкевич, Н.А. Караулов, собиралась молодежь из Монархического союза. Молодой директор Департамента полиции надеялся сделать идею борьбы с революционным движением, разрушающим, по его твердому мнению, его родину, популярной среди широких масс: учащихся, крестьянства, рабочего класса. Генерал Богданович в одном из своих писем к нему писал: «Уважаемый Степан Петрович! Петр Аркадьевич был прав говоря, что Вы именно такой человек, который нужен нашей матушке-Родине в столь беспокойный период».

Эти годы жизни Белецких в Петербурге запечатлелись в памяти моего папы наиболее ярко.

«С неизменным детским восхищением разглядывал я фигуру отца, когда в торжественные дни он надевал мундир со многими русскими и иностранными орденами, - записал потом он в Вологде. - Поверх мундира полагалась красивая красная армейская лента со звездой, а сбоку надевалась шпага с серебряными кистями. Обычные брюки заменялись белыми с генеральским золотым позументом. На голову водружалась треуголка с золотым шитьем.

Выше среднего роста, полный, с румяным лицом, славянским мясистым носом, маленькой бородкой, где пробивалась ранняя седина, с умными серыми глазами, с мягким украинским акцентом, отец казался мне самым могущественным человеком на земле. Перед ним трепетали дети, гувернантки, прислуга, курьеры. Его слово было законом.

Когда в воскресные дни мы с отцом прогуливались по Летнему саду, я видел, как штатские раскланивались, снимая шляпы, дамы улыбались, военные козыряли и вытягивались во фронт.

Помню, гимназистом младшего класса, получив от мамы три рубля, я в воскресенье удрал из дома, чтобы купить в игрушечном магазине на Пантелеймоновской улице пять коробочек оловянных нюрнбергских солдатиков. В магазине нужных солдатиков не оказалось, и я добрался до Гостиного Двора, где купил их. Занятый мыслями о том параде, который я устрою солдатикам, я заблудился. Я знал, что меня дома ждут, проголодался, а на извозчика денег не было, я и забыл об этом. Увидев стоявшего на посту пожилого околоточного надзирателя, я робко спросил: «Скажите, пожалуйста, как мне дойти до Гагаринской улицы?» - «Где ваш гимназический билет?» - грозно спросил околоточный. Билета с собой у меня не было. «Вот вызову дворника, и он сведет вас в полицию, там разберутся, кто вы и откуда». «Да я знаю адрес, - всерьез испугался я. - Гагаринская, дом 24, квартира 17. Папу зовут Степан Петрович Белецкий».

Околоточный стал как-то меньше ростом, лицо из сердитого превратилось в добрейшее. Через десять минут я был доставлен на лихаче домой. На мое счастье, папы дома не оказалось, а мама, вежливо улыбаясь, подала полицейскому хрустящую зеленую трешку».

Вспоминал мой отец и другие события петербургской жизни. Эти, казалось бы, незначительные подробности говорят о характере моего деда. Несмотря на дворянское происхождение,

высокое положение, жену «голубых кровей», он был удивительно простонароден. Взять хотя бы отношения его со своим денщиком Никитой. Приведу еще кусочек из записей моего папы.

«Отец не принимал посетителей на квартире, у него были приемные часы в департаменте. Все же некоторые посетители проникали в квартиру благодаря Никите. Никита начал свою службу у отца, когда тот был офицером и отбывал воинскую повинность. Никита сопровождал его во всех путешествиях, был искренне привязан к нему, что не мешало верному слуге шарить по господским карманам, присваивая себе мелочь, пить дорогое вино и пользоваться дорогими сигарами и папиросами. Никите было около шестидесяти, и остальная прислуга звала его почтительно «Никита Антонович Маленький». На кривых ногах, с подстриженными седыми волосами и бородкой, с украинским выговором, он носил особую форму, которую сам изобрел: серую куртку с большими золотыми пуговицами и галуном на рукавах и воротнике. Брат прозвал Никиту «швейцарским адмиралом», и тот был этим даже польщен - вот, мол, какую выбрал адмиральскую форму. Жил он в отдельной комнатухе, заставленной сундуками и чемоданами, принадлежащими Никите до невозможности, и разводил тараканов. Надо признать, что Никита был грязноват, хотя отец ежемесячно выдавал ему деньги на новое белье и белые перчатки. Никита же неизменно щеголял в таких грязных, что отец, когда Никита подавал кушанье на стол, сердито кричал: «Я тебе голову оторву, если ты такими лапами будешь братья за тарелки». Никита делал испуганное лицо: «Слушаюсь, ваше благородие», - но перчатки не менял.

Мы, дети, любили Никиту. С малых лет он носил нас на руках, пел украинские песни, рассказывал сказки, у него было столько интересных для нас вещей: старые погоны, открытки, разные форменные пуговицы. Любил Никита и поухаживать за соседскими

горничными и кухарками, но всему предпочитал выпивку и трактир. «Пьешь ты как лошадь, - ворчал отец, - сопьешься до белой горячки». «Никак нет, ваше благородие, - отвечал твердо Никита, - разве казак с Полтавщины от горилки хворобу получает?»

Никита считал, что пропустить случай взять на чай является личным ущербом. Пока отец был дома, он, как Цербер, сторожил у дверей, и если просители были, по его мнению, «приличными» и совали ему в руку синенькую или красненькую, слезно умолял отца принять их. «Ваше благородие, там до вас бедная госпожа пришла, плачет как русалка, обливается слезами». «Ой, Никита, - сердился отец, - опять барашка в бумажке получил?» Никита истово крестился на киот: «Единственно из жалости решил до вас допустить».

Но отец Никиту любил и не мог без него обойтись. Когда он тяжело заболел, только Никита мог ему угодить, ухаживал, как за родным сыном, просиживал ночи напролет у постели больного.

Никите всё сходило с рук. С ним связывалась память об Украине, службе в армии, на него можно было положиться в разных житейских делах.

Отец любил выпить перед обедом серебряную стопку смирновской водки, а когда работал по ночам, то Никита тайком от мамы приносил в кабинет четвертушку коньяка и закуску: нарезанное тоненькими ломтиками свиное сало с черным солдатским хлебом, хотя эта закуска и не подходила к шустовскому коньяку. Раз в месяц отец посещал ресторан «Медведь», где пел знаменитый цыганский хор. Никита его дожидался с приготовленной горячей ванной. Однажды, приехав ночью, он отворил двери своим ключом и застал Никиту спокойным спавшим в ванне. Отец едва растолкал Никиту, который был совершенно пьян. Увидев перед собой разгневанное лицо хозяина, Никита, перепугавшись, выскочил нагишом из воды, забрызгав того с ног до головы,

с криком: «Виноват, ваше благородие!» Он так кричал, что разбудил всех детей, горничную и маму. Ночью мама плакала, а отец виновато гудел, прося прощение за позднее возвращение домой навеселе. Никита же, как ни в чем не бывало, отправился в свою комнатнушку спать».

Большой радостью для всей семьи были приезды в Петербург с Украины матери Степана Петровича Анны Нестеровны. Рано овдовев, она не чаяла души в сыне. Степан Петрович всегда сам встречал ее на вокзале. Она приезжала нагруженная кулками, мешочками, баулами с вареньем, сушеными фруктами, маринадами, грибочками, огурчиками, наливками и, конечно, украинским свиным салом.

Она всегда привозила в подарок какую-нибудь икону и благословляла своего Степчика и внуков. Ее брат Пташевский был знаток по церковному искусствоведению, дружил с В. Васнецовым, М. Врубелем, М. Нестеровым и вел известную на всю Украину торговлю иконами. Мать Степана Петровича была очень религиозна, ночами простаивала на коленях, шепча молитвы.

С приездом украинской бабушки в петербургской квартире становилось теплее и светлее. Она сразу забирала в свои руки хозяйство, пекла чудесные пышки с маком, готовила аппетитные закуски, хлопотала над украинскими борщами и варениками. Во время ее приезда всегда к обеду или к ужину бывали гости. Степан Петрович подшучивал над ее любовью к чесноку, которым она натирала корочки хлеба. «Мамаша, - говорил он, - вы слышали, как вчера за ужином Иван Лонгинович (министр внутренних дел Горемыкин) удивлялся, откуда у нас чесноком пахнет, от колбасы, что ли?» - «Нет, Степчик, не слышала, а то бы сказала ему - от чеснока лучше кровь ходит и зрение яснее», - смеялась она.

Ольга Константиновна тоже обожала свою свекровь и те недели, что Анна Нестеровна жила у них, считала каникулами, не заботясь ни о хо-

зайстве, ни о детях. Обычно в это время она чаще бывала в Мариинской общине у великой княгини Елизаветы Федоровны, где служила сестрой милосердия. Эта, тогда благотворительная профессия, пригодилась потом знатной даме после расстрела мужа, чтобы не умереть с голода и одной поднять маленьких детей...

Иногда в круту семьи Степан Петрович любил вечерами почитать стихи. Модные в то время символисты и декаденты его не волновали. Чаще других он читал Пушкина, Лермонтова (всегда напоминая о его родстве со Столыпиным), Тараса Шевченко и Некрасова. Ольга Константиновна подсмеивалась над этим странным выбором, но с удовольствием слушала мастерское чтение мужа. Тараса Шевченко он читал нараспев, прикрыв глаза, а «Железную дорогу» Некрасова с обличительными интонациями декламировал всегда наизусть. Память у него была фантастическая. Он запоминал не только стихи и поэмы, но и

даты, события, имена, фамилии, номера телефонов, указы, инструкции, целые страницы служебных документов. Работая, почти не прибегал к картотеке или разным справочникам, всё нужное помнил и так. Это качество, чрезвычайно полезное на службе, сыграло в жизни Степана Петровича поистине трагическую роль. Он чересчур много знал и всё помнил. Компрометирующие документы можно выкарабкать, архивы сжечь. Но как заставить забыть что-либо руководителя политического сыска страны, зная его характер? Его опасались и либералы, и консерваторы, и революционеры. Бывшие монархисты после февраля семнадцатого года вытирали ноги о царскую семью, выдавая себя за либералов, а некоторые «революционеры» после Октября скрывали свои прежние взгляды, а порой и принадлежность к освещателям Департамента полиции. При новых режимах он был обречен...

Окончание следует.

Степан Петрович БЕЛЕЦКИЙ. Фото 1915 года

«ПОСЛЕДНИЙ РАЗ В МИРЕ»

(Вместо колыбельной)

**ГАЛИНА
ИВАНОВА**

Галина Владимировна Иванова родилась в 1946 году, с 1970 года проживает в Санкт-Петербурге.

Работала инженером в институте «Союзпроектверфь». Выйдя на пенсию, служила в Эрмитаже музейным смотрителем, в данный момент работает в Театре на Литейном.

«Мама, расскажи мне про свое детство», - так начинался почти каждый вечер в нашем доме, когда я укладывала моего маленького сына спать. «Ну, сколько можно? Ты и так уже всё выучил наизусть», - отнекивалась я. «Ну, пожалуйста, последний раз в мире», - почему-то именно такими словами он просил рассказывать о моём далёком детстве, и я с каждым новым рассказом припоминала всё новые и новые детали, вынимая из памяти то, что казалось забытым уже навсегда.

Начало воспоминаний уносит меня в далёкое раннее детство, которое прошло в Вологде, куда моя мама и мой брат Слава эвакуировались из блокадного Ленинграда. Они приехали к матери первого мужа моей мамы, отца Славы, который погиб на Ленинградском фронте в первые месяцы войны. Я же родилась уже через год после окончания войны. И начало моих воспоминаний детства исходит с переезда на новое место жительства с Лесной набережной, где жили сначала без меня мама с братом, а потом родилась и я.

Мы переехали на другой берег реки Вологды, на Краснофлотскую набережную, от нашей бабушки Анны Николаевны и от Ксении, младшей её дочери, когда мне было лет пять. Мы погрузили свои нехитрые пожитки на саночки. Мама шла впереди через замёрзшую реку, таща санки, Слава придерживал поклажу сзади, а я скакала за ними, боясь отстать. Прощай, Лесная набережная, на которой прошло моё самое раннее детство. Сборы проходили так быстро, как будто мы боялись, что если сейчас же не займём комнату, на которую нам выписали ордер, её тут же отнимут.

Пустая комната показалась нам громадной, по сравнению с той, бабушкиной, тоже девятиметровой, где

мы проживали сначала вшестером, а когда Катя, старшая дочь её, вышла замуж и уехала в Новгород к мужу, - уже впятером. Часа через два прибежала запыхавшаяся бабушка в запотевших очках, со слезами на глазах. Она очень сокрушалась, что мы не дождались её. Она поспешно достала иконку из сумочки, и заставила тут же повесить её в простенок - так бабушка благословила нас на жизненный дальнейший путь.

Она водила нас с братом в церковь, где всегда было много нищих, которым всегда подавала копеечки. А крестила меня бабушка, по словам мамы, четырёхмесячной. Я тогда была больна, и она очень переживала, что я могу умереть некрещеной. Вскоре после нашего отъезда Анна Николаевна умерла, оставшись в моей памяти маленькой тихой старушкой в круглых очках и всегда в черном платочке. Ксения осталась одна, мы навещали её, и она частенько приходила к нам. Судьба её печальна. Семейная жизнь у неё не сложилась. Тихая, замкнутая, ей постоянно казалось, что её кто-то преследует, прожила она долго и в полном одиночестве.

Ещё много лет мы будем ходить в старый дом, в котором остались наши добрые соседи Жирновы: тетя Шура, Люся и Витька, товарищ Славы.

Мы приходили к Жирновым на пироги, искусно испечённые, необыкновенной красоты, румяные, блестящие, маленькие и ровненькие, и когда кто-то пытался разломить пирожок пополам, тётя Шура кричала: «Не смейте, ему больно, ешьте из целого». Она всегда всё делала красиво, как и чай заваривала, такой душистый и ароматный. Тетя Шура работала в клубе, и там мы с мамой частенько бывали на самодеятельных спектаклях и концертах.

А ещё на Лесной набережной остались наши Никитины, которые стали для нас родными людьми, и с которыми моя мама дружила до самой смерти. А мой брат Слава был влюблён в Тамару, дочь Никитиных, но она не отвечала ему взаимностью. Потом Тамара «кусала локти», когда мой брат

стал штурманом дальнего плавания и женился.

Глава семьи Никитиных дядя Толя служил в НКВД. Ходил он всегда подтянутый, надменный, в гимнастёрке с ремнём через плечо, на котором висела кобура с пистолетом, в сапогах, начищенных до блеска, и в фуражке с лакированным козырьком. Мы с мамой почему-то его недолюбливали и побаивались, наверное, потому, что у него был пристальный взгляд, и он, по слухам, изменял тёте Нине. Позднее дядю Толю уволили из этого ведомства, спеси в нём немного поубавилась, и он уехал на заработки в Тикси.

А тетя Нина, жена Никитина, - это чистый ангел: тихая, кроткая, с мягкой улыбкой и негромким голосом, а её грустные глаза излучали всегда теплоту и дружелюбие. К чему бы ни прикасались руки тёти Нины, всё было удивительно талантливо. Она общивала всю свою семью, нас с мамой и ещё многих знакомых. Причем шила она без исключения всё: и постельное бельё, и платья, и брюки, и даже пальто. Это она научила мою маму вышивать, а эти вышивки мне, ребёнку, казались просто настоящими произведениями искусства. Это были потрясающие картины, объёмные, яркие, которые облачались в деревянные рамки под стеклом. Они висели и у Никитиных в доме, и у нас точно такие.

Жили они в частном доме, и только через много лет мы узнали, что этот дом принадлежал людям, которых когда-то репрессировали.

Их дом со всех сторон был окружён огородом, на котором всегда трудилась тётя Нина, успевающая и на этом поприще тоже, да иногда виднелась лысая голова дяди Толи, его голубая майка да большая лейка. Я приходила к ним почти каждый день. И когда мы жили на Лесной, и даже когда мы переехали на Краснофлотскую, и будучи уже школьницей, и потом, когда они были вынуждены переехать на новое место жительства, с появлением возвратившихся хозяев или наследников этого дома. Дорожка к дому была обсажена малиновыми кустами, которые усеяны малиной, и пока я под-

ходила к дому, успевала набрать горсточку ягод. В сторонке от дома около сарая притулилась беседка, увитая плющом, внутри которой стоял сколоченный из досок столик, покрытый клеёнкой, а вокруг него деревянные лавки. Мне особенно нравилось сидеть там, когда шёл дождь. Сколько раз мы ели вкусную окрошку, тут же, в беседке, приготовленную тетей Ниной. А иногда Тамара и её подруга Люся Жирнова позволяли мне, мелюзге, которая была младше их на восемь лет, присутствовать в их обществе. Я так любила эти редкие часы, проведенные со взрослыми девочками. Тамара, как хозяйка, шла в огород за луком, толстым, сочным, тёмно-зелёным. Она резала его, затем толкла в миске с солью, а потом мы прямо руками макали в лук хлеб и ели, пока у нас не выступали слёзы и не захватывало дух от такого количества фитонцидов сразу. Тамара с Люсей болтали про кавалеров, иногда посмеивались над чувствами моего брата. Я, допущенная к таким взрослым секретам, молчала как рыба, но при этом очень жалела брата. Но однажды, когда Тамара залезла под кровать в доме у Люси, спрятавшись от Славы, я рассказала маме, обидевшись на девчонку.

Еще у Никитиных был сын Валерий, младший брат Тамары, который и познакомил наше семейство с Никитиными. Именно Валерик, будучи ещё совсем маленьким, как вспоминала тётя Нина, пришел домой и сказал, что подружился с хорошим мальчиком Славчиком из Ленинграда. Потом уже с ними познакомилась и мама, и дружба эта прошла через всю жизнь, и оборвала её лишь смерть моей мамы, которая умерла первая из них на пятьдесят восьмом году жизни. Когда я подросла, то Валерий со Славой учили кататься меня на коньках, сначала на железках, привязанных к валенкам верёвкой при помощи деревянной палочки, а позднее уже на хоккейках. Помнится, как только они оставили меня одну, я тут же упала, разбив подбородок до крови, которая потекла ручьём, и им при-

шлось тащить меня на другой конец города в травмпункт, где рану зашивали иголкой с ниткой, а шрам так и остался у меня навсегда.

Наш новый дом был двухэтажный, по периметру напоминавший букву «П», где-то семей на двадцать, и в каждой семье было от двух до пяти детей. Двор большой, поделённый низеньким заборчиком на два. В первый двор выходили три подъезда, и там всегда толклись дети, которые, как грибы после дождя, появлялись в эти первые годы от возвратившихся с войны отцов. По вечерам на длинной скамейке сидели уставшие после работы женщины, работавшие в основном на заводе «Северный коммунар», которые уходили на смену и возвращались с работы по протяжному заводскому гудку. Двор был так вытоптан нами, детьми, игравшими в лапту, и в сыщики-разбойники, что там практически никогда не росла трава, и весь он был прорезан жирными линиями «классиков», через которые в основном скакали на одной ноге девчонки.

А во втором дворике по периметру с одной стороны рос низенький кустарник, который летом расцветал маленькими розовыми цветочками; с другой - густой стеной росла акация, цветущая желтыми душистыми цветками, из стручков которой мы делали осенью свистульки. Противоположную сторону второго дворика обрамляли близко расположенные друг к другу высокие тонкие берёзки, пока еще молодые, превратившиеся потом в высоченные прямые белоствольные деревья, на которые мы залезали чуть не до самой макушки, раскачиваясь иногда даже с риском свалиться на землю. Дворик был необыкновенно уютным. Почти посередине стоял деревянный стол, вокруг которого вкопаны в землю скамейки, и мы, малыши, за ним играли в куклы, шили им одежду, что-то вырезали ножницами. В сторонке возвышался турник, к которому всегда была очередь из многочисленных любителей «покрутить солнышко», и детей, и взрослых, населяющих двор.

Позади нашего дома в шеренгу выстроились сараи, в которых хранилась всякая утварь и дрова. Нашими сарайными соседями были Мамонтовы: тётя Настя и её сын Борис, заядлый голубятник и собиратель книг о майоре Пронине. Он был старше нас; человек начитанный и постоянно занимающийся самообразованием, он в чем-то еще долго оставался подростком. Целые дни Борис проводил в своей голубятне, построенной вторым этажом над сараем. Сизари, почтовые, турманы были настоящей его страстью. Он хлопал в ладоши, и голуби послушно взмывали в голубое небо, и мы, замороженные, задрав головы вверх, прослеживали траекторию полёта голубиной стаи и с восхищением наблюдали, как турманы совершали в воздухе кувырок через голову с потерей высоты, а затем возвращались к стае. Потом Борис залившимся свистом возвращал их, и они садились ему на плечи, на голову, на ладони. Он знал о голубях всё, покупал, обменивал и говорил только о них. И как он сокрушался, когда однажды ночью голубей украли, взломав клетку.

За стенкой комнаты, в которой мы поселились, жили Носковы: дочь - Глафира Ивановна, женщина лет сорока в ту пору, с очень простым русским лицом и доброй светлой улыбкой, и её шестидесятипятилетний отец, который казался мне тогда глубоким стариком. Эти люди впоследствии станут самыми близкими нам людьми, как Никитины, наверное.

Буквально в этот же день Глафира, а для меня тётя Граня, и дядя Ваня пригласили нас с мамой на чай. Переступая порог их дома, мы увидели, что почти у самых дверей слева стояла большая русская печка. На этой печке, свесив ноги, сидел старичок в белых валенках и зелёном вязаном жилете. Он живо отпартовал: «Носков Иван Иванович. А как тебя зовут, девочка? - и, не дожидаясь: - А сколько тебе лет, Галя?» Дядя Ваня, совершенно слепой старик, вскоре станет моим другом. Он интересовался буквально всем, что меня касалось, и

просто любил поболтать со мной обо всем на свете и в том числе о политике. Я знала по именам всех членов политбюро Коммунистической партии Советского Союза и братских стран. Я рассказывала ему обо всех правителях и президентах, которые были на тот момент. Я говорила ему, что председатель КНР - Мао Цзе Дун, президент Бирмы - У Ну, Вьетнама - Фан Ван Донг, премьер-министр Индии - Джавахарлал Неру. Ему безумно нравилась моя осведомлённость, и если я ошибалась, то он нестрого поправлял меня. Иван Иванович спрашивал, что мне задано сегодня и сделала ли я домашнее задание. Он любил поболтать со мной, наверное, еще и потому, что ему скучно целый день сидеть на печке одному. Он уже ждал, когда за стенкой послышится звук поворачивающегося в замочной скважине нашей двери ключа, и тут же принимался стучать своей палкой по нашей стенке до тех пор, пока я не приходила к нему. Когда я стала уже школьницей, его первый вопрос ко мне был: «Ну что сегодня получила, два или пять?» - это был стандартный вопрос. Я, признаться, частенько привирала ему и несколько завышала свою успеваемость, но он мгновенно улавливал моё лукавство и просил дать ему мой дневник. «Но ты же слепой, как ты можешь видеть?» - недоумевала я, на что он отвечал мне, что он видит меня насквозь. Тогда я придумывала на ходу, что дневник я оставила в школе, и правда поверив в то, что видит меня насквозь. Еще он всегда пытал меня, чем же кормили в школе, ответ мой тоже был стандартным: «Пирожок с ливером и чай» или другой вариант: «Пирожок с повидлом и чай».

Чайная церемония у Носковых по выходным стала традицией почти семейной. Глафира ставила самовар с утра и ждала, когда в нашей комнате послышатся шевеления, что означало, что мы проснулись. Затем или она кулачком, или дядя Ваня своей палкой стучали в стенку, это означало: чай готов, и мы с мамой хором кричали через стенку: «Сейчас идём».

К выходным мы припасали уже заранее что-нибудь к чаю, например, сахар, который мама сама варила дома из песка, яйца и, кажется, масло. У нас была даже специальная мисочка для этого. Я помню, как мама ставила миску с карамелью, полученной в результате варки этих компонентов, на доску, которую перекидывала между оконных рам для охлаждения и застывания. И вообще приносили с собой всё, что было в доме. Дядя Ваня ставил на стол тяжеленный, пышущий жаром самовар, который женщинам поднять было не под силу, а мы смотрели, чтобы он точно его приземлил на стол. Самовар увенчивался маленьким чайником с заваркой, для того чтобы чай лучше разопрел. Дядя Ваня колол куски сахара специальными маленькими щипчиками на маленькие кусочки, и мы пили чай вприкуску. Ставили пироги, которые пекли по очереди то мама, то Глафира Ивановна. Дядя Ваня пил из блюдечка, пофыркивая, а мы переглядывались меж собой, боясь рассмеяться вслух. Чистота у Носковых была идеальная, кровати заправлены как по линейке, со множеством подушек и подушечек, которые по ранжиру лежали друг на дружке. Скатерть на столе всегда белоснежная и накрахмаленная, с расправленными уголками, а на комодѣ стояло множество безделушек, на которые разрешалось только смотреть.

Брат Слава никогда не присутствовал на этих церемониях, так как он почти всё время проводил на Лесной. Слава после школы заходил к бабушке, пока она еще была жива. Потом шел к Никитиным, или Жирновым, или к школьному другу Коле Сенушкову, рыжему длинному, очень улыбчивому парню, которого Слава очень любил, а домой возвращался только ночевать, поэтому друзей в новом доме он так никогда и не завел. Когда он учился в девятом классе, к нам в дом пришла вдруг классная руководительница, которая пожаловалась на то, что Слава начал прогуливать занятия в школе, снизил успеваемость, а ведь он был гордостью класса ког-

да-то, и всё это после того, как произошёл переезд на новое место жительства, как считала учительница. Мама расстроилась, заплакала, но его не ругала. Бедный Слава стоял, прислонившись к дверному косяку, молчал и даже не пытался оправдываться. Он, по всей вероятности, тяжело пережил этот переезд и никак не мог привыкнуть к новому месту, привязавшись всей душой ко всему, что составляло его прежнюю жизнь. Но больше маме краснеть за него не пришлось.

Ему было лет пять, когда им с мамой удалось вырваться из блокадного Ленинграда по Дороге жизни. Бабушка, когда узнала, что блокадники начали прибывать в Вологду, стала каждый день ходить на вокзал. Она верила, что родные живы, и всё приходила и приходила, в надежде, что когда-нибудь они появятся, ведь внуки остались для неё ниточкой, связывающей её с сыном, который погиб сразу в начале войны на Ленинградском фронте. И вот она пропустила один лишь день и не пошла на вокзал, решив поработать на огороде. Она оторвалась от грядки, чтобы поправить косынку, и вдруг видит, что по дороге идут два человека, вернее две тени от них - молодая женщина и мальчик, похожий на старичка. Бабушка бросилась им навстречу, схватила узелки и, причитая, повела домой. Она только успела спросить по дороге: «А где же Галя?» Мама почти прошептала, что нет больше Гали, она умерла в Ленинграде. И меня, родившуюся через пять лет, мама назвала в честь умершей дочери, как будто хотела обмануть себя тем, что никогда и не теряла маленькую дочку. Слава очень долго не мог оправиться после блокады, он был так худ и мал, что помещался на подоконнике. Он не хотел ни с кем разговаривать, лежал днём на своём подоконнике, как котёнок, свернувшийся в клубочек, и грелся на солнышке.

По окончании школы Слава поступил в Архангельскую мореходку, откуда на имя моей мамы приходили благодарственные письма от руковод-

ства училища за хорошее воспитание сына, и закончил его с красным дипломом, получив специальность штурмана дальнего плавания. И с тех пор Слава приезжал домой уже только в отпуск. Слава объездил почти весь мир на своем корабле. Был и в Англии, где запечатлел себя на фотографии в парке близ Тауэра, и в Греции, Италии, Франции, Египте, Турции. Легче перечислить, где он не был. Я любила рассматривать фотографии, где он был снят на фоне Колизея, Парфенона или римского амфитеатра или на других античных развалинах. Из поездок он всегда что-нибудь привозил. Предметом моей гордости был миниатюрный голубой глобус. Я так любила его рассматривать и искать точки, в которых находился в данный момент мой брат. Надписи на глобусе были на английском языке и содержали множество неточностей, но это нисколько не портило впечатления. Однажды из плавания Слава привез персидский ковер, на который сбежались посмотреть все соседи. На ковре была изображена южная темная ночь с луной и звездами и два скачущих всадника на красивых конях, один на белом, другой на вороном. Сюжет назывался «Похищение невесты». Лицо невесты не выражало никаких эмоций и было плоским, поэтому не было понятно, рада она или, наоборот, испугана таким ходом событий.

Однажды с отпускных Слава купил радиоприемник с проигрывателем «ВЭФ-Аккорд» и целую коробку пластинок. Радости моей не было предела. Я буквально плавала по волнам эфира. Я слушала Пасхальные и Рождественские литургии из Ватикана и удивлялась тому, что на Западе официально отмечают эти праздники, а нам в школе внушали, что Бога нет. Я пробивалась через шумовые преграды к вещанию «Голоса Америки» из Вашингтона, и тогда обезумевшая мама прибегала и кричала мне в ухо: «Сделай тише, а то услышат». Я пыталась узнать, кто не должен слышать, но мама ничего не объясняла, а просто прикладывала палец к губам. А еще я безумно любила слушать пла-

стинки. Мы с мамой умилялись голосам Изабеллы Юрьевой, Леонида Утесова, Петра Лещенко, Клавдии Шульженко, Вадима Козина. Заезженной пластинкой стала любимая мною ария из оперетты «Фиалка Монмартра» в исполнении Аллы Соленковой. Я знала ее наизусть. «Букет цветов из Ниццы прислал ты мне, и вновь горят зарницы минувших дней», - напевала я, подросток. Еще Слава написал нам журнал «Огонек» с приложением, и в течение двух лет по почте приходили нам томики Оноре де Бальзака в картонных коробочках.

Мы с мамой гордились нашим Славой, и когда он надевал свою морскую форму, на которой золотом сияли начищенные до блеска пуговицы, мы любовались им, как киногероем, а мои подросшие подруги начинали смешно кокетничать. А впоследствии мой брат закончил еще факультет кибернетики и телемеханики МЭИ и уже навсегда прищвартовался к берегу.

Детский сад, куда я ходила, был рядом, метрах в трехстах от дома. Я ходила уже в старшую группу, и это был пятьдесят третий год. В новом саду утро начиналось с приёма рыбьего жира. Дети выстраивались друг за другом, чтобы получить свою порцию, и когда подходила очередь, мы, как птенчики, открывали рты, а воспитатель Надежда Николаевна вливала нам чайную ложку этой мерзкой жидкости, потом мы брали с подноса маленький кусочек хлеба, густо посыпанный солью.

Летом нас вывозили на дачу, где самым ужасным воспоминанием для меня оставалось то, что нас, которым было уже по шесть-семь лет, укладывали загорать на длинных льняных дорожках без трусиков, и мальчиков и девочек вместе. По команде медсестры мы должны были переворачиваться на спину, то на живот, а если ребёнок пытался прикрыть оголенные места, то медсестра Морозова била нас по рукам. Медсестру Морозову я терпеть не могла: с пристальными щелчками глаз, глядевшими на нас сквозь толстые стёкла очков, она всё время кричала, а меня хвата-

ла и, прижимая к финской печке, командовала: «Прямо спину, не сутулиться». А в тихий час она сидела в спальне и смотрела, чтобы мы в постели не сворачивались калачиком, а спали с вытянутыми ногами и руками, и даже могла больно стукнуть линейкой в случае непослушания. Зато моей отдушиной была Татьяна Владимировна, музыкальный работник детского сада. Темноволосая, с гладкой прической, всегда с белым воротничком на платье, она казалась мне сказочной королевой, а когда за роялем играла пьески, то просто волшебницей. Я так любила её, что потом долгие годы мечтала о том, что, когда вырасту, то обязательно буду работать музыкальным работником в детском саду, как Татьяна Владимировна. А после занятий, уже дома, я садилась за стол, ставила книжку, будто это нотная тетрадь, и начинала музицировать, бегая пальчиками по столу. Иногда мама переворачивала железное корыто, ставя его «на попа», и я стучала пальчиками уже по нему, выбивая свои «железные» мелодии, и пела детские песенки, которые разучивали в саду.

Пятого марта умер Сталин. Мы, дети, в это время сидели за столиками и рисовали, как вдруг в группу влетела обезумевшая и рыдающая Надежда Николаевна. Она врубила на полную мощность радио, по которому в тот момент выступал Молотов с сообщением о смерти Сталина. Дети почему-то всё это восприняли как команду и начали голосить - кто серьёзно, а мы с Ольгой Саламатиной легли лицом на стол и, имитируя плач, давились от смеха, который нехотая овладел нами. Она шептала мне, что это Берия убил Сталина и что её дядя-летчик полетит над Кремлём и убьёт Берию.

Я всегда с завистью смотрела на детей, которых забирают именно родители. Мне тоже хотелось, чтобы за мной пришла мама, одела бы, и мы вместе пошли домой. Раньше, когда жили на улице Лесной, за мной всегда приходил Слава, сажал меня на санки, разгонялся, а потом как-то

подсекал их, и я летела прямо в сугроб. Домой приходили всегда заснеженные, и потом он на крыльце метёлкой отряхивал с меня прилипший снег. А когда я совсем была маленькая, то меня носила на руках в ясли мама. Мы шли с ней по Советскому проспекту, и нам навстречу всегда попадался наш знакомый Увар Алексеевич, который работал шеф-поваром-кондитером. Я называла его «дядя Уля», и он всегда угощал меня чем-нибудь вкусным. Но теперь я считалась большой, и так как мы жили рядом, то я утром самостоятельно ходила в детский сад, а вечером меня забирал Слава. Однажды я попросила маму, чтобы именно она пришла за мной в детсад. Она сказала, что придёт, как всегда, Слава, но я умоляла, чтобы она пришла. И вот я всем сообщила, что за мной тоже сегодня придёт мама. Наступило время, когда всех детей начали разбирать, а я осталась одна. «Галя, ты что же не уходишь?» - спросила меня Надежда Николаевна. «Я жду маму», - отвечаю. «Не жди, иди, ты же рядом живёшь». «Нет, она придёт», - настаивала я. Все ушли, остались мы вдвоём со сторожем. Уже стемнело, а я всё ждала её. А бедная мама в это время бегала по всем знакомым в поисках меня, пока не вспомнила. Она прибежала в детсад и вместо того, чтобы обрадоваться, стала стыдить меня за глупости, считая меня уже большой девочкой и напомнив мне, что в этом году я пойду уже в школу.

Пришло лето, детский сад закрыли, а нам на прощание подарили по портфелью. Осенью я иду в школу.

Первого сентября мама вручила мне в руки букетик, составленный из цветов, которые росли у нас под окном на клумбе. А клумбы принадлежали только тем, кто жил на первом этаже и у кого окна выходили в палисад. Мама очень любила анютины глазки, тут же красовались тигровые лилии, флоксы, дельфиниумы, которые мы называли сапожками. И еще у всех было по одному собственному деревцу или кустику, растущему за клумбами. У нас была собственная

рябина, у соседей Мамонтовых, окно которых было слева, - несколько кустов малины, а у Носковых, окна которых справа, - собственная черёмуха. Никто не имел права без разрешения трогать чужое. А если иногда бес меня всё-таки попутывал и я протягивала руку к поспевшей малине или пыталась дотянуться до спелой черёмухи, я тут же слышала сердитый окрик мамы: «Не смей!»

В первый класс с нашего двора пошло сразу человек пять, не меньше. Но странно, что все мы попали в разные классы. Правда, мы с Витькой попали в класс «А», а моя подруга Неля Куликовская - в «Б», а Лёлька Брагина - в «В». Витька потом остался на второй год, и я уже одна с нашего двора осталась в классе «А». Я уже не помню теперь точно, провожали нас родители или нет первого сентября. Помню только, что пока мы добрались до школы, цветочки все завяли.

Школа наша была начальной, т.е. четырёхклассной. Это был деревянный дом с большим и каким-то пустым двором, на котором стояло только спортивное бревно. Первая учительница не произвела никакого впечатления. Она была темноволоса, с косой, положенной от уха до уха, с крупными, но тусклыми глазами, и бровями, сведёнными к носу, что придавало ей и без того суровое выражение лица. Около неё всегда крутились наши активистки, родители которых могли что-то достать или сшить, что в эти десятилетия тотального дефицита было соблазнительно. Зато когда она болела, её замещала учительница без руки Антонина Васильевна. Справедливая, беспристрастная, она не могла терпеть подлиз, относилась ко всем ребятам ровно и поэтому была любима всеми учениками, от неё веяло добротой и покоем, и ребята просто раскрепощались в её присутствии, и результаты были удивительны.

На переменах, чтобы мы не шалили, нас организовывали. Выходила учительница физкультуры с баяном в руках. Маленькая, толстенькая, она усаживалась на стул, и её почти не было видно из-за этого громадного

баяна. Сначала мы водили хороводы, под музыку играли в «каравай». Вот тут и выявлялись все наши симпатии - мальчиков к девочкам и наоборот. Потом нам Галина Николаевна, так звали баянистку, давала порезвиться. Ставили стулья, и надо было успеть занять один из них, после того как она резко оборвёт мелодию, обычно какую-нибудь бравурную. Эта игра нравилась, пожалуй, больше всего. Затем выходила уборщица в синем халате и звонила в колокольчик. Начинался очередной урок. После уроков мы, те, что жили в одном доме, как-то сами собой собирались в одну кучку и буквально плелись домой. Обратно нас шло ещё больше, попутчики до одного перекрёстка, потом до другого, и потом оставались только одни наши.

Лучше всех из нас училась, пожалуй, Неля, т.к. её старшая сестра Татьяна была на два года старше, училась уже в третьем классе и поэтому всегда могла ей помочь. Я увидела Нелю в первый раз наголо подстриженной, что всё равно нисколько её не портило, в панамке, с красивыми лучистыми глазами. Куликовские - это люди, которые так же навсегда вошли в мою жизнь, как Никитины, как Носковы. Отец Нели, для нас дядя Витя, ленинградец, сын адвоката, офицер, который во время войны был контужен и каким-то образом попал в Вологду, наверное, в госпиталь, как когда-то и мой отец. Настоящее имя его Иосиф Иосифович Куликовский. Я не знаю, каким образом он стал Виктором Ивановичем, видимо, так нужно было, да мы никогда об этом и не задумывались. Долгое время дядя Витя считал, что его первая семья - мать, жена, и дочка Рита умерли в блокаду. В своё время его поиски ничего не дали. Он женился на будущей Нелиной маме, Татьяне Николаевне Бахваловой, фельдшере по специальности, красивой голубоглазой девушке. К тому времени тётя Таня родила ему уже двух девчонок, Татьяну и через два года Нелю, как вдруг отыскалась первая его семья. Дядя Витя поехал в Ленинград. Два месяца от него ничего не было, один Бог знает, что

пережила тогда тётя Таня. Но в один прекрасный день он вернулся в Вологду уже навсегда. Человек нервный, взрывной, ревнивый, тем не менее он очень любил и тётю Таню и девочнок. Жить с ним было очень трудно, но на него можно было положиться. Работал он землекопом и был очень непривередлив в быту. Я помню его всегда с книгой в руках: за обедом, лёжа на диване, сидя на корточках с папироской. В их доме читали все и знали толк в хорошей литературе. Мы побаивались дядю Витю и в его присутствии не позволяли ничего лишнего. А когда подростки, а им было уже лет четырнадцать-пятнадцать, вдруг узнали, что мать беременна и собирается рожать, они были в шоке. Неля прибежала ко мне в слезах: «Галька, наша мать беременна, у неё уже живот видно, мне так стыдно, - рыдала Неля, - я боюсь, что над нами с Танькой будут смеяться и дразнить». Так вскоре на свет появилась всеобщая любимица - Маринка. Так трогательно было смотреть, как дядя Витя, пятидесятилетний, заросший щетиной молодой отец, с такой нежностью и любовью возился с новорожденной, ласково называя её «малька моя». Когда Маринка спала, то никто не имел права даже пошевелиться в доме, что иногда вызывало у нас, девочнок, иронию, и мы за спиной дяди Вити, даясь от смеха, начинали с Нелькой жестикулировать, имитируя глухонемых. Когда он, почувствовав, что его дураят, резко поворачивался к нам, ловя нас на каком-нибудь очередном пассае руками, глаза его становились бешеными, и он орал: «Ты, Нелька, садись за уроки, а ты, Юрова, иди домой». От его крика просыпалась Маринка и начинала плакать.

Сестра Нели Татьяна была постарше нас года на два и училась в женской школе, которые к тому времени еще существовали в стране. У Татьяны косил один глаз, причём очень существенно, и была она весьма упитанная девочка, поэтому зачастую становилась объектом злых прозвищ со стороны некоторых ребят. Наверное, поэтому во дворе она почти ни с кем не

дружила, а сидела дома, занимаясь уроками и читая книжки. Мы считали ее самой умной, но и вредной девчонкой. Она очень ловко раздавала нам разные прозвища, не щадя порой даже свою сестру. Когда Татьяна окончила школу и ей сделали операцию на глазу, то вдруг мы, девочки и мальчишки, увидели её глаза цвета небес, плюс её правильные черты лица да роскошные светлогордые волосы. Нашему восторгу не было конца. Она казалась неземной красавицей, стала сразу как-то мягче и добрей, а позднее у неё появилась масса кавалеров. Она окончила Ленинградскую школу милиции, получив специальность следователя, вернулась в Вологду, отслужила положенный срок, вышла на пенсию и полностью посвятила себя семье младшей сестры Марины, у которой трое детей.

Их мать, тётя Таня, в пятидесятые годы работала врачом в санпропускнике, где проходили комиссию новобранцы, и она частенько водила туда помыться заодно и нас, девочнок, которые, в ту пору всеобщей вшивости, не были исключением. Там нам выдавали по кусочку жутко пахнущего дегтярного мыла, что в то время было панацеей от этого нашествия на наши головы. Вшивыми в ту послевоенную пору были, похоже, все. В школе процедура проверок на вшивость проходила с таким унижением и попранием личности, что мы, школьники, со страхом сидели на первом уроке в ожидании, что сейчас откроется дверь, войдет медкомиссия во главе со школьной медсестрой и начнёт ворошить волосы на наших головах, а потом записывать в журнал. В этот момент я видела, как у сидевшей впереди меня ученицы по пионерскому галстуку ползёт вошь. Мы замирали от ужаса, когда комиссия приближалась к каждому из нас, и облегченно выдыхали: «Слава Богу, пронесло». Но не дай Бог, если у кого-то находили, то те же ребята беспощадно дразнили друг друга.

Куликовские самыми первыми приобрели телевизор, и я всё своё свободное время торчала у них. Мы были

свидетелями зарождения КВН, Клуба кинопутешествий, кинопанорамы - это был тогда мощный источник познаний, но обратной стороной медали повернётся уже позднее, когда телевизор заменит всё, отучив, вернее, не приучив последующее поколение к чтению книг. Тетя Таня, когда Неля в семнадцать лет выйдет замуж, а Таня уедет на учёбу в Ленинград, станет для меня большим взрослым другом. Я ходила к ней со всеми моими девичьими проблемами, чем вызывала ревнивое чувство у мамы, и когда мы с мамой ссорились, то она непременно говорила: «Сходи, сходи, к Куликовской, пожалуйста на себя».

Негласным правилом ребят нашего двора было будить друг друга, когда кто-то опаздывал в школу. Моя мама уходила на работу в шесть часов утра, будила меня, но я тут же засыпала и просыпалась только тогда, когда кто-то ломился ко мне в дверь, иначе я не слышала. Я наскоро завязывала хвостик и, плюхнув на лицо холодной воды, выскакивала, чтобы догнать ребят. В конце года, я помню, у меня в табеле по успеваемости было по двести опозданий, впрочем, как и у остальных ребят нашего двора. А обратно мы шли нога за ногу, не спеша, обсуждая все «мировые проблемы» на ходу.

Недалеко от нас стоял клуб завода

«Северный коммунар», и туда мы ходили за десять копеек в кино. После просмотра любого фильма мы всегда мечтали быть похожими на главного героя. Если это был «Подвиг разведчика» или «В квадрате 45», то мы непременно хотели стать все разведчиками, а после просмотра фильма «Свинарка и пастух» с Мариной Ладыниной и с Зельдиным все девочки были влюблены в красавца-героя, повторять его псевдокавказский акцент.

В этом клубе меня впоследствии принимали в пионеры. Я помню этот апрельский день, когда нас в клубе выстроили в линейку и какой-то Червяков, наверное, главный пионер города, сначала говорил какие-то похвальные слова, потом мы вслух произносили «Торжественное обещание юного пионера», затем старшеклассники повязывали нам пионерские галстуки. Старшеклассница оказалась какой-то неуклюжей девчонкой и долго сопела надо мной, в результате завязав галстук неправильно. Но это всё равно не испортило мне торжества. Я шла домой гордая, не застёгиваясь, и галстук развевался на моей груди. Мне хотелось, чтобы все вокруг видели, что я теперь пионерка, а это значит, что я выросла из младшего возраста, став взрослей.

Окончание следует.

«...И ДУМ СПАСИТЕЛЬНЫЙ РОДНИК»

Случаются на свете чудеса...

Они происходят тем чаще, чем более пылливо вглядывается в мир человек, чем внимательнее он ко всему окружающему, чем добрее его взгляд.

Часто профессия заставляет пристальнее всматриваться в мир. К примеру, музейщик всегда смотрит на всё с интересом, с ожиданием открытия. И не напрасно.

Незнакомый человек зашёл в музей и принёс тетрадь, объёмом, да и внешним видом напоминавшую старинную книгу, правда, без переплёта.

- Вот, нашёл на чердаке. Может, имеет какую-то историческую ценность?

С трепетом беру в руки находку.

На титульном листе, оформленном так, что с первого взгляда кажется, что это действительно книга, удивительно чёткими красивыми печатными буквами написано:

«Струны. Стихотворения Л. Макарова. Посвящается...»

Меня вдруг охватило какое-то радостное волнение. Так бывает, когда чувствуешь, что предстоит встреча с чем-то неизвестным, но прекрасным. Как гурман, не торопясь и со смаком приступает к вкушению любимого яства, так и я с наслаждением раскрыла первую страницу загадочной рукописи.

В аккуратно вычерченной пером рамке, напоминавшей строгую багетную раму картины, безупречным печатным шрифтом было написано:

Бывают у души

*минутные мгновенья,
Когда парит она в чертог*

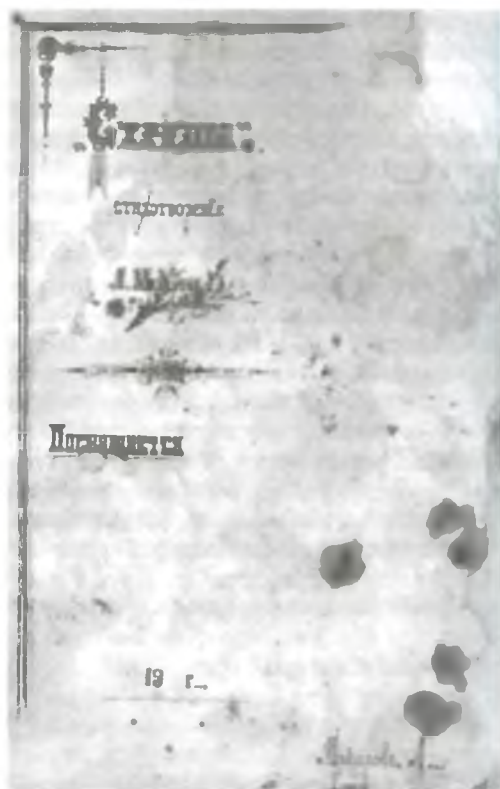
*святой мечты,
Волшебно-светлая,*

*на крыльях вдохновенья -
Из мира тайных мук, страстей*

и суety...

И всё это - на фоне графического изображения какого-то невиданного мною дерева, напоминавшего пейзажи с японских гравюр.

А дальше - стихи, написанные ве-

ликолепным каллиграфическим почерком коричневыми чернилами, а кое-где карандашом. Под стихами - даты и иногда место написания.

Вот что мы видим на второй странице:

ПРОЩАЙ!

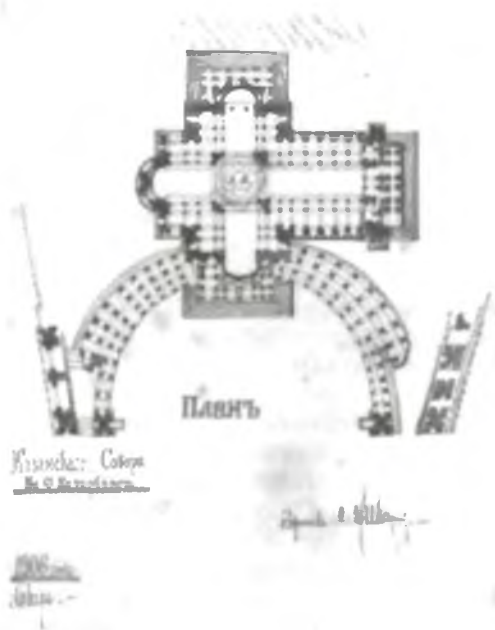
Прощай, свобода золотая,

Прощайте, бывшие друзья,

Прощай, природа молодая,

Прощай, легенда бытия!

Прощай, промчавшаяся младость,

И ты, о дева дней былых,
Прощай и ты, о жизни радость,
Прощай во цвете дней моих.

Ноябрь 1902 года, Вологда

По всей вероятности, автора призывали в армию. Под стихами меняются названия мест: Ярославль, Горки, лагеря под Тамбовом, Курск, д. Ласки, с. Горелое, Воронеж, Моршанск... Среди лирических строчек появляются военные мотивы.

Ну! Грянем, братцы, новую
Мы песенку в строю -
Про меткую, стрелковую
Винтовочку свою!..

Но чувствуется, что военные стихи - только дань обстоятельствам и главная тема поэзии - лирика.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Здесь всё: и первые волненья,
И первый звук души больной,
Живые тени впечатленья,
И сна утеранный покой.

Былой любви бывшие ласки,
Забывших снов живой язык,
От жизни отнятые сказки
И дум таинственный родник.

Здесь всё, что только говорило
Душе доверчивой моей,

*Что пламя жизни заронило,
Влекло туманною звездой.*

*На память лет рукой небрежной
Я заносил свои мечты -
В порыве бури безмятежной,
В самозабвенье красоты...*

Среди стихов обнаружилось вдруг несколько прозаических набросков и аккуратно перенесённая в тетрадь переписка с женой, где среди будничных строк вспыхивают ярким чувством поэтические откровения:
*Всё случайное промчится,
Всё гнетущее пройдёт!
Нужно веру, чтоб молиться,
Нужно силу - жить вперед!*

Но, кроме волнующих лирических творений, в этой удивительной тетради поражают и творения другого рода.

Каждый лист рукописи начинается с редкого по изяществу и тончайшего по технике исполнения рисунка пером.

...Вот крестьянин, с длинной седой бородой, в лаптях и обмотках, тяжело спускается с крыльца.

А вот в ровно очерченном круге, словно под лупой, миниатюрный пейзаж со скалами, величественными елями и парящими над ними птицами.

...Уголок деревянного крыльца...

Величественный храм...

...Ветхая избушка...

Коровы у ручья...

...Селение у подножия гор...

Морской пейзаж с двумя парусниками...

И каждый новый лист - новое маленькое чудо!

Вот в круге, как в янтарной бусинке, словно живая, муха...

А здесь - сквозь кирпичную стену прорастает цветок.

...Ласточка вспорхнула в погоне за бабочкой...

И вдруг: «План Казанского собора в С.-Петербурге. Чертил Л. Макаров. 1906 год. Январь». И на целую страницу план собора - вид сверху.

Кто этот человек - Леонид Мака-

ров? Что ещё осталось от него на земле? Как эта тетрадь оказалась в старом доме, который нынешние его обитатели приобрели в 1946 году вместе с загадочным содержимым чердака в деревеньке Филяево, что под Кадниковом в Вологодской области?

Может быть, кому-то удастся продолжить поиск и ответить хотя бы на один вопрос?

А пока... Пусть звучат и находят отклик в душах ныне живущих строки, рождённые страдающей, чуткой душой целый век назад:

*Порой между чуждым рассказом
В час вечера грустной волной,
Звучал порождённый экстазом
Стих робкий, застенчивый мой.*

*В нём смутно надежды витали,
Вставали из хаоса грёз
Забытые сны и печали
С жемчужными блёстками слёз.*

*Былое порой вспоминалось:
Как зорьки, горели мечты,
И вся в них душа отражалась,
Как в зеркале вод лишь цветы.*

*И всё, что звучало мгновеньем,
И всё, что не пелось порой,
Всё пелось с каким-то сомненьем,
С какой-то упорной тоской.*

*Сюда не занёс я, - о, знаю! -
Ни счастья, ни света с собой:
Я слишком страдал и страдаю,
Я слишком отзывчив душой!*

Лидия МОКИЕВСКАЯ

НА ВОЛЕ, СРЕДИ ПРИРОДЫ

Белозерский уезд в охотничьей литературе XIX - начала XX века

История России неразрывно связана с историей охоты на ее огромной территории. Если до XIX века об охоте можно было судить только по летописям и впечатлениям путешественников, то развитие письменности дало возможность сформироваться целому направлению - охотничьей литературе. Труды С.Т. Аксакова, А.А. Черкасова, С.А. Бутурлина до сих пор составляют ее золотой фонд. Сцены охот в произведениях Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, М.М. Пришвина, А.П. Чехова и других классиков создали образ охотничьей России и

образ охотника как человека смелого, благородного, любящего и понимающего природу. Многие же известные и популярные в прошлом писатели, охотники, экологи и природоведы оказались незаслуженно забыты, в том числе и на своей малой родине.

В 2007 году в фонды Белозерского музея были переданы в дар оригиналы черно-белых фотографий разного формата со сценами охоты. На оборотах были сопроводительные подписи с датировкой - 1907 год. Происхождение фотографий было неизвестно, не было данных ни о месте съемки,

Поездка на охоту в лес к окладу

ни об авторстве. С этих фотографий и было начато краеведческое исследование о белозерских писателях-охотоведах XIX - начала XX века. Интерес представляют не только сами фотографии, по которым можно судить об охотничьем снаряжении, оружии, охотничьих собаках, но и подписи. В первую очередь обратило на себя внимание имя одного из охотников - Леонард Францевич Винницкий. По стечению обстоятельств в это же время вышел майский номер журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 2007 год, в котором была опубликована статья - краеведческое исследование вытегорского школьника В.А. Смирнова, посвященная Л.Ф. Винницкому - самому результативному охотнику на медведя в России.

Леонард Францевич Винницкий (1861-1918 гг.) - потомственный дворянин, инженер Ведомства путей сообщений, охотник, эколог, художник-анималист, меценат. Леонард Францевич 25 лет возглавлял Вытегорский тех. участок Мариинской водной системы и все свободное время активно занимался охотой, сбором естественно-научных коллекций. В 1913 году, после выхода в отставку, Л.Ф. Винницкий на собственные средства создал музей местной фауны при Вытегорском реальном училище (ныне Вытегорский краеведческий музей) [9].

В публикации о Л.Ф. Винницком было упомянуто имя Н.А. Мельницкого, автора книги «Медведь и медвежья охоты», и приведены фотографии охоты из этой книги.

Мельницкий Николай Александрович

(18 ?.-19 ?.) - белозерский дворянин, охотник, писатель, эколог, автор многочисленных рассказов и очерков, посвященных в основном охоте на медведя. В 1915 году в Петербурге вышла его книга-монография «Медведь и медвежья охоты». Удалось установить, что Николай Александрович владел имением Филяево Бечевинской волости (ныне жилая), 544 десятинами земли, хозяйством заведовал сам [1]. Н.А. Мельницкий упоминается в «Памятных книжках Новгородской губернии» за 1890-1916 годы как гласный Уездного Земского Собрания и неперменный член Белозерской уездной землеустроительной комиссии [6 7].

Большая часть материала для публикаций Мельницкого была собрана им в Белозерском уезде. В статьях можно найти уникальный материал о жизни уезда в XIX веке, в том числе статистические данные, данные фенологических наблюдений, описание занятий и быта местного населения.

Во всех своих произведениях Мельницкий пропагандирует бережное отношение к природе и неприятие браконьерства. К сожалению, значительная часть проблем XIX века актуальна и по сей день. Вот несколько цитат из статьи Н.А. Мельницкого от 1888 года: «Дороги в уезде находятся в самом первобытно-отвратительном

Около берлоги медведь весит 12 пудов.
Справа налево Л.Ф. ВИННИЦКИЙ,
М.П. МАРТЯНОВ, А.М. СОХИН

Добыча

состоянии. Езда по ним летом - настоящая каторга»; «Наиболее легкой добычей алчности наших аборигенов становятся тетеревиные». Вот что рассказывал мне один из таких хищников:

- Куропатей у нас, барин, страсть сколько! Во Петровки только выдь на болото - кобель сейчас найдет выводку. Маточка-то прочь не летит и как сядет на кочку, тут ее и стрелишь. И подчас в день до десятка убьешь.

- Но ведь и детки пропадут? - протестовал я.

- Зачем пропадут? Их всех кобель кряду переест»; «По понятиям населения, дичь ничья, Божья, а потому всякое ограничение охоты кажется ему ни с чем не сообразным, диким.

Частные владельцы об охране дичи и не помышляют» [5].

Лучшие страницы трудов Мельницкого - это, безусловно, описание охот на медведя, в которых он сам принимал участие.

Прекрасное знание экологии животных, личная смелость, образный язык, чувство юмора и живые диалоги создали авторитет Мельницкому как писателю и охотнику. Последнее

переиздание книги «Медведь и медвежьей охоты» вышло в 1997 году [4]. Кстати, эта книга вышла с посвящением еще одному писателю - Николаю Николаевичу Фокину.

Николай Николаевич Фокин (1869(?) - 1914 гг.) - белозерский дворянин, писатель, поэт, редактор и издатель журнала «Наша охота», выходившего с 1907 по 1917 год. В энциклопедии «Сто великих русских охотников» ему посвящена отдельная статья «Издатель популярного журнала» [8]. Н.Н. Фокин оставил заметный след в российской охотничьей журналистике, по отзывам специалистов, журнал «Наша охота» - один из лучших периодических тематических изданий России. Почти в каждом современном охотничьем издании до сих пор можно встретить статьи из журнала «Наша охота».

Большую работу по сохранению памяти о Н.Н. Фокине проводит историк-библиограф, член редколлегии альманаха «Охотничьи просторы» Михаил Владимирович Поддубный. В альманахе постоянно публикуются статьи о писателях-охотоведах прошлого, переиздаются их произведения. Так, в 2006 году была опубликована переписка Фокина с выдающимся орнитологом и охотоведом С.А. Бутурлиным, хранящаяся в фондах Ульяновского областного краеведческого музея [3].

О белозерском периоде жизни Н.Н. Фокина с 1869 по 1907 гг. почти ничего не известно. Даже дата рождения установлена косвенно - из переписки с С.А. Бутурлиным. Скорее всего, именно в Белозерске была написана большая часть художественных произведений. Это книги «Очерки и рассказы», «Охоты и охотники», очерки «Ток глухарей», «Охота на зайцев-беляков» и др. Сам он пишет: «В лучшее время моей жизни я жил на воле, среди природы, свободный, как ветер, посвящая все свое время превосходным, богатым дичью необъятным угодам» [3].

Хотя фамилия Фокины в Белозерске одна из распространенных, нам пока не удалось ничего узнать о Н.Н.

Медведь около 8 пудов.
Охотники Л.Ф. ВИННИЦКИЙ, А.М. СОХИН,
Федор СОХИН (на заднем плане)

Фокине: нет информации ни об имении (возможно, было зарегистрировано на кого-то другого), ни каких-либо других данных.

В 1907 году Н.Н. Фокин переезжает в Петербург и начинает издавать журнал «Наша охота». Формально издатель журнала - его жена и единомышленник Александра Николаевна, а Николай Николаевич - главный редактор. Именно Александра Николаевна продолжила издавать «Нашу охоту» и после смерти мужа - с 1914 по 1917 год. Фокин отдавал журналу все свои силы и материальные средства. Потребовались огромные усилия, чтобы журнал выходил и сохранял высокий уровень качества публикаций.

В письме от 5 августа 1908 года Фокин пишет «...журнал дорог мне, как кровь, - в него вложена моя душа. То, что затрачено на издание, я, конечно, никогда не верну, да и не надо, так как имею другие средства (доход с пожизненного владения)» [3]. С журналом сотрудничали выдающиеся ученые и писатели. В их числе С.А. Бутурлин, А.П. Ивашенцев, С.Н. Алфераки и многие другие. Николай Николаевич мечтал вернуться в Белозерск и даже перевести издательство к себе в имение: «Ах, как я рвусь из Петербурга, как манит меня простор и свобода! Но чертовски трудно выбраться - сижу как в тисках!» [3]. Рассказ о Н.Н. Фокине и его журнале

можно закончить словами М. Поддубного: «Журнал «Наша охота» - один из самых выдающихся памятников российской охотничьей периодики. Высокий уровень помещенных на его страницах статей и беллетристики (достигаемый благодаря прежде всего каторжному редакторскому труду Фокина), блестящий подбор авторских имен, сравнительно небольшой объем - всё это превращает сегодня «Нашу охоту» в весьма подходящий объект для репринтного воспроизведения. И если этого еще не сделано, то лишь потому, что культурный уровень журнала гораздо выше запрашиваемого охотничьим книжным рынком современной России» [3].

Мельницкий, Фокин и Винницкий были очень хорошо знакомы. Н.Н. Фокин публиковал работы Мельницкого и не раз упоминает о нем в переписке. При написании книги и статей Н.А. Мельницкий использовал дневники и фотографии Л.Ф. Винницкого, и как уже говорилось, книга «Медведь и медвежьи охоты» посвящена памяти Фокина.

Возвращаясь к фотографиям, обратим еще раз внимание на фамилии охотников. Мартынян Петрович Мартыянов - широко известный вытегорский окладчик и организатор охот, жил на Шимозере [9], то есть фото с подписью «В избе у Мартыянова» сделано в Вытегорском районе, недалеко от границ с Бабаевским и

13-14 февраля 1907 г.

Охотничий трофей

Белозерским (по современному административному делению). Теперь о датах: это первая половина февраля 1907 года. Обратимся к книге Н.Н. Изнара «Медвежьи охоты в Олонецкой губернии». (Николай Николаевич Изнар (1851-1932) - общественный и государственный деятель, занимался железнодорожным строительством, в 1920 году эмигрировал во Францию, где возглавлял Союз русских инженеров). Эта книга начинается со слов из письма Л.Ф. Винницкого, в котором он приглашает автора на медвежью охоту, и даты выезда Н.Н. Изнара из Петербурга - 17 января 1907 года [2]. С большой долей вероятности можно предположить, что фотографии были сделаны именно на этой охоте и яв-

ляются иллюстрациями к книге.

Более того, на неоднократно копированных иллюстрациях из книги Мельницкого, изданной в 1915 году [9], мы легко узнаем большую часть лиц, то есть фотографии, переданные в музей, - это фотографии как минимум из той же серии.

Материал, приведенный в этой статье, был частично использован в 2007 году при оформлении экспозиции музея природы «Чарующий край - Белозерье». Раздел «Охота» был посвящен медвежьим охотам XIX - начала XX века. Удивил тот факт, что имена Фокина, Мельницкого, Винницкого абсолютно незнакомы землякам, хотя каждый из них, безусловно, заслуживает внимания. В отделе природы Белозерского областного краеведческого музея начато формирование архива, посвященного писателям-охотоведам, и исследования будут продолжены.

Наша задача - сохранение памяти об этих неординарных, увлеченных и талантливых людях, любивших природу и пропагандировавших охоту как рациональное и бережное использование природных ресурсов, охоту как явление русской национальной культуры.

Андрей ВОЛОВ,
заведующий отделом природы ГУК
«Белозерский областной
краеведческий музей»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Алфавитный список населенных мест Белозерского уезда (1861-1887). С. 176.
- ² Изнар Н.Н. «Медвежьи охоты в Олонецкой губернии» // Охотничьи просторы. - 2006. Кн. 1. - С. 4-28.
- ³ Из писем Н.Н. Фокина С.А. Бутурлину // Охотничьи просторы. - 2004. Кн. 1. - С. 214-233.
- ⁴ Мельницкий Н.А. Медведь и медвежья охота // Охота на медведей. Справочник. М.: Минск, 1997. С. 121-274.
- ⁵ Мельницкий Н.А. Медвежьи охоты // Природа и охота. М.: 1888. С. 60-90.
- ⁶ Памятная книжка Новгородской губернии на 1890 год. С. 115.
- ⁷ Памятная книжка Новгородской губернии на 1916 год. С. 227-228, 232.
- ⁸ Пискунов А.В. 100 великих русских охотников. - М.: Вече, 2008. С. 221-225.
- ⁹ Смирнов В.А. Леонард Францевич Винницкий // Охота и охотничье хозяйство. - 2007. - 4. С. 36-38.

ВОЛОГОДСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Покровитель наук Христофор Леденцов и его дело

17 декабря 2009 года в Москве, в Политехническом музее, состоялась конференция «Общество имени Х.С. Леденцова и современность». Организаторами конференции выступили Институт истории естествознания и техники РАН, Политехнический музей, МГУ им. М.В. Ломоносова и МГТУ им. Баумана. Конференция была посвящена 100-летию

Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова. Тема конференции - «Научно-техническая модернизация страны» - актуальна и в наши дни. Среди членов оргкомитета - ректор МГУ академик РАН В.А. Садовничий, ректор МГТУ им. Баумана академик РАН И.Б. Федоров, ректор РГГУ Е.И. Пивоваров, губернатор Вологодской области В.Е. Позгалев, глава города Вологды Е.Б. Шулепов, президент Международного союза научно-технических обществ академик РАН Ю.В. Гуляев, член-корреспондент РАН Н.Н. Леденцов, известные ученые и государственные деятели.

На конференции было заслушано 15 докладов известных ученых, посвященных деятельности Общества им. Х.С. Леденцова, жизни и свершениям самого Христофора Семеновича.

Среди блестящей плеяды российских предпринимателей, прославившихся своей благотворительной деятельностью, особое место занимает Христофор Семенович Леденцов, основавший частное общество поддержки научных исследований.

В царствование императора Николая II началась интенсивная модернизация экономики страны, прерванная затем февральским переворотом и продолженная после гражданской войны.

Всеобщее начальное образование, развитие тяжелой промышленности, электрификация всей страны, широкая сеть железных дорог, проект Московского метрополитена - все эти начинания начали осуществляться в Российской империи. Продолжение и развитие научно-технического прогресса последовало в СССР.

Российская империя начиная с середины XIX века отставала от Запада в техническом отношении. Многие русские ученые и изобретатели не получали необходимой государственной поддержки. Их выдающиеся открытия и изобретения подчас оставались невостребованными на родине и использовались за рубежом. Все военные поражения империи начиная с середины XIX века были обусловлены техническим отставанием: Крымская война

и оборона Севастополя, когда русская армия была вооружена гладкоствольными ружьями, а интервенты - нарезными винтовками; трагедия Цусимы, когда разгром русского флота произошел вследствие превосходства технических боевых характеристик японских снарядов, большей дальности боя японских орудий и быстроходности боевых кораблей. На сухопутном театре военных действий отрицательно сказывалась неразвитость сети железных дорог, что затрудняло перемещение войск и подвоз оружия, боеприпасов и продовольствия. Поражения в Первой мировой войне также были во многом обусловлены нехваткой снарядов, артиллерии, аэропланов и новейших образцов вооружений.

Предтечей русской модернизации XX века выступало в веке XIX предприимчивое купеческое сословие русских предпринимателей. Профессора Московского университета А.П. Богданов и А.Г. Столетов без труда убедили московских купцов-промышленников пожертвовать значительные средства на научно-просветительский проект - строительство Политехнического музея в центре Москвы.

Особое место в развитии отечественной науки и техники занимает один из наиболее состоятельных

Христофор Семенович ЛЕДЕНЦОВ

граждан империи инженер-предприниматель Христофор Леденцов - предтеча советской модернизации.

Родился Христофор Семенович Леденцов в 1842 году в семье вологодского купца первой гильдии Семена Алексеевича Леденцова.

Христофор Семенович Леденцов окончил Вологодскую губернскую гимназию, с похвальным листом завершил обучение в Московской практической Академии коммерческих наук (1862). Для продолжения образования юноша отправился в Кембриджский университет.

Женитьба породнила его с семьей известных вологодских купцов Белозеровых. Христофор Семенович унаследовал довольно значительный капитал и умело его умножил. Был владельцем винокуренного завода, нескольких доходных домов в Петербурге и Вологде, имений в московских Сыромятниках, на Сходне и под Звенигородом, имел магазин в Вологде, занимался торговлей льном и пушниной.

Основное богатство принесли Леденцову акции железных дорог, для того времени самые доходные.

Увеличив своим неустанным трудом состояние семьи, Христофор Семенович стал одним из богатейших представителей российского купеческого сословия.

Энергичный, талантливый, энциклопедически образованный (его личная библиотека насчитывала несколько тысяч томов научной и технической литературы, не считая остальных книг), Христофор Семенович знал восемь иностранных языков, в молодости много путешествовал по Европе, изучая организацию различных производств. Любовь к науке и технике стала семейной традицией: сыновья Христофор и Максимилиан закончили Императорское московское техническое училище (нынешнее Бауманское), оба выбрали карьеру инженеров, а Максимилиан стал еще и изобретателем цветной фотографии. Ныне здравствующий купеческий правнук Николай Николаевич Леденцов - известный физик, член-корреспондент РАН.

Семья Христофора Семеновича не знала роскоши, потребности были просты и разумны. Уклад семейной жизни сочетал строгую дисциплину и высокую духовную и интеллектуальную культуру. В роду Леденцовых ценились глубокие знания в сочетании с широким научным кругозором, утонченный профессионализм. Супруга Христофора Семеновича, Серафима Николаевна, занималась благотворительностью еще в девичество, продолжая традиции рода Белозеровых. Помощь нуждающимся стала семейным правилом. Разумная благотворительная деятельность Христофора и Серафимы Леденцовых была многогранна. Приведем лишь некоторые примеры.

С 1869 года Христофор Семенович входил в состав вологодского комитета Скулябинского дома призрения, а 1 сентября 1884 года открыл богадельню, построенную на средства своего отца, в то время уже покойного. Х.С. Леденцов был членом Общества вспомоществования нуждающимся ученикам вологодской гимназии. С образованием Вологодской городской

думы в 1871 году Христофор Семенович был избран ее гласным, а с 1883 по 1887 год возглавлял Вологду в должности городского головы. 14 марта 1885 году он выступил на собрании гласных Вологодской городской думы с предложением создать в городе ломбард: «Я считаю предметом существенной важности и обязательной необходимости, - сказал он, - учредить при городском общественном банке кассы ссуд или городской ломбард. Учреждение такого ломбарда имело бы своей задачей если не уничтожение, то, по крайней мере, значительно уменьшить ростовщичество, достигшее у нас громадных размеров...» У думы, однако, не оказалось денег для создания такого учреждения, и Х.С. Леденцов пожертвовал в основной капитал причитающееся ему жалованье городского головы - 6162 руб. 72 коп. Городской ломбард открыли 25 октября 1888 года - это было первое учреждение подобного рода в России. Устав вологодского ломбарда стал образцом при создании ломбардов в других городах. Закладчиками стали главным образом городская беднота и крестьяне близлежащих к Вологде уездов. Впоследствии по вологодскому образцу учредили у себя ломбарды Москва, Казань, Петербург, Нижний Новгород... В 1887 году, после кончины супруги, Х. С. Леденцов переехал из Вологды в Москву.

Среди людей своего круга Леденцова выделяло особое, трепетное отношение к отечественной науке, он всегда мечтал о ее процветании. Но о каком расцвете можно говорить, когда творческий труд русских ученых, инженеров, изобретателей практически не находил государственной поддержки?! Все чаще Христофора Семеновича посещала мысль о том, что он «должен послужить их делу». В 1897 году Леденцов писал: «Я бы желал, чтобы не позднее 3 лет после моей смерти было организовано Общество, если позволено так выразиться, «друзей человечества». Цель и задачи такого Общества - помогать по мере возможности осу-

ществлению если не раю на земле, то возможно большего и полного приобщения к нему. Средства, как я их понимаю, заключаются только в науке и возможно полном усвоении всеми научных знаний». Оригинальная мысль для воцерковленного человека.

Леденцов понимал губительность технического отставания России и пытался по мере своих возможностей помочь своему народу.

«Я не хочу дела благодворения, исцеляющего язвы людей, случайно опрокинутых жизнью, я ищу дела, которое должно коснуться самого корня человеческого благополучия».

Христофор Семенович сделал первый шаг на этом пути - стал одним из инициаторов создания в Москве Музея содействия труду, который должен был помогать продвижению в жизнь изобретений, облегчающих тяжелый физический труд рабочих. В 1900 году Леденцов передал Русскому техническому обществу 50 тысяч рублей для создания Технического музея содействия труду и был избран председателем его правления. Музей занимался просветительской деятельностью: организовывал лекции, издавал литературу, выпускал периодические издания, способствовал созданию первых профсоюзных организаций в России. В ходе создания музея Христофор Семенович познакомился с лучшими представителями московской научной и технической интеллигенции. На деньги Х.С. Леденцова в Москве, в Кривоколенном переулке, между Мясницкой и Покровкой, на кооперативных началах был построен комплекс зданий по проекту архитектора А.Э. Эриксона. Здесь разместились пять прекрасно оснащенных научно-исследовательских фармацевтических лабораторий и административно-складских помещений Владимира Карловича Феррейна (1834-1918 гг.) - основателя крупнейшего фармацевтического производства в России того времени.

Леденцов стремился не просто способствовать научным исследованиям, но хотел содействовать тому, что сей-

час называют «внедрением» научных достижений в практику.

Христофор Семенович переписывался с учеными, сблизился с такими известными московскими профессорами, как С.А. Федоров, К.А. Тимирязев, Н.В. Бугаев, М.М. Ковалевский. Поиск привел Леденцова к профессору Императорского Московского университета Николаю Алексеевичу Умову. В то время профессор Н.А. Умов был признанным не только научным, но и нравственным авторитетом. В 1897 году он был избран президентом Московского общества испытателей природы и пробыл на этом посту до своей смерти в 1915 году. Умов предложил Х.С. Леденцову создать в Москве специальную организацию, объединив в ней представителей естественных наук, техники и широкой общественности. Новое объединение должно было действовать под «покровительством двух старейших и обширнейших научно-учебных заведений Москвы - университета и технического училища». Тогдашний директор ИМТУ профессор С. А. Федоров принял живое участие в организации Общества и по праву стал впоследствии первым председателем его совета. А Н.А. Умов стал товарищем председателя, то есть заместителем.

Для реализации задуманного Х.С. Леденцов и его друзья-консультанты в 1903 году составили проект устава Общества, который предложили для обсуждения в особую комиссию в составе ректора Императорского Московского университета А.А. Тихомирова, директора Императорского технического училища С.А. Федорова, профессоров университета и технического училища и некоторых лиц из среды московских общественных деятелей, известных своими выдающимися трудами в области промышленности и техники.

Подобный троякий состав комиссии, по мнению инициатора проектируемого Общества, наилучшим образом гарантировал успех и наиболее правильное жизненное направление столь важного по значению и столь

оригинального по замыслу начинания.

Министерство народного просвещения сначала не приняло основание Общества при двух высших учебных заведениях. Внес свои поправки в устав и московский генерал-губернатор. Но самое большое затруднение вызвало внесение Министерством просвещения в устав параграфа, в соответствии с которым «Общество может быть закрыто Министерством по рассмотрении дошедших до него сведений о беспорядках в Обществе или о нарушениях устава Общества».

Дело затягивалось, и Леденцов внес в кассу Московского университета процентными бумагами 100 000 рублей «от лица, пожелавшего остаться неизвестным».

Христофор Семенович не дождался утверждения устава Общества, он умер в Женеве 31 марта 1907 года (ст. ст.), «оставив по духовному завещанию, совершенному им 13 апреля 1905 года и утвержденному к исполнению московским окружным судом, определением суда от 20 июня 1907 года все свое состояние на цели учреждения Общества». По завещанию Леденцова все его имущество должно было быть продано, а деньги - составить особый неприкосновенный капитал, поступающий в распоряжение Московского университета и Московского технического училища. Доход с этого капитала необходимо было использовать на деятельность создаваемого при этих вузах Общества содействия успехам опытных наук. Цель Общества, по мнению Леденцова, должна выражаться «преимущественно в пособиях тем открытиям и изобретениям, которые при наименьшей затрате капитала могли бы принести возможно большую пользу для большинства населения, причем эти пособия должны содействовать осуществлению и проведению в жизнь упомянутых открытий и изобретений, а не следовать за ними в виде премий, субсидий, медалей и тому подобного». Иными словами, главную задачу своего Общества Леденцов видел не в награждении уче-

ных и изобретателей, а во внедрении открытий и изобретений в практику народного хозяйства.

Проект устава Общества после долгих мытарств был утвержден. Вскоре после этого в Москве, в помещении Политехнического общества (Малый Харитоньевский переулок, д. 4), 24 февраля 1909 года состоялось торжественное открытие Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений. 17 мая того же года на первом организационном собрании был избран совет. В него вошли заслуженный профессор С.А. Федоров (председатель), заслуженный профессор Н.А. Умов (товарищ председателя), ректор Московского университета А.А. Мануйлов, а также профессора университета П.Н. Лебедев, И.А. Каблуков, А.П. Павлов, профессора Московского технического училища А.П. Гавриленко, П.П. Петров, Я.Я. Никитинский и В.И. Гриневецкий. Совет избирали общим собранием на три года. И только председатель его оставался бессменным.

В уставе отмечалось, что «действительными членами могли быть: а) лица, заявившие себя трудами в области естествознания и техники, б) лица, известные своей технической и промышленной деятельностью».

В число 110 действительных членов Общества были избраны такие выдающиеся ученые, как Д.Н. Анучин, А.М. Бочвар, В.И. Вернадский, В.В. Зворыкин, Н.Д. Зелинский, К.А. Круг, П.П. Лазарев, В.В. Пржевальский, Д.Н. Прянишников, С.А. Чаплыгин, А.Е. Чичибабин, Л.А. Чугаев. Почетными членами стали Н.Е. Жуковский, И.И. Мечников, К.А. Тимирязев. Это были наиболее выдающиеся научные умы того времени. Не менее известные ученые стали членами-корреспондентами общества - В.П. Горячкин, П.А. Велихов, В.Р. Вильямс, А.И. Россолимо и другие. В общество вошли и представители деловых кругов - директор Южской фабрики Н.Н. Алянчиков, председатель Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников, директора правления Богородско-Глуховской мануфактуры

Н.Д. Морозов и П.А. Морозов, директор Товарищества Новокостромской мануфактуры С. Н. Третьяков, директор правления Товарищества Московского металлического завода Ю. П. Гужон, а также представители гуманитарных наук П. И. Новгородцев, М. К. Любавский, инженеры, преподаватели высших школ.

С самого начала приступили к работе экспертные комиссии, организованные по направлениям науки. Их возглавили П.Н. Лебедев (электротехника, кинематика), Н.Е. Жуковский (воздухоплавание), И.А. Каблуков (химия), П.П. Петров и Я.Я. Никитинский (химическая технология, горное дело и металлургия), А.П. Гавриленко (строительное дело), В.И. Гриневецкий (двигатели), Н.Ф. Чарновский (машиностроение, орудия, аппараты). Эксперты комиссий должны были докладывать на заседаниях совета свои заключения по рассмотренным заявкам. 18 мая 1909 года совет собрался на первое заседание. Его председатель профессор С.А. Федоров в своей приветственной речи отметил: «Мы не встречаем подобного широкого поля деятельности, пожалуй, ни у одного из существующих учреждений, не только русских, но и иностранных...»

Задаче соединения «чистой» науки с ее техническими, практическими следствиями должно было способствовать сотрудничество в организуемом Обществе московских университета и технического училища. Особое значение имело положение о содействии осуществлению и проведению исследований, а не о наградах по их успешному завершению.

В России того времени не было научно-исследовательских институтов в современном нам смысле. Научные исследования проводились в университетах и других высших учебных заведениях, например, Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии. Академики - члены Петербургской Академии наук имели в качестве сотрудников одного-двух лаборантов. Леденцовскому Обществу принадлежит приоритет в создании

специализированных научных учреждений в России и развитии научных школ.

Заявления о субсидиях рассматривались быстро и демократично. В течение месяца экспертная комиссия представляла свое заключение, а совет принимал окончательное решение. Лицо, получившее субсидию, через установленный срок должно было отчитаться о том, как израсходованы полученные средства.

Многие изобретения и технические новшества, поддержанные Обществом, нашли свое применение в производстве. Вот некоторые из них: глазури для фарфора, фаянса, майолики, изразцов, облицовочных плит, глиняной посуды, разработанная Ф.Ф. Собесским; расчеты поддерживающей поверхности аэроплана, предложенные В.Ф. Апариным; пропеллер летательного аппарата с вращающей его частью - работа А.К. Тихомирова; «карманный микротелефон», созданный О.Д. Дурново.

Критерии экспертиз были очень высокими. Цифры здесь красноречивы: из 130 заявок, поданных в 1909 году, эксперты отобрали только 13, отказали 73 изобретателям, остальные получили рекомендации по дальнейшей работе. В первом полугодии 1911 года поступило 94 заявки, из них приняли лишь 20.

На организацию научных работ и экспериментов Общество выделяло значительные средства не только начинающим ученым, изобретателям-самоучкам, предлагавшим оригинальные исследовательские проекты, но и уже известным исследователям. Физиолог И.П. Павлов в 1910 году получил 50 тысяч рублей на устройство лаборатории по изучению высшей нервной деятельности.

Н.Е. Жуковскому в том же году выделили 2,5 тысячи рублей на работы в аэродинамической лаборатории Московского университета, где в это время устанавливали компрессор. П.Н. Лебедев, лишенный лаборатории и не только средств для продолжения исследований, но и средств к существованию после известных событий

в Московском университете в 1911 году, получил и то, и другое в Народном университете имени Шанявского и в Обществе имени Леденцова. Попечительским советом университета и советом Общества был высоко оценен научный уровень и достоинства исследований П.Н. Лебедева. Ему предоставили 15 тысяч рублей на устройство и оборудование физической лаборатории, которую он открыл при Народном университете им. Шанявского.

В 1912 году, незадолго до смерти, П.Н. Лебедев сделал эскиз лабораторных помещений для будущего Физического института - отдела Московского Научного института Леденцовского Общества. П.П. Лазарев продолжил дело своего учителя. На Миусской площади в Москве недалеко от университета Шанявского было построено на средства Леденцовского Общества специальное здание. В декабре 1916 года после торжественного молебна в этом здании был открыт первый научный институт в России - Институт биофизики и физики.

Вскоре после Октябрьской революции 1917 года этот институт был подчинен Наркомздраву РСФСР, руководимому Н.А. Семашко. В этом институте работали такие выдающиеся ученые, как П.П. Лазарев, В.В. Шулейкин, А.Л. Минц, С.И. Вавилов, Г.А. Гамбурцев, С.Н. Ржевкин. В 1929 году институт был реорганизован и стал Физическим институтом АН СССР - знаменитым ФИАНом. В 1920-е годы, благодаря организационным талантам Лазарева от него отпочковались Институт физики Земли, Институт рентгенологии и радиологии, Институт стекла. Биофизика на некоторое время лишилась своего института, биофизические лаборатории Лазарева и Г.М. Франка были созданы в структуре ВИЭМа - Всесоюзного института экспериментальной медицины. В 1952 году на базе лаборатории умершего в 1943 году П.П. Лазарева и других лабораторий был создан Институт биофизики АН СССР, ставший наследником института Леденцовского Общества.

На конференции в Политехническом музее, посвященной столетию Х.С. Леденцова

В Обществе действовал высококвалифицированный патентный отдел, заложивший начало развития отечественного патентоведения.

Периодическую материальную поддержку от Леденцовского Общества получали Московское общество испытателей природы, Карадагская научная станция, Русское физико-химическое общество и оргкомитет I Всероссийского съезда по вопросам изобретений, который состоялся в октябре 1916 года в Москве. Общество финансировало строительство научного центра для исследования нервной деятельности высших животных - «Башню молчания» для Института экспериментальной медицины. Абсолютную тишину внутри башни достигли сооружением двойных стен и специального изолированного фундамента. Общество поддерживало работы К.Э. Циолковского в области дирижаблестроения, пионерные работы по телевидению, исследования для создания эффективных катализаторов, строительство аэродинамической лаборатории ИМТУ.

В 1901 году приват-доцент Московского университета по кафедре физиологии Терентий Иванович Вяземский (1857-1914 гг.) купил большое имение «Карадаг» в Крыму, намереваясь создать здесь научно-исследовательский центр. В 1914 году, когда строительство лабораторного и административного здания было завершено, Т.И. Вяземский передал станции собственную библиотеку в 40 тысяч томов, одну из лучших научных библиотек в России того времени. 19 мая 1914 году научная станция с участком земли была передана в дар Леденцовскому Обществу.

С началом Первой мировой войны значительную часть средств Общество направляло на проведение исследований и приготовление остродефицитных медикаментов, в частности, морфия и кодеина. Их производство было налажено А.Е. Чичибабиным с помощниками в Московском техническом училище. Субсидировались также проводимые в 1916-1917 годах под руководством Н.Я. Демьянова опыты по получению новокаина в

Московском сельскохозяйственном институте. На субсидии Общества были созданы рентгеновские установки для медицинских целей, благодаря которым были спасены жизни многим раненым.

Выполняя завет Х.С. Леденцова, Общество считало приоритетными исследовательские проекты фундаментального значения, закладывающие начало новым направлениям в науке и технике. К ним относился и проект В.И. Вернадского об исследовании радиоактивных минералов на территории Российской империи. Обосновывая его, автор отмечал, что планируемая им работа, с одной стороны, «заключается в изучении явлений радиоактивности среди минералов и горных пород Российской империи, но, с другой стороны, связана с исследованием свойств природных соединений тора, урана, редких земель, благородных газов». Полученные знания «должны быть положены в основу всех наших поисков радиоактивных руд и всех наших соображений о распространении радиоактивных тел в земной коре...». По сути, это начало русского атомного проекта!

Ассигнования для названных работ Леденцовское Общество выделяло неоднократно. Это позволило закупить необходимое оборудование для минералогической лаборатории при Геологическом и минералогическом музее Академии наук в Санкт-Петербурге, которая позже стала первой в мире геохимической лабораторией. В дальнейшем по мере накопления материалов радиевых экспедиций лаборатория превратилась в радиогеохимическую, или радиологическую. На ее основе сформировалась крупная научная школа геохимиков и минералогов, заложившая базу для создания радиевой промышленности и развития радиогеологии.

В распоряжении ученых находилась и библиотека Общества - лучшая техническая библиотека Москвы того времени. К концу 1918 года она насчитывала 2,5 тысячи книг и 3,5 тысячи русских и иностранных научных и технических журналов.

О высоком авторитете среди просвещенных сограждан России организованного Леденцовым Общества говорил И. П. Павлов еще в декабре 1910 года: «Общество, уже располагающее большими ежегодными суммами для поддержки назревающих научных предприятий и потребностей в области естествознания и его приложений, Общество с особо благоприятными на здешней почве видами на дальнейший рост своих материальных средств, Общество с обширной жизненной программой и с практичным способом ведения дела, Общество, руководимое в своей деятельности коллегиями академических представителей теоретического и практического значения, представляется мне огромным, небывалым фактором русской жизни».

Незадолго до ликвидации в начале 1918 года Общество имело 295 действительных и почетных членов, бюджет в 94 тысячи рублей, 9 экспертных комиссий, библиотеку, издавало журнал. В апреле 1918 года члены его совета были приглашены в комиссию ВСНХ РСФСР для подготовки декрета по изобретательству. А через полгода постановлением того же ВСНХ имущество и средства Общества были объявлены национализированными.

Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х.С. Леденцова просуществовало всего девять лет - с 1909 по 1918 год. Негосударственное, независимое научное общественное объединение ученых-экспертов, которое руководствовалось интересами национальной экономики, народного хозяйства и опиралось на принципы актуальности изобретений и их социальной значимости, в 1918 году прекратило свою деятельность. Но даже за столь малый срок оно сыграло огромную, прогрессивную роль в судьбах научных и технических разработок, проводимых в России. В этом отразился социальный смысл благородного дара Х.С. Леденцова и его вклада в развитие производительных сил России - поощрение изобретательства, по-

мощь учебным заведениям и отдельным ученым страны.

Христофор Семенович всю свою жизнь оставался в первую очередь вологжанином. Его сыновья учились в Вологде, здесь жили его ближайшие родственники, здесь он хотел найти последнее упокое. Именно на своей малой родине Леденцов стремился внедрить наиболее передовые технологии в практику средних и мелких кустарных и крестьянских хозяйств. При его поддержке вологодское масло стало знаменитым на весь мир. После смерти Х.С. Леденцова в Женеве тело его было перевезено в Вологду и предано земле на Введенском кладбище. На надгробии, выполненном из красивого черного гранита, можно прочесть слова из его завещания: «Наука - средство, ведущее к возможному благу человечества» и «При наименьшей затрате капитала принести возможно большую пользу большинству населения».

К 1914 году реализация имущества Леденцова принесла 1.881.230 рублей. Распродажа недвижимости продолжалась вплоть до закрытия Общества и принесла капитал в три миллиона рублей. Есть данные о том, что в 1918 году были экспропрированы не все финансовые средства Общества. Уезжая лечиться в Швейцарию, Христофор Семенович продал многое из того, что имел в России, и выручил огромные деньги. Большая их часть была помещена в зарубежные компании и банки. Так, капиталы, завещанные Обществу, были застрахованы в нью-йоркском отделении английской страховой компании «Эквитабл», представитель которого г-н Полевой состоял членом Общества. Страховой компании удалось без потерь пройти через бурный XX век и увеличить свои активы. Правопреемники Общества могут рассчитывать примерно на более чем 200 миллионов долларов. Всего на деятельность Общества в пересчете в рамках современной финансовой системы Христофором Семеновичем было пожертвовано более 700 миллионов долларов.

Леденцовское Общество впервые в

мире решило основную организационную задачу изобретательства, включив его в единый процесс разработки и внедрения новой техники, поскольку могло идти на значительный инновационный риск.

Общество занималось созданием инновационной среды в целом, включая сеть лабораторий и других научных центров, в которых специалисты работали над взаимосвязанными темами.

В документах Общества последовательно отстаивается мысль, что именно пронизанность жизни стремлением к научному и технологическому совершенству не просто создает «серьезную и ясно ощущаемую экономическую заинтересованность», но делает бытие осмысленным и продуктивным, а значит, катализатором человеческого прогресса являются духовные идеалы не только художников и писателей, но и мыслителей-изобретателей, творцов наук и технологий. Парение духа и тех, и других, объединяет универсальная формула Х.С. Леденцова «Наука - Труд - Любовь - Довольство».

Леденцовское Общество содействия успехам опытных наук с точки зрения организационных идей и технологий намного опередило свое время. Опыт Общества давно уже лег в основу всех эффективных национальных экономик XX века. Среди зарубежных членов Общества числились американцы и европейцы, они-то и принесли идеи научно-технологического обеспечения бизнеса в свои страны, где их сумели оценить и где ими воспользовались. Без них не было бы ни Силиконовой долины, ни японского экономического чуда. Благодаря Леденцовскому Обществу Россия стала крупнейшим мировым научным и образовательным центром. Несмотря ни на что, наша страна сохраняет возможность осуществить научно-техническую модернизацию в XXI веке. Именно научно-техническая модернизация по Леденцову способна решить многие проблемы, стоящие перед Вологодчиной.

Александр БОЧКОВ

РОССИЯ ЖДЕТ ЧЕЛОВЕКОСБЕРЕГАЮЩУЮ КУЛЬТУРУ

**КАПИТОЛИНА
КОКШЕНЁВА**

Капитолина Антоновна Кокшенёва родилась 5 сентября 1958 года в Таре (Западная Сибирь, Омская область).

Закончила театроведческий факультет Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского (ГИТИС).

Кандидат искусствоведения, доктор филологических наук, профессор.

С 1989 года - постоянный критик журнала «Москва». А с 1993 года возглавляет отдел культуры журнала «Москва». Ею написаны сотни статей, опубликованных в разных изданиях: журналах «Москва»,

«Наш современник», «Молодая гвардия», «Русский журнал», «Сибирские огни», «Сибирь», «Подъем», «Стратегия России», «Балтика», «Театральная жизнь», «Россия православная», «Новая Россия»,

«Коломенский альманах», «Роман-газета», «Волшебная гора»; в газетах «Труд», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Российский писатель», «Книжное обозрение», «Московский церковный вестник», «Гудок», «Десятинка». «Вологодский ЛАД» опубликовал несколько статей Капитолины Кокшенёвой.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. братьев Киреевских.

За книгу «Русская критика» автор получила общественную награду «Карамзинский крест», присужденную объединением литераторов «Басткон» (2008).

Сопредседатель Гражданского литературного форума.

В статье Президента Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» сказано много верного и справедливого. Я не экономист, не юрист и не политолог. Именно эти области автором рассмотрены и осмыслены, в них и названы кризисные явления. Но есть область, которая, на мой взгляд, определяет многое, если не всё, - это пространство человека и пространство культуры, которое начиная с 1991 года из кризиса и не выходило. Увы, с этого же времени, с начала 90-х, ни одна партия не сочла возможным вспомнить о человеке в каком-либо ином качестве, кроме как об избирателе, ни одна партия не нашла в своих программах места культуре - кроме как присутствия ее в качестве партийных слоганов. Два Госсвета было ей посвящено, последний из которых был связан с достойной и нужной темой сохранения культурного наследия - исторических памятников и ценностей.

Но для кого мы будем сохранять эти ценности? Чтобы что-то сохранить, нужно понимать ценность того, что ты сохраняешь! А чтобы понимать значение сохраненной ценности, нужно действительно обладать высоким культурным статусом. Вот тут-то и начинаются серьезные проблемы. Причем без решения их никогда не будет никакого подъема экономики, не будет никаких инноваций и модернизаций страны. Все упирается в те концепции человека, которые нам давала именно культура, отражая или планируя ту или иную «матрицу человека».

Со всей уверенностью можно сказать одно: немалые силы деятелей культуры (либеральных, передовых, поддержавших и расстрел Верховного Сове-

та в 1993 году, и все ельцинские победы) в течение двух десятилетий были брошены на ликвидацию советского проекта в культуре. И это вполне удалось: всё ликвидировали, и настолько старательно, что вызвали естественное удивление и протест поколений новых, повзрослевших в последнее десятилетие. Из элементарного чувства справедливости они готовы уже стать и соцреалистами. Между тем вся организационная, техническая и производственная база союзных писателей, художников, кинематографистов, все театры - все это было наследием советского времени. И только тут в культуре было, «как везде», - усиленная эксплуатация нажитого другими добра. В общем, если в 90-е годы нужно было кричать «долгой великую литературу!», «великое кино - советская ложь!» и т.д., когда слово «великость» опасно было произносить, то в нулевые, напротив, все захотели возродить прежние величины - «великую духовность» и т.д. Увы, результатом стала абсолютная стагнация культуры. Новый застой.

С другой стороны, культура стремительно превращалась в территорию лавочников, торжище рыночной продукции. И этим процессом были захвачены академические театральные сцены, практически все издательства, кинопрокат, выставочные площадки. Все серьезное, консервативное, глубоко мыслящее, то есть подчиненное законам некоммерческого воодушевления, - все это было нагло вытеснено, скомпрометировано, обращено в нищету и маргинальность. Но именно здесь, среди тех, кто мыслит и страдал, и даже просто в упрямом стоянии не позволял перейти себе границу, отделяющую культуру от антикультуры, - именно здесь сохранялось и развивалось то, что сейчас должно быть востребовано, если мы хотим модернизации. Модернизации, невозможной без участия качественной человеческой личности, способной сознательно ставить перед собой задачи и творчески решать их. Когда схлынет накуп рынка, то станет ясно, что именно они, отстаива-

ющие культурную доминанту, могут предъявить нашим соотечественникам, желающим оставаться в культурном поле, и, естественно, миру, в котором мне не раз приходилось слышать, что на «русских писателей надеются», предъявить высокой пробы культурный продукт.

Да, деятели культуры во многом виноваты сами в сложившейся ситуации: они так желали освободиться от ненавистной государственной опеки, что вообще освободили государство от всяких культурных обязанностей не только по отношению к себе, но и по отношению ко всем гражданам. А государство, естественно, с радостью освободилось от этого трудного бремени и этого сложного творческого племени, где неизбежны конфликты - личностные, ценностные и эстетические.

Но государство говорит и действует устами и руками своих чиновников. А чиновники между тем финансировали тех, кто чувствовал не боль времени, а «вонь времени» - культуру разложения и смерти, животных инстинктов и бездумного гламура, постмодернистских игр в деконструкцию и смакование чернухи. В культуре двадцать лет работал ликвидаторский проект, шла зачистка следов советизма, но, как оказалось, ценностей и смыслов настоящей русской культуры. Уничтожить их совсем уж не смогли, но носители их были вытеснены в область нищеты и общественного презрения. Как горько признавался А. Зиновьев, «метили в социализм, а попали в Россию», так и наши «авангардисты» из чиновников и творческих деятелей метили в «совка» и советское искусство, а уничтожили высокое представление о культуре и человеке. Трудно вспомнить иные какие-либо времена такого культурного отступничества и культурного поражения, как это было в последнее двадцатилетие.

Безусловно, обновление и даже радикальное обновление русской идеологии и русской культуры было необходимо. Но обновление может быть подлинным (не отрывающимся от

корней) и гибельным. Наш вариант был вторым - вариантом культурного одичания и варварства. Обществу, которое мы построили, никакая культура, кроме массовой и ширпотреба, не нужна! Не нужна сложная культура, не нужна национально-значительная, не нужна существенно-объединительная. А без этого Россию не построить...

Культурный тупик, в который привел вариант культурного упрощения, сегодня очевиден многим. И выходы предлагаются разные.

О СЛОЖНОЙ КУЛЬТУРЕ И СЛОЖНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

В октябре 2009 года в «Российской газете» вышла статья Д. Дондурей и К. Серебренникова «В поисках сложного человека». Статья, что называется, симптоматичная. В ней много критики государственной культурной политики, той критики, о которой в ряде изданий (как журнал «Москва», например) и интеллектуальных кружках говорится уже лет пятнадцать. Тут авторы присоединяют голоса, видимо, к прежним своим оппонентам. Я, всегда поддерживающая сложные культурные явления и не раз говорившая о чудовищном упрощении культуры, о «революции низких смыслов», десять лет назад написавшая статью о концепциях человека в современной литературе, конечно же, не могу возражать против сложности человека и культурного многоцветья. Но как означенные авторы описывают сложность?

В сущности сложность для них сконцентрирована в особых креативных зонах - авторского кино, элитарного театра, где постепенно растет и ширится потребитель сложного. И сколько нужно десятилетий или столетий, чтобы вырастить таким элитарным способом хотя бы 25% населения? И вообще, сколько нужно «сложной культуры», чтобы работа «на развитие человека» дала серьезные, ощутимые результаты в других областях нашей жизни?

Во всех рассуждениях двух авто-

ров смущает, во-первых, установка на избранность (еще недавно, помнится, Дондурей полагал, что достаточно и 3% культурных людей), а во-вторых, отсутствие каких-либо критериев описания «сложности». Сложной может быть и «культура гомосексуалистов», сложной может быть психика убийцы, сложным человеком может быть любой извращенец и даже при этом быть поклонником авторского кино! Ну а чем не инновационны такие формы художественной активности в современной культуре, как хеппенинг, инвайронмент, инсталляция, перформенс, реди-мейд?! И чем не инновационны были так безжалостно потерпевшие крах новомодные (слизанные с западных интеллектуальных площадок сборки) идеи «коллажного мышления», «культурного бессознательного» и «шоковой терапии», а также прочие «симуляционные парадигмы», как «децентрации субъекта» и «смерти человека»? А, помимо «децентрации», с этим самым человеком и культурой проделывалась «диссеминация и шизоанализ», насаждались «фаллоцентризм, фаллогократизм, ризома, разичАние-различЕние, детерриторизация, номад и др.». Это все так недавно (а то и до сих пор) представлялось как культурные инновации. Чем вам не дондуреевский ЦИК (центр инновационной культуры)? Попробуйте воспитайте такую публику, чтобы она жила во всех этих симуляциях! Иначе как «бессознательно» в таком культурном поле находиться опасно...

В статье Дондурей и Серебренникова, как и во всей прогрессистской культуре последних десятилетий, мы видим сугубую боязнь - боязнь категории ценности. Без нее вообще смешно говорить о концепции личности человека. Именно здесь, в области ценностной, сегодня нужна самая открытая и самая серьезная общественная дискуссия. Да, авторы, ищущие сложного человека, эффектно определили «нашу культуру» как «культуру боли». Я не знаю, как понимают они «нашу культуру», но вот называть русскую культуру только «культурой

боли», по меньшей мере, слишком недостаточно. Да, можно сказать, что русский боли не боится, если понимать под «культурой боли» способность мощного, преодолевающего напряжения; если понимать под ней способность к переживанию страдания и выходу из него с укрепленной душой; если понимать способность героического сознания. Но мир сегодняшний боится боли и не желает ее терпеть (отсюда обезболенные роды) - мир предпочитает «культуру анестезии». Вообще тут много темного, культурологически неясного, есть ведь и чувственное мещанское наслаждение чужой болью, есть страх перед болью, есть ненависть к боли и т.д. Современная западная цивилизация как раз и развивает технологии преодоления боли, но она же мрачно смотрит на мир как исключительно на место страдания (темы «подверженности страданию», невозможности «отделиться от страдания», «сбежать или отступить от него», «неумолимость и неотступность телесных мук» и т.д.). Но если в «мире правят законы боли», то, согласитесь, в «культуре боли» может легко появиться и новая тема - осознания ничтожной ценности собственной жизни. Так что в «культуре боли» и «культуре смерти» есть и совершенно не отеческий «код». И если тебе не важна ценность собственной жизни, зачем ты будешь что-то делать «для всех» (государства, семьи, коллег?!).

У Дондурей и Серебренникова все звучит красиво и новационно - про «культурные коды» и «бренды», про «имиджевый ребрендинг России», про «параллельные структуры» и «инновационную культуру». Но, увы, вряд ли они правы, утверждая, что «умножение» только технологичными способами «количества сложных людей в обществе проблематически решит множество проблем нашей жизни». Увы, элитарная школа, например, никаких проблем не решила, а про реформы наши в образовании уже никто, кроме чиновников, не говорит ничего хорошего.

Культурные системы - системы

сложные, и решать проблему человека, конечно, следует через воспитание, что признают и сами авторы статьи, правда, воспринимать они собираются только «новых художников» и «новых посредников»: продюсеров, менеджеров, финансистов, зрителей, потребляющих сложное «новое искусство».

Между тем, чтобы все общество было включено в инновационные процессы, чтобы человек сознательно ставил перед собой общие задачи и добровольно включался в их решение, область «культурной сложности» и центры, направленные на формирование «сложного человека», должны включать гораздо большие гуманитарные пространства и заниматься разработкой новых гуманитарных технологий, а не сводить в очередной раз сложные процессы мышления всего лишь к интеллектуальной услуге. Ведь синонимами определения «сложный» являются «глубокий», «тяжелый», «трудный». Учитывая конкретные предложения авторов статьи (создание центров инновационной культуры), мы можем сказать, что они обладают тонким социальным чутьем, понимают необходимость изменения ситуации и пытаются развернуть ее в «свою сторону». Ясно, что с надеждой на государственное финансирование, что тоже вполне понятно.

ВОСПИТАТЕЛИ

Может ли современная культура выправить ситуацию и воспитать в человеке сильную, цельную личность? Да, задним числом можно говорить, как делают это Дондурей и Серебренников, много потрудившийся ради «ликвидаторского проекта», - можно теперь говорить, что «пресловутая чернуха» - это их реакция на неопределенность настоящего и на невозможность увидеть себя в будущем». Но ведь они сами по себе, эта «чернуха» и «порнуха», служат доказательством несостоятельности такой культуры, которая, безусловно, вызывает распад личности, ее вырождение и разложение. Так почему же нет никакого понимания культурной деградации по-

следних десятилетий (с 1991 года)? Почему нет и оценки - жесткой, реальной, свободной - именно этого торгово-развлекательного периода нашей культуры (а снова зоной ненависти, местом зла, откуда произрастают все современные пороки, вновь берется советская эпоха и советское наследие)? Я полагаю, что по-прежнему нет интеллектуальной свободы там, где речь идет о ближайшей современности. Современности, в которой есть и такие творческие люди, которые опасаются участвовать в культурных проектах наших СМИ (особенно телевизионных), ибо не хотят поддерживать это всеобщее зубокальство, не хотят участвовать в повальном осмеивании высокого, в травестировании и оскотлении серьезного. М. Ремизов назвал это карнавализацией интеллектуального процесса и призвал к созданию площадок, защищенных от шутов. На мой-то взгляд, не элитарная норма (3%), а массовая норма отсутствия смыслов в общенациональном пространстве эфира, например, имеет более значимые показатели для будущего нашего общества (как и для его депрессивного настоящего). Неудивительно, что именно в культуре не дошло дело до национальных проектов - нынешний принцип кружковщины (главный тип союзной деятельности в этой среде) сами же деятели культуры не хотят заменить ничем. И очень жаль, если принципы презумпции серьезности и новационности будут заперты вновь в некие «параллельные структуры», дондуреевские ЦИКи.

На мой-то взгляд, необходимо создание общего поля ценностей, которое побуждало бы людей считать «стратегию 2020», то есть государственную стратегию, своей личной задачей, своей личной деятельной целью. Пока же все, что работало, удерживало эту общую систему ценностей («толстые» литературные журналы консервативного направления, писатели-почвенники, культурологи, историки, публицисты, имеющие национальные приоритеты), по-прежнему остается за пределами актуального

культурного пространства и живет трудно, бедно, не имея доступа к общенациональному эфиру, захваченному шутами и гарсонами. Такая ситуация, еще раз подчеркну, - свидетельство тяжелейшей, чудовищной, скрытой (вот уже где заметны технологические инновации!) культурной и интеллектуальной цензуры. Если есть деятели «культуры», часами долдонящие о мещанских темах и навязывающие всем свою нетронутость культурой, то почему же при наличии тех, кто хотел бы создать пространство моральной диктатуры, диктатуры вкуса и мысли, диктатуры культуры, почему им в этом отказано? А потому, я предлагаю, создание ЦДК - центров диктатуры культуры, чтобы в них была поддержана и финансировалась государством программа «Классика» (классика - это культурный фундамент единства нации), чтобы в них создавались человекоберегающие культурные технологии (а значит, существовали бы эстетические и этические фильтры, поддерживающие вкус к личностной подлинности, целостности, нравственности, воле). Сложное, понимаемое в рамках вышеозначенных принципах, должно быть доступно не элитарной группе, а как можно большим слоям населения! Увы, но в нынешних скверных условиях культурной отсталости и одичания нашего населения высокая культура (в ее редчайших классических образцах) стала, с другой стороны, роскошью. Побывать на классическом балете или в опере Большого - это уже недоступная роскошь для большинства населения.

И при этом нам упрямо долдонят, что пипл хавает только пошлую и дебильную жвачку «Дома-2», аншлаги и попсу, а если закрыть «Дом-2», то чуть ли не социальная революция произойдет. И надо же, чиновники верят и... боятся. А вы попробуйте сделать программы для нормальных людей, имеющих и культурный статус, и личностное достоинство! Или уверены, что такой человек будет терпелив до бесконечности?!

Все, что мы реально и несамостоятельно создали, - это общество по-

ребления с одной маленькой позитивенькой идеологией - идеологией гламура и его глянцевого оптимизма. «Наша культура» здесь и вправду где-то на уровне «около ноля».

Десяток лет тому назад Александр Панарин предложил принцип культурной многоукладности, он говорил о тех культурных механизмах, которые противостояли бы наглому господству рынка. Сегодня мы видим, как страшно был он прав. Но нет пророков в своем Отечестве. И с гигантским опозданием, только сейчас, в пространство наших СМИ начинает пробиваться мысль, что дефицит культурной идентичности не менее опасен, чем исторической, например. Человек, не знающий, кто он и откуда, из какой истории вышел, точно так же не знает «коды» русской культуры, среди которых «концепт души» («душа всего дороже») был определяющим, стрелковым. А радикальный разрыв с отеческим (и своей культурой) приводит, как мы видим, к тому, что уже не только экономика стала местом господства в чужих землях произведенных товаров, но и душа русского человека стала вместилищем инородных задач и «кодов». И это страшно всерьёз,

когда твоя собственная, единственная, неповторимая, уникальная живая душа становится полигоном для насильственного или добровольного (что еще печальнее) испытания чужих целей и смыслов! Так происходит потеря себя - своей самобытности и духовного самостояния, которые от века были для русской культуры и истории источником силы, выковывающей наши подвиги и хозяйственные прорывы, наши инновации (открытия, дерзания) и модернизации (развитие). А подлинных интеллектуальных, творческих самобытных сил для культурного прорыва у нас по-прежнему достаточно и в кино, и в литературе, и в гуманитарных науках. Только нужно дать наконец-то и им свободу! Только нужно их наконец-то призвать на государственное служение. Если в ближайшее время не произойдет очищение и наполнение позитивными смыслами национального эфирного пространства, если не будет активно проявлена культурная воля государства и остановлено культурное одичание наших сограждан - говорить о модернизации общества будет просто кошунственно.

Капитолина КОКШЕНЁВА

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Об удивительном писателе Алексее Пантелееве и его книгах

Наша страна никак не отметила 100-летие со дня рождения удивительного советского писателя Алексея Ивановича Пантелеева, и это очень печально (спасибо областной газете «Красный Север» - она вспомнила о писателе). А ведь на книгах Пантелеева, его рассказах вырастали поколения - все помнят и «Республику Шкид», и «Честное слово», и многое другое... Сегодняшнее равнодушие к творчеству писателя, который помогал детям становиться честными, храбрыми, помогал вырасти порядочными людьми, любящими свою семью и свою Родину, кажется не только огорчительным, но даже пугающим. Об этом размышляют наши авторы. Выросли они в Белозерске, но сейчас там живет только Татьяна Самсонова; Владимир Полянский трудится под Санкт-Петербургом, но свою родину не забывает.

Все мы родом из детства. Нас, детей, родившихся в прошлом веке в 50-60-е годы, радует тот факт, что тотальное отсутствие в наших домах чудо-техники тех лет - телевизора позволяло общаться друг с другом, обмениваясь впечатлениями о прочитанных книгах, прослушанных радиопередачах, просмотренных кинофильмах. Это сближало нас, радовало, развивало наш личностный потенциал. В поле нашего читательского зрения были стихи М. Исаковского, А. Барто, В. Маяковского, С. Маршак, книги Н. Носова, В. Бианки, Б. Житкова, В. Катаева, А. Гайдара, Л. Пантелеева...

Фрагментарно ещё можно услышать эти имена, а творчество М. Пришвина, Б. Заходера, К. Паустовского используется так или иначе авторами новых программ по литературе, но обвальная «потеря» многих произведений советских писателей вызывает у нас сожаление. Метаморфозы в программах по литературе связаны, видимо, с изменениями в нашей жизни, вот только на пользу ли они детям?

Не сомневаемся, что опытные и взрослые преподаватели в предложенном разделе «Советская литература» познакомят учеников со своими любимыми поэтами и писателями, чье творчество позволит заинтересовать подрастающее поколение историей страны. Их молодым коллегам мы советуем не бояться «распахивать уже возделанные поля», чтобы найти

Алексей ЕРЕМЕЕВ (Л. Пантелеев)

свои жемчужины в богатейшем литературном наследии советского периода.

Наше беспокойство вызывает лишь то обстоятельство, что сейчас на всех перекрёстках звучат призывы к воспитанию нравственности, честности, патриотизма в обществе, а с другой стороны, это же общество болеет «вирусом» потери памяти, отрицания всего советского. Нет, никто об этом громко и напрямую не говорит. Всё делается тихо, демократич-

Храм, где любил бывать А. ПАНТЕЛЕЕВ

но, с помощью обобщённых формулировок, наличия программ и учебников на любой вкус, уменьшения количества учебных часов.

С детства и до сих пор нас не покидают восхищение и уважение к герою рассказа Пантелеева «Честное слово». Думаем, что такие чувства испытывали все, читавшие рассказ. По свидетельству же самого автора, директор ленинградского издательства Д.И. Чевычелов многократно и где только можно выступал против этого рассказа, заявляя, что проповедуемая там мораль - не коммунистическая. И писателю однажды - один на один - сказал: «Когда-нибудь я это всё-таки докажу, Алексей Иванович, что коммунистическое слово не всегда и не во всех случаях следует держать...». Ну, а нам всё же ясно другое - быть честным надо во всех случаях жизни, по крайней мере, стремиться к этому. (Л. Пантелеев, «Верую», Л., «Советский писатель», 1991 г., стр.116).

Добром, светом, искренностью

пронизаны многие произведения писателя. Многим нашим сверстникам, особенно сверстницам, было интересно познакомиться с Белочкой и Тамарочкой. Кстати, они стали героинями нескольких телевизионных фильмов. По рассказу «Большая стирка» для детей создан диафильм. (Л. Пантелеев. Собрание сочинений, Л., «Детская литература», 1971 г., примечания, стр. 542).

Творчество А.И. Пантелеева зримо показывает эпоху XX века в её развитии. Время точно и детально прописано в «Лёньке Пантелееве» (революция), в «Республике Шкид» (послереволюционная разруха, проблема беспризорников), в «Пакете» (гражданская война), в «Часах» (нэп)...

Многим известен фильм, снятый по повести «Республика Шкид» (режиссёр Г. Полока, 1966 г.). Дважды «око» кинематографа было обращено к «Пакету». В первый раз роль С.М. Будённого сыграл сам Будённый, но Пантелеев согласился на выпуск филь-

ма не дал по причине слабого художественного уровня. Вторая попытка оказалась более удачной, фильм получил первый приз на международном фестивале (Л. Пантелеев, «Избранное», Л., «Детская литература», 1978, стр. 560). Не менее интересно и обстоятельно для детей XXI века прозвучало бы и время из повести «Лёнька Пантелеев», раскрытое на примере судьбы питерского мальчишки. В этой повести есть всё: и романтика, и лихость, и серьёзные проблемы. Сейчас кажется очень странным, но самое-самое читаемое всеми поколениями произведение Алексея Ивановича «Республика Шкид» было на долгие годы запрещено. К юбилею писателя в 1958 году книгу издали в ГДР, а в Советском Союзе переиздали в самом начале 1960-х. «Уважительной» причиной запрета явилась смерть соавтора - Г. Белых в тюрьме в 1938 году, а что это значит, нам сегодня понятно.

Кстати, в трудные для Пантелеева времена, когда «Детгиз» и другие издательства или не печатали его, или переиздавали раз в год какую-нибудь старую книжечку, друг Алексея Ивановича, директор Карело-Финского издательства С.И. Лобанов («одношкидник»), выпустил однотомник писателя, куда и вошла написанная для него в 1938 году повесть «Лёнька Пантелеев» с пометкой «автобиографическая». (Л. Пантелеев, «Верую», стр. 34).

В январе 2009 года страна широко отмечала 65-летнюю годовщину снятия блокады советскими войсками. У А.И. Пантелеева за плечами четыре войны и блокада. Он не просто выживал тогда в Ленинграде. Его воспоминания о блокаде, дарованные нам и читаемые в последней книге «Верую», способны поведать о благородстве и низости человеческой души, о чуде и Божьей милости, о вере и молитве. (Л. Пантелеев, «Верую» стр. 186-197; Л. Пантелеев, «Приоткрытая дверь», Л., «Советский писатель», 1980 г.).

Бесконечную теплоту, огромный интерес, жажду листать страницу за страницей дневника, отданного нам

В этом доме жил А. ПАНТЕЛЕЕВ. Среди мемориальных досок на фронтоне здания нет доски с именем Пантелеева. Надеемся, она всё-таки появится

родителями «нашей Маши», вызывает книга с одноимённым названием. Пантелеев признавался: «Жизнь я посвятил детям, писал о детях и для детей, но своих детей у меня не было. Семьей я обзавёлся уже в том возрасте, когда порядочные люди готовятся стать дедушками. Появление в моей жизни дочери было благодатью, чудом - тем чудом, какого не знают, вероятно, родители более молодые». Дневник, писавшийся родителями для внутреннего употребления, но представленный широкой аудитории по настоянию К. Чуковского, заставляет думать, анализировать, трогает до глубины души. В нём любовь и требовательность, нежность и общение, радость открытий, страхи и тревоги родителей за Машу, их преодоление. Всё это и многое другое можно почерпнуть из этого дневника. «Книга Л. Пантелеева необычайна уже тем, что это дневник отцовский (Машиной матери принадлежат лишь немногие записи). И, конечно, это не просто записки отца, это дневник писателя. Притом писателя детского, всегда ду-

мающего о детях, особенно зоркого и чуткого к ним, озабоченного судьбами детства в мире, одним словом, - у кого дети в сердце» (В. Смирнова «О детях и для детей», М., «Детская литература», 1967 г.).

Лично для нас «Наша Маша» стала фантастической возможностью узнать страну, когда мы только-только родились и были совсем малюсенькими человечками (дневник охватывает период с 1956 по 1961 год). Всегда было огромное желание познакомиться с героиней книги (по сути, мы - сверстники), сказать ей тёплые слова в адрес её отца, но опоздали: Марии Алексеевны не стало в 1990 году.

У каждого из читающих эти заметки есть свой любимый писатель, и вы можете поделиться этой радостью с другими. Мы же признаёмся в своей любви к творчеству Л. Пантелеева, чей талант не был оценен по достоинству ни в 1970-е годы, ни тем более сейчас (в Интернете указаны аж три даты его смерти!). Во вступительном слове к четырехтомному собранию сочинений писателя, вышедшему в 1971 году в издательстве «Детская литература» (Ленинград), К. Чуковский с горечью и одновременно с надеждой пишет: «Казалось бы, и содержание произведений Л. Пантелеева, и их литературная форма давно уже должны были обеспечить их автору почётное место среди мастеров нашей прозы. Между тем он и до сих пор не оценён по заслугам. Критика говорит о нём словно сквозь зубы, неохотно и вяло. Это кажется мне удивительным. Ведь не так уж много у нас Пантелеевых, чтобы мы могли пренебречь таким самобытным, неутомимо растущим художником. Не пора ли нам снова открыть Пантелеева, как когда-то открыл его Горький, и сказать ему во весь голос спасибо за его многолетний писательский труд?» (том 1, стр. 8). Нам, как и К. Чуковскому, с тех самых пор, как заинтересовались творчеством Алексея Ивановича, тоже было непонятно, почему замалчивается его талант? Писатель сам ответил на этот вопрос шепелящими сердцем исповедальными

А.И. ПАНТЕЛЕЕВ.

размышлениями, обращёнными к какому-то предполагаемому, воображаемому, будущему читателю, который ... всё поймет, пожалеет, простит («Верую», стр. 6). Уже в который раз мы ссылаемся на эту книгу, вышедшую после смерти Пантелеева, в 1991 году. Ответ в самом названии - «Верую!» На вере в Бога, которая помогла ему жить, споткнулись критики Пантелеева, соглядатаи, всем известные учреждения. И ещё на дворянском происхождении писателя (стр. 8-9). Но всё же главная причина - его вера в Бога. Даже сейчас многие его откровения, выстраданные жизнью размышления о вере, о церкви, о христианстве, о взаимоотношениях государства и церкви, о силе молитвы, о терпимости межцерковной и межрелигиозной, о покаянии - для кого-то станут камнем преткновения. Но для многих и многих - откровением, поддержкой: «...если меня волнует то, о чём я пишу, то непременно должен найтись кто-нибудь ещё, кого тоже не могут не взволновать мои записки» (Л. Пантелеев, «Верую», стр.173).

Именно они, те, кто принял Пантелеева, приходят на Большеохтинское кладбище, чтобы поклониться

его памяти. На могиле писателя, где он покоится рядом с дочерью, установлен скромный деревянный крест, и это символично. «Скромный», но глубокий талант Л. Пантелеева схож с «тихими», но сильными голосами М. Исаковского, М. Светлова, С. Орлова.

Есть некая символичность, что дни рождения нашего поэта-земляка С.С. Орлова и А.И. Пантелеева совпадают. Это не единственное совпадение. Они оба проживали в городе на Неве в одном доме на Малой Посадской, 8. В этом писательском доме в своё время жили и работали многие известные советские поэты, писатели, драматурги, о чём свидетельствуют установленные мемориальные доски М. Дудину, Е. Шварцу (другу А.И. Пантелеева), С. Орлову. Мы приходим к этому дому, чтобы поклониться их памяти, и думаем о том, что здесь должна быть установлена ещё одна мемориальная доска. В 1980-е годы имя писателя было внесено в список тридцати его коллег, удостоенных такой чести. Помешали наступившие девяностые с их хаосом в умах, экономической нестабильностью, новой реальностью выживания, когда каждый думал только о себе.

Наши заметки абсолютно в тему наступившего Года учителя, прошедшего Года молодёжи, а также предшествовавшего ему Года семьи, ибо творчество А.И. Пантелеева многогранно, многовекторно, в полной мере раскрывает весь комплекс проблем современного общества. Оно - путеводитель по прошлому, без которого нельзя строить будущее. Направлено на воспитание и взрослых, и детей. Оно далеко и привлекает, прежде всего, своей темой, которая раскрывается по учительной притчей о двух лягушках, рассказанной писателем ещё в сороковых годах прошлого столетия на одной из встреч с читателями.

Две лягушки угодили в горшок со сметаной. Одна из них была безвольная и робкая. Ситуация, в которую она попала, испугала её. Лягушка перестала барахтаться и утонула. Другая, наоборот, решила бороться до конца, пока есть силы: от долгого ба-

А.И. ПАНТЕЛЕЕВ в последние годы жизни

рахтанья жидкая сметана превратилась в плотное, твёрдое масло. Таким образом лягушка спаслась. Мораль очевидна. Обозначим её стихотворными строками В. Маяковского: «В этой жизни помереть не трудно. Сделать жизнь значительно трудней» («Сергею Есенину», 1926 г.).

Тема актуальна и современна. Дети - наше будущее. От нас зависит, каким оно будет. Сейчас нашим детям предоставлено много прав и со стороны родителей, и со стороны государства. Вот только мало мы с ними разговариваем об их обязанностях по отношению к самим себе, к окружающему миру. Потребительство наших детей должно заставить общество бить тревогу. Об этом дискутируют и предлагают пути решения. В частности, эта проблема обсуждалась в журнале «Нескучный сад» за 2009 год (№ 4 (39), апрель, стр. 26-28), да и президент Д.А. Медведев советовал не оберегать детей от стрессов (заменили бы на «трудностей»), ибо только их преодоление поможет взрослеть, закалять характер, воспитывать в себе сильную личность. Л. Пантелеев в своих произведениях всегда «учит вытравлять из себя всякую хилость и дряблость, учит восхищаться людьми величайшего упорства и мужества» (слова К. Чуковского).

Пантелеев - МАСТЕР. Его герои ощутимы и зримы, ведь каждый из

них говорит своим языком. Писатель, по мнению всё того же К. Чуковского, не щеголяет своим мастерством, пользуется им скромно и сдержанно. Ему так дорога его тема, что та форма, в которую он облакает её, не прельщает его сама по себе.

Пантелеев - ВОСПИТАТЕЛЬ, но его наставления оскомины не набивают. «Поучительные фразы, которые у другого писателя звучали бы непростительной фальшью, здесь, в атмосфере его повестей и рассказов, которые уже никто не назовёт художочными, воспринимаются как законные явления стиля. Его моральная проповедь никогда не дошла бы до детских сердец, если бы он не был художником» (К. Чуковский). Добавим к цитате ещё одну. «Сила моей дидактики, «моральной проповеди»... объясняется лишь тем, что она основана на моей христианской вере» (Л. Пантелеев, «Верую», стр.115).

Пантелеев - УЧИТЕЛЬ, ибо, по нашему мнению, профессия «писатель» обязывает быть мудрым, дальновидным, уважительным, щедрым, добрым, писать с любовью.

Пантелеев - СОБЕСЕДНИК. У нас есть потрясающая возможность соприкоснуться с его болью, страданием, заботой о душе человеческой... Одна просьба, одно пожелание: постарайтесь быть очень внимательными и чуткими, ведь именно нам, своим будущим читателям, он распахнул своё БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ.

С. Лурье, подготовивший дневники и записные книжки писателя для издания, в предисловии к книге написал: «Чувство чести понуждало рассказать, каково это - жить, и мыслить, и быть литератором, и веровать в Бога, и любить тех, кого любишь, - когда на протяжении многих десятилетий душу точит страх. (Если только можно обозначить этим словом то особенное, ни с чем не сравнимое, неопишное самочувствие, которым отличаются от остальных обитателей планеты граждане так называемых тоталитарных государств.) ...Таких униженных и горестных призна-

Могила А.И. Пантелеева
на Большеохтинском кладбище в Санкт-Петербурге

ний никогда ещё, кажется, ни один русский писатель не доверял читателю.

Но никто, должно быть, и не любил читателя так бесконечно и безнадежно, как этот изверившийся в себе мастер». (Л. Пантелеев, «Верую», стр.11).

Уважаемые читатели! Эти заметки об Алексее Ивановиче Пантелееве и его творчестве дали возможность, хотя и запоздалую, выразить писателю наши уважение и благодарность, преданность и любовь. Его светлый талант есть источник жизнелюбия, надежды, бескорыстия, коих так сегодня не хватает.

«Слово - полководец человеческой силы», - написал когда-то В. Маяковский, поэтому очень хочется, чтобы Слово А.И. Пантелеева было обществом сегодня ВОСТРЕБОВАНО, а память о нём увековечена не только в благодарных читательских сердцах, но и в установке мемориальной доски на Малой Посадской, 8.

**Татьяна САМСОНОВА,
Владимир ПОЛЯНСКИЙ**

ТАТЬЯНА МАСС

СЕСТРИЧКА

Вечером Таня отправилась на Ленинградский вокзал. Прежде чем выйти из подъезда, она, как подводник в перископ, окинула улицу через стекло входной двери: старух на скамейке не было.

Если бы не дождь, бабка Лидия в окружении своих подруг сидела бы сейчас на скамейке у подъезда, щелкая семечки и комментируя проходивших мимо соседей, вызывая визгливый смех пенсионерок, со всех сторон облеплявших свою напористую крепкую атаманшу.

У них была своя особая жизнь - у старух, жительниц старого московского двора. Они то шумно ссорились между собой, то впадали в крепкое единомыслие, поддерживая друг друга морально и даже, случалось, физически во время участвовавшихся конфликтов между соседями. Пенсионеры знали про всех и каждого во дворе: составляли списки подарков для молодоженов или для новорожденных; собирали деньги по квартирам на венки для почивших соседей; выступали посредницами между поссорившимися супругами; собирали народ на вече из-за затянувшегося ремонта теплотрассы в их районе.

А идейным руководителем, судьей и местным авторитетом старого московского двора была она - бабка Лидия.

Почему Лидию так слушались и почитали старухи, понять со стороны было невозможно. Она сидела на скамейке, устало сплетя лодыжки рыхлых ног, и к ней, как к директору на прием, тянулись старухи со своими вопросами. Разбиралась Лидия быстро, вершила свой мудрый суд, как Соломон: без апелляций. При этом была нетерпелива к инакомыслящим, впадая в авторитаризм, что было не

мудрено при ее единоличной княжей власти в этом удельном московском дворе.

Лидия ее - Таню - никогда не задевала, просто смотрела с нахальным прищуром, как будто знала, что-то такое про нее, сначала школьницу, затем студентку.

Зато она изводила бывшую Танину одноклассницу Веру, работавшую танцовщицей в варьете на Тверской.

- Ну как ты, Вера, там танцевала вчера? С голой задницей или все же прикрыла срамоту свою? - кричала на весь двор Лидия, чуть завидев скорбную после перепоя Веру, развешивающую колготки на балконе.

- Да просто старая террористка, - пожимала плечами Вера, выкуривая нервно сигарету. - Я вообще не обращаю на нее никакого внимания.

Таня чуть ли не с детства привыкла встречать тяжелый взгляд Лидии с вызовом - проходила, подняв голову, и старалась даже внутренне не уступать этой вредной дворовой управительнице. Но все-таки, когда Лидии не было на скамейке у подъезда, девушке было легче: не нужно было напрягаться, чтоб достойно встретить совиный, зорко-равнодушный взгляд Лидии из-под седых мохнатых бровей.

Таня училась на журфаке. Только что была зимняя сессия, а уже весна.

Сессия через месяц, но сейчас у нее стажировка в журнале «Огонек». Сегодня утром Таню вызывали к редактору отдела «Социальная жизнь».

Удивительно, но именно ей было предложено сегодня же выехать в Питер и привезти оттуда срочный репортаж из Военно-медицинской

академии, куда только что доставили борт из Чечни - новую партию раненых солдат.

- Ваши материалы я читал, уверен, что справитесь, - сказал редактор.

На следующее утро Таня была уже в Питере. В Военно-медицинской академии ее провели к заместителю главного врача. Пожилой полковник медицинской службы не был предупрежден о визите журналистки и устало слушал ее, видимо, вообще не понимая, зачем находится здесь эта девушка. Зачем ей это? Этот вопрос был прямо написан на его лице, но он все же вызвал заведующую отделением Юсупову Ирину Васильевну, представил ей Таню и попросил показать отделение.

При входе в корпус Тане выдали халат. Вдвоем с заведующей они шли длинными коридорами в легких пахах хлорки, через вестибюли, лестничные марши, где заведующая отделением застукала куривших на лестнице молодых ребят в синих пижамах.

Один из них - худой парнишка на костылях - застеснялся, спрятал окурок за спину. А высокий румяный парнишке лет девятнадцати продолжал курить.

- Семенов, ты недавно на операционном столе лежал, что, уже забыл?

Семенов, ничего не боясь, нахально улыбаясь и не сводя глаз с Тани, спросил у заведующей:

- А кто это, Ирина Васильевна? Новая сестричка?

- Так, Семенов, через пять минут я приду к тебе в палату - уводя за собой Таню вверх по лестнице, рассерженно бросила ему заведующая.

- Это они так медсестер называют, как во время Великой Отечественной, сестричками, - уже другим голосом объяснила она Тане вопрос Семенова.

Таня на ходу чиркнула в своем блокноте - «сестричка».

В отделении, куда привела Ирина Васильевна Таню, закончился обход врачей. Раненые еще оставались в палатах, но те из них, кто мог передвигаться, уже поднялись, зашевелились, разговорились. При виде заведующей эти молодые парни, израненные, искалеченные, перевязанные бинтами, притихли, как будто в палату вошел их командир. Некоторые из них были еще очень слабыми, с особым выражением в глазах, видевших смерть людей.

Ирина Васильевна по-военному четко представила Таню:

- Это журналистка из Москвы. Будет писать про вас статью для журнала, - и затем бросила медсестре, вошедшей в палату: - Оля, я ухожу на консилиум, потом покажи журналистке отделение.

- Нам сейчас будут уколы делать, вы бы вышли минут на пять, - тихо попросил Таню раненый, совсем мальчик, который лежал на кровати у самой двери.

- Да, да, конечно, я выйду пока...

Переждав за дверью, пока закончатся процедуры, она вернулась в палату.

Оставшись одни, без врача и медсестры, раненые оживились немного. Они накиннулись на нее с вопросами и мнениями:

- А зачем писать про нас?

- Нет, пусть пишут - пусть знают, как мы там загибались, погибали.

- А за что погибали?

- За Родину!

- За генералов, а не за Родину!

Раненый мальчик у двери, видя ее растерянность, посоветовал ей:

- Не слушайте вы их, просто задавайте им свои вопросы...

Таня не могла сосредоточиться. Она никогда еще в своей жизни не видела столько искалеченных людей. Почти ее ровесников. Одно дело - ви-

деть палату с ранеными в кино и совсем другое - в жизни. Она забыла заготовленные вопросы, просто смотрела на них и впервые в жизни ощутила бесполезность своей профессии. Даже если она напишет блестящую, точную статью, которую прочитают миллионы подписчиков их журнала, это не вернет отрезанные руки и ноги, не восстановит искалеченное здоровье этих парней.

Раненый, что лежал у двери, казалось, понимал все, что творится с ней. Он почти приказал ей:

- Да вы не расстраивайтесь так, выполняйте ваше задание.

И Татьяна взяла себя в руки. Включила диктофон, подошла к кровати самого здорового из них и начала интервью. Потом к другому, который сам захотел рассказать кое-что. Несколько человек были из одной части, они попали под обстрел новым вооружением типа «катюш». Многие из их друзей остались там... Они и сами все еще оставались там, в горах, злые, изболевшиеся душой, измученные своими физическими увечьями и ранами. Тане нужно было с большим терпением вести беседу, не давая разгоняться ни эмоциям, ни профессиональному интересу: раненые быстро уставали, начинали задыхаться то ли от воспоминаний, то ли от боли...

Минут через 30 заглянула Ольга:

- Вы еще не закончили? А то у меня сейчас есть время показать вам наше отделение.

- Пойдемте, - согласилась Таня.

Она встала, обошла палату, пожимая руки парням, с которыми у нее установилось взаимопонимание. Раненые, кажется, не хотели, чтобы она уходила. Те, кто был поздоровее, тянули руки, чтоб прикоснуться к ее руке, и ждали, чтобы она сказала им что-нибудь на прощание...

- Знаете, я к вам еще загляну,

не для репортажа, - пообещала им девушка. - Хотите, принесу вам что-нибудь вкусного?

- Мороженого, - попросил мальчик у двери.

Он задержал ее руку и сказал:

- Вам бы Савельева увидеть. Это настоящий герой! Он в этом госпитале лежит.

Ольга показала ей процедурный зал, кухню, другие палаты, где выхаживали тяжелораненых. Татьяна с побледневшим лицом видела, как санитарка вынесла из такой палаты в синем эмалированном блюде окровавленные тряпки. А за следующей дверью раздался громкий плач мужчины.

- Они что, плачут? - остановилась как вкопанная Таня.

- Плачут иногда... А вы про что пишете? - спросила Ольга. - Про госпиталь или про раненых?

- Тема звучит: раненые в госпитале.

- И думаете, что это что-то может изменить? Остановить войну?

- Нет.

- А зачем тогда писать?

- Нужно, чтобы все знали... Может быть, тогда что-то и начнет меняться... Вы не могли бы, Ольга, отвести меня к Савельеву?

- Вы про него тоже слышали? К нему недавно приезжало телевидение, он отказался разговаривать.

- Я только сегодня услышала про него. А что он сделал?

- Савельев уже давно у нас - около года. Он совсем еще мальчишка, ему недавно исполнилось 20 лет... Он прикрыл своих товарищей во время одной боевой операции, увел чеченцев за собой в другую сторону. Спас своих, но сам остался калекой. На всю жизнь... Еле спасли, перенес восемь сложных операций за полтора года. Сначала в другом госпитале, потом к нам перевели.

- Ольга, отведите меня к нему, пожалуйста, я напишу про него. Может быть, чем-то поможет ему эта публикация после его выписки.

Савельев лежал в одиночном боксе с полупрозрачными стенами. В помещении стоял тяжелый запах, раненый был накрыт одеялом, несмотря на влажную духоту.

Таня видела искалеченный, испорченный контур человеческого тела под одеялом. Казалось, что там лежит всего половина тела...

- Здравствуйте, - робко сказала она, присаживаясь на маленький табурет рядом с кроватью.

Раненый слегка встрепенулся, открыл глаза, внимательно посмотрел на девушку.

Рассмотрев ее, он опять лег прямо на подушке, глазами в потолок, но ответил:

- Привет.

- Могли бы вы со мной поговорить?

- Могу.

Она начала мягко объяснять ему, что будет писать статью, поэтому хотела бы задать ему пару вопросов.

- Валей.

Потом он закрыл глаза и стал слушать ее голос. Таня почувствовала, что ее приготовленные вопросы, ее рассуждения об этой войне - это все какая-то никому не нужная туфта. Что ей не понять никогда того, что довелось пережить ему. И что этого вообще никому в целом мире не понять... Она замолчала, теряя остатки уверенности в нужности своего репортажа. Повисла тишина, было слышно, как в коридоре санитарка мыла пол, громяхая ведром.

Таня вздрогнула: к ее бедру прикоснулась и медленно поползла его рука. Она смотрела на эту руку, хотела что-то сказать и... не могла оттолкнуть его.

Его глаза смотрели в потолок, но теперь они уже были не пустыми, а загорелись изнутри каким-то белым светом - белыми стали глаза. Таня уже никогда не забудет его глаз.

Он прошептал хрипло:

- Поцелуй меня.

Она, как загипнотизированная, наклонилась к нему, чтобы поцеловать в щеку. Но он крепко обнял ее

своей единственной рукой и впился в губы, не отпустив ее даже, когда в бокс вошла медсестра...

Ольга постояла и вышла...

Когда он отпустил девушку, у нее, ироничной, независимой, кончилось последнее мужество. Все, что она увидела и услышала сегодня, собралось острым комком в сердце, и если бы она не заплакала, этот комок разорвал бы ей грудь.

Он внимательно посмотрел на нее и спросил со злой, как ей показалось, усмешкой:

- Что, жалко меня?

Она слишком торопливо покачала головой, продолжая лить слезы и сморкаться. Передохнув от подавленного плача, она сказала ему:

- У тебя же все еще будет, ты выздоровеешь, выпишешься из госпиталя, женишься... Ты такой красивый, за тобой девчонки еще будут бегать. Живи, выздоравливай, не умирай, милый! Я буду молиться за тебя! Как тебя зовут?

Он молча отвернулся.

Таня больше не могла оставаться там. Вытирая слезы, она быстро пошла по коридору к выходу, не попрощавшись ни с заведующей, ни с Ольгой.

Вернулась в гостиницу, проплакала весь вечер в своем номере. Ее страдание к этим парням было так сильно, что сердце не выдерживало и начинало болеть... Если бы ей сказали сейчас, что кому-то из них нужна почка или кровь, она бы ни на мгновение не засомневалась, чтобы отдать им...

В Москве она собиралась погулять по Питеру после госпиталя, сходить на Мойку к Пушкину, но так и просидела весь вечер в своем номере, вытирая слезы, думая об увиденном сегодня, вспоминая того парня.... Ее душа не смирялась с тем, что этот человек так дьявольски изуродован, искалечен на всю оставшуюся жизнь. И другие... Боже мой! Почему Ты наказываешь лучших?

На другой день она купила фруктов, конфет, мороженого и принесла в госпиталь. Ее не пустили в отделение, потому что был перевязочный день. Она вызвала Ирину Васильевну, попросила передать гостинцы для раненых из той, первой, палаты. И, помедлив, спросила:

- Ирина Васильевна, а как зовут Савельева?

- Савельева? Андрей. Его сегодня ночью перевезли в реанимацию.

- Он не умрет? - испугалась Таня.

- Ой, не знаю, - вздохнула заведующая. - Очень тяжелый...

Вернувшись в Москву, она, подходя к своему подъезду остановилась как вкопанная: у самой входной двери подъезда стояла прислоненная к стене крышка гроба.

- Кто умер? - обмирая от неизвестности, спросила она у дворника, подметавшего дорожку.

- Бабка Лидка померлась, - с неистребимым акцентом ответил татарин. - Сегодня уже хоронить будут. Мы вчера деньги на похороны собирали.

- Умерла?! - Тане всегда казалось, что такая боевая старуха будет жить вечно, а она «померлась».

- От чего она умерла?

- Врач сказал, сердце у Лидии плохое было - все рваное.

Поминки устроили в однокомнатной квартире бабки Лиды. Людей собралось много: одни приходили, другие уходили, чтоб уступить место новым гостям в заставленной мебелью бабкиной квартире. На стенах висели фото в рамках - Лидия молодая, в военной гимнастерке, с завитушками из-под пилотки, с ямочками на щеках.

Помянуть ее пришли несколько военных, бывших однополчан Лидии.

Один старик, в пиджаке с медалями, все время вытирал слезы.

Седой полковник пришел позже всех. Ему налили водки, чтоб помянуть... Он помолчал и сказал тост:

- Эту женщину, Лидочку, я не забуду никогда, потому что она спасла мне жизнь. Она спасала жизнь многим, потому что была сестричкой военно-полевого госпиталя. Все, кто пришел сюда, - хоть их уже мало осталось - скажут вам, какой это был человек - Лидка. Но вы теперь все реже и реже будете видеть фронтовиков, пришедших с Великой Отечественной: старые умирают, молодым жить да жить...

Я был ранен на Волховском фронте в 1943 году в правое предплечье и голову. Осколки были извлечены, раны вычищены, но у меня был послеоперационный шок: не хватало обезболивающих средств. Я тогда был на краю жизни и смерти. Лидочка не отходила от меня ни на шаг - поила с ложки, гладила мою руку, разговаривала со мной:

- Миленький, - говорила мне Лидочка. - У тебя же все еще будет, ты выздоровеешь, выпишешься из госпиталя, отвоюешь, женишься... Ты такой красивый, за тобой девушки еще будут бегать. Живи, не умирай, милый! Так она говорила мне, и от ее слов шла такая сила, что я и правда выкарабкался, отвоёвывал, женился, - полковник смахнул слезу. - А сегодня мы ее схоронили, нашу Лидочку...

Таня, слушающая полковника, замедляла. Ей после Питера было по-настоящему понятно каждое его слово, все его чувства. И чувства самой сестрички Лидочки - сострадание, милосердие, поднимающее человека на такую жертвенную высоту, что все остальное, касающееся себя, своей жизни, благополучия, сгорало без следа...

После полковника встал за столом старый солдат, в пиджаке с наградами, и, утирая слезы ладонью, на которой не хватало трех пальцев, рассказал:

- Лидка наша была красавицей, но она ни красоты, ни жизни не берегла

для нас - раненых. Меня раскопала после взрыва в окопе, на себе вынесла к лазарету... Я тогда потерял ногу, пальцев вон лишился на руке. Кровотечение не могли остановить... Лида меня и целовала, и к груди прижимала, и нянькалась со мной, все просила меня, уговаривала, чтоб я не терял силы духа. И я выжил...

Много еще говорили про Лидочку, а она, молодая и задорная, смотрела на своих гостей с фотографий и куражисто улыбалась им - своим постаревшим раненым, мальчикам, не забывшим ее, пришедшим с ней проститься.

Когда Таня поднялась к себе домой, она сразу же позвонила в Питер, в госпиталь, в отделение тяжелораненых на вахту:

- Второе отделение.
- Скажите... я хочу узнать о состоянии Андрея Савельева.
- А кто спрашивает?

- Татьяна Жукова из Москвы.
- А кем вы ему приходитесь?
- Я, я ему... сестричка.
- Сестра? Ему уже лучше. Состояние неопасное для жизни. Температура 38 и 6. Он еще в реанимации, но жить будет. Врач сказал сегодня, что Савельев попросил у него протез. Чтобы учиться ходить.

- Пусть ему будет лучше, пусть всем им будет лучше - этим исстрадавшимся мальчикам, Господи, помоги им!

Таня подумала перед сном, что бабушка Лидия, уходя, как будто передала ей свою молитву сестрички и свою способность к тому жгучему живому состраданию, от которого, наверное, и изорвалось в конце концов сердце сестрички Лидочки.

Потому что Таня знала уже, как болит и рвется сердце от сострадания...

**Франция,
ноябрь 2009 года**

ОБ АВТОРЕ

Татьяна МАСС: ЧЕРЕПОВЧАНКА, КОТОРАЯ ЖИВЁТ В ЛИОНЕ

Мелькнувший в вологодской газете «Свеча» рассказ Татьяны Масс я не прочитал. Оттолкнула подпись - Татьяна Масс, Лион, Франция. Грешен: сработал стереотип восприятия. Так и представилась эмигрантка в третьем-четвёртом поколении, знающая о России по рассказам бабушки, которая родилась во Франции.

И вдруг в накопителе Вологодской приемной Путина ко мне обратилась её дальняя родственница, Ирина Кудряшова, и я узнал историю человека без Родины...

Татьяна Жукова родилась в Череповце, и все её предки - вологодские.

Дед, Фёдор Куликов, дом в деревне Порубежье Сямженского района

не успел достроить: началась война. Он погиб на фронте в 1942 году. Его брат Николай тоже погиб на фронте, сестра Лидия с двумя детьми погибла при бомбёжке в блокадном Ленинграде, а перед этим погиб её муж-лётчик, таранивший немецкий эшелон с боеприпасами...

У бабушки Таисьи Константиновны, в девичестве - Кудряшовой, сгинули на фронте трое братьев, оставив сирот и вдов.

Щедро полита земля российская кровью предков Татьяны, так что понятие «кровная связь» - для Татьяны вовсе не пустой звук.

Из письма Татьяны ко мне:

«...у меня ностальгия; тут - оказы-

вается, это не просто слово, а реальная вещь. Все как-то неинтересно стало здесь... И в докторантуру предлагают поступить, но мне кажется: а зачем? Только после православной службы легчает, поэтому и хожу по воскресеньям в нашу маленькую церковь православную здесь. В нашу церковь привозят в это воскресенье мощи великомучениц Варвары и Елизаветы. Епископ из Женевы приезжает для молебна на мощах».

Как же оказалась в далёкой Франции вологодская девочка?

Татьяна Жукова закончила с отличием факультет журналистики МГУ, вышла замуж и поехала в Ригу, начала работать в молодёжных русскоязычных газетах Латвии.

Вскоре советская Латвия стала свободной Латвией, и Татьяна Масс писала статьи в защиту русских в Прибалтике.

«Могу ли забыть русского рабочего, который проработал 25 лет на известном прибалтийском заводе в ожидании квартиры и которого выселили из барака с 6 детьми.

- Куда мне теперь ехать? Я все силы положил тут, а кому я нужен теперь в своем Ростове, старый и больной?

Не забуду русскую старуху, просящую милостыню в парке, в центре культурного прибалтийского города, которой при мне плюнул в лицо местный патриот.

Не забуду русских диабетиков, пришедших в редакцию за помощью: им отказали в выдаче инсулина в аптеках, потому что они не граждане этой республики, а запасы инсулина были ограничены. Наша газета не смогла помочь никому из этих людей...»

У Татьяны всё складывалось благополучно в этой европейской стране: ей дали вид на жительство, была квартира в престижном районе столицы европейского государства Латвии.

Но после того, как редактор Би-Би-Си сказала, что проблемы прав русских в Прибалтике не существует, Татьяна поняла, что «холодная война» продолжается, а на войне не бывает без жертв. Идёт передел территорий,

и жертвой этой войны стали русские в Прибалтике.

Расставшись с мужем, в 1997 году Татьяна с двумя детьми приехала в Россию, в Москву, где жили её мать и брат.

Москва, Рождественский бульвар, Федеральная миграционная служба.

Длинная очередь из понурых, потерявших надежду людей, которые приходят сюда годами...

«Когда наконец подошла моя очередь, чиновница по фамилии Волкова быстро объяснила, что мне ничего не положено в России, потому что я приехала сюда не из зоны военных действий, а из Прибалтики, где меня никто не убивал. В статусе вынужденного переселенца, который давал право на прописку, право на работу в России, мне было отказано».

От автора. Мне довелось провести немало времени в этих очередях, слава Богу, не для себя: я вовремя уехал из Таллинна в 1986 году. Я сопровождал своего шефа, Валерия Денисова... Пока он был президентом банка «Традиция» (ныне «Промэнергобанк»), никого не волновали маленькие непорядки в его документах, как только он стал простым пенсионером, сразу выяснилось, что потомок древнего русского рода, родившийся в 1939 году в Москве и с 1977 года живущий в Вологде, не является гражданином России. В его паспорте, выданном в Вологде, стоял штамп 1991 года о прописке в Одесской области, которая стала частью независимой Украины. В вологодском ОВИРе ему предложили поехать на Украину, принять украинское гражданство, затем отказаться от него и уж после того хлопотать о гражданстве России...

Валерий Петрович нервно курил в машине, а я сидел долгие часы в тёмном коридоре, где вологжане, живущие в России тысячу лет, томились в очереди, доказывая, что их новорождённые дети, родившиеся в Вологде, имеют право именоваться гражданами России.

В это же время черноусые джигиты, уверенно проходя мимо очереди, получали российское гражданство с лёгкостью необыкновенной. Их основания для получения российского гражданства, украшенные портретами американских президентов, значили куда больше, чем свидетельство о рождении, выданное в вологодском загсе...

Именно там меня осенила идея. Я тут же пошёл в канцтовары, купил самонаборный штамп, перьевую ручку и тушь. Через два часа в паспорте Валерия Денисова стоял штамп о выписке, и с этим паспортом, дав туши подсохнуть, я отправился уже в ОВИР Вологодского района, где историю с украинской пропиской не знали. Дальше было проще...

Я совершил преступление? Или чиновники и депутаты, создавшие кормушку для коррумпированных чиновников? Как бы то ни было, в 2005 году Валерий Денисов лёг в глинистую землю Козицинского кладбища как гражданин России...

Татьяна сняла квартиру в Новогирееве, подрабатывала статьями и топтала дорожку в ФМС: дочь не могла учиться в школе, двухлетнему сыну не стали делать прививки в детской поликлинике, хотя в это время ходила эпидемия дифтерита и повсюду висели плакаты: «А ты сделал своему ребёнку прививку от дифтерита?».

Сын вывихнул руку - и в «Скорую помощь» поехали с бабушкиным полисом и деньгами.

Слёзы матери, Валентины Фёдоровны: «...Мой отец погиб на фронте... Почти все дядья убиты на войне, а нам, русским, уже нет места в России...»

Татьяна старалась реже появляться на улицах, где милиционеры проверяли паспорта с пропиской и регистрацией. В феврале 1998 года милиция пришла домой...

Участковый милиционер пришел по сигналу соседей. Проверил документы, безглаголиво-недоуменно оттолкнул

газетные статьи в защиту русских в Прибалтике.

- Даю вам 24 часа на выезд за кольцевую, не то отправлю вас всех в спецприемник для бомжей.

- Что, прямо с ребёнком отправите?

- А я вчера туда с новорождённым одну отправил, и ничего...

Бессонная ночь, смена жилья, и жуткое ощущение - в родной стране нужно скрываться, хитрить.

В конце концов, на исходе 1999 года Татьяна с детьми через турфирму уехала во Францию. Жили в Париже, Лионе.

Её дочери нельзя было учиться в России; во Франции Елена закончила французский лицей с отличием, поступила вне конкурса в престижную Высшую школу архитектуры, в этом году закончила её. Сын учится в колледже.

Всё это время Татьяна не оставляла попыток получить российское гражданство.

В 2002 году ей даже отказали в приёме документов, сославшись на действовавший тогда Закон о гражданстве. Обращения лично и через адвокатов - всё бесполезно.

Наконец, в 2008 году, после множества обращений в МИД РФ, приняли документы и даже позволили заплатить пошлину.

И вновь отказ!

Обычно посольские чиновники не дают письменных ответов, отказывая устно, потому как слово к делу не пришьёшь, но в этот раз их немыслимая логика была заключена в письменную форму: «Уважаемая Татьяна Васильевна!

Настоящим сообщаем, что Ваше заявление о приёме в гражданство Российской Федерации не может быть принято к рассмотрению, поскольку Вами не представлены предусмотренные законодательством документы, удостоверяющие гражданство или отсутствие гражданства.

18 декабря 2008 г., подпись - зав. консульским отделом В. Барабанов».

Среди других документов, предоставленных Татьяной, была копия кар-

точки жителя Франции, и в графе «гражданство» черным по белому написано: «Отсутствует».

...Французские судьи, рассматривающие дела тысяч русских без гражданства, никак не могут понять: как так? Вот ваше свидетельство о рождении, в нём написано, что вы русская. Череповец - это где? Департамент Вологда? Россия? Так чего же вы хотите? Вот же он, документ, который свидетельствует, что вы гражданка России!

Адвокат Селин Пруст, член коллегии адвокатов Лиона, говорит, что на её памяти ни один русский беженец не получил во Франции статуса апатрида - лица без Родины, потому что у всех есть свидетельство о рождении, в котором указана национальность «русский» (национальность и гражданство во Франции - одно и то же).

Татьяна Масс не бедствует, сотрудничает со многими печатными изданиями Америки и Западной Европы и считает, что ей грех жаловаться: «...Я знаю, как живут многие мои соотечественники без документов здесь. Я видела таких людей, живущих на краю небытия десятилетиями: они нанимаются на самые тяжелые и грязные работы, чтобы заработать кусок хлеба. Нужно ли говорить, что в таком положении ими помыкают все, кто устроился получше: турки, арабы и африканцы».

Татьяна стремится на Родину, но на этом пути стоят барьеры бюрократизма и равнодушия.

«...У меня это вообще до сих пор не

укладывается: где же тогда нам, русским, жить? Как это может быть, что за напасть на Россию? Я хотела подавать в суд Европейский, но мама мне запретила, сказала: «Будут опять ведь позорить Россию, а не посольских чиновников, которые тебе не дают гражданство».

В марте 2009 года в далёкой Москве умерла её мама - осложнение после гриппа. Умирала долго - две недели в реанимации, но Татьяну к ней не пустили. Брат кричал по телефону из Москвы: «Иди пешком через все границы! Наша мама умирает!»

Жить с этой болью?

И всё равно Татьяна стремится на Родину!

Ей стараются помочь родные и близкие и люди, знакомые с ней заочно. Её предупреждают: легко в России не будет. Всё впереди - и безразличные равнодушные чиновники, и будущие проблемы с начислением пенсии. И будут проблемы с работой у журналиста с международным именем.

Будет ли оформлено российское гражданство для её сына, родившегося в Латвии? Вслед за получением гражданства ему предстоит отдать воинский долг в Российской Армии...

Из письма родственницы Татьяны: «По этому делу хорошо бы еще проконсультироваться с ХОРОШИМ юристом. Там есть какой-то закон, который можно использовать. На основании того, что в России находится могила Таниной матери...»

Мало других могил?

Павел ШАБАНОВ

Раздел с таким названием появляется в «Вологодском ЛАДЕ» впервые, однако тема путешествий на страницах нашего журнала совсем не нова. И вот редакция решила выделить для материалов о путешественниках и путешествиях отдельный раздел. Это становится всё более актуальным, потому что выдающийся путешественник нашего времени Фёдор Конюхов создает в Тотемском районе международную школу своего имени. В минувшем году «Вологодский ЛАД» регулярно рассказывал об этом замечательном человеке, публиковал его дневники, а также живописные и графические работы. Сегодня мы публикуем дневник Марии Самохваловой - помощницы Фёдора Филипповича.

ЗДЕСЬ ОЩУЩАЕШЬ СЕБЯ ЖИВЫМ

Мой альпинистский дневник

**МАРИЯ
САМОХВАЛОВА**

Год моего рождения - 1986. 24 года моей жизни не принесли никаких выдающихся результатов, а прошли в поисках себя. В 2009 году я решила переехать из родной Тюмени в Москву, поскольку нашла работу своей мечты. Своим учителем и наставником считаю Фёдора Филипповича Конюхова - легендарного путешественника и удивительного человека. Глядя на него, хочется прожить неординарную жизнь, каждый день которой - маленькое путешествие. Моя жизнь - это баланс творчества и экстрима.

Шесть лет назад я познакомилась с альпинистами и загорелась идеей взойти на Эльбрус - высочайшую точку России и Европы. Весной упорно начала тренироваться и искать снаряжение, чтобы уже летом отправиться с новыми товарищами в горы Кавказа. Восемнадцать лет - как раз тот возраст, когда между «хочу» и «могу» так легко поставить знак равенства. В экспедиции вела дневник. Заметки мои служили неким «фотоаппаратом». Только с его помощью я пыталась запечатлеть не картинки, а ощущения новой реальности. Отправившись тогда в горы, я сделала первый шаг к той «нестандартной» жизни, о которой мечтала. Эти сборы побудили меня написать первую статью в газету и стать журналистом, а после - познакомиться с легендарным путешественником Федором Конюховым. Сегодня мне захотелось достать дневник с пыльной полки и дать почитать другим. Возможно, кому-то тоже захочется сделать решительный шаг и отправиться в свое путешествие.

20 июля: прибытие в альплагерь «Уллутау».

Вот мы и в лагере! На его территории находится поднебесная площадка для спортивных занятий, а на ней мы увидели целое поле каратистов. Словно приехали не в альпинистский лагерь, а в школу восточных единоборств. Необычное зрелище - ребята в белых кимоно на фоне снежных склонов выполняют ритмичные движения...

Горы... неописуемы. Но всё же рискну внести несколько штрихов. Здесь ощущаешь себя живым. Чувствуешь, что у тебя есть здоровье, силы, нервы. Как будто на некоторое время ты вынырнул из воды и получаешь свою дозу кислорода.

Даже странно: находишься на Кавказе (опасный район как-никак), а чувствуешь внутренний покой. Как здорово, что на эти недели можно забыть, кто ты, что ты должен этому миру. Все заботы и «важные» дела, оставшиеся где-то на асфальте, за стеклом...

Свежий-свежий воздух! И пока не чувствуется никакого кислородного голодания. Только и думаешь, как долго ты переносила этот безгорный голод в душном городе. И так может продолжаться до бесконечности, пока не скажешь «нет». Довольно - пора на волю. Раскрыть все решетки, провет-

рить жизнь, освежить ее новыми красками...

21 июля: первые скальные занятия - первые спасательные работы.

Первое морозное утро в «Уллутау». Наш лагерь опоясывают горы. Он находится как будто на дне огромной чаши или королевской короны. Мощнейшая крепость, водруженная самой природой, которая держит осаду всех ветров.

Как вдохнуть в эти строки свежесть, чтобы они ожили? Вот бы всю жизнь так дышать, не возвращаясь к загазованным магистралям.

15.30. Скальные занятия. Сидим высоко в горах. Жаркое горное солнце. Настя из нашей группы сломала ногу. Это событие потрясло всех. Теперь мы ждем, когда принесут шину, воду, недостающие лекарства. Вот так печально может закончиться любой отпуск.

В течение часа ждали спасателей. У меня страшно затекли ноги, на которых лежала пострадавшая. Мы как могли подбадривали её, а вообще она держалась молодцом.

И вот вдалеке показался человек. Интересное, кстати, ощущение, когда видишь кого-то до боли знакомое, но не можешь поверить, что это он. Это действительно был Андрей Селиванов - известный тюменский альпинист, наш тренер. Такой вот человек - всегда появляется в нужное время в нужном месте. А главное - неожиданно! Он приехал к нам в гости раньше намеченного срока, в перерыве между работой с голландскими группами, штурмующими Эльбрус. Насте несказанно повезло с врачом и спасателем в одном лице. А для всех нас этот день стал бесценным опытом спасательных работ. Хочешь не хочешь, а обстоятельства порой делают тебя подопытным кроликом, лишь бы попасть в руки опытных людей. Вот как быстро меняются роли. На вершине ты Бог, у подножия букашка, а по дороге можешь стать кроликом.

22 июля: продолжение скальных занятий.

Настю вчера спустили благополучно. Доставили в больницу.

Странно... здесь, в горах, спать хочется меньше, чем в городе, хоть и устаешь гораздо больше. Парадокс? Высота, видимо.

Утром морально приготовились к длительному подходу к очередному месту тренировок, но несказанно удивились, когда уже через пятнадцать минут достигли его. Видимо, побоялись после вчерашнего инцидента вести нас далеко. Вдоволь налазились. Особенно понравилось подниматься по веревке на жумаре.

Ким Кирилыч Зайцев - главный спасатель в «Уллутау». Его традиционное одеяние - зеленый костюм с летучей мышью на груди. Этаким постаревший и располневший Бэтмен. А когда случается что-нибудь непредвиденное, он надевает красный костюм. Такая вот знаковая система.

Вообще приятно смотреть на людей вокруг. Все здоровые, сильные, целеустремленные. Большинство, по крайней мере. Ведь лентяев редко застаскивает на три тысячи метров над уровнем моря.

23 июля: день отдыха.

Сегодня день отдыха. Готовимся морально к завтрашним восхождениям. Наша пятерка должна уже в семь утра отчалить к Местийской хижине. Там будут первые ледовые и снежные занятия. Но это все будет потом. А пока... так уютно в нашей палатке.

Когда мы впервые очутились в душевой лагеря, я вспомнила монологи Задорнова об отечественном сервисе. Началось всё с того, что мы перепутали душевые. Зашли в мужскую раздевалку, поскольку двери были без комментариев - ни «М» тебе, ни «Ж». И, только начав процесс раздевания, быстро перешли в соседнюю дверь, радуясь, что не успели в этом деле далеко зайти. С напором воды тоже было не густо. «Нормально» функционировавших душей было три (на всё женское население лагеря), а из двух душей шла только холодная вода. Таким образом, одни мылись по двое в одной кабинке, другие стояли и ждали своей очереди или закалялись под холодными струями воды.

24 июля: подход к Местийской хижине.

Подъем был в пять утра под моросящий дождик. Холодно. Вылезать из палатки вообще жутко. Мальчики ушли на маршрут 2А еще в четыре утра. Ночью не спалось, под утро тоже.

Сейчас четвертый час. Сидим у Местийской хижины. Душа поет, погода наладилась. А еще недавно был просто кошмар. Очень тяжелый переход: «живые» камни, скользкий лед, талый снег, усталость, жара... Но все это необходимо. Таковы правила гор.

У нас ни один день не обходится без приключений. Сегодня, например, нас покинул инструктор, который неожиданно запил. Нашим проводником стал Рустик, который видел хижину единожды, да и то зимой, когда катался на лыжах. Поэтому мы намотали несколько лишних сотен метров. А это, кстати, не очень-то приятно при движении по снегу и «живым» камням. Все казалось, что за следующим склоном обязательно будет хижина. Это ощущение изматывает. Глаза боятся... а ноги идут. Завтра пойдем на Местию - для значка. Для меня эти альпинистские регалии не главное, но значок получить хочется. Все-таки четыре раза на Алтай сходила со школой для души. Теперь пора бы и совместить философское созерцание со спортивным интересом.

Пока шли до хижины, нам встречались пасущиеся коровы. Им, наверное, повезло. Ведь быть горной коровой куда оригинальнее, чем равнинной. Но они вряд ли это ценят...

Пришли к хижине, которая была практически занята, и решили поставить палатку. Поставили... при ураганном ветре.

Прошли снежные занятия: работа с ледорубом, ходьба в кошках. Уж поверьте: девушка с ледорубом смотрится куда эффектней, чем девушка с весом. Хотя, возможно, это лишь альпинистские предрассудки.

При падении со склона во время тренировки я почувствовала, что потеряла очки. Минут пятнадцать искала. Нашла на носу. Но это далеко не

старческий маразм. Просто до того с ними сливаешься, что совсем не ощущаешь их присутствия. А так-то любые очки бы слетели, только не альпинистские!

Завтра идем к вершине Местиа-Тау. Местия - бестия. Что-то в этой рифме есть. К вечеру из долины поднимается густой туман - как будто из преисподней, где кипят котлы...

26 июля: возвращение «домой».

Вчера не могла писать. Утром - сборы, пришли на закате. Впечатлений - море. Вершина преодолена. Такое душевное спокойствие, чем-то напоминающее ощущение после сдачи последнего экзамена, только намного сильнее.

Когда мы шли на Местию, сначала надели «кошки» - железные крепления на ботинки для ходьбы по снежным и ледяным склонам, потом нам разрешили их снять. Я и не думала, что ВЦСПСовские кошки могут быть острыми! Но когда начала отряхивать их от снега, похлопывая друг о друга, один зуб впился мне в палец. Вспомнила печальный рассказ Маркеса «По следу твоей крови на снегу». Только в данных условиях сюжет немного изменился. Капли крови ложились не на асфальт, а на снежные холмы по пути к вершине. Красное на белом...

Этой ночью спали в хижине. Здесь тепло и уютно, но всё-таки хочется обратно в лагерь, в нашу палатку. Поделиться впечатлениями. Кстати, мы часто повторяем фразу «хочу домой», имея в виду совсем не Тюмень, а наш лагерь.

Сейчас лежим в хижине на второй полке и ждем макарон с тушенкой. Скоро будем спускаться. Скорей бы уж. После вчерашнего восхождения практически ничем не занимаемся, только едим и едим. Все мы обгорели. У меня лицо - краснее не придумаешь (так что не во всем везет блондинкам). А вокруг глаз от очков светлые места остались, да и лоб весь белый от каски. Бедные уши альпинистов! Оказывается, на них такая нагрузка ложится: и очки давят, и каска.

Да, теперь мы девочки-значкист-

ки. Не шуточки. Не знаю, что будет дальше, но начало положено хорошее.

А сколько воспоминаний связано с «кошками». Интересен сам процесс их подгонки к ботинкам. Как будто ты - Золушка, которой дают примерить хрустальную туфельку. И неважно, что вместо хрусталя - железные зубья, а ботинок 40-го размера, потому что с двумя шерстяными носками.

Только бывают ли принцессы с такими лицами, как у меня? Как будто ошпарили в кипятке. Ночью к лицу прилипает все: волосы, спальный. Но это того стоит. Я готова вытерпеть свои испытания. Это моя жизнь. И она мне нравится.

27 июля: день отдыха.

Черт... и строчки не могу написать о походе к вершине. Это почувствовать надо. Это просто момент, когда человек счастлив, несмотря на сквозной ветер, холод, усталость. Дорога к вершине наполнена ожиданием, вниз - осознанием этого пути и радостью победы.

Когда снег моментально заметает твои следы, вспоминаешь об уюте. До чего же заботится о нас цивилизация: горяченькая водичка, чай без проблем... Переходили от одного снежного склона к другому, а в голове часто возникала мечта - усесться в мягкое кресло перед аквариумом и долго-долго смотреть на рыбок.

Сегодня снова день отдыха. И у нас, и у мальчишек. Они вернулись около десяти, уставшие и голодные. Первым пришел Макс, еще к ужину. Даже не передать, как приятно видеть родные лица. Он поведал о приключениях, которые были в пути. Завтра мы пойдем на очередную стоянку. Опять расстанемся с ними. Наша группа распадается на две половинки, а когда вновь соединяется, чувствуешь, что жизнь прекрасна.

Хочется читать, писать. Нужно стирать.

Здесь, в горах, не хочется подбирать особые слова... Все пишется само собой, словно под диктовку.

Сегодня нам торжественно вручили значки. На значке надпись: «Альпинист СССР». А впрочем, правильно

- не выбрасывать же добро. Этих значков, наверное, еще лет на двадцать хватит. Кто знал, что Советский Союз развалится? Но доля правды здесь всё-таки есть - все мы альпинисты, рожденные в СССР.

28 июля: Койавганские ночевки.

Вчерашний день был просто потрясающим. Во-первых, мы сходили в сауну. А потом стали отмечать получение значков. Договорились встретиться с тренером возле бара в 9.30, но он не пришел. Потом зашли в бар, но нам совершенно не понравилась здешняя атмосфера. Мы ведь народ непьющий. Купили сок и пошли обратно в лагерь пить песенки.

Сережа пел очень актуальную песню «Оранжевое настроение». И лицо его было оранжевым от облепиховой мази.

29 июля: вершина Чот-Чат.

Сегодня кошмарный день. Мы сделали двойку А. Очень сложно - с единичкой не сравнить. Морально очень тяжело. Но если вспомнить мой первый поход на Алтай... Ведь тоже поначалу было жутко. Но одно могу сказать точно: туризм ни в какое сравнение с альпинизмом не идет. Хотя, как говорится, легких гор не бывает.

30 июля: вершина Виа-Тау.

И всё-таки жизнь прекрасна! Лежу на своем желто-зеленом коврике и загораю. Вокруг простор, ограниченный, правда, кольцом гор, но такие преграды мне по душе. Горы, снега, ручьи, водопады... Можно, конечно, подобрать множество красивых эпитетов для описания, но нужны ли они? Пусть глаза запечатлят, а сердце прочувствует всю необыкновенность окружающего меня мира. Какая гармония, какая умиротворенность... Сколько титанических сил потребовалось этим великанам, чтобы пробиться сквозь землю. Сколько столетий текут эти горные ручьи, сколько тают снега. Никогда не прекратятся и камнепады, лавины, сели. Горы не могут жить без этого величественного ужаса.

А теперь ты сидишь среди всего этого, и всё вокруг становится твоим миром, домом, раем... Как здорово

чувствовать прикосновение солнца к твоему плечу, капли дождя на твоём лице, дикие порывы ветра. Всё это жизнь, свобода. И это стоит того, чтобы уехать за тысячу километров от дома, забыть свою городскую жизнь с косметикой и галстуками. Здесь мое место под солнцем, которое мне дороже, чем трон короля или кресло топ-менеджера. Ведь хорошо только там, где можешь забыть обо всех проблемах и погрузиться в мечты, счастливые воспоминания и головокружительные планы. Место, где чувствуешь себя всемогущим, где прибавляется энергия. Если знаешь, где твое место, то никакая в мире сила тебя не остановит.

Здесь, в небе, среди камней столько живого: надо мной парят грифы, в камнях притаилась ящерица, со скал слышится стук копыт горных туров.

Солнце лучше любого солярия, и нет лучшего ковра, чем травы, лучшей ванны, чем горный ручей. И ничто так не лечит нервы, как горы.

Наверное, существует какая-то грань, где альпинизм сливается с философией. Эти две вещи пришли в мою жизнь практически одновременно.

Хочу, чтобы на моем пути встречалось больше людей, которые любят горы. А все остальные пусть по-прежнему считают меня ненормальной. Если не дано сердцем почувствовать это, то объяснить словами невозможно. Если человек прикован к письменному столу и креслу, стоит снимать с него эти оковы? Это его судьба. И зверь привыкает к клетке.

Я поняла, что познавать горы можно двумя способами. Первый - карабкаться по ним, цепляться за живые и неживые камни, врезаться в снег и лед ледорубом, то есть идти. А есть другой способ - созерцать. Когда лежишь в тишине и размышляешь, горы сами начинают разговаривать с тобой, поверять свои тайны. Если, конечно, ты хочешь их услышать.

Какие они громадные. И как долго живут. Здесь начинаешь вновь воспринимать мир с детским трепетом и волнением. Восхищаться... Просто

миром, который вокруг. Просто жизнью, которая то притаится в камнях, то летит, рассекая воздух. Нам так не хватает этого состояния за пределами этих гор, где жизнь начинает вращаться всё быстрее и быстрее, загоняя нас в ловушку времени. Да мы и сами рады поставить перед глазами телевизор и воткнуть в уши плеер. Мы готовы заполнить глупостью свободные минуты бесценной вечности. Мы можем всю жизнь бродить по асфальту и ни разу не прикоснуться к росистой траве. Мы не хотим проникнуть в другие миры, которые, безусловно, существуют за пределами крепостных стен наших городов. Стен, которые невозможно увидеть, но которые пытаются удержать нас в пыли и суете, обрушивая лавины проблем. И почему мы не можем понять, что сами усложняем себе жизнь, портим нервы только из-за того, что боимся глотнуть свежего воздуха, испить воды из чистейшего горного ручья? Но мы больше склонны мечтать о работе в свежеевыкрашенном офисе, чем о покорении новых вершин.

Может, существует какой-то есте-

ственный отбор между «живыми» и «неживыми»? Могу поспорить, что здесь, за цепью гор, живых куда больше.

Сидишь здесь на теплом камне, и всем всё равно, где ты учишься, где работаешь, сколько у тебя долгов, проблем. Ведь если ты по-настоящему любишь горы, доверяешь им, тебя примут в это общество. Нельзя ведь всем поголовно мечтать о машинах. Это неправильно. В мире всегда должна оставаться горстка «ненормальных», которых это не забавляет. И я присоединяюсь к вам, мои друзья со всех континентов. И пусть нас всегда будут считать сумасшедшими, я буду с гордостью носить это звание. Это проще и приятней, чем объяснять слепым и глухим жестами и словами. И зачем я потратила столько сил и нервов? Иногда нужно заставить смириться, поставив перед фактом. Иначе никуда не выберешься. Свобода требует порой проявления жестокости. Но я горжусь собой. Не каждому зверю выпадает возможность выбраться из клетки. А почувя хоть раз запах свободы, уже никогда не сможешь избавиться от ее манящего аромата. «Горная» болезнь заразительна.

Находясь здесь, нельзя не вспомнить Маленького принца. Я - ребенок. Они - взрослые. Между нами горная цепь, километры и посты ГАИ. Кажется, непреодолимые расстояния... Палатка - мой дом. Камни, ручьи и травы - мои дороги. Здесь мои друзья. Может, это и есть мой настоящий мир, а все остальное - материалы для сравнения?..

31 июля: ночь - возвращение в лагерь; день - отдых.

Сегодня день отдыха. Есть время разобраться с вещами и мыслями.

Дерево возле моей палатки стоит как новогоднее. На нем висит система, кофта, пуховка, шапка, два полотенца мальчишек, две пары моих шерстяных носков и перчатки, а также свежеевымытый пакет. И даже «фонарики»! А под «елкой» (сосной) стоит рюкзак, как мешок Деда Мороза. А рядом пакет со снаряжением. Непло-

хой подарочный набор для альпиниста.

Разгребаешь вещи, и на душе становится легче. А еще когда начинаешь приводить себя в божеский вид!..

Поставила ботиночки на солнышко. И душа греется. Одежда потная, отсыревшая. Хорошо, что в лагере осталось, во что переодеться. Как всё-таки хорошо в этой палатке - как дома. Особенно это я почувствовала ночью, после перехода с Койавганских ночевок в лагерь. Тусклый свет луны, живые камни - мелкие, сыпучие... Дорога вниз - ночной кошмар. Когда добрались до дому, так хорошо стало. Счастливое бессилие... Я попила прямо из ручья, сняла насквозь промокшие вещи, залезла в пустую палатку (мальчишки были еще высоко), расстелила коврик и спальник, поставила вещи под тент и легла спать. Первые полчаса текли слезы. От всего. Слезы... Насколько ярче все человеческие чувства на высоте. Мечты. Воспоминания. Так остро ощущаешь, чего тебе не хватает. Ночной переход вправляет мозги. Так дорога жизнь, когда ты знаешь, что причиной человеческой смерти может быть один неверный шаг. Как дороги люди, которые здесь и которые на три тысячи метров ниже...

Страшно, что словами не объяснить, что для тебя счастье. Этот миг. Эти эмоции. Эти слезы. Это одиночество. Да, мне страшно от того, сколько людей никогда не поймут меня. Никакое счастье для них не сможет оправдать риск. А вдруг мне самой никогда не захочется разговаривать с ними? Хочется покоя, свободы. Расчистить пространство вокруг для своих эмоций.

1 августа: день отдыха.

Писать особо не о чем. Жизнь течет и течет... Можно сказать, что все идет по плану. Завтра подход к вершине ВМФ, 2Б.

Сегодняшняя ночь была тяжелой. Не знала, на каком боку спать. Раз двести, наверное, перевернулась. Одежду надевать больно. За солнышко тоже надо платить.

Красиво в лагере. Вокруг нас гоняют белки. Такие маленькие, шустренькие... Жара.

Нет, о белках нужно поподробнее. На самом деле белки - существа более крупные. Но белки высокогорные - это очень мелкая дичь... А дичь потому, что уж очень дикие. Но в то же время такие наглые. Не успеешь отвернуться, как они начинают хаотично прыгать по лагерю и искать, что осталось вкусенького после альпинистского перекуса, а через секунду будут уже привычно скакать по деревьям с видом: а нас тут и не было. Несмотря на их мелкие шалости, они казались нам совсем безобидными существами, пока не дошло до дела... На дереве сушилась очаровательная Иринкина кофточка с резиновыми помпончиками. И вдруг мы находим такой помпончик на земле. После недолгого расследования мы пришли к выводу, что одна маленькая белочка приняла его за орешек и основательно погрызла...

2 августа: идем на подход.

Моя спина так обгорела, что вопрос, как нести рюкзак, не кажется мне риторическим. Вчера перед сном мальчишки играли на гитаре. Здорово засыпать под такую музыку. А просыпаешься под журчание ручья и слабый писк часов - напоминание о далекой цивилизации.

4 августа: снова отдых.

Вчера мы сходили на вершину ВМФ, заодно и спустились в лагерь. Жутко умотались, но сделали это.

Во время восхождения была кошмарная погода. Началось все ночью: гром, молнии, камнепады... Такой хор явно уступал колыбельной гитары. Когда я проснулась, мой спальник на одну треть был мокрым, а со стенок палатки капало, так что пуховик, служивший мне подушкой, беспощадно промок.

Единственная мысль, сопровождавшая меня по пути к вершине: только бы не воспаление легких. Короче, промокли до костей. Но моральное удовлетворение на все сто. Поняла, что нужно больше ходить в горы в молодом возрасте - здоровье многое позволяет. Или просто я такой человек, что мне легче простудиться в замкнутом душном помещении, чем на высоте 4000 метров при ураганном ветре.

А как было красиво по пути к вершине... Огромные снежные хлопья. Именно о таком снеге мы мечтаем в новогоднюю ночь. Поистине зимнее восхождение. Дрожь. Кто ты на самом деле? Переплетение мышц и связок... и маленький бьющийся комочек сердца. Еще я поняла, что альпинизм - это поглощение одних страданий другими. Холод, например, заставляет напрочь забыть о боли.

Нет ничего приятнее, чем погреться в спальнике после восхождения... Мы попили чай и рванули обратно в лагерь. Управились за два часа, даже к ужину успели.

По пути вниз в голове крутилась песня Цоя: «Пожелай мне... Не оставаться в этой траве». Когда вернулись в лагерь, так сладко спалось на камнях (на них стояла палатка). Поэтому пос-

ле восхождения трудно чувствовать себя принцессой. Здесь не только горошинку не заметишь. Мне лично подушкой служили гитара и сноуборд (этой ночью трое из нас спали в хозяйственной палатке, т.к. в лагере их осталось всего две).

Вообще женщинам в горах куда труднее, чем мужчинам. Им приходится проявлять мужество и сохранять женственность. Так что крепкие мы существа. Еще одним запоминающимся событием было поедание апельсинов на вершине ВМФ. Лена, знакомая нашего нового инструктора Кости, захватила с собой три апельсина, как раз по половинке на человека. Не правда, ли романтический перекус на вершине?

6 августа: посвящение в альпинисты.

Только раз бывает в жизни посвящение в альпинисты. Так что во многом это еще круче свадьбы...

Ну уж нет! Ни слова о нем не скажу. Я еще помучаю в следующем году новичков... Хочу только поблагодарить наших мальчишек за отменную программу посвящения.

До сих пор не могу без смеха вспоминать о проделках нашего баранчика. Хотя я даже не могу сказать наверняка, кто же он на самом деле: баранчик или такой упитанный горный тур. Нет, всё-таки баранчик. Этот красавец, подобно белкам, подъезжает за нами всё, что плохо лежит. И даже если всё лежит хорошо, он все равно умудрится слизнуть хлебные крошки с нашей скамейки. Но поскольку альпинисты не живодеры, о шашлычке никто и не помышлял.

И вот сегодня после очередной трапезы мы застали нашего баранчика вот за каким делом: носится, бедненький, с чехлом от спальника на рогах. За этой картиной наблюдает наш сосед-альпинист, и сам, едва не смеясь, просит помочь поймать этого воришку. В итоге на таких просторах никому да загнать его, конечно же, не удалось. Зато когда баран полностью освободился от преследования и начал флегматично жевать травку, хозяину чехла удалось подойти к нему и ото-

брать трофей. Оба остались довольными.

7 августа: снова в путь.

Прощание с лагерем, который многому нас научил. Предвкушение Эльбруса. Заехали в магазин «Альпиндустрия», что в поселке Эльбрус. И вот... второе явление Селиванова альпинистам... Конечно, мир тесен, но встретиться в магазине...

В поселке Эльбрус солнышко греет щедро - все ходят в маечках. Но стоит проехать две станции на подъемниках - и вот тебе поистине метаморфоза. Экскурсия из лета в зиму за полчаса. Сразу начинаешь шевелиться - надеваешь самую теплую одежду. Сначала некоторые недоумевали, зачем перерывать рюкзак и доставать со дна горные ботинки. Но потом поняли - раскаленный асфальт сменили глубокие сугробы...

8 августа: акклиматизационный выход.

Планировали до Седловины пройти, да пурга такая началась.... Прошли кто сколько. Скалы Пастухова, потом палки, палки... Такие ориентиры, чтобы не сбиться с пути. Мне еще один мужик настроение испортил по дороге. Когда я спросила, далеко ли до Седловины, сказал, что с таким темпом я и к утру не дойду. Вскоре я встретила Сережу с Машей. Они уже спускались. Сережа сказал, что мы находимся на высоте 5100. До Седловины, разумеется, никто из наших не дошел. Дальше всех ушли Ольга с Тимом.

9 августа: ожидание хорошей погоды.

В 6 часов утра Оля позвала нас встретить рассвет. Но мы продолжали лениво лежать в палатке. Думаешь, хотелось вылезать? Короче, если человек не выспался, не нужен ему ни рассвет, ни Эльбрус. А она тем временем отправилась делать замечательные снимки, ведь так редко Эльбрус, рассеивая завесу тумана, открывает два своих горба. А я вновь закрыла глазки, решив в этот момент полностью согласиться с мыслью, что материя первична...

Да, в такую погоду и в туалет схо-

дить - героический поступок! В данных условиях наша палатка похожа на большую извивающуюся амебу. Попробовали бы вы сейчас выйти на улицу и посмотреть на нее со стороны, может быть, у вас возникли бы и другие ассоциации. Но я вам этого делать не советую. В такую погоду хороший альпинист не выставит из палатки и свой ледоруб, иначе он спокойно может быть погребен под градообразными сугробами. Даже тапочки жалко.

Вспомните мультик о Простоквашине. Попробуем воспроизвести письмо домой в альпинистских условиях.

«Дорогие папа и мама, сейчас я в горах. У меня всё хорошо. В данный момент сижу и пишу вам письмо. А так в основном люблюсь горными пейзажами...»

И тут каждый участник нашей экспедиции мог добавить кое-что от себя:

«Нашу палатку скоро снесет с лица Земли...»

Из носа до сих пор текут сопля. И этот процесс необратимый.

Меня тошнит, рвет, возникают продолжительные головокружения...

Сейчас все обитатели нашей палатки возложили на себя обязанности атлантов. Мы держим палатку и тент на своих «каменных руках», иначе нас прикроет, как простынькой, и придавит к земле.

Питаюсь я преимущественно элеутерококком, глюкозой, аскорбиновой кислотой и т.п. продуктами.

Мои ноги в горошек от синяков, спина до сих пор облазит. Да и не мылась я энное количество дней. Но это не страшно, все равно я уже забыла, что такое горячая ванна...

Моей пятой точке приходится теперь выполнять функции санок, коньков и лыж...

Я не чищу зубы, а все жую свой «Орбит» без сахара.

Меня бьет по башке нашей люстрой (фонариком). Раньше он висел на «потолке», а теперь все ниже и ниже...

Говорила мне бабушка: «Поедем на море...». Говорил дедушка: «По-

едем в Питер». Но я и от бабушки ушла, и от дедушки... и отправилась на Кавказ.

Думаете, мы вблизи от горячих точек? Не волнуйтесь, это очень холодная точка...

А еще завтра я собираюсь прогуляться до вершины Эльбруса. Теперь можно понять поговорку «нести свой крест», но более актуально для альпиниста - идти свой крест, то есть сходить в один день и на западную, и на восточную вершину Эльбруса...

Сейчас мне до того смешно стало. Говорили мне, что я ненормальная, а еще пыталась кому-то объяснить, что только веду здоровый образ жизни, совмещая его с активным отдыхом. А сейчас понимаю, до чего они все были правы. Только представьте. Стоило потратить столько невосстановимых нервных клеток на всяческие объяснения, выдержать лавинные обвалы контробъяснений, в итоге выбраться

на свободу и... замерзнуть под снегом, градом при ураганном ветре в разрывающейся палатке...

Но разве кто-то имеет право обсуждать и осуждать меня? Ведь мы живем в разных плоскостях. Ваши развлечения не вызывают у меня никаких душевных колебаний. Мне неинтересно сидеть, уткнувшись в телевизор, боясь пропустить одну из примитивнейших серий бесконечного сериала. Я никогда не мечтала о «новом русском» на белом «Мерседесе». Я на самом деле не хочу видеть рядом с собой денежный мешок и тонну никчемного железа. Вероятно, я преувеличиваю, но хотя бы единожды побывав в настоящих горах, доморощенные мужчины теряют для тебя всякий интерес. У многих из них ведь не хватит воли дойти и до вершины Эльбруса.

И вообще, становятся смешными многие вещи. Например, курортные романы. А ведь столько девчонок мечтают смотаться подальше от дома, к морю. Надевают юбочки покороче и

ищут свою московскую или питерскую жертву. И ты понимаешь, что таких красавиц миллионы.

Есть и другие девчонки. Они склоняются над книжками, а потом не могут связать и двух слов без конспекта.

А горы помогают справиться с понятиями разного рода. И практически безболезненно. Сам начинаешь понимать, что ты стоишь на самом деле. Когда я смотрела на своих товарищей, то понимала, что нужно многому учиться у них. Не обижаться, а прислушиваться к дельным советам. И работать, ведь никто за тебя ничего не обязан делать.

Вот примерно такая каша в голове у альпиниста на высоте 4200 метров.

10 августа: восхождение на Эльбрус.

Сегодня мы сделали это... Слов совершенно нет. Чувство, как будто ты все отдала этой горе. Размазала душу по склонам Эльбруса. Где эмоции?

Когда идешь быстро, начинается легкое головокружение и тошнота. Но сама виновата. Нужно было хотя бы по утрам бегать. Но ведь в самом менталитете русского человека заложено надеяться на «авось». Не делайте так, люди. Тренироваться надо... Здоро-

вье, безусловно, хорошая штука, но на тройках-четверках без тренировок уже не прокатит. Обычно главное - сделать первые несколько шагов, а потом отключить сознание и просто идти... Автоматическая работа ног, и ничего больше... Да нет здесь ничего страшного! Просто идти...

11 августа: вниз с высоты.

И вот мы, уставшие странники, спускаемся с высоты. И перед подъемниками нас встречает одна средневековая мелодия, воскрешенная Гребенщиковым. Помню, что в детских сказках к счастью было на рассвете встретить трубача. А вот флейтист на высоте - это так удивительно и прекрасно и уж точно приносит не меньше счастья. Так мы пришли с последней горы. Кем бы мы ни были здесь и сейчас, на какой высоте бы ни стояли, мы ни в коем случае не должны забывать, что «под небом голубым есть город золотой...» Сердце не может объять весь мир, но оно чувствует, что в этот момент где-то на холмистых просторах звенят колокольчики церквей, на алтайских тропках вновь угасают бабочки-однодневки. И ты знаешь, что в этот момент должен быть именно здесь, чтобы слушать эту мелодию.

Да, теперь я понимаю, почему альпинизм назван самым интеллектуальным видом спорта. Если смотреть только под ноги, то кроме камней и снега все равно ничего не увидишь. Глубже нужно смотреть, чтобы понять, что за ними стоит...

Мне хочется много кого поблагодарить. Во-первых, всех моих спутников. Никогда не забуду момента, когда после восхождения на Эльбрус мы лежали в палатке и описывали друг другу во всех подробностях восхождение. Часто ли такое бывает в нашем эгоистическом мире, когда ты говоришь, и каждый твой шаг, вдох интересен? Мысли, чувства. Можно ли на такое рассчитывать в городских условиях? Почему-то там мы в первую очередь в человеке видим не единомышленника, а конкурента: в бизнесе, журналистике, да в чем угодно. Спасибо дедушке и папе за материальную и моральную поддержку! Маме, за то, что отпустила. Спасибо Косте и Марату за моральную поддержку на земле и вдохновенные рассказы об Эльбрусе. Огромное спасибо Андрею Селиванову за все хорошее, что он для нас сделал, и вообще - за открытие этого мира, которым я сейчас живу. А особенно благодарю мою бабушку. Возможно, если бы не она, у меня не выработалось бы такое умение бороться. Но всё равно... никогда нельзя лишать человека мечты, даже если в ней есть доля риска. А в борьбе за свободу погибает очень много нервных клеток. А нервы у альпинистов должны быть такими же крепкими, как и сердце. Спасибо Богу за то, что создал горы. Без них многие просто не захотели бы жить и никогда бы не узнали, чего им не хватало...

ИСКРЕННОСТЬ В ФОТОГРАФИИ

Уроки Павла Кривцова

Модный и знаменитый американский фотограф Ричард Аведон, мечтавший стать поэтом, сформулировал как-то своё понимание фотографии до такой степени «изящно и оригинально», что фраза эта кочует из книги в книгу, из статьи в статью: «Фотография - не факт, а мнение. Все снимки документальные, ни один из них - не правдив...» Аведона ещё называют фотографом, чьи работы выглядят реальнее, чем герои снимков. Если попытаться объединить крылатое выражение Аведона с оценкой его работ, не впадая в эйфорию от возможности насладиться коктейлем из взаимоисключающих ингредиентов, то в послевкусии будет преобладать горечь. Что же это за жизнь такая никудышная, если условное её отображение выглядит реальнее? Следует ли из этого, что Аведон - неискренний фотограф? Отнюдь нет. В начале своего творческого пути он непреклонно следует моде, постигает её нехитрую механистичность, чтобы самому стать законодателем в модной фотографии.

Таинственный и непредсказуемый Анри Картье-Брессон, попавший в плен к фашистам... Никому не известный фоторепортёр, бежавший, чтобы стать активным участником французского Сопротивления, кажется, не искал проторенных путей в фотографии. Его творческий метод основан на индивидуальности мастера, а его «решающий момент» - очень доступный на первый взгляд путь к успеху любого человека, зарабатывающего на жизнь фотографией. В отличие от Аведона, влюблённого в фотографию постановочную, Картье-Брессон исповедует чистый репортаж как метод съёмки, называя любую постановку жульничеством. С ним трудно не со-

гласиться лишь с одним условием - любая постановка, разумеется, жульничество, если она маскируется под фоторепортаж. Это, если хотите, сродни живому звуку и фонограмме. Правда, сама история возникновения первого фотоагентства «Магnum», основанного Картье-Брессоном со товарищи сразу после окончания Второй мировой войны, напоминает тончайший и беспримесный в послевоенное время рекламный ход: организация «посмертной» фотовыставки героя Сопротивления, который, как потом оказывается, жив, слава Богу... Рыночный успех фоторепортёра-философа Анри Картье-Брессона и его товарищей после этого - дело небольшого времени.

В истории русской фотографии XIX века есть личности, масштабом своим не уступающие их последователям века XX. И не только российским. Максим Петрович Дмитриев - великий основоположник отечественного фоторепортажа, оставивший десятки тысяч ценнейших документальных фотосвидетельств своего времени, без которых история Поволжья рубежа XIX-XX веков ныне просто немыслима. Тоже, между прочим, зарабатывал свои капиталы на изготовлении модных портретов купцов, собирающихся со всей России на Нижегородскую ярмарку. Правда, на эти же деньги Максим Петрович снарядил потрясающе дорогостоящую фотографическую экспедицию по берегам Волги от истока до устья. И о масштабах трагедии голодающего Поволжья правительство Российской империи узнало от фотографа-патриота Максима Дмитриева, отправившего в столицу для принятия мер документальные репортажи, снятые с риском для жизни...

Моя мама - Наталья Стефановна КРИВЦОВА (1987)

Развитие советской фотографии и фотожурналистики шло «другим путём», в основе которого была ключом пропаганда преимуществ советского образа жизни на всех этапах построения коммунизма на одной шестой части суши.

Но время показывает, что для настоящего художника, имеющего свой взгляд на мир, и в советское «заидеологизированное» время оставалась возможность говорить со своим зрителем искренно...

Обычная московская шестнадцатизатка. Двухкомнатная квартира. Тёплые стены. На кухне - мягкий свет из-под абажура. Чистая поверхность стола. У стеночки уютно приютились транзисторный приёмник, большая ваза с яблоками и чайник. Свеча в керамическом подсвечнике. Еле слышно ворчит холодильник.

- Ешь яблоки. Или чай будешь? Скоро придёт Галка, тогда вместе и поужинаем. О каких это вопросах ты

Павел КРИВЦОВ. Фото автора

по телефону говорил, почему их именно два? Что, как живешь и как здоровье?

- Юбилей нашего факультета, Паш. Делаем книгу о выпускниках. Ты хоть не забыл, что учился в Воронеже?

- Что ты такое говоришь! Забыл, правда, в каком году окончил...

- Мне поручено очерк написать. О тебе. О твоей фотографии. Если получится, конечно. Профессор Кройчик, помимо всего прочего, просил задать эти самые два вопроса: «Твоё главное достижение, во-первых, и, во-вторых, что тебе дал факультет журналистики?»

- Несчастный ты человек...

Сказал серьёзно, с сочувствием. Сели за стол. Я достал цифровой фотоаппарат, стараясь не смущаться - в прошлый мой приезд к Павлу Кривцову он от моего «цифровика» разве что не отшатнулся... И съёмку пришлось отложить.

Совсем забыл сказать, что с того момента, как Паша впервые взял в руки фотоаппарат, и до сегодняшнего дня он снимает только на плёнку. Процентом на девяносто девять это плёнка чёрно-белая.

- Я тебя поснимаю, не возражаешь?

- Снимай. Только это не фотография будет, а цифрография...

- Помнишь, ты мне про скрипку и виолончель рассказывал, точнее, объяснял, какая между ними разница?

- Ты это о чём? Чтобы я такое тебе объяснял - не помню.

Вы там с Виктором (к Кривцовым я приехал от Перегудова - ещё одного выпускника факультета журналистики ВГУ), наверное, граммов по триста уже приняли?

- Ни грамма!.. Да ладно тебе, не обращай внимания, вот Галя придёт, тогда я и напомним. Что снимал в последнее время?

- Да вот с одним сибирским фотографом заканчиваем книгу о Тобольске. Аркадий Елфимов, не слышал? Книга из двух частей состоит. Он сделал съёмку на цвет, а я - чёрно-белую. Почти всё уже отпечатал, скоро будем сдавать.

- Посмотреть можно?

- Сейчас принесу.

Выходит в большую комнату (она же - фотолаборатория) и возвращается с большим конвертом из-под фотобумаги. Аккуратно достаёт фотографии и начинает раскладывать их на столе: часовщик, монах в лодке с образом в руках, кладбище, семья свя-

щенника, разрушенный храм, в котором бродят овцы и коровы...

Впервые о Павле Кривцове услышал от воронежского журналиста Виталия Жихарева, который оказался каким-то образом в Белгороде. Виталий познакомился и общался с Кривцовым в его мастерской, снимки рассматривал выставочные и опубликованные в областной молодёжной газете «Ленинская смена». Жихарев вернулся в Воронеж потрясённый. Зашёл ко мне в фотолабораторию и долго пересказывал впечатления от знакомства с мастером. Сам он тогда, кажется, совсем ещё не снимал, но о Пашиных фотографиях рассказывал без характерной для «Молодого коммунара» (да и для самого Виталия) тех лет заносчивости и безапелляционности. Это не было восхищение. Виталий был ошеломлён. Запомнил я, что он пытался пересказать своими словами снимок, на котором щенок в телефонной будке замерзает, о портретах ветеранов войны рассказывал, о колодезных дел мастере...

Ещё помню, всё это время на меня Жихарев смотрел с некоторым сожалением, что в глазах заместителя главного редактора одной из лучших молодёжных газет Советского Союза могло означать лишь произошедшую

Портрет дочери (1970)

серьёзную переоценку моего «вклада» в общее дело. Сказал в конце в жанре то ли стоны, то ли плача, что было бы неплохо и мне с Кривцовым познакомиться, поучиться у него. Потом махнул рукой почти безнадежно и захлопнул за собой металлическую дверь, оставив меня наедине с непростыми размышлениями.

Числился я тогда студентом первого курса заочного отделения журналистики филфака ВГУ. Почему не учился, а числился - чуть ниже.

...Летом 1976 года совершенно неожиданно к нам в редакцию зашёл Павел Кривцов. И мы познакомились. Мне - чуть за двадцать. Павел, оказалось, ровно на десять лет старше. Сразу перешли на «ты» - в молодёжных газетах того времени это считалось нормой, невзирая на возраст и ранги. Долго разговаривали о плёнках, фотоаппаратах, проявителях - узнал много нового, такого, о чём даже в «Советском фото» не писали.

Потом Паша взял подписку «Молодого коммунара». Скорее всего, я его сам и попросил об этом. Мне хотелось услышать его мнение о моих публикациях. Шла уборочная страда, и почти в каждом номере были мои «репортажи с полей».

Говорил он спокойно, без менторства и превосходства. Я ловил каждое слово. Теперь можно признаться - был я в то время самым «слабым звеном» в редакции, как теперь сказали бы, и замечаний в свой адрес получал предостаточно; «жалели» меня по-разному, но заодно надеялись сделать журналистом, тогда это было в порядке вещей - «маститые» не гнушались помогать молокососам.

Вывод прозвучал не как приговор. Из него следовало, что я недостаточно использую возможности своей газеты (выходили три раза в неделю на четырёх полосах формата А-2) для того, чтобы иллюстрации были глубже и точнее. Многие фотографии, говорил он спокойным и не прокурорским голосом, едва ли поднимаются выше уровня привычной проходной фотобанальности. Причём слово «фотобанальность» тогда не прозвучало -

ручаюсь. В этом свой плюс, сказал Павел, есть куда расти. Какие твои годы!..

Кривцов, оказалось, только собирался поступать на заочное отделение журналистики ВГУ и спрашивал меня о требованиях на вступительных экзаменах, а я к тому времени уже завалил две первые сессии. Хорошо помню, что для меня сделали самое большее из всего возможного - оставили «на второй год».

Павел успешно сдал экзамены, а уже в сентябре мы оказались с ним в одной группе, и не выйти на установочную сессию я просто не мог.

Как-то мне удалось затащить Павла на заседание воронежского фотоклуба «Экспресс», что до сих пор ещё работает при ДК железнодорожников. На том заседании обсуждали работы к очередной отчётной выставке. Все выступавшие обходились, как правило, без полутонов. В своей правоте никто не сомневался, товарищей беречь от собственных категорических благоглупостей и «благоумностей» принято не было. Для меня обстановка вполне привычная, а Павел смотрел на всё с хорошо скрывающимися изумлением и сожалением. Не дождавшись окончания «судилища», он кивнул на дверь и тихонько предложил: «Пойдём на улицу...» Вышли никем не замеченные.

- Ну разве так можно! Каждый - истина в последней инстанции. Хотя бы тень сомнения у кого-нибудь промелькнула - нет!

- Это же обсуждение, Паш, ничего особенного. Мы всегда так обсуждаем.

- Какое они имеют право так говорить о чужих работах? Человек снимал, думал, чувствовал что-то своё, а они с первого раза, как топором... Нельзя так!

Я стал прокручивать в памяти все замечания, высказанные за год в мой адрес в фотоклубе и редакции. Попытался вспомнить, что я думал, когда снимал клоуна Марчевского, комбайнера, за которым пришлось по полю гоняться полчаса (то ли старообрядец, то ли баптист!), участкового из Хохла...

Жаркий полдень (1985)

Вроде бы ничего и не думал, но чувствовать-то чувствовал, конечно. Когда злился, бывало, радовался, а то и просто нажимал на кнопку побыстрее, потому что парторг или комсорг из «уазика» руками машут. Восхищение чувствовал, восторг, во время циркового представления с участием великолепного, озорного клоуна Анатолия Марчевского. Иногда даже забывал на кнопку нажать. Проявил плёнку - печатать нечего. Зато с радостью еще раз сходил «на Марчевского», но снимал уже, стиснув зубы.

А о чём можно думать во время съёмки? Впрочем, думал, врать не буду, о том, чтобы снимок получился резким, контрастным и не сильно плотным, иначе в цинкографии загрызут...

Возвращаемся тёплым июньским вечером с занятым из корпуса на Пушкинской. Говорить, кажется, сил нет. В мозгу завтрашний зачёт по немецкому. Паша-то свои десять тысяч знаков перевёл, а у меня даже книжки нет ещё. Ничего, утешаю себя, утром куплю что-нибудь попроще в «Иностранной литературе» на проспекте Революции. Бог даст - пронесёт.

- Паш, а чем узкая камера от широкой отличается? Ты же и теми, и другими снимал?

- Как бы тебе сказать? Понимаешь, широкая камера - это виолончель, а узкая - скрипка.

- Понял.

Молчим, дальше идём. Как же всё просто, думаю, и точно. Мне бы вовек самому не догадаться. Надо запомнить...

Наутро, пока вся группа сдавала «знаки», я сидел в конце аудитории и переводил купленную полчаса назад книжку об открывшем Америку Магеллане. Преподавательница заметила, ко-

нечно же, пригласила меня держать ответ, чтоб и мне, и другим не повадно было. Половина группы ушла с зачётами. Остальные, у кого всё было в порядке, стали за меня переживать: мы-то договаривались, что я последним пойду.

- Читайте от сих и до сих!

О, этим меня, пожалуй, и сейчас не проймёшь!

- Достаточно. Переводите.

- Солнечным осенним днём Колумб ступил на берег...

Мне, кроме «осени», сильно мешали остальные три времени года, о которых в тексте упоминалось. А-а, пропущу маленько... Авось не заметит.

- Дальше, пожалуйста.

Не заметила!

- В лесу, что буйствовал неподалё-

Воспоминания о войне (1966)

ку от океана, он увидел много диковинных птиц и фруктов...

Чувствую, «немка» начинает вибрировать от смеха. Однотруппники ничего понять не могут, но вида не показывают.

- Достаточно... А теперь хотите, я вам переведу?

- Будьте так добры...

- Цикл картин «Времена года» итальянского художника Коломбо, особенно «Осень», отличается обилием мастерски изображённых диковинных птиц и фруктов...

В тот раз я зачёта не получил.

Едем ко мне домой. Он с зачётом, а я с глупой улыбкой. Он вдруг жёстко так посмотрел мне в глаза: «Думаешь, у меня времени больше было на подготовку? Ты, наверное, и снимаешь всё время так - лишь бы насмешить кого-нибудь?»

У меня улыбка с лица рухнула мгновенно.

Да ладно, говорит, ты же местный, сдашь до следующей сессии. Если поработаешь...

«Каждый человек - загадка. Ты - для меня, я - для тебя. Мы сидим с

тобой и пытаемся найти общий язык. Будто хотим установить равновесие на чашах весов, и всё так зыбко. Как, например, передать на фотографии профессиональные черты человека? Можно пойти путём введения в кадр характерной детали, имеющей отношение к профессии, но это лишь поверхностный приём, а я говорю о глобальных задачах. Так год за годом я всматривался в человека и постепенно пришёл к познанию той духовности, которая называется верой. Вера в Бога. Как передать молитву? Одно дело - видеть, наблюдать, и совсем другое - попытаться с помощью фотографии запечатлеть внутреннее состояние. Вера - область скрытая, глубинная, интимная, очень личностная, поэтому здесь нужно быть предельно деликатным. Приходится знакомиться с людьми, с обстановкой, с их образом жизни. Способ один - надо входить в этот мир и становиться в нём своим», - эта длинная цитата из предисловия к книге Павла Кривцова «Русский человек. Век XX», изданной к шестидесятилетию автора на его родине - в Белгороде.

Кроме этого интервью, сделанного для журнала «Фотомагазин», книгу предваряют несколько пронзительных статей писателей, священников, журналистов.

«Я склонен думать, что творческая удача Кривцова не только в его несомненном мастерстве, а скорее всего и ближе в его родственно духовном отношении к русскому человеку, его трагической судьбе, столь тяжко сложившейся в XX веке. Именно духовное и физическое напряжение русского человека вошло в сознание и кровь фотохудожника и столь ярко воплотилось в его в высшем смысле превосходных работах», - это мнение писателя Арсения Ларионова.

«На фотовыставках Павла Кривцова сначала чувствуешь себя немного растерянным от обилия работ, от какого-то особого чувства, как если бы в кровавой шарик художника вместились вся Вселенная в образе России. На вас смотрят молодые, старые, юные лица, глаза всё повидавших стариков, проживших нелёгкую жизнь многотерпеливых русских женщин, не утративших красоту и доброту, невинные глаза детей, мудрые глаза священников, внимательные глаза писателей... Лицо говорит о человеке многое, если не всё. В нём прошлое, настоящее и будущее, в нём - судьба.

Своим выдающимся мастерством Павел Кривцов утверждает, что фотография есть высокое искусство и вместе - неподдельный документ эпохи», - написал Юрий Бондарев.

...Галя пришла, когда

мы заканчивали разговор о работе Павла Кривцова в составе международного жюри конкурса World Press Photo.

- Понимаешь, председатель жюри - американец. Английского я не знаю, но у меня был хороший переводчик. Понял, что идёт серьёзная игра. Кому охота ссориться с председателем жюри? Он с одним поговорит, с другим, с третьим... На голосовании в итоге все поднимают руки за его кандидатов, но каждый из членов жюри думает, что он единственный, кто выполнил «личную просьбу» председа-

Иерей Пётр и матушка Лариса ОВСЯННИКОВЫ
с дочерьми Катей и Таней

теля. Я поговорил с немкой отдельно, и мы стали выполнять «личные просьбы» друг друга...

В том году советские фотожурналисты получили три «Золотых глаза», но второй раз к работе в жюри, как полагается победителю предыдущего конкурса, Павла Кривцова не пригласили...

- Паш, а молодым ребятам надо участвовать в конкурсах различных, если всё так решается?

- Надо. Чтобы пережить правильно победу, нужен сильный дух. Чтобы пережить поражение, нужен сильный дух. Жюри никогда не бывает объективным, пожалуй, но оно всегда право. Понять своё место в сложнейшем фотографическом процессе, уединившись, молодым, как правило, не по силам. А себя искать надо обязательно. Свои темы, своё видение, свой голос обретать надо через познание себя и своих близких.

- Что тебе дал университет?

- Всё. Буквально всё. Я был бы другим, если бы не учился в университете, читал бы другие книги, встречался бы с другими людьми...

- Самое большое твоё достижение?

- Осознание того, как мало я знаю и умею.

- Как тебе сейчас работается?

- Каждую съёмку начинаю со страхом, что не смогу понять, как мне следует работать в этот раз...

Две основные фотокниги Павла Кривцова - «Русский человек. Век XX» и «Ангел вострубил», вышедшие в свет в 2003 и 2009 годах, - это выстраданный взгляд православного человека на современную фотографию, в центре внимания которой есть Человек. Близкий по духу автору, как правило. Мыслящий, созидающий, страдающий, кающийся - грешный земной человек, не наслаждающийся ни грехом своим, ни свершениями земными.

Павлу Кривцову герои его фотографий доверяют. Не покидает ощущение, что он знает о своих героях намного больше, чем это можно передать на снимке. Не «технически», разумеется, можно передать - тут возможности почти безграничны. Точнее, фото-

графии Павла Кривцова никогда не претендуют на «реальность, большую, чем жизнь» по формальным признакам, уважая право любого человека на тайну. И право зрителя в том числе. Словно автор хочет понять и рассмотреть в человеке самое лучшее, вывести своё открытие на уровень фотографического символа, чтобы пригласить затем к размышлениям об этом тех зрителей, которые тоже задумываются о своём месте на земле. Не о своём «открытии» приглашает размышлять фотохудожник и философ Павел Кривцов, но о безграничности мира, пользе добра, смирении. О тайне мироздания, которая вряд ли когда-нибудь откроется человеку. Разве могут быть у нас тайны от Бога?..

«Русский человек. Век XX» - это многолетние поиски авторской стилистики и успешное её обретение.

Вторая книга - это уникальный проект, выполненный в соавторстве с Аркадием Елфимовым, - две фотокниги о Тобольске с текстом Валентина Распутина. «Ангел вострубил» - чёрно-белые фотографии жителя Москвы Павла Кривцова. «Ангел Сибири» - полноцветные фотографии влюблённого в свой город Аркадия Елфимова. Тонкий и восхитительный рассказ о славном Тобольске...

О Кривцове можно говорить как о православном фотографе, как говорят о немногих православных композиторах, художниках, скульпторах. Можно попытаться разложить по полочкам все используемые им приёмы съёмки и печати фотографий. Можно попытаться понять, почему же метод постановки, отрицаемый уважаемым Кривцовым Картье-Брессоном, в творчестве самого Павла Павловича весьма органичен, естествен.

Ответов у каждого, размышляющего об этом, - множество. И все снимки - документальные, разумеется, если это снимки, а не компьютерное «рукоблудие». А насчёт того, что «и каждый - не правдив»? Ну, это кому как нравится. Кто-то ведь и в Бога не верит...

Алексей КОЛОСОВ

СОДЕРЖАНИЕ

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Андрей САЛЬНИКОВ. Покровское: прошлое, настоящее и **2-я стр. обл., вклейка, 2**

Бог не справедлив. Он милостив ... **2**

ПРОЗА

Дмитрий ЕРМАКОВ.

Приключение **16**

Юрий ГРИПОНКОВ. Прощай, молодость Рассказы **32**

Ольга СЕЛЕЗНЁВА. Время апреля. Хронограф **39**

Анатолий ЕХАЛОВ. Тайна чёрного монаха. Повесть для детей **49**

65 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Иван КОРОЛЁВ. Невидимый фронт за фронтом.

Документальные очерки..... **64**

ИСКУССТВО

Елизавета КОНОВАЛОВА. Русский Север и северяне в живописи Олега Бороздина **75**

Олег БОРОЗДИН.

Работы разных лет **Цв. вклейка**

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Виктор СТРЕЛЬЦОВ. Гостья из «серебряного века» **81**

Ванда БЕЛЕЦКАЯ. Портрет моего деда **165**

Лариса ИВАНОВА. «Последний раз в мире» (Вместо колыбельной).... **174**

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Станислав МИШЕНЕВ. Мир - риза нетленная (Книга рассказов)..... **86**

КРИТИКА

Андрей РУДАЛЁВ. Шифровальщик родовой памяти. 70 лет Владимиру Личутину..... **148**

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ. Вот образ Родины моей..... **152**

Василий МИШЕНЕВ. За стезжок до пурги, до мороза... **154**

Виталий СЕРКОВ. И листвою, и словами владей..... **159**

Ольга ФОКИНА.

Время летит..... **162**

МУЗЕЙНАЯ СОКРОВИЩНИЦА

Лидия МОКИЕВСКАЯ. «...И дум спасительный родник» **184**

Андрей ВОЛОВ. На воле, посреди природы. Белозерский уезд в охотничьей литературе XIX -

начала XX века **186**

ЗЕМЛЯКИ

Александр БОЧКОВ.

Вологодская модернизация. Покровитель наук Христофор

Леденцов и его дело **191**

ПУБЛИЦИСТИКА

Капитолина КОКШЕНЁВА.

Россия ждёт человекоберегающую культуру **200**

Татьяна САМСОНОВА,

Владимир ПОЛЯНСКИЙ.

До востребования.

Об удивительном писателе

Алексее Пантелееве

и его книгах **206**

НОВОЕ ИМЯ

Татьяна МАСС. Сестричка **212**

Павел ШАБАНОВ. Родина слышит,

Родина знает... **217**

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Мария САМОХВАЛОВА.

Здесь ощущаешь себя живым **221**

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ФОТОМАСТЕРА

Алексей КОЛОСОВ.

Искренность в фотографии.

Уроки Павла Кривцова **323, цв.**

вклейка, 3-я стр. обложки

На 1-й - 4-й страницах обложки - фотография Алексея КОЛОСОВА

ЛАД

Литературно-художественный журнал

Учредитель - ИМП «ФЕСТ»

ВОЛОГОДСКИЙ 2010, № 1 (17)

Главный редактор - А.К. Сальников

В 1991-1995 годах выходил под названием

«Лад. Журнал для семейного чтения».

С 2006 года - «Вологодский ЛАД»

Журнал зарегистрирован управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия по Архангельской области и Ненецкому автономному округу ПИ № ФС 3-0731 от 25.01.2008 г.

Адрес издателя: ИМП «ФЕСТ», 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

Адрес типографии: ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Адрес редакции: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3. Телефон: 8 (172) 72-55-70, e-mail: salnikov@krassever.ru

Тираж 1500 Объем 15 п.л. Формат 70х108/16. Печать офсетная.

Подписано в печать 29.03.2010 г. Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 9 час. Дата выхода в свет 9 апреля 2010 года. Заказ № 311 Свободная цена.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ИСКРЕННОСТЬ В ФОТОГРАФИИ

Работы
Павла
КРИВЦОВА

Белгород. Мать солдата -
Анастасия Прокофьевна СИДОРОВА (1978)

Молитва отца Михаила

Боевые подруги: Анна Филипповна ЧЕКРЫГИНА, Вера Степановна САФРОНОВА,
Нина Трофимовна МУРАВЕЦКАЯ (1945 - 1982)

Боевые подруги: Анна Филипповна ЧЕКРЫГИНА, Вера Степановна САФРОНОВА,
Нина Трофимовна МУРАВЕЦКАЯ (2001)

Писатель Василий БЕЛОВ у горы Афон (1994)

Аболокский мужской монастырь Монах Агапит и его воспитанники

Почтальон села Койнас Архангельской области Олег ЛАРИОНОВ (1988)

Крылья голубине... Игумен АЛИПИЙ (Князев)

